

Анна GeekyReverie

Научи меня мечтать!

Оглавление

[Вступительное слово автора](#)

[I](#)

[II](#)

[III](#)

[IV](#)

[V](#)

[VI](#)

[VII](#)

[VIII](#)

[IX](#)

[X](#)

[XI](#)

[XII](#)

[Эпилог](#)

N.B. Если вы уже прочитали основную историю, приглашаю вас ознакомиться с [рассказами](#), дополняющими ее!

Вступительное слово автора



— Вы только представьте!

— Что? — спросите вы. — Что нам надо представить?

И будете правы. Мне стоит быть конкретнее.

Поэтому я отвечу:

— Да все, что вам в данный момент любо-дорого!

Кто-то увидит любимого человека, кто-то — любимую вафельку к чаю, кто-то — любимую книгу, а кто-то... кто-то скажет: «Не люблю размытых предложений! Ничего представлять не хочу!»

Но подумайте, не чудо ли это! Не чудо ли иметь возможность в любой момент времени увидеть желанного друга, получить желанную вещь или оказаться в желанном месте! Конечно, все это будет носить лишь временный и очень эфемерный характер и помещаться только в вашей голове (пространство которой, впрочем, может показаться безграничным), но все-таки вы это переживете и, если постараетесь и представите все как следует, даже почувствуете положительные эмоции. Возможно, именно в мечтах мы чувствуем себя по-настоящему свободными, ведь единственным ограничением является лишь наша собственная возможность фантазировать. Даже бедняк может оказаться поистине богатым.

Грустно, если среди читателей найдутся такие, первым вопросом которых будет не «что?», а «зачем?».

Анна GeekyReverie “Научи меня мечтать!”

— Зачем мечтать и что-то представлять? — могут спросить они. — То, что есть только в мечтах, так там и останется. Нужно действовать. Если же человек серьезно видит вокруг себя различные вымышленные им предметы, то это приведет к беде.

И будут правы. Это крайность, а крайности до добра не доводят.

Но не является ли полное отрицание мечтательности и признание ее совершенной бесполезности другой крайностью?

Моя книга как раз об этом — как важно уметь правильно распоряжаться неиссякаемыми дарами воображения!

А теперь представьте, что существует во Вселенной место, где люди, если бы книга с таким призывом попала к ним в руки, спросили бы: «Как?»



— Заседание Клуба любителей Земли объявляется открытым! — звонко почти пропела Шерри и не менее звонко стукнула маленьким молоточком по столу. Это она недавно углядела своими зелеными глазами в одном земном комиксе.

Ох, и повезло же ей! Такие зеленые!

Подумать только! Много ли на свете людей с зелеными глазами! Вот у Элроя, например, глаза были как у всех — карие. И ничего больше. К тому же — крохотные сами по себе, так что вряд ли вы вообще смогли бы определить, какого они цвета. Впрочем, кому это надо, если всем известно, что глазам положено быть карими? Равно как и волосам — коричневыми, одежде — в коричневых тонах, столу — коричневым, молоточку... да, и даже молоточку, такому маленькому и забавному, — коричневым. Многое в жизни было коричневым. И даже небо — в некотором роде коричневатым.

И только у Шерри глаза были какого-то вопиющего против всех установленных правил, глубокого зеленого-презеленого, как сочная летняя земная трава¹, цвета...

И как так получилось?

Особо впечатлительные личности, завидев Шерри в первый раз, ахали, что вообще было для них невиданной роскошью, ибо даже новости о последних

¹ Видели в комиксах.

усовершенствованиях в области офисных канцелярских товаров не могли заставить их хотя бы на миллиметр искривить свои губы в улыбке. Они скупались на чувства.

Но нет! Шерри удавалось вызывать невозможные реакции одним только видом! Можно подумать, они испытывали те же чувства, что земные люди, завидевшие клыкастого вампира².

А Элрою нравились Шеррины глаза! И даже очень! Пусть остальные думают, что хотят, ему все равно!

Именно Шерри открыла ему давным-давно, что на Земле существуют и черноглазые, и сероглазые, и, наконец, синеглазые люди, а волосы у них — нет! это же надо! — могут быть желтыми, рыжими, черными... «В одном японском комиксе видела даже зеленые и розовые», — таинственно прошептала раз как-то Шерри.

Нет, ему не нужны были розовые волосы! Вот те, что на Земле считаются в порядке вещей, — скажем, желтые, — вот их он бы очень хотел увидеть.

А волосы у Шерри, кстати сказать, были обычными — то бишь коричневыми.

Они определенно видели мало комиксов, так как им ни разу не попались ни линзы, ни парики, ни краски для волос. Представьте только, что случилось бы с «ахающими» господами, если бы наши заседатели надумали ими воспользоваться!

Все это было не нужно — кто ж не знает, что давным-давно были изобретены специальные бальзамы против облысения³, а зрение достаточно подкорректировать лишь раз (при помощи одного простенького укола), чтобы оно до конца жизни сохраняло свою остроту?

Ну зачем тут линзы, сами посудите? Никому в голову подобная глупость и не могла прийти! А уж делать линзы просто чтобы поменять цвет глаз? Ха-ха, это уже катастрофическая глупость, на которую никто, и даже Элрой, не удосужился потратить время, чтобы сочинить.

Впрочем, волосы у Элроя были редкого фиолетового оттенка коричневого, это ему очень льстило, и этого было вполне достаточно.

Они с Шерри были лучшими друзьями.

И единственными членами Клуба любителей Земли.

— Элрой, согласен вести протокол? — спросила Шерри (между тем заседание началось!) — Отлично. Сейчас я зачитаю Постановление о порядке вступления в Клуб новых членов. Для вступления в Клуб любителей Земли (далее просто Клуб) нужно...

Ох, как же ей повезло! Да не только с глазами! Казалось, Шерри рождена была для чего-нибудь совершенно особенного и невероятного, настолько невероятного, что и представить даже страшно. Казалось, ей свыше было предназначено изменить мир — и говорил об этом не только цвет глаз, хотя и его уже можно было назвать первым ее неосознанным шагом к преобразованиям. Она же, ко всему прочему, была из тех, кто шагал совершенно осознанно и, более того, уверенно — настолько, будто действительно видела перед собой свой единственно верный путь, и за короткие 10 лет жизни уже успела кое-чего добиться. Пусть остальные так пока не считают. Элрой же в этом не сомневался.

² Видели в комиксах.

³ Впрочем, некоторые упертые личности демонстративно отказывались ими пользоваться. Им, вероятно, казалось, что лысина — признак мудрости. Или, может, просто не хотелось лишний раз тратить время на расчесывание волос... да мало ли что?

Она смогла полностью изменить его внутренний мир — много это, мало, мир одного человека? Есть такие люди, встречи с которыми круто меняют всю твою жизнь. Так, что потом даже не верится, что когда-то тебе удавалось жить спокойно и без них — совсем ничего о них не знать и даже не переживать, что ты ничего о них не знаешь. Потому что не знаешь...

Но вдруг — первая встреча, знакомство, завязка разговора... и ты уже на крючке!

Общение с ними становится необходимо тебе как воздух! И Шерри, по мнению Элроя, была одним из таких людей-магнитов, притягивающих к себе и очаровывающих. Малопонятно, как это остальные не замечали? Их отталкивал цвет ее глаз, и ее считали немного чудной. Возможно, все идеи ее также показались бы им чудными... а вдруг нет? Неизвестно, потому что они не удосужились хотя бы раз попросить ее поделиться ими. Впрочем, Шерри никогда не была закрытой, и вам даже необязательно было просить ее что-нибудь интересненькое рассказать — достаточно было прислушаться. Но никто не пытался. Наверно, не хотел.

Однако она была много больше, чем просто магнит, — она была настоящим источником энергии, с ней малыш Элрой всегда ощущал себя увереннее и даже, что было самым замечательным, особеннее. Он никогда не считал себя невероятным — если бы вы посмотрели на него со стороны, вы бы сказали о нем всем то же точно, что уже успели сказать о его глазах в отдельности: «Ничего особенного!».

Понятие о невероятном прочно ассоциировалось у него с Шерри. И Землей. О которой она ему рассказала. Никто больше никогда не рассказывал о Земле.

Шерри же занималась этим с большущим удовольствием, и когда Элрой слушал, ему казалось, что в данный момент он светится от той самой особенности, которая исходила от Шерри и ее рассказов, точно так же, как светится та далекая Луна, отражающая солнечные лучи.

Ах, он не знал, как рассказать о Шерри и о Земле: с чего начать, как не сбиться, как выразить все свои чувства словами!

Он трепетал при мысли о Земле. Казалось, все там другое. Другие дома, другие люди, другая жизнь.

Главным источником информации для них были комиксы. Представьте себе, земные люди их ПРИДУМЫВАЛИ! Нет, Шерри с Элроем тщетно пытались понять, как это — придумать! Да, даже Шерри! Даже она не умела придумывать! И даже родители Шерри, занимавшиеся исследованием Земли⁴, тоже не могли ответить — как это. А раз уж они не могли ответить, то никто не мог.

Они просто знали: есть такое слово — придумывать. Есть такие люди, которые умеют придумывать. Эти существа с — еще одно удивительное слово! — ВООБРАЖЕНИЕМ — казались им почти мифическими героями. Все равно, как если бы они умели летать, или читать мысли, или предсказывать будущее, или проходить сквозь стены⁵.

Основным занятием замечательного Клуба любителей Земли было обсуждение увиденного и попытки определить, что тут правда, а что — продукт этого расчудесного воображения. Ох, как сложно по комиксам воссоздать реальную картину быта землян! Пытаться попробовать вообразить что-то самим — об этом они и думать не смели.

⁴ Единственные земные исследователи на этом коричневом свете!

⁵ Видели в комиксах.

Всегда хотелось и очень! Но не получалось. Действие это носило для них почти сакральный характер. И даже особенная Шерри (не говоря уже об обычном Элрое) вынуждена была признавать свои неудачи на этом поприще.

Они оперировали знаниями. И жадно хватали земные идеи.

Сложно быть изобретателем, когда все, что нужно, уже изобретено. Сложно быть исследователем, когда все, что требуется, уже исследовано.

Одна тяготела к изобретательству, второй жаждал стать исследователем.

Земля же была для них неиссякаемым источником идей и безграничным полем для исследования.

А, к тому же, если на Земле есть люди, изобретающие и исследующие (пусть с практической точки зрения многие их занятия покажутся совершенно бесполезными) и получающие от этого удовольствие, то чем хуже наши края?

Тыньж, конечно, — это вам не Земля, но тоже планета, родная. И странно даже, почему же тыньждиане утратили все труды, связанные с описанием собственной планеты. Шерри рассказала, что когда-то таких исследований проводилось немало — люди искали природные запасы топлива, но затем — когда нашелся более дешевый источник энергии (космического происхождения) — все разработки сошли на нет.

Им с Шерри это казалось неправильным, и иногда они даже предпринимали маленькие исследовательские экспедиции.

А, кроме того, Элрой пробовал ловить и фотографировать бабочек. Потом он их, конечно, отпускал. Шерри подарила ему особый сачок, сетка которого была сделана из специально изобретенного ею материала, который не наносил никакого вреда крыльям пойманных бабочек.

Все свои фотографии он складывал в альбомчик в особом порядке, в соответствии с выработанной им классификацией, а затем старательно занимался описанием — особенно нравились ему узоры на их крылышках.

Конечно, сам бы он не додумался до подобного! Видел в комиксах... но больше всего его поразила коротенькая статья в одном земном журнале, где рассказывалось о землянине, который занимался примерно тем же и собирал свою коллекцию узоров на крылышках мотыльков. Элрою особенно нравился ее подзаголовок: «Под их заурадной внешностью проступает хрупкая красота». И хотя он никогда не мог понять, почему их внешность называли «заурадной», словосочетание «хрупкая красота» его очень трогало.

Он мог любоваться ими часами. Мы-то знаем, что это достаточно бесполезное занятие — от него не увеличится производительность, не появятся рабочие места, товар лучше не продается. Одним словом, бессмысленное, ненужное занятие, которым никто больше заниматься не стал бы. Некому было открыть ему глаза, и он продолжал этим заниматься. И был даже, ха-ха, вполне счастлив.

Ну вот объясните ему!

С Шерри все было еще запущеннее.

Пожалуй, самое удивительное, что в ней было, — это ее талант изобретать. Кажется, ничего невозможного для нее в принципе не существовало. Единственным ограничением была неспособность Шерри самой выдумывать совершенно новые изобретения. Она могла делать их только по указке, исходящей все от тех же земных комиксов. Зато исполнителем задумок тех далеких земных людей она была превосходным.

А кстати! Родители ее как раз занимались созданием устройства, позволяющего считывать земные видеокассеты (и тут же переводить их на тыньчжианский) — так что скоро круг ее «вдохновителей» бы расширился.

Тут стоит отметить, что Шерри везло комплексно — во всем и сразу. У нее был талант, и у нее была мощная поддержка за спиной.

Шеррины родители были премилыми и понимающими людьми, что само по себе является достаточной редкостью. Своим родителям Элрой предпочитал не рассказывать о Клубе. А вот Шеррина семья, как по заказу, всеми силами способствовала его процветанию⁶ и регулярно снабжала членов новыми материалами и информацией (но им, конечно, всегда было мало!).

Однако, даже самые хорошие качества, доведенные до предела, вредны: родители Шерри были чересчур увлечены своей работой, так что времени на единственную дочь у них оставалось немного. Не сказать, чтобы на Земле это было редкой ситуацией, в каждом втором комиксе попадались такие же семьи... да что там на Земле — и Элроевы родители больше времени уделяли своей офисной работе и хобби (сбору типографских шрифтов и бумаги, если вдруг вы заинтересовались), чем ему самому.

Но одно дело увлекаться офисной бумагой, а совсем другое — увлекаться земными полетами мысли — их фантазии же такие летучие! — и полетами за ними — прямо к Земле! Увлеченность эта (особого рода), наверно, была написана на всем их роду, потому что Шерри ничего не стоило прогуливать школу, проводя целые дни в родительской лаборатории. Естественно, только когда они бывали в отъездах, — то есть тайно.

Если бы только родители знали об этом! Нет, они знали, но, как оно всегда и бывает, лишь о самой вершине айсберга.

Они представляли, что дочь их обладает редким даром изобретать, проявившимся еще в первые годы жизни. Поэтому они оборудовали ей детскую мини-лабораторию и никогда не скупилась на различные материалы для безобидных попыток сконструировать, скажем, вулканчик, какие делали все земные дети в комиксах для научных ярмарок. Если бы они беседовали с Шерри чаще, они бы поняли, что она уже давно преодолела самый высокий и самый извергучий из вулканов, а попросту говоря — ушла куда как дальше и может создать, возможно, куда как больше, чем они, взрослые люди. Несколько раз она порывалась им это доказать, но такие увлеченные и занятые люди разве ж дадут хоть какой-нибудь шанс? По их мнению, Шеррины амбиции простирались значительно дальше, чем ее умение быть дальновидной и предполагать возможные результаты от использования собственных изобретений. Если бы еще только они знали, что ее способности вполне соответствуют амбициям, то, наверно, постарались бы защитить свою лабораторию получше. До тех пор, пока дальновидность ее и ответственность не нагонят убежавшие вперед умные способные мозги.

Пока же она упорно воссоздавала одну земную вещицу в счастливой наивности, что та принесет только хорошее, просто потому, что ей так хотелось, и совершенно не думала, а что же все-таки может случиться потом...

⁶ А если пуститься к истокам, то станет ясно, что именно от родителей Шерри и набралась своей любви к Земле, а от нее уже и Элрой.

Сегодня как раз был тот самый день, тот самый чудесный день, когда... Но нет-нет-нет, нельзя так сразу! А как же порядок? Нет, все по правилам. К тому же, ей хотелось еще чуть-чуть оттянуть сей торжественный момент, к которому она так долго шла. В предвкушении есть половина удовольствия.

Сначала порядок вступления. Затем повестка дня.

— Сегодня у нас праздник! Клубу исполняется три года! Хочу поздравить всех его замечательных членов! — Шерри важно оглядела практически пустой стол и не менее важно подмигнула Элрою — попробуйте, получится ли у вас важно подмигнуть? Она все могла. — За это время было исследовано 35 комиксов и 98 земных вещей!

С особой гордостью и удовольствием сообщая, что мне удалось достать еще 2 земных артефакта, которые мы сегодня и обсудим. Я очень рада, что эти невероятные и изумительные вещи попали к нам именно на юбилейное заседание! Уверена, оно войдет в историю не только как юбилейное — хотя бы потому, что такой прелести мы давно уже не разглядывали!

Шерри сама была прелестью, столько в ней было счастья.

— Первое! — пафос растаял стремительно — от горячего восторга, охватившего ее. — Только погляди!

Шерри вытащила немного помятую коробочку.

Когда вы привыкнете к ярким цветам, то увидите, что на коробочке изображена счастливая девочка, вокруг которой собралась целая стая уток. В руке у девочки тоже утка — только желтая.

И, конечно, если напрячь немного память на слова и не забыть, что земные тексты читать следует слева-направо, то через полминуты после всего этого вы сможете понять, что там написано: «Поговори с уточкой!».

Она дала Элрою время разглядеть все это цветное великолепие.

— А теперь смотри, что внутри!

Шерри достала ослепительную, как солнечный зайчик, желтую уточку! Резиновую, пищащую (если ее сжать) и премилую!

Элрой восхищенно открыл рот. Он никогда раньше не видел таких уток.

— Утиный коммуникатор! — торжественно провозгласила Шерри. — Что еще это может быть? Картинка и подпись говорят сами за себя! Устройство помогает им общаться с утками.

Элрой восхищенно вывел в протоколе: «Утиный коммуникатор. Резиновый. Пищащий. Желтый»

Его природная любознательность мигом заглушила все остальное:

— И как он работает? Он работает вообще?

— В том-то и вопрос. Не могу проверить — на наших уток он не подействовал. Скорее всего, он может работать только с земными, но как знать? По крайней мере, сам коммуникатор выглядит как новенький. Я внимательно разглядела его со всех сторон, даже через синхро-лучи пропустила — и не обнаружила никаких деформаций.

Странно, да? Помнишь, папа говорил, земные вещи, случается, выходят бракованными — как жаль! Нам теперь остается только верить, что с коммуникатором все в порядке. Раз уж проверить нельзя. А знаешь почему?

Просто поразительно! Ведь я так и не смогла разобраться в том, как он работает! На каких законах, почему? Почему звук, издаваемый резиной, может заставлять людей понимать уток? Где тот самый кодировщик? Или у землян есть какое-то удивительное

свойство мозга, позволяющее им реагировать именно на такой звук и понимать уток даже без кодировщика? Впрочем, это очень маловероятно, и я верю, что в данном устройстве они просто очень хорошо его спрятали. Даже наши вещи, считающиеся куда как технологичнее земных, сделаны не так изящно! Ты всегда сможешь найти в них основные механизмы и схемы. А тут — ну нет их! Даже протестировать не могу! Сколько вопросов у нас остается — какое поле для исследования! Попасть бы только на Землю, да увидеть его в действии!

Элрой завороченно любовался коммуникатором. Подумать только — выглядит очень просто. А вещь, очевидно, обладающая большим потенциалом. Эти вещи, привезенные прямо с Земли, — что посланцы из другого мира. Так и хочется взять их в руки, потрогать — это все равно, что прикоснуться к сказке. Вы знаете, что такое сказка? Это как раз то, что люди выдумывают, задействуя свое воображение. Что может быть прекраснее сказки?

А еще есть фантастика — это тоже что-то вроде сказки, только, кажется, научнее. По крайней мере, к подобному выводу они пришли на 15-м заседании⁷. Фантастика стала очень ходовым словом в их кругах. В ней было одновременно что-то и из научного, и из воображенного...

— Фантастика! — в очередной раз сказал Элрой. Он говорил так чуть ли не на каждую вещицу, притащенную Шерри. Бывает так. Хочется сказать что-то осмысленнее, оригинальнее и новее, что сможет лучше передать твои чувства... а выходит только совсем уж замученная одинокая «фантастика».

— Фантастика! — подтвердила Шерри. Как ей так удавалось? Ее «фантастика» звучала каждый раз как в первый, полнее и ярче, и никогда Элрою не надоедала.

И вот наконец! Наконец! Наконец! Тот самый долгожданный момент!

Шерри молча и очень торжественно достала вторую «невероятную и изумительную» по определению, данному ею же выше, вещь.

Невероятная? Изумительная? Фантастическая? Лучше! Лучше!

Элрой позабыл все слова на свете и молча лицезрел то чудо, которое так внезапно возникло перед ним и полностью ошеломило его.

Оно выглядело очень просто — два овала со стеклышками, соединенные между собой, — и при этом непостижимо маняще и притягательно. Сомнений быть не могло: самое настоящее чудо! На этом самом обыкновенном коричневом свете.

Что делало его таким НАСТОЛЬКО чудесным? Внушительная и более чем крепкая на вид черная оправа? Изящно изогнутые дужки? Или же эти ровные плоские стеклышки, мирно покоящиеся в массивной оправе? Все, все сразу! Элрой не мог ничего объяснить, да и к чему пытаться, зачем еще причины, если ты твердо знаешь: они прекрасны! — и этого вполне достаточно!

Это была 100-я земная вещь, попавшая в клуб. Элрой позабыл все предшествовавшие ей 99. Не было больше уточек, не было жвачки, не было даже глобуса и фломастеров — все затмила она.

Шерри продолжала торжественно молчать, предоставив ему время прийти в себя.

— О... очки? — наконец выговорил он. И все, что ему удалось на этот раз.

— Самые настоящие, прямо с Земли! Просто классика!

⁷ Элрой хорошо его помнил. У него вообще память была очень неплохой.

Очки! Классика! Земля! Слова мешались у него в голове и превращались в один большой комок...

Он вдруг ощутил настолько ясно и отчетливо, что ему стало не по себе, одно единственное чувство, перекрывшее разом остальные. Он страстно желал, чтобы очки эти принадлежали ему.

Какая откровенная наглость! Страшно было взглянуть на них, благоговейный трепет вызвала мысль о том, чтобы примерить... и при этом желание надеть и не снимать, как яд вливалось в его мысли и растворяло все благоговейное почтение и страх.

Все вещи, которые Шерри приносила в Клуб, были собственностью Клуба, коллективной. Разве ему этого мало? Что такого, если Шерри тоже иногда будет надевать очки? Что такого, что на ночь их надо будет оставлять в ящичке с остальными земными штучками? А утром можно будет прийти и взять их опять...

Больно даже представить! Можно ли равнять ИХ с остальными вещами?

И вот перед ним Шерри. Ей, конечно, нравятся эти очки, по ней прекрасно видно. Да, но она никогда ничего не оставляла для себя. А он... И какое только он имеет право указывать ей: «Подари их мне!».

«Одумайся! Как ты только смеешь? Это всего лишь вещь... Земная, да, но лишь вещь», — уверял он себя.

Но ведь... ведь... кажется, никто, никто — и даже Шерри! — не сможет оценить всю ИХ прелесть и все великолепие. Так, как тебе, Элрой, никому больше не захочется их иметь и ими пользоваться. Они же прямо созданы для тебя!

Если бы только Шерри увидела и поняла это так же ясно, как понимал он. Если бы только... если бы...

Мысль его замкнулась в этом круге, надежда мешалась с отчаянием, он решительно не понимал, что с ним происходит и почему. Раньше он никогда не позволял себе такой дерзкой наглости, да и поводов не возникало. Не бывало у него никогда такого сильного стремления присвоить себе земную вещь. Что не так на этот раз?

Наконец смирение, пришедшее за отчаянием, взяло вверх.

Он примолк и ждал. Что будет?

Сейчас Шерри, наверно, начнет рассказывать о том, зачем очки нужны. А потом, конечно, она первая их примерит. А затем даст Элрою... он будет вторым. Только. Как и всегда. На что он надеется?

Оценив вероятность того, что Элрой еще что-нибудь скажет, Шерри начала, как и положено, со вступительного слова:

— Да, это самые настоящие земные очки. Для чего они используются? Точно никто не знает. Судя по всему, цели ношения очков — самые разные. Это можно сказать по различному внешнему виду очков и по тому, что носит их достаточно большое количество людей. Очевидно, есть очки, используемые в качестве украшения, есть очки, защищающие их глаза от яркого света или ветра... Но эти очки явно относятся к другому типу. Мы видели в комиксах немало людей, которые носят их постоянно. Зачем и для чего? Мои наблюдения и подсчеты подсказали мне один ответ, который, если не будет возражений, придется пока принять на веру.

Очки делают их умнее. Это как источник знания. Смотри, все ученые всегда в очках. Все умные ребята в очках. Кларк Кент был в очках и всегда вел себя разумнее,

чем Супермен. И только в очках он писал свои статьи в Дэйли Плэнет. Я просчитала все эти явления людей в очках и степени их знаний, корреляция получилась почти единичная. Одно зависит от другого.

Все это Шерри говорила для формальности. Они и раньше уже пытались понять природу очков и обсудить их функции. И она знала, что Элрою такие всегда хотелось.

— Но эти очки, к моему величайшему сожалению, оказались неисправными. Тесты показали, что стекла их всего лишь зачем-то искривляли пространство — в случае если ты будешь смотреть прямо через них.

Это было ударом для Элроя. Такие замечательные — и неисправные?

— Но, — Шерри явно не закончила и хитро заулыбалась, — я решила, что стоит попытаться их исправить. Попробовать хотя бы. Несколько месяцев упорного труда вкупе с моими прошлыми наработками — и ву-ля! Тесты — я провела их немало — обещают совершенно нормальное рабочее состояние. И сегодня мы наконец проверим их в действии!

Какая же она все-таки умничка! Так вот почему она секретилась и так старательно прятала от него чертежи временами! Так вот почему собраний в последнее время было меньше! Как он мог быть таким дубоголовым и не догадаться, что тут что-то есть?.. Она старалась успеть к торжественному юбилейному заседанию, старалась сделать его особенным!

— Так чего же ты ждешь? — нетерпеливо спросила Шерри, как и любой изобретатель, который ждал, быть может, 148 дней до момента представления своего проекта, но для которого потом каждые 10 секунд становятся смертельной мукой ожидания.

— Чего же ты ждешь? — машинально переспросил Элрой. — Я? Ты хочешь сказать?..

— Ну разумеется ты! С удовольствием предлагаю тебе войти в историю первым человеком, который носил очки! Разумеется, после их земного обладателя... да что там? Ты же знаешь — кто первый их примерит, на того они и настроятся. Это же почти как зубная щетка! Совершенно индивидуальный предмет.

Волна сентиментальных чувств охватила Элроя с ног до головы — он растрогался точно нюня...

Шерри! Потрясающая, необыкновенная Шерри...

— ...чинила их несколько месяцев... для меня? — ему все еще не верилось⁸.

Он восхищенно поглядел на подругу. О, неужели существует подарок прекраснее, чем эти очки?! Быть такого не может!

Он ощутил жар — раскаяние обдало его. И как он мог несколько минут назад подумать такое, как он мог думать то, что думал? Шерри с легким сердцем отдавала ему лучшую вещь на свете, а он думал такое!

Она улыбалась ему радостно и беззаботно, а ему становилось все тяжелее, хотя он знал, что уж что-то, а мысли читать она пока не научилась. И что те позорные собственнические чувства он навсегда сможет оставить при себе.

— Ты сможешь носить их столько, сколько душе угодно, как самый обычный земной человек. Ты сейчас получишь от них много новых знаний — куда как больше, чем знаю я, и ты сейчас, чем знают мама с папой, чем знает весь наш город... только

⁸ И он забыл сказать «Спасибо!», будем ехидны.

подумай, какой настанет расцвет для Клуба! Невероятно! Для меня загадкой остается, почему же у нас никто не попытался изобрести очки? Это же так просто. И так эффективно. И... и... и пусть, глядя на их крепкую оправу, мы всегда будем помнить о том, как крепка наша дружба и вера в силу воображения земных людей, пусть будет только сильнее наша надежда научиться мечтать, пусть стеклышки укажут нам путь к необходимым знаниям и пусть эти знания будут работать на благо Клуба и способствовать его процветанию... не могу больше ждать! Да надевай же уже, давай!

Элрой вдруг стало страшно. Теперь, когда он знал, что очки точно принадлежат ему, им вдруг завладело беспокойство и желание как-нибудь еще оттянуть то, что стоило сделать. Что-то в них было... недоброе. Все эти странные мысли, посетившие его вначале — неправильно как-то. Земная вещь, классика, исправно работает — ну что может быть страшного? Да вот и Шерри ждет. Чего он испугался? И ведь ему хочется. Хочется-хочется-хочется, на самом деле! Откуда сомнения? Зачем сомнения? Зачем сдерживаться?

И он их надел.

Уши его опустились под тяжестью дужек, он ощутил прикосновение прекрасной холодноватой оправы на переносице, глубоко вздохнул, сосредоточился и... и... и... и что?

Все было тихо. Только уши немного побаливали от внезапно появившейся тяжести. Никаких тебе ощущений переполнения мозгов знаниями, никаких желаний выкрикнуть «Эврика!», ну просто вот ничего подобного!

Шерри не выражала никаких признаков тревоги, а ведь еще изобретательница! Улыбалась, как и всегда:

— А тебе необыкновенно идет! Великоваты, правда, но через несколько годиков будут в самый раз! Ты просто обязан взглянуть на себя! Куда же я подевала зеркало, а?

Нет, вы подумайте, вместо того, чтобы спросить, что Элрой чувствует, она думала о красоте. И преспокойно рылась в ящиках стола.

— В верхнем крайнем оно! — раздраженно буркнул Элрой.

Он ожидал другого! Все должно было быть помпезнее и торжественнее, как обычно происходит во всех комиксах, когда герой вдруг открывает в себе новые силы! Исторический же момент, как ни крути!

Впрочем, сейчас Шерри достанет ему зеркальце, и он по крайней мере удостоверится, что очки на его лице — это именно та необходимая вещь, которую он не будет снимать никогда.

Так он для себя уже успел решить. Не работают? Все равно прекрасны! Уши? Привыкнут, ничего им не будет...

Но Шерри не дала ему никакого зеркала. Вместо этого она подскочила к нему с восторженным и ни на что не похожим «Ага!».

— О чем ты? Они же не работают! — не выдержал Элрой.

— Совершенно напрасно ты так говоришь. Только что я лично убедилась в обратном!

— Не может быть! Я ничего не чувствую! Как в той андерсеновской сказке, где бедного короля уверяли, будто ему платье очень идет, а на нем вообще не было никакой одежды. Я же не такой дурак... но подожди, подожди, я не то хотел сказать! Ты

не обижайся только! Они были мошенниками, и при чем тут ты? Сам иногда не понимаю, что говорю и зачем говорю...

— И не думаю. Ты только что пересказал мне вкратце сюжет земной сказки, о которой я раньше и понятия не имела! Спасибо!

— Чего? Что? Как? Ты не знала о «Новом платье короля»?

— Мы же никогда о ней не слышали раньше!

— Действительно! Но как так? Я-то знал! Подожди-ка! И мы что, совсем не читали земных книг? Как можно было только додуматься ограничиться комикс... Эй-эй-эй, я не о том!

«Стоять! — мысленно прикрикнул Элрой. — Соберись. Что творится? Все прыгает в голове и мешается в кучу, стоит только о чем-то подумать. С чего все началось?»

— Как это получилось? Как они все-таки работают? — спросил он себя. И все сразу понял.

— Ох ты, ну ничего себе! Ну Шерри! Ну ты просто гений! Слов нет!

Шерри зарделась.

— Я понимаю, ты все уже знаешь, но мне было бы все-таки интересно послушать, что именно они могут. А вдруг что-то все же не так, как задумывалось? Контрольная проверка!

— Эти очки дают только самую правдивую и объективную информацию о состоянии материального мира и имеют доступ ко всем (неужели правда ВСЕМ! Правда! О Боже! Невероятно!) накопленным за многие годы великими (и не очень) умами знаниям. Мысли просто появляются в голове, стоит лишь подумать о том, что требуется, и, что самое замечательное, я даже не чувствую, какие из знаний принадлежали мне раньше без очков, а какие дали мне они. Все на редкость естественно, и знания от очков никак не отличаются от обычных. Они приходят ко мне точно так же, как воспоминания. Все как бы сразу в предсознании, но голова совсем не пухнет. Если сказать совсем кратко, то сейчас я нахожусь в состоянии «Я не знаю, что знаю» — и это «знаю» не только подается при помощи очков, что само по себе замечательно, но подается именно в тот момент, когда оно нужно!

А вот дать информацию о том, что думают и планируют другие, какие эмоции испытывают, что будет в будущем — это уже за возможностями очков. Но я бы, наверно, сошел с ума, если б мог еще и в чужие головы залезать! Мне хватает просто плавающих по свету знаний и чьих-нибудь высказываний! Куда уж больше? Шерри! Ты просто гений! Спасибо тебе! Огромное спасибо!

Чувства переполняли его! Он совсем потерял голову! Мысли отплясывали сумасшедший танец, сменяя друг друга! Никогда еще ничего подобного с ним не происходило!

Торжество разливалось по венам! Сколько всего! Сколько всего! Сколько всего он знает!

Сколько же бабочек он успел сфотографировать, разглядеть и описать прежде, чем узнал, что занятие это называется лепидоптерологией! И сам он, оказывается, когда-нибудь сможет гордо называть себя не кем-то там, а лепидоптерологом! Как важно это звучит! Как красиво это звучит! Да что уж там звучит! А о существовании скольких бабочек он и понятия не имел! Да ведь их гораздо больше, чем он мог бы

предположить! Теперь он знает, где их искать, как они выглядят, сколько живут...
Теперь он знает о них все!

Сколько на Земле было мест (таинственных и не очень, известных и Богом забытых — самых разных), которые он так хотел посетить — теперь он знает о них все! Вплоть до того, сколько блестящих сосулес свисало этой зимой с крыши одного московского домика на Китай-городе или сколько огней горит во всем Лас-Вегасе прямо сейчас.

Сколько на свете было комиксов, которые он желал когда-то посмотреть — и теперь они все его! Их куда как больше, чем он когда-то предполагал! И теперь он все о них знает! При желании сможет сказать, как каждый из них закончился, сколько раз губили и воскрешали какого-нибудь супергероя и сколько потратили чернил на плащ Человека-летучую мышь в выпуске номер 7 за 1968 год.

А фильмы! То самое, что только готовились преподнести им родители Шерри! О, фильмы-фильмы-фильмы!

А уж сколько на Земле имеется книг! Художественной литературы, о которой они с Шерри никогда не думали, потому что пытаться переводить слова в картинки в голове всегда было для них достаточно сложным занятием, не говоря уже о том, что из всех земных языков они знали весьма на любительском уровне лишь английский.

Теперь Элрой смог бы процитировать ей любую книгу на языке оригинала и перевести ее на родной язык!

Или, например, поведать ей, что такое мультфильм! И рассказать, не дожидаясь ее родителей, что такое видеокассета и как она работает!

Да-да-да! Ему наконец будет о чем рассказать Шерри! О чем-нибудь совершенно особенном, о чем она и понятия не имела... Всегда было наоборот — он только слушал — и вот — его время наконец настало! Уж он отблагодарит Шерри за такой подарок! Расскажет ей все, что только она пожелает. И даже больше!

Вдруг!

Вдруг... разочарование.

Острое, как нож. Но ранящее даже больнее — потому как самое нежное. Самую душу.

Как мало она знает.

Как сильно они заблуждались.

Какую бесполезную работу проделывали.

Все не так, все не так.

А хуже всего было то, что все те знания, что он получил сейчас, — они не вызывали у него никаких чувств. Они были знаниями и ничего больше. Зачем только ему все это знать, если он ничего не может вообразить и ничего не может прочувствовать? Это все равно, что прочесть подробное описание полета бабочек — вот там было три шоколадницы, а вот там порхала лимонница — но так и не увидеть сам полет. А только знать о нем.

Теперь он знает все. И что дальше? Что делать ему дальше?

Раньше, когда они с Шерри внимательно разглядывали каждую вещь, он будто бы чувствовал ее. Он мог не знать, что же это такое, но ему было так интересно!

Теперь он все знал, и знания эти убивали всякий интерес.

Ему больше уже ничего не хотелось. И не хотелось признавать, что все, чем занимался Клуб, было лишь построением туманных глупых однобоких догадок на ограниченном наборе фактов.

Он весь поник.

Но ведь... не к этому ли они стремились? К знаниям? Не этого ли ему хотелось? Быть совершенно особенным⁹? Не прекрасные ли очки покоились на переносице? Он все получил, что хотел.

И был как будто недоволен.

Шерри являлась свидетельницей отразившегося на его лице напряжения, медленно переходящего в тоску. Она знала: главное сейчас — дать ему успокоиться и расслабиться.

— Элрой, я понимаю, тебе должно быть очень тяжело сейчас, но уверена, что ты скоро привыкнешь! Главное для начала — успокойся. Никто не заставляет тебя носить их постоянно — с первой примерки и не снимая. А если вдруг они тебе совсем не нравятся, уберем их навсегда и не страшно! Ох, я, наверно, несколько переборщила с объемом знаний, который они способны дать. Пожалуй, земные люди строго дозируют объемы знаний, которые можно получать... хотя и не представляю, правда, как им это удастся, но наверно так?..

— Они вообще ничего не дозируют.

— То есть они, как и ты, тоже знают сразу все на свете? Они же используют их для получения знаний?

Элрой внимательно посмотрел на Шерри сквозь линзы очков.

Подумать только! Шерри, как ему всегда казалось, могла все.

В том числе, как он сегодня узнал, и ошибаться.

Шерри ошиблась! Что может быть ужаснее? Так глупо и жестоко ошиблась.

Так обидно ошиблась сегодня! И даже с двумя вещами. На прошлом заседании она тоже ошиблась. И на позапрошлом. О Боже, она почти на половине заседаний в чем-нибудь, да ошибалась! И он вместе с ней.

Но поглядите только — она и не догадывается! Довольна, что изобретение ее функционирует так, как задумывалось, с некоторой тенью сомнения от последних его слов, но, разумеется, достаточно уверена. И как ей только сказать?..

Шерри ждала, Элрой подбирал слова и вдруг просто задохнулся от нахлынувшей досады. Так нечестно! Ну подумайте! Она ошиблась, так мало того, что от ошибки в большей степени пострадал он сам, ему же теперь еще надо мучиться и голову ломать, как ей об этом сказать! Нечего сказать, хорошо получилось! К чему уж теперь всякие условности и глупые отговорки! Пусть будет как есть!

— Они их носят вовсе не из-за знаний, а потому, что у них плохое зрение! Да, они до сих пор еще не смогли справиться с этой болезнью и ПОЭТОМУ вынуждены носить очки! Вот так все просто! И обыденно! Ничего они не умные, это просто клише, основанное на их стереотипных представлениях! Знаешь, что такое клише? Это такие общепринятые представления, модели и шаблоны, которые многие из них используют в работе как трафаретки! Они не выдумывают каждый раз что-то новое — они почти всегда пользуются готовыми схемами! И вообще, добрая половина комиксов построена на получении дохода! Так и знай!

⁹ А где ж еще вы сыщите 10-летнего почти всезнающего мальчугана?

Вот! Он сказал. А то что это, правда, он один должен все знать и мучиться этими знаниями, из-за которых надежды его и вера в людей терпели стремительный крах? Шерри тоже имеет право знать правду, в конце концов!

— Не может быть! — вырвалось у нее.

Сама же знает, что он полон только правдивыми знаниями. Нет, надо обязательно крикнуть «Не может быть!»¹⁰

Шерри была сильной и умела признавать ошибки. Правда, ей понадобилось какое-то время в этот раз, и признала она ее лишь наполовину и решительно не в ту сторону:

— Все, что ты сказал о стереотипах и клише, — это большая информация для размышления. Впрочем, стереотипы... они же не мешают им придумывать что-то новое? Ну пускай не все, но братья же эти представления, как ты говоришь, должны, наверно, из их жизни и опыта? Не знаю, не знаю, над этим всем надо основательно подумать... Мы стоим в самом начале пути постижения работы их головы и в частности воображения. Многое еще предстоит узнать. Да, возможны разочарования по ходу работы, но мы должны помнить о цели. И только посмотри на результат — даже забитость головы всеми этими клише не мешает им сочинять что-то новое!

— Только временами, — надо иногда сбивать пафос.

— Только временами, но, наверно, это зависит от типа человека: кто-то мечтает чаще и больше, а кто-то никогда не пробовал, поэтому стереотипами и мыслит. Подумай только, теперь мы сможем глубже анализировать их работы, выявлять эти самые клише, искать новое... разве ты не рад, что узнал? Может, мы наивно переоценивали их возможности? А теперь станем объективнее и умнее. Это большой шаг вперед!

Нет, ну о чем она говорит? Зачем теперь куда-то шагать — все уже известно!

Но и этого ей было мало:

— Единственное, я тебя очень прошу — сними их. Пожалуйста! Мы и без них сможем справиться! Получить столько знаний, сколько нам потребуется — не меньше, но и не больше. Я действительно ошиблась! Хотела проложить слишком простой путь к знаниям. Так нельзя! Это же вовсе не классические земные очки. Совсем не они! Лучше от них избавиться — и как можно скорее.

— Избавиться?! Но я их только-только надел! С какой это стати я должен их снимать? Ты же сама мне их подарила!

— Да вот уже поэтому! Тебя как подменили! В них ты совсем не похож на земного человека, ни капельки! Я думала, ты поэтому так их хотел! А теперь что? Посмотри, ты таким холодным стал! От них!.. Я же вижу, ты и сам им не рад! Ну же, ну сними их, ну пожалуйста! Я превращу их в обычные очки, с простыми стеклами — как у них — и вот

¹⁰ На самом деле тут была своя особенность. Конечно, очки могли сказать ему и простые факты, например, какой доход принес тот или иной комикс. Но, кроме того, они подавали ему еще и высказывания и интерпретации отдельных людей, и штука была в том, что те люди могли ошибаться. Очки давали эту информацию, потому что сам факт того, что ЭТИ люди СКАЗАЛИ это (содержание в данном случае было им неважно) не подвергался сомнению. Конечно, очки не просто так подавали высказывания Элроу, а с отсылками к их авторам, но он пока еще не сумел разобраться окончательно в работе очков и отделить один тип фактов от другого, и потому, получив много различных интерпретаций и даже противоречащих друг другу точек зрения, был не в состоянии их проанализировать, окончательно запутался и поверил в этот раз на слово большинству.

тогда ты станешь похож на земного человека куда как больше. Я хочу, чтобы все было как прежде! Признай же ты ошибку и помоги мне исправить ее, скорее! Ну пожалуйста! Ну что тебе стоит?!

Как прежде уже никогда не будет.

— Ну уж нет, мне всегда достаются ошибки! И пусть так и будет! — да, очень важно ощутить себя драматическим героем и временами хочется упереться и осознанно страдать. Служить немым упреком. Пусть знают, как это — ошибаться. Тогда как, и вправду, исправить все можно было бы без особых усилий, это кажется порой слишком простым избавлением от наказания, которое обязательно должно последовать за ошибкой. Нет, пусть видит, наказания он не боится и готов терпеть!

К тому же...

— Тебе просто не хочется знать правду! Ты боишься! Никогда во мне не было ничего особенного, я всегда слушал тебя, а тут вдруг наконец и у меня появилась возможность рассказать что-то, чего ты не знаешь, — а ты не хочешь слушать! Боишься узнать! Боишься к тому же, что я займу твоё место!

Ох, а вот это он зря... да никогда в жизни ни о чем подобном он и не думал! Как это только возможно было, такое сказать?!

Но его понесло уже, и остановиться было нельзя.

Шерри вдруг... расплакалась! Зрелище это представляло весьма жалкий вид.

Он никогда не видел раньше, как Шерри плачет. И не думал никогда, что она вообще это умеет.

Умела и еще как. Большие глаза стали красными от слез, нос без конца шмыгал, а губы искривились настолько, что было удивительным, как они еще на лице держатся.

Ужас какой-то, не иначе!

— А я все тебе расскажу. По порядку! Все узнаешь! Этот твой коммуникатор, эта твоя уточка — знаешь ли ты, что это...

— Не трожь мою уточку! — перебила Шерри и обиженно обняла коробку.

Она выглядела так жалобно с ней, словно коробка эта осталась единственной ее защитой во всем мире. В конце концов, она была еще лишь глупой и наивной девчонкой десяти лет, которой зачем-то удавалось создавать гениальные изобретения, которые работали.

— Ну пожалуйста! — пискнула Шерри еще раз. И весь ее вид выражал «Или они, или я». Но так она, разумеется, вслух никогда не скажет. Она не любила ставить условия.

Он растерянно смотрел на нее и не знал, что делать. Он тоже был всего лишь глупым мальчишкой десяти лет, которому выпало зачем-то знать почти все на свете.

Он молча направился к двери.

Шерри так же молча следила за ним взглядом. Когда он взялся за ручку, она очень серьезно и без всяких всхлипываний сказала ему:

— Возвращайся скорее! Я буду ждать.

Наступил один из теплых летних бархатных вечеров, о которых потом с таким удовольствием вспоминаешь и так тоскуешь холодной ветреной зимой.

Элрой сидел на пустынной улице, где оставалось все меньше солнечных лучей. Сумрачные тени подкрадывались со всех сторон, но он лишь рассеянно крутил в руках

дужки очков и больше ничего, казалось, не замечал. Он был погружен в тягостные раздумья. Мир вокруг сделался ему абсолютно безразличен.

Не верилось, что это все действительно произошло. Сегодня.

Не может быть!

Почему он тут сидит? Почему не пригласит Шерри к себе домой на чаепитие (папа с мамой не очень любят Шерри, но если она не станет говорить о Земле в их присутствии, все обойдется). Почему он не пойдет к ней прямо сейчас и не предложит забраться на чердак, разглядывать звезды в телескоп и жевать земные, ни на что не похожие по вкусу печенки?

Элрой апатично взглянул на очки.

Нет.

Нельзя.

Поссорились.

Забыл?

Все это можно было сделать неделю назад, позавчера, вчера — когда вы еще дружили. А сегодня уже поздно.

Сегодня уже никак.

Мучительное чувство вины, последовавшее практически сразу после его стремительного ухода с заседания Клуба, перемешавшись с отчаянием и разочарованием, весь день сжимало в своем страшном кулаке, хладнокровном к ее страданиям, душу и никак не отпускало. Вина стремилась вылиться в раскаяние, в искреннее извинение, настолько громкое, чтобы Шерри его услышала (про себя ведь повторять совсем не в счет), но он не шел к Шерри и потому чувствовал себя переполненным сосудом, ибо горя и раскаяния все пребывало, а деться ему было некуда...

Он виноват. Как он виноват! Он умудрился довести Шерри до слез! Неважно, ошибалась она или нет, он ошибался вместе с ней и не смел всю вину и их, и мира всего перекладывать на ее плечи.

Проклятые очки, это все они!

Элрою захотелось разбить их в одночасье, но в последний момент он передумал.

Нет, очки — не главное. Это он, ОН не смог выдержать разочарования. В то время как Шерри мужественно предложила двигаться дальше, он... наговорил ерунды.

Если бы только можно было забыть все то, что он сегодня узнал! Если бы можно было вернуть все обратно на свои места и обрести опять счастье неведения!

А вдруг все-таки... дорога назад есть?

Проскочила робкая искорка надежды, и Элрою никак не хотелось ее терять, огонек начал разгораться, и мрак, занявший место в душе, неуверенно и нехотя, но отступал.

Ему стало легче. И снова вдруг появились силы.

Шерри же сказала ему: «Возвращайся!». И он придет! Что ему мешает? Обязательно придет! Прямо сейчас!

Три квартала! Надо пробежать всего три квартала!

Элрой вскочил и побежал к дому Шерри.

Надо двигаться дальше! Эти знания — не его, он скоро их забудет! Трудности сделают его сильнее! Да, не удалось справиться с разочарованием сразу, но лучше

справиться позже, чем никогда! И он справится! Тем более рядом будет Шерри, она поддержит его!

Еще два квартала!

Прямо сейчас извинится, скажет, что был неправ, вернет ей очки...

Мысли без конца возвращались к очкам. Элрой даже на бегу бросал на них временами взгляд, хотя каждую секунду ощущал их присутствие в руках... иногда ему хватало нескольких секунд, иногда он смотрел на них по минуте...

Скоро ему предстояло с ними расстаться (на какое-то время, пока Шерри их не переделает), так хотя бы запомнить, как земные очки выглядят. Все-таки, несмотря ни на что, они были хороши на вид. Ведь так?

Взглянуть-ка еще разок! Как странно все-таки блестят их стекла-а-а-АЙ!

Что такое? Элрой растерянно оглянулся по сторонам. И одновременно с этим почувствовал противную боль от удара.

Перед ним стоял низенький пухленький господин, очевидно, ощущавший в данный момент ту же растерянность и боль.

Они столкнулись. Такое бывает.

— Куда только тебя несет? — спросил, придя в себя, господин не слишком любезно. Но любезные никогда не позволят тебе натолкнуться на них — всегда только такие, как этот, и попадают. К тому же Элрой действительно был виноват — бежал, заглядевшись на очки.

Он неловко извинился и уже собирался припуститься дальше, как вдруг осознал: нет очков!

Было уже достаточно темно — да где же они? Упали куда-то на землю, где же еще им быть? Он неловко ползал по улице и судорожно ощупывал руками асфальт вокруг себя.

Господин тоже не менее судорожно хватился вдруг шляпы и принялся ее искать. Учитывая его комплекцию, выглядело забавно. Кстати сказать, он как раз относился к редкому типу упертых лысеющих личностей, не желавших ничего с этим делать.

— А это еще что? — воскликнул он вдруг и заставил сердце Элроя екнуть. В руках он держал ЕГО очки!

— Это мое! Пожалуйста, дайте скорее! — взволнованно крикнул Элрой.

Зря. Господин был какой-то хищный и загребуший. Может, если бы не этот крик, он бы предположил, что это какой-нибудь уличный мусор и равнодушно положил бы, откуда взял. А теперь ему стало не то, чтобы любопытно, но обидно так вот бросать штуку, которая вызывает столько нервозности у этого паренька.

— Правда? И что же это такое?

— Извините, не могу объяснить, сэр, я очень спешу! Пожалуйста, дайте мне! — и он уже протянул руку, но господин не спешил отдавать.

— Ну, раз уж ты не желаешь объяснять, так хотя бы достань мою шляпу! Давай-давай, сам же налетел! Да побыстрее, я опаздываю! Верну эту твою штуку, как только получу шляпу!

Элрою пришлось повиноваться. Очки были все еще в руках господина, и лучше было его не злить. Меньше всего на свете ему хотелось сейчас, чтобы господин сломал очки. Или оставил себе. С какой стати?

Не иначе, управитель какой-нибудь. Ловко приказы отдает.

Элрой недовольно копошился в полумраке.

Не было шляпы! Не было! Нигде!

Господин начинал выходить из себя. Похоже, он действительно куда-то торопился, может, этим его нахальность и объяснялась. Видно было, как он нервничает. Он без конца приглаживал остатки своих волос на макушке и дергал галстук.

Элрою вдруг стало его очень жалко. Бедолага, куда он так спешит? А ведь... можно и помочь! И узнать заодно...

Искушение надеть очки появилось внезапно и очень стремительно крепко. «Хоть разок знания эти толк принесут! Не хочется, конечно, показывать ему, на что мои очки способны... Ну так чего уж там, завтра их уже не будет!.. Что уж такого? Зато хоть как-нибудь смягчить вину, хоть безделицей! Почему б и не помочь?»

— Господин, — решился наконец Элрой. — У вас в руках мои очки. Дайте мне их, пожалуйста, они как раз для таких целей. С ними мигом вашу шляпу достану!

Господин смерил его взглядом, как бы оценивая, можно ли ему доверять, пришел, наверно, к выводу «Да тыц цыпленок меня не проведет!» — и вручил ему очки в руки.

Любопытство сгубило кошку. Правда, у кошки не было такой же благородной цели помочь ближнему, какая была в данный момент у любопытствующего Элроя. И все же... ему бы следовало помнить о кошке.

Элрой отошел на несколько шагов, надеясь, что в темноте господин не заметит, как он надел очки, — лучше б он не знал, как ими пользоваться¹¹.

Ничего же себе! Да это не какой-то там безвестный господин! Это, оказывается, мистер Гектор Бдэчж, видный член Администрации Президента! Очки подсказывали ему, что господин этот направлялся на ужин к самому Второму президентскому заместителю — и что да, промедление было для него буквально смертельно. Он и так уже опаздывал на 3 минуты, да еще и оказался не в том квартале. Ему нужна была Эньисовая улица, а он был на Эмьисловой.

Ну как было ему не сказать? Наверняка ведь подобные ошибки поставят крест на его карьере.

— Сэр! Ваша шляпа осталась у вашего водителя в машине — вот почему я никак не мог ее найти! Более того, вы сейчас на Эмьисловой улице, Эньисовая в семи кварталах отсюда.

Бдэчж с проклятиями «этому дубине Освальду»¹² и фразами «В темноте и не разглядишь, что за улица!» двинулся в обратном направлении к машине.

«Ну наконец! — подумал Элрой. — Прокопался с ним, совсем стемнело!»

Ему снова стало беспокойно. Он стремился скорее попасть к Шерри.

В темноте его вдруг ослепил свет фар, направленных прямо на него.

Опять этот Бдэчж. Ну теперь-то что?

Водитель открыл ему дверь и пригласил внутрь. Да, прямо в салон автомобиля, прямо к высокопоставленному Бдэчжу. Элрой растерялся. Его почти затолкали внутрь.

— Ты как узнал?

Элрой пожал плечами. Он не хотел говорить. Узнал и все. Не надо ему благодарностей, выпустите только!

¹¹ Так оно и случилось — и господин уже собирался пустить в ход ругательства и выбирал из своего арсенала то, что пострашнее. Но Элрой и не думал убегать, он искренне хотел помочь.

¹² Это его новый водитель, пять дней назад как приняли на работу — все это Элрой тоже знал.

Ему вдруг пришла в голову мысль, что на Земле он бы ни за что не сел в машину к незнакомцу, ведь там его наверняка попытались бы похитить. И хотя на Тыньчже ему это не грозило, все равно с каждой секундой становилось только тревожнее.

Почему он не снял очки с лица? Господин теперь видел, как их носят.

Бдэчж с течением времени становился только довольнее и все менее и менее нервным. Видно, знакомство с Элроем доставило ему удовольствие и, что никогда практически не случалось с ним за всю жизнь, он пробудил в нем искренний интерес.

— Знаешь, куда мы едем?

Элрой покачал головой. Господина не убедил.

— По глазам вижу, знаешь, ты даже улицу мне назвал.

Голос его стал мягче, и он улыбнулся:

— Неужели тебе не хочется? Это же такая честь — только избранные попадают на прием к заместителю Президента! А уж таких юных гостей за всю историю у нас никогда не было!¹³ Я тебя приглашаю! Есть в тебе что-то особенное, ты ему понравишься!

Заедем к тебе домой? У тебя есть какой-нибудь парадный костюм? Хотя бы галстук?

Его, видно, уже не беспокоил факт опоздания. Элрой умилил всех вокруг, и опоздание останется незамеченным. Такой разумный мальчик. В такой странной штуке на лице. С этим еще надо будет разобраться — что такое. Явно что-то особенное.

Никакого парадного костюма и никаких галстуков у Элроя не было и с чего б ему их иметь?

Все же, Элрой чувствовал, что так просто от Бдэчжа он уже не отделается. И ему оставалось только смириться. В конце концов, ничего страшного не случится, зато он сможет с гордостью этим вечером рассказать родителям, где он был. Вот они обрадуются!

Он вдруг и вправду почувствовал себя особенным.

Элрой стоял в мрачном коридоре у большой темно-коричневой двери, превращавшей кабинет Бдэчжа в темную неприступную крепость.

Сейчас он выйдет, удивится, заметив тут Элроя, но это неважно.

Он уже решил.

Прошла вот уже почти неделя, и все эти дни Элрой не снимал очков, разъезжая с Бдэчжем, и именно на его плечах лежали заслуги по заключению нескольких успешных контрактов и деловых соглашений. Используя разнообразные и всегда обоснованные аргументы и поражая всех тех важных господ уже одним соотношением «знания-возраст», он смог убедить их в перспективности сотрудничества.

Бдэчж светился как медный земной пятак.

Чего нельзя было сказать об Элрое.

Все его хвалили. Родители первый раз сказали, что гордятся им.

Только сам он не гордился. Совершенно.

Ощущение было таким, будто он попал в болотную трясину — и его засасывало все сильнее. Когда все это началось? Почему так получилось? Разве этим он хотел

¹³ Он говорил правду.

заниматься? Ошибка какая-то! Почему только он не послушал Шерри тогда, почему не отдал ей очки сразу?

Отец нашел в его комнате альбом с описанием бабочек. И передал Бдэчжу. Рассказал о его дружбе с Шерри¹⁴. Еще и попросил того предпринять меры. Все это Элрой знал, разумеется.

Сегодня он попросит альбом и скажет... Он не может так просто уйти, не сказав, не может не предупредить — даже и Бдэджа, который ему не особо нравился. А если придется...

Ручка двери повернулась.

— Элрой! Что ты тут делаешь? Сегодня у тебя выходной! Совещание только завтра.

Элрой молчал, собирая в себе всю уверенность, что мог. Наконец ему удалось выдать из себя несколько слов, правда, очень тихо:

— Я не пойду на совещание.

Брови Бдэджа резко подпрыгнули вверх, но тут же приземлились на отведенное им природой место.

— Почему?

Элрой старался не смотреть на него. Разговор был ему более чем тягостен.

— Не хочу.

— Тебе не нравится? Да все о тебе только и говорят! Ты произвел настоящий фурор, а в наших кругах это совсем не просто! Все просто очарованы тобой! Подумай, сам Второй заместитель обещал подписать специальный приказ, для тебя! Скоро ты уже попадешь в Администрацию! Если повезет, будешь присутствовать на Большом Заседании этой зимой. И это только начало! Подумай, какая жизнь тебя ожидает, какое будущее! Слава, успех, всеобщее внимание, богатство — да все, что пожелаешь!

Элрой продолжал безразлично смотреть в сторону.

— А мне все равно.

Бдэж нашел золотую жилу и так просто никогда его не отпустит. Но ему неважно. Главное — сказать, а там — будь что будет. Сегодня он отдаст очки Шерри. Сегодня или никогда.

Единственное, чего опасался Элрой, — это возможных санкций, которые могли обрушиться на его семью, если он уйдет без предупреждений. Нет, он сам сейчас разберется и сможет договориться. В конце концов, у самого Бдэджа деловая репутация была кристальной¹⁵, однако он знал, что родители Бдэджа совершили когда-то несколько ошибок, которые он и сейчас предпочел бы оставить неразглашенными... да, все было очень противно, и мысль о том, что ему, возможно, придется применить шантаж, была невыносима.

Но удивительно! Бдэж и не думал приходить в ярость!

Вместо этого он достал из своего портфеля... его, Элроев, альбомчик, и с отеческой нежностью вручил его ему в руки. Непостижимо, но, кажется, он понял!

— Держи, раз уж ты уходишь, он тебе, наверно, понадобится.

Элрой недоуменно принял свой альбом. Возможно, он все-таки лучше, чем показался ему за это время? Он отпускает его!

¹⁴ Элрой так и не сказал ему, что они поссорились.

¹⁵ Но не слишком-то он ему доверял все равно.

— Что будешь делать дальше?

Элрой и сам не знал. Так ли нужны эти бабочки? Он знал сейчас их всех — и что? Зачем? Занятие потеряло свой смысл. Но уж Шерри-то придумает, Шерри знает, что делать.

— Пойдешь к Шерри?

Ох, и о Шерри он знает. Конечно, отец рассказал.

— Шерри просто молодец! Я знаю ее родителей, видные ученые! И какая у них талантливая дочка! Эти очки... это ведь она сконструировала их?.. У нас ведь нет тайн друг от друга? Ты знаешь все обо мне, а я знаю, что ты получаешь информацию от них.

Не такой уж он и дурак.

— Но пусть это будет нашим маленьким секретом, я никому не скажу.

— Нестрашно... Шерри сегодня же их переделает.

— Да, она сумеет... она многое может. Нечасто встретишь таких, как она. Многого в жизни добьется. Только если... никто не встанет у нее на пути.

Элрой насторожился.

— Ты же знаешь, как сложно найти в нашем обществе непредвзятых людей, которые готовы принимать странные идеи и терпеть чудаков. Я, разумеется, полностью поддерживаю благородные начинания ее родителей, но много ли еще поддержки ты видел со стороны остальных? Гениям завидуют и гении остаются непризнанными. Более того, на пути им осознанно ставят преграды.

Да что там! Придется признаться, да ты и сам уже знаешь, не так давно я сам выступал против финансирования проекта ее родителей. Я даже не знал, что на Земле есть вещи, достойные внимания. Сейчас, после встречи с тобой в этих замечательных земных очках, я осознал, как ошибался. И постараюсь в дальнейшем осуществлять поддержку подобным проектам.

Пока я в Администрации, ей нечего бояться.

А что случится, когда мне придется уйти? Кто займет основные места? А что будут думать они? Как сложится ее жизнь? Подумай об этом!

Элрою стало беспокойно. Но он продолжал молчать и старался всеми силами не выдать все нарастающую тревогу.

— Ты хочешь уйти к Шерри, чтобы помочь ей. Но что ты сможешь ей дать? Она будет создавать гениальные изобретения, а ты... без своих очков ты снова станешь тем, кем был. Будешь описывать бабочек. Сейчас ты их уже знаешь — и много тебе это дало? А что это даст ей?

Элрой весь напрягся. Шерри будет рада ему, она же сказала «Буду ждать!»

— Элрой, я буду с тобой откровенен и серьезен, как взрослый со взрослым. Взгляни, Шерри прекрасно справилась и создала очки без тебя. Ты ей только обуза, ты ее тормозишь. От бабочек ей не станет веселее! Ей нужно куда как больше, и ты это знаешь. Но ей жалко оставлять тебя одного, вот она и тратит на тебя время. Она тебе этого никогда не скажет, но сам посуди...

Элрой прерывисто вздохнул. Пальцы впились в альбом. Его сердце, казалось, вот-вот разорвется. Он никогда раньше об этом не думал. А вдруг... а вдруг правда?!

— Она... она... она не раз говорила, что я самый благодарный ее слушатель! — но он не убедил даже себя. Если бы он посмотрел сейчас на Бдэджа, он бы прочел на его лице выражение: «Ну и что?».

— Многие еще тебе это говорили?.. Это даже не комплимент. Просто, наверно, ей хотелось тебя хоть как-нибудь, хоть за что-нибудь похвалить. Но, если подумать, это значило лишь то, что ей приходилось тратить на тебя время и ты отрывал ее от изобретений. Что же тут хорошего? — Бдэчж помолчал. Ответа Элроя не последовало, и он продолжил. — Детские иллюзии — это прекрасно, но сейчас пришло время выбрать дальнейший путь и придется стать взрослее и ответственнее. Что сможешь ты ей дать? Что смог ты дать родителям, что сможешь ты дать обществу? Им, — Бдэчж неопределенно махнул рукой, — им бабочки не нужны.

Посмотри, впервые за столько лет твои родители счастливы. Из-за бабочек? Нет.

Сколько замечательных договоров мы успели за эту неделю заключить, какая польза обществу! От бабочек? Нет.

А сколько пользы ты сможешь принести Шерри и всему обществу, если будешь продолжать в том же духе? Какую поддержку сможешь ты ей оказать, когда понадобится! И что поможет тебе все это осуществить? Твои очки!

Да это же настоящий дар! Тебе несказанно повезло, и отбрасывать такой подарок судьбы и осознанно возвращаться назад... тебе решать.

Элрой готов был смотреть куда угодно, только не на Бдэчжа.

— Очень важно найти свое место в жизни, мальчик. Не каждый сможет справиться с этими очками, не каждый сможет вынести тяжесть их знаний — только сильные на такое способны. Тут потребуются ответственность и выдержка, трудолюбие, умение анализировать полученную информацию, делать выводы... пасовать и уклоняться от проблем нельзя.

Ты сможешь, я не сомневаюсь. Ты многое смог уже и сможешь еще больше. Прислушайся к словам умудренного, опытного человека, много пережившего и немало добившегося...

Жизнь — сложная штука. И не всегда получается так, как хотелось бы. Все мы желаем разом изменить мир, но сколько из нас действительно чего-то добивается? Кому-то действительно дан талант от Бога, и кто-то, наверно, сможет... такого человека сразу видно... а остальным остается только смириться с отведенным им местом, постепенно приближаться к поставленной цели, упорно трудясь, и постараться помочь тому человеку настолько, насколько это возможно, создав все необходимые для него условия. Надо помнить о своем месте. Место Шерри — там, на Земле. Твое место — не там. Твое место тут. Среди остальных, таких же, как ты. Зато как много со своими очками ты сможешь им тут дать!

Зачем обольщаться Землей? Взгляни, как много вокруг людей, обычных, таких же, как ты, вполне счастливых. Они счастливы, а что мешает тебе? И ты тоже сможешь найти тут счастье. Надо просто забыть всякие глупости с бабочками и прочей ерундой — это все для таких, как Шерри — и попробовать жить как все.

Да, принять реальность тяжело, но это необходимо, и больно только сначала, на первых порах, но ты сильный и справишься. Раз пережив, скоро забудешь, а место старых отживших иллюзий займут новые — реальные — дела и увлечения. Как много их может стоять перед тобой, сколько всего следует поддерживать и улучшать тут! Ты сам знаешь! Нельзя быть таким эгоистом и делать то, что хочется только тебе. Прими это как данность: есть ответственность, есть долг, от которого не убежать, — и тут уже ничего не попишешь.

У вас с Шерри разные пути. Ей предначертано одно, тебе — другое. И лучше вам больше не пересекаться.

Но... разумеется, решать тебе, что выбрать...

Он боролся с собой и долго никак не мог отпустить альбом из рук. Казалось, он отрывает от себя сердце.

Но вот, наконец, он вернул альбом Бдэчжу. Голова бессильно поникла, стало просто пусто, все прежние надежды умерли.

Бдэчж похлопал его по плечу:

— Вот и молодец. Ты сам все правильно решил.

Надо было жить дальше. Жизнь на месте не стояла. Особенно для него.

Для него закрутился стремительный вихрь событий. Одно сменяло другое — быстро, скомкано, хаотично.

Его первый галстук, первый костюм, обустройство первого рабочего места в темном углу огромной комнаты с перегородками, выдача первых документов и пропусков, первая зарплата, первые собственные акции, первый успешно воплощенный проект, первое повышение, первое крупное публичное выступление, первая фотография в газете и статья о его достижениях, первая встреча с Президентом...

И среди этого еще какие-то отдельные чудные реплики: одной чопорной эксцентричной дамы («Какая дерзость! Держите язык за зубами! Я не могу ошибаться!»), страстные поучения Бдэчжа («Ты всегда должен оставаться бесстрастным!¹⁶»), перешептывания коллег из других отделов («Какой успех! Всех нас за пояс заткнет, еще увидим»), похвала отца...

Быстрее-быстрее-быстрее! Стремительнее-стремительнее-стремительнее! Бессмысленнее-бессмысленнее-бессмысленнее!

Вот уже все слилось в один сплошной надоедливо давящий гул, терпеть который становилось все невыносимее!..

Элрой вскочил в холодном поту.

Тишина.

Это был сон. Только сон.

¹⁶ Да, жизнь полна противоречий.



Ох уж эти сны!

Ну какой в них смысл? Переживать снова и снова то, что произошло столько лет назад! Зачем?

Давно пора положить конец этой ерунде!

То было в прошлом, а сейчас все хорошо. Как хорошо, что все хорошо!

Элрой вздохнул с облегчением. Протер глаза.

Ужасающие призраки сновидений еще не желали отпускать его до конца, но он уже почувствовал себя победителем — тягостные впечатления начинали бледнеть.

Скоро с позором сгинут вообще! Так-то им и надо!

Какой он все-таки... неразумный. Никак не избавится от снов. Давно же обещал себе.

Но подождите! Стойте-стойте! Где они?! В порядке ли?!

Элрой бросил нервный взгляд на полку.

В порядке.

Очки на месте.

Все хорошо. Все просто замечательно!

Поскорее б их надеть, так без них неудобно.

Элрой начал вставать. Послышался какой-то грохот.

Ну а это еще что?

Ах, да, это же он сам и поставил на пол — горшочек с листьями ландраньюма.

Ландраньюм высыпался из опрокинутого горшочка и завалил пол. Ну и ладно. Не жалко. Не помогает совершенно. Гадость. Еще и пахнет противно.

Элрой осторожненько пробирался через кучки ландраньюма к полке с очками. Не стоило ему опять думать о разговорах этих анонимных сновидцев, толку никакого. Все их способы избавления от сновидений — чушь несусветная. Вот, в очередной раз убедился. И ведь знал, знал прекрасно, что не сработает, нет, обязательно надо было проверить. Зачем?

Элрой, однако, знал, что после очередного собрания, где явится миру очередной рецепт, он испробует и его.

Очки не дают никаких ответов на замучивший его уже вопрос¹⁷, никакой прямой информации, значит, нельзя избавиться. Но лучше уж питать всякий раз надежду, прислушиваясь к выдуманным советам самоучек и псевдопсихологов... тем более чем еще вечером заняться? Все лучше тешиться приготовлениями, чем испытывать меланхолию от бездействия.

Наконец надел очки.

Совсем другое дело.

За все эти 10 лет они стали необходимы ему, как... как руки. Нет! Даже больше! Что уж там! Наверно, он бы предпочел оставить себе очки, а не руки, если б только пришлось обязательно выбирать и жертвовать.

Он бы и на ночь их не снимал, если б не боялся во время сна ненароком как-нибудь испортить.¹⁸

И все-таки, была бы возможность, он предпочел бы и спать в них.

Причин для беспокойства не было никаких. Никто, кроме Бдэджа (который и сам, кажется, ни в жизнь не разгласил бы Элроев секрет успеха), ничего не подозревал. Кому его очки нужны?

И каждый раз ведь с утра по пробуждении он бросал неуверенные взгляды на полку.

Там?

Всегда они были там.

Как хорошо!

С очками становилось теплее, возвращалось хорошее настроение.

Неуверенность куда-то улетучивалась, дела захватывали, работа звала.

Сколько дел! Сколько дел! И почему всегда столько дел? И как это Даньири не научится правильно писать отчеты? Опять придется заскочить к нему, тыкнуть носом в параграф 11 пункт 15 и заставить все переписать по-новой в соответствии с правилами. А вот еще, умник Крендж в очередной раз засиделся с кроссвордами и забыл отправить письмо, о котором он ему еще в прошлую пятницу говорил. Что за безответственность? Ему только подписать уже составленное за него письмо, и можно будет отправлять, а он и этого не может! Элрой бы с удовольствием расписался за него сам, но это противоречит профессиональной этике и попросту недопустимо! А Эймчли опять перепутал папки и положил синюю анкету к красным. Во дает!

Обо всем этом Элрой думал, стоя у зеркала; укладывал волосы и радостно напевал себе под нос.

¹⁷ Как избавиться от сновидений?

¹⁸ И, к тому же, не стоит забывать об одной земной пословице: меньше знаешь — крепче спишь. Наверно, они это недаром говорят.

Мир прекрасен. Как много интересных задач он не устает ему предлагать! Как много можно сделать полезного!

Взглянуть бы на него еще разок перед тем, как он нырнет во все эти дела!

Элрой радостно отдернул жалюзи и выглянул в окно.

Город просыпался. Наполнялся монотонным размеренным шумом, заливался солнечным светом, манил и звал.

И кто бы смог противиться этой городской песне, летящей вместе с теплым бодрым июньским ветерком?

Сверху все было видно. Город как на ладони. Тысячи домов, миллионы квадратных аккуратных окон и дымоходов разных размеров, сотни крылечек, подъездов и дверей, десятки правильных прямых дорожек, бесчисленное количество машин... солнце будто руководствовалось каким-то своим тщательно выверенным списком — ничего не пропускало и щедро одаривало светом каждый до последнего аккуратно подстриженный кустик.

Все это являло миру невероятную симфонию тысяч оттенков коричневого — редкостной красоты симфонию! И вы еще смеете утверждать, что есть места красивее?! Да что вы знаете!

Элрой никогда не думал попробовать бросить взгляд на то далекое, что было у самого горизонта, — за городом. Он знал, что там расположены горы, заброшенные шоссе, лес и луга. Но если бы все-таки как-нибудь вдруг случайно нечаянно он решил бы обратить на них свое внимание, то, поверьте, очень удивился бы, как можно было все это пропускать и менять на однообразные крыши. Впрочем, ему и думать об этом по утрам было некогда. На работе вида из окна не было никакого. А вечерами уже он сам уставал и приходил никаким. И вообще...

Есть много чего другого, о чем стоит подумать и что надо почтить взором.

Никаких поблажек!

Элрой хорошо это для себя уяснил. Нельзя отвлекаться от главного. Взять хотя бы самое начало — его первый учебный день в школе, когда он загляделся по сторонам на всякие там цветочки, росшие неподалеку, и немного опоздал в класс — пришел четвертым, а не первым, как собирался; а после занятий отвлекся еще раз — и опять опоздал, теперь уже домой, чем очень расстроил родителей. Отец еще в тот вечер пытался объяснить ему, чем грозят такие вот «отвлеканя», но сам Элрой понял далеко не сразу... Неловко даже вспоминать!¹⁹.. Но ведь это было так давно, и тогда у него еще не было очков! Двое часов на запястье²⁰ и впрямь не смогли его когда-то остепенить, но вот с очками стало гораздо проще: они всегда напоминали ему о том, сколько сейчас времени, и просто-напросто не позволяли отвлекаться на что-нибудь одно и забывать хотя бы на секунду обо всем остальном...

Минута на любованье — и скорее на работу!

Элрой ничем не отличался от остальных обитателей мегаполиса, спешивших на работу. Ну... почти ничем. У каждого имелась своя партия в городской упорядоченной

¹⁹ Элрой вообще не любил предаваться воспоминаниям, пустое занятие это всегда оканчивалось тем, что он ощущал неловкость за действия того маленького глупенького мальчика. Пожалуй, одно единственное, что объединяло его с ним теперь, было имя. И ничего больше. И незачем вспоминать и незачем испытывать неловкость.

²⁰ Он до сих пор носил их по привычке. Вторые были на случай, если первые вдруг остановятся, или убегут вперед, или отстанут... мало ли что!

симфонии, и разница была лишь в том, что его Партия занимала (почти) ведущее место — и он каждое утро с упоением вступал и старался что есть силы не сфальшивить. Это было не так уж сложно, но и не так уж просто.

Каждый день в целом одно и то же, но с вариациями.

Муторно, пожалуй, — скажете вы.

Вовсе нет!

Для влюбленных в свое дело не существует такого слова! Лишний дубль никогда не повредит! Всегда можно что-нибудь улучшить, всегда можно что-нибудь подправить! Надо только знать — где и как.

Уж он-то знает! И лучше всех!

Элрой так гордился своим соло!

Он намеренно отказался от машин и других средств передвижения и предпочитал добираться до работы пешком. Конечно, с той должностью, что была у него сейчас, он мог бы себе позволить хоть личный телепортатор, но пользоваться им совершенно нереально. Прошло уже 564 года с тех пор как телепортаторы стали безопасными, но Элроев случай совершенно особенный. Не стоит проводить такие рискованные эксперименты над сердцем — а вдруг и впрямь разорвется при мысли, что Дчликсу, забывшему ключи дома, придется вернуться обратно? Или там растяпе Ойкльви никто не напомнит, что сегодня биржа открыта для посетителей во второй половине дня, и он, бедняга, потратит столько времени впустую, дожидаясь у дверей. А потом будет ныть еще дней десять. Он ведь такой нытик!²¹

Когда идешь пешком, все это очень удобно им говорить и направлять на путь истинный.

Чувствуешь себя нужным. И благодарности... не нужно, не стоит!

За глаза обсуждать, откуда у него столько проницательности и не информационный ли он шпион, тоже не стоит. Ну да что уж там! Все равно будете обсуждать — ну и обсуждайте! Ему не жалко!

Уж он-то знает: его любят в городе! За что же и не любить, раз он так старательно трудится на благо всех его обитателей?!²²

И все о них знает! Никто и никогда не сможет упрекнуть его и задать самый мерзкий из вопросов, какие только возникали на этом свете: «А ты что же, еще не знаешь?», за которым, если уж продолжать, могло бы следовать не менее мерзкое: «Мы думали, все уже знают».

Никто! И никогда! Так ему не посмеет сказать!

²¹ Хорошо, стоит признать: то было художественное преувеличение. Элрой физически не смог бы переживать за всех и за каждого — их ведь было так много! Он старался не пропускать через себя все их неприятности и жизненные неурядицы — это же никаких сил не хватит! Потому со временем он становился все холоднее и, казалось, равнодушнее. Впрочем, это было немного не так. Он всегда старался помочь тогда, когда это было в его силах — ведь ему ничего не стоило подсказать им — на самом-то деле! И искренне расстраивался, если вдруг не использовал свой шанс — правда, не сколько даже за то, что человеку придется претерпеть те трудности, которые он мог бы предотвратить заранее, сколько за то, что он, Элрой, проявил свою бесполезность... он везде и всюду стремился быть максимально полезным. Ведь очки давали больше возможностей. Больше возможностей — больше ответственности. Очень полезная штука — и надо было не лениться всюду раскрывать их потенциал.

²² Разве оказался хоть один его совет бесполезным?! То-то же!

Правда, особого значения не имеет, о скольких из них ты действительно знаешь. Знать одного человека значило почти то же, что знать их всех.

Одинаковые однотипные привычки, одинаковые однотипные развлечения, одинаковый однотипный культурный уровень, одинаковые однотипные вкусы, одинаковые однотипные почерки, одинаковые однотипные шляпы, одинаковые однотипные работы... только должности у них были разные. И имена. С тех давних пор, как производство полностью перешло на автоматизацию, а образование — на систему инъекций, когда во время походов в школу ученикам делали некоторое количество инъекций строго определенных знаний в соответствии с выбранной специальностью²³, с тех пор как работа стала требовать строго определенных навыков, а все случайно появляющиеся временами и совсем не нужные на практике способности, умения и таланты стали зарываться в землю, — с тех самых пор общество стало однороднее, спокойнее и счастливее. Жить стало проще. Проблем куда как меньше стало с тех самых пор.

Дошла очередь, наконец, и до потребностей в уважении и самореализации. Все это с лихвой давали занимаемые должности и очень важная работа, которую они предлагали. Да-да-да, работа! Вы думаете, меньше стало работы с тех пор, как производство наладилось и рынки стабильно пополнялись товарами — бери-не хочу — и предложениями услуг — пользуйся-не-хочу? Наивные вы! А кто будет документировать всю эту продукцию? А кто будет проводить инвентаризацию и сверять списки? А кто будет подсчитывать прибыли? А кто будет думать, как их еще увеличить? А кто будет выпускать акции, продавать акции и перепродавать акции? А кто будет оказывать вам консультационные услуги, рассказывать, как все вышеперечисленное проделывать, и перепроверять еще раз, правильно ли вы все поняли?

Не даром же столько на свете директоров, зам. директоров, ответственных по «вставить нужное», очень ответственных по «вставить нужное» и пр. и пр. и пр.

Они ведут деловую переписку, составляют протоколы, выдают почетные грамоты коллегам по отделам, присутствуют на советах директоров, пытаются разобраться в запутанной служебной иерархии и определить, кто кому начальник...

Сколько работы!

И кто-то должен все это координировать!

Реальная власть сосредоточена в руках Администрации, на высших ступенях властной иерархии.

Элрой знал: не так-то просто пробиться к вершинам и не свалиться, вращаясь там в элитных кругах.

Все стремятся попасть. А он смог!

Путь был извилист и не прост, но он абсолютно честно, без единой уловки или другого недостойного поступка добился занимаемого поста. И, более того, смог там укрепиться настолько, что, казалось, теперь уже никто больше не был в состоянии, не решился да и просто не захотел бы попробовать его сместить. Ведь он прекрасно справлялся с возложенными на него обязанностями и использовал по максимуму все свои возможности, которые давала занимаемая должность

Второй заместитель Президента — а ведь ему только в марте исполнилось 20!

²³ И нечего было прогуливать и эти инъекции пропускать!

Бдэчж, его непосредственный начальник, например, стал первым заместителем лишь к шестидесяти. И, возможно, никогда бы им не стал, если бы не его приткий помощник.

Совершенно особенный и ни на что не похожий случай! Таких чудесных исполнителей днем с огнем не сыщешь!

Элрой, подобно Антею, ощущал на плечах неимоверный груз — только не неба, а работы — фактически, на нем одном все и лежало.

Да уж.

Он контролировал все, что только происходило. Все.

Справился бы он сам? Вряд ли.

Спасибо очкам!

Очки — вот главное украшение его жизни! С ними он чувствовал, как выделяется²⁴ из толпы однотипных молодых людей, стремящихся построить карьеру. У него была коммуникабельность, гораздо больше опыта (да он полжизни в офисах и кабинетах провел!) и все шансы.

Ну хотя бы просто только взгляните на него! Что вы видите?

Оптимистичный и очень представительный — гордая осанка, уверенные движения, пронизательный взгляд (и глядеть он привык беспристрастно и немножечко свысока, так уж обязывала поднятая голова). Никто бы никогда не подумал, что ему впору вступать в общество анонимных сновидцев. Элрой Макинтош видит сны? А я ваша бабушка с вишневым пирогом в руках!

Никто²⁵ никогда не видел, как Элрой испытывал сомнения. Никто не предполагал, что Элрой (Элрой Макинтош!) знает такое слово — неуверенность. Никто не знал, что он может испытывать страх или грусть.

Да может ли такой и правда хоть что-то испытывать? Он всегда очень стандартно улыбался собственным подчиненным (число которых было раз в пять более, чем входит в понятие «велико»!), появляясь в дверях их кабинетов со все новыми заданиями и указаниями. Иногда он появлялся, казалось бы, просто так, только почему-то именно в то время, когда вы решали позаниматься разгадыванием кроссворда или игрой в крестики-нолики сами с собой. Тогда он смотрел на вас все с той же неумолимо вежливой и, казалось, какой-то очень твердой, будто застывшей улыбкой, так что вам становилось не по себе и вы предпочитали поскорее вернуться к собственной работе, которую так безалаберно решили было отложить на потом.

Если б только вдруг вы набрались достаточной наглости и решили бы попробовать и на следующий день отлынивать от работы, надеясь, что все проверки благополучно миновали вчера, то он бы опять заявился к вам и, продолжая тактично улыбаться, сказал бы безупречно вежливым и благожелательным тоном, примерно следующее: «Мистер или миссис — тут он бы обязательно обратился к вам по имени²⁶! Я понимаю, как тяжело порой выполнять поручения и задания, понимаю, что отдых требуется всем.²⁷ Именно поэтому у вас есть обеденный перерыв, у вас есть выходные и многое другое... и я даже готов идти на уступки и даю вам право заниматься

²⁴ Да даже и внешне.

²⁵ Кроме Бдэчжа, но Бдэчж — случай особый.

²⁶ Наверно, ему казалось, что вам будет приятно — хотя это еще большой вопрос... приятно?

²⁷ Вряд ли такой действительно может понять. Да он без ума от своей работы! Целыми днями только ей одной и занят! Ну что он, правда, понимает?

посторонними делами в рабочее время — но только не более получаса в день, в случае если у вас имеются невыполненные поручения. Поправьте меня, пожалуйста, если я ошибаюсь, но, кажется, вы не занимаетесь своей работой уже 47 минут. Это слишком много! Вы слишком отвлеклись! Сначала поручения — затем все остальное! Если вы выполните все свои поручения, то до того момента, как у вас появятся новые, вы имеете полное право использовать свободное время так, как вам угодно! Но, как я уже сказал, только когда у вас не останется никаких поручений. Сейчас же — нельзя! Не отвлекайтесь пожалуйста! Мы все-таки представители Администрации, одним этим стоит гордиться! Помните же об ответственности! Это уже второй случай за неделю! С сожалением вынужден сообщить, что если подобное повторится в ближайшие две недели, нам, в соответствии с разделом пять, главой четыре, пунктом два трудового договора, придется отстранить вас от занимаемой должности. Надеюсь, вы оправдаете наше доверие и подобного больше не повторится!». Все это он сказал бы очень быстро, без всяких отрицательных эмоций и даже без осуждения²⁸, но настолько неумолимо и твердо, что вам бы точно стало понятно, что так оно и случится, и уж в ближайшие три недели вы бы точно работали не покладая рук.

Затем он бы конечно добавил тоном более теплым: «Может быть, вам требуются дополнительные разъяснения, указания, какая-либо помощь с моей стороны? Я к вашим услугам!». И, вне всякого сомнения, если бы вы только изъявили желание, он с большим удовольствием и, что замечательно, всегда исчерпывающе точно, предельно понятно и доступно рассказал бы вам все, что требуется для выполнения задания, и ответил на все вопросы, какие только вы бы оказались в состоянии сочинить. И только после того, как вы уверили бы его в том, что все поняли, оставил вас с вашей работой в покое и поспешил бы куда-нибудь еще. Стоит полагать, очень довольный и с чувством выполненного долга. Хотя... кто его знает, что он там почувствовал бы? Да и разве ж было бы вам, занятым работой, теперь до этого дело?

Вряд ли.

Но было в его отношении к подчиненным и что-то несомненно приятное, а именно: он никогда не выделял любимчиков, а относился ко всем ровно, спокойно и справедливо. Впрочем, это не означало, что он никогда не поощрял особо отличившихся в выполнении какого-нибудь очередного проекта, пусть даже они находились на самых низких ступенях служебной иерархии. Оставалось только диву даваться как он мог узнавать об их заслугах — но факт был налицо: он ни разу не прогадал с назначением премий — именно это объясняли коллеги награжденного своему непосредственному начальнику, которому порой выбор Элроя казался более чем странным и который охотнее бы передал премию тому, кто больше говорил и был на виду (а это, заметим, далеко не всегда означает то же, что «делал и работал»). Очевидно, мистера Макинтоша в заблуждение подобные вещи ввести не могли. И своим непосредственным подчиненным он также назначал премии по их заслугам в работе, а не по болтологии в кабинете начальника. Так что довольно скоро к нему совершенно перестали подлизываться, ибо бессмысленно это было. С таким-то холодным ко всяким комплиментам в собственный адрес лбом только и остается действительно работать.

²⁸ Но вы бы тем не менее наверняка ощутили неловкость... уж лучше бы он и правда покричал хотя бы раз!

А что же касается его полнейшей невозмутимости, то и в ней замечательным было то, что она позволяла всем его подчиненным чувствовать себя как за каменной стеной. Он всегда знал, что ответить, у него всегда все сходилось идеально — и точно в срок — и не случилось за все время ни одной накладки. Всегда все было в полном порядке — он вообще его любил. Его костюм был в порядке, его рабочее место, его мысли — все там было разложено, казалось, по полочкам, ничего не путалось и использовалось только кстати. И, казалось, он был последним из тыньчжан, кто мог бы предаться панике или нерву. Даже если бы вдруг объявили о падении разрушительного метеорита или еще каком-нибудь надвигающемся бедствии, ни одна мышца на его лице не дрогнула бы, и он принялся бы как ни в чем не бывало невозмутимо и проворно²⁹ раздавать очередные указания, которые бы все безоговорочно принялись исполнять на веру, даже если б он не стал объяснять, зачем и для чего совершается то или иное действие, и которые в итоге несомненно привели бы к спасению планеты. Но проверить это никогда не представлялось возможным: на Тыньче уже много веков не случалось никаких катаклизмов и экстренных ситуаций — вот и славно! — поэтому оставалось только довольствоваться подобным предположением и пребывать в уверенности, что оно оказалось бы правдивым.

Всю свою невозмутимую энергию Элрой направлял на папки, бумаги, печати и, разумеется, подчиненных.

Он напоминал заведенный автомат, всегда запрограммированный на выдачу вежливых холодных улыбок и дельных советов, и крутился как белка в колесе, выполняя свою программу.

Особенно по утрам.

В середине дня, после того, как всем нужным людям были переданы все нужные сведения, отданы все необходимые поручения, оставлены напоминания и документы для доработки, сортировки и чего-нибудь еще, иногда находилось время и для отрешенного от суеты одинокого заточения в собственном кабинете. Подобные отшельнические посиделки превратили Элроя в первоклассного складывателя оригами. Элрой вне всяких сомнений завоевал бы первый приз в запуске бумажных самолетиков, а лягушки его побили бы все рекорды по прыжкам в длину. Он постоянно совершенствовался. В конце концов, каждому же требуется самовыражаться. Только талант этот так и остался не замеченным остальными: поделки свои Элрой очень удачно успевал прятать при малейшей угрозе приближения кого бы то ни было. А то ведь слишком много талантов будет на одного человека, не находите?

Но это случалось достаточно редко.

Чаще, гораздо чаще³⁰ Элрой являлся главным украшением мрачных бесконечных коридоров большого старинного здания Администрации, и, надо сказать, очень их оживлял своим присутствием, устраивая бешеные гонки из кабинета в кабинет. С папками, с бумагами, с портфелями, с конвертами, с кофе и особенно с сахаром (это к

²⁹ Одно другому не мешает. Проворность была ему свойственна ничуть не меньше, чем невозмутимость. Он все делал быстро, и даже взгляд его был беглым и никогда не задерживался на чем-либо дольше 5 секунд. Стоит предположить, он вообще не понимал, что значит словосочетание «внимательно рассматривать» или «любоваться». Наверно, ему это было совершенно незачем.

³⁰ Зачем мелочиться? Почти всегда.

Бдэчжу), а иногда со всем этим сразу. Не было среди всех этих кабинетов того, который он мог бы назвать чужим.

Приятно ощущать контроль над ситуацией. Приятно знать, что все идет по плану, как требуется. Приятно быть управленцем и всеми руководить.

Ну, не всеми, правда. Есть же еще почти недосыгаемый Президент и куда как более достигаемый и находящийся в непосредственной близости Бдэж. К нему надо будет обязательно заглянуть перед началом работы и рассказать о рабочих планах на ближайшее время.

Оставалось еще несколько свободных минут. Лучше провести их в родном кабинете.

Элрой повынимал ящички, легко пробежался пальцами по нескольким картотекам³¹, с нежностью потрогал рельефные печатки, погладил любовно корешки папок...

Да, он дома.

В очередной раз попытался пригладить один вечно непокорный хохолок. Хохолок в такие моменты демонстрировал смирение, но только на первых порах, а затем обязательно предательски выскакивал опять на свое бунтарское место.

Взглянул на стол.

Что это?

Ага! Наконец!

Изобретатели таки доказали, что достойны носить свою почетную должность, и разработали новую модель ручки!

Замечательная какая модель!

Элрой всегда старался быть открытым для новаций и усовершенствований. Он определенно не из тех, кто боится перемен. Разумеется, до известного предела.

Он знал, как никто другой, что формула чернил теперь улучшена, стержень обладает оптимальной остротой, а сама форма ручки стала удобнее. Прекрасно! Теперь ставить подписи будет еще проще!

И все-таки... Она была новой, непривычной... в какой-то степени, если хорошенько подумать, даже и страшной. Что, если он сейчас поставит пятно на важном указе? Или порвет бумагу?

Но... некогда тут философствовать! Ему известен лишь один способ — надо попробовать!

Сейчас достанет бумагу. Возьмет эту ручку в руку. Напишет строчку!..

Ну вот и все! Какое облегчение! Какое удовольствие! Действительно, удобнее!

Как мило!

Элрой порадовался маленькой победе над собой.

Есть еще и большой повод для искренней радости: всякое проверенное усовершенствование в работе — это же всегда праздник!

Без двадцати секунд как девять. Самое время к Бдэчжу в кабинет. Это соседняя дверь.

Бдэж восседал в своем большущем мягком кресле, сосредоточенно вперившись взглядом в дверь, не хуже стародавних земных королей на своих тронах.

Классическая картина: окно, заливающее светом комнату; начальник, стол и кожаное кресло, бросающие тень на ковер и подчиненного там же.

³¹ Лучший способ почувствовать умиротворение.

Дежурное приветствие, холодный обмен улыбками.

Стандартный вопрос. Изо дня в день стабильно повторяющийся.

— И что же намечено на ближайшее время?

Элрой, важно нахохлившись, захватил побольше воздуха и на редкость мелодичным речитативом принялся перечислять: встреча с советом директоров корпорации Джитчиэль на выходных, составление доброй сотни отчетов по проведенной в прошлый четверг инспекции на заводе коммуникаторов «59263-Комм», что недалеко от Тчельпьюрьи-15³², подготовка реформы образования³³ и, наконец, на сегодня у нас... у нас сегодня... эхм...

Бдэж, убаюканный сими прелестными напевами, очнулся и нахмурился. Впервые за несколько последних лет Элрой вдруг запнулся. Как это понимать?

— ...слушание проекта Шеррильи Дчжонс, — договорил несколько побледневший Элрой.

Он что, подавился воздухом?

— Какой еще Шеррильи Дчжонс? Ей-то что надо? Протолкнуть новую систему налогообложения у себя на предприятии?

— Н-нет. Это по поводу... — голос опять предательски дрогнул. Совсем чуть-чуть, но все же. Больше он такого у Бдэжа не допустит. — Земли.

— Земля? Земля... Ах, Земля! Продолжай!

— В ее заявке указано, что она желает провести некоторые исследования, более того, в форме эксперимента. Остальное обещает рассказать сегодня, уже через час, на собрании в Главном городском зале заседаний. Дело серьезное, касается малоизученной планеты, поэтому наше присутствие там обязательно.

— Ну вот прекрасно, все-то всякие вылазят невесть откуда и постоянно отрывают порядочных людей от серьезных дел! Ты свидетель, я всегда утверждал, что Земля — напрасная трата времени, а исследователи эти — сущие нахлебники³⁴. Мне вполне хватило на всю жизнь с Земли всего одной их, пожалуй, единственно верной поговорки, которую я бы и ей посоветовал вспомнить: много будешь знать...

«... скоро состаришься», — проговорил про себя Элрой. Не самая радостная перспектива.

— Но нечего делать, надо исполнять долг перед обществом... Ты свободен.

— Да сэр. До встречи в Зале через час.

Элрой постарался поскорее закрыть дверь и переправиться к себе в кабинет.

Ну вот. Он уже в своей крепости.

Хорошо иметь собственный кабинет, где можно посидеть в уединении, где легче пережить волнение, поскорее оправиться и прийти в себя.

Собратся с мыслями. Собраться с мыслями.

Собраться.

Для начала успокоиться.

Не так-то это просто.

³² Элрой прекрасно знал: завод работает идеально. Однако положено проводить инспекцию на подобных заводах раз в три года. Положено — значит только одно: положено.

³³ Еще одна форма документов, требуемых при поступлении в школу, называемая Эль-5645392-НТ, никогда не помешает. Надо будет ввести.

³⁴ Очевидно, память Бдэжа не идеальна.

Есть на свете такие редкие имена, которые, особенно если долго их не произносить, начинают казаться заветными и попросту непроизносимыми, а сама мысль о том, что их придется когда-нибудь озвучить, приводит в трепет и выводит из состояния равновесия.

Назовите еще хоть что-нибудь глупее, чем это. Давайте-давайте!

Элрою было досадно, что он так сплеховал. Столько лет практики механического беспристрастного автоматизма и сдерживания чувств — и что же, пшик в один момент?

Возможно, его замешательство было почти незаметным. Но... вряд ли незаметным для Бдэджа. Уж он-то его с детства прекрасно знает и подмечает все гораздо лучше, чем может показаться на первый взгляд.

Он точно заметил.

Как неприятно получилось!

И как это только вообще получилось? Его — всезнающего Элроя — застали врасплох! С такой легкостью!

Он же совершенно забыл об этом намечавшемся Заседании.

Более того — он даже не знал о нем!

Всю организационную работу выполнили подчиненные и лишь прислали ему служебную записку. Их он, признаться, никогда не читал³⁵, просто потому, что, во-первых, их было слишком много и если б он принялся их все читать, он бы никогда не дошел до более важных дел³⁶, а, во-вторых, он знал их содержание и без чтения.

Но не в этот раз!

А почему?

Нечего было учиться так старательно систематически гнать мысли о Шерри, пока они совсем не пропали. Более того, он попросту не пропускал их в голову — ни в каком виде!

Сам и виноват — не успел подготовиться и узнал все в последний момент.

Ощущение было таким, будто его окунули в воду. Холодную. С головой.

Не самое замечательное.

Есть еще почти час (56 минут, 12 секунд, если быть точным), чтобы успокоиться.

С тех самых пор, как он выбил ей стипендию на исследования³⁷, Элрой старательно больше не вспоминал о Шерри. Никогда. Глупейшие сны не в счет.

Никогда больше не встречался с Шерри.

И уже через час она предстанет перед ним. Интересно, изменилась?

И как ему себя с ней вести? Да еще и в обществе всех этих мнящих себя гениями, напыщенных умников-исследователей из научного сообщества. И Бдэджа в придачу.

Что она задумала? Дадут ли ей шанс?

Очки не знали, но сам Элрой прекрасно знал за них: нет, не дадут. Такие, как они, не дают шансов таким, как Шерри.

И хотя в любой момент времени он мог бы без проблем перечислить 7 с половиной причин, позволяющих ему считать себя счастливым человеком, сейчас он ощутил себя очень несчастным.

³⁵ Не говорите никому.

³⁶ Скажем, к их сортировке по папкам.

³⁷ Ох, как давно это было!



Элрой не бил нервно пальцами по гладкой крышке стола, не дергал галстук, не участвовал в поддержании напряженного гама в зале (с этим прекрасно справлялись остальные присутствовавшие, создавая все больше бубнежа), ничего такого! Он лишь временами поправлял свой безнадежный хохолок³⁸, да поглядывал на дверь, на Бдэчжа, сидящего рядом, на кафедру и опять на дверь. Иногда он гулял расфокусированным взглядом по всему залу, но все дорожки неизменно приводили либо к двери, либо к кафедре.

Какой у них все-таки замечательный Зал заседаний! Ни в одном городе ни в одной стране не найдете вы зала роскошнее. Величественные своды, прекрасная акустика, строгий и элегантный интерьер, приглашающий к серьезным дискуссиям и вершению великих дел. Когда-то так оно и было³⁹.

Теперь Зал редко использовался, со временем он будто помрачнел. И обзавелся кое-где ажурными сединами паутинок, поблескивающими в полутьме.

Все слушатели располагались над кафедрой, точно в бельэтаже, полукругом. Члены научного сообщества заседали слева и справа. Самые высокопоставленные — представители власти (их было двое) — сидели в ложе в центре.

Потому Элрой мог спокойно обзирать зал со всех сторон.

³⁸ Была у него привычка.

³⁹ Элрой для разрядки перечислил себе же несколько судьбоносных для страны решений, принятых в этом Зале.

Но все его внимание захватила кафедра для выступающего. И дверь, через которую этот выступающий должен был войти.

Не верится!

Сейчас кафедра была пуста. Но он знал, что скоро ее займет Шерри. Вот там, где сейчас никого пока нет, будет стоять Шерри!

Не верится!

Он силился представить, как она войдет, что скажет... и не мог. Как грустно не уметь ничего представлять!

— Ну где там она пропадает? — рявкнул Бдэчж. — О, мисс, будьте так любезны, почтите нас своим присутствием!.. Слишком много себе позволяет.

— Она придет сэр. Запоздывает на 8 минут, 4 секунды, но придет.

Внешне он был совершенно спокоен. Только так с Бдэчжем и надо разговаривать. Свой лимит выразительности он уже исчерпал на год вперед сегодня утром.

Где она правда есть, эта Шерри? Немыслимо, как ей всегда удавалось опаздывать и при этом приходить в самое подходящее время, которое, как он для себя открыл, не всегда совпадает с тем, что назначает какое-нибудь должностное лицо сверху. Все ей сходило с рук! Ничуть не изменилась за столько лет!

Опаздывать — дурной тон. Что может быть хуже? Элрой не сомневался — кто угодно на ее месте уже разозлил бы всех этих важных мужчин и женщин до такой степени, что его просто-напросто лишили бы аудиенции. Либо они разошлись бы, не дожидаясь его появления, либо — что еще неприятнее — вынесли бы ему публичный выговор, провели бы нудный урок хороших манер и отправили домой, не дав и рта раскрыть (за чем он, собственно, и пришел).⁴⁰

В данном случае Элрой не боялся такого развития событий. Это же Шерри! За столько лет он так и не расстался со своей бессознательной уверенностью: Шерри знает лучше всех, как правильнее сделать. И точно не уйдет, пока не скажет все, что хотела.

Элрой в какую-то долю секунды не смог сдержать улыбки. Ну конечно, причина опоздания, Шерри в своем амплуа!

Интересно все-таки, что же она решила предложить? Очки молчат, значит, ни с кем не делилась еще своими идеями. Пока. До сегодняшнего дня.

Ну приходи же скорее!

Ему не терпится тебя увидеть.

Шерри все не шла, Элрой снова помрачнел. Еще одна мысль грызла его: почему она будет стоять внизу, а он, Элрой, наверху? И почему все эти люди сидят наверху? Что они такого особенного сделали, чтобы там сидеть? Что особенного сделал он? Лишь пользовался ее изобретением все это время и будет еще продолжать пользоваться до конца жизни... Ему было неловко от этих мыслей и его просто изводило ощущение неправильности, какой-то ошибки. В чем заключалась эта ошибка? Он не знал. Просто... что-то тут неправильно.

Никогда об этом не задумывался. До сегодняшнего дня. Мысль о встрече с Шерри очень странно на него подействовала.

⁴⁰ Элрой вдруг поймал себя на мысли о том, что рассуждает так, будто бы сам он к числу важных мужчин не относился. Это было глупо: он давно уже был таким же как они, а если чем и отличался, так это не обычной, а даже особой степенью нудности и педантизма. Да, признаться, он был страшно нудным важным мужчиной — вот кем он был.

Они не должны были больше пересекаться. Не должны, но пересеклись опять.

Элрой припомнил далекий-предалекий разговор с Бдэчжем в коридоре. Тогда он обещал ему покровительство Шерри и реальную возможность оказать ей поддержку, когда потребуется.

Потребовалось. Сейчас. Элрой не знал, что она задумала, но верил: это будет что-то замечательное.

Все, как Бдэчж когда-то и предсказал. Кроме того, что...

... реальной возможности так и не появилось. Вот сидит он тут в ложе, в центре самого величественного зала, ему всегда демонстрируют вежливое почтение, приглашают на приемы, чуть ли не каждый день цитируют в газетах... и что? Все равно, за все время он ничего не переменил в отношении тыньчжан к Земле.⁴¹ И сейчас он тоже ничего не сможет поделать.

Решать Бдэчжу. Еще, конечно, научному сообществу. И ему, Элрою. Но и он, и сообщество несут лишь совещательные функции. Не больше.

Решает все Бдэчж. Первый заместитель Президента.

Безнадежный случай.

«Уже на крыльце!» — поразила молнией мысль.

Еще несколько секунд... и Шерри открыла дверь.

Казалось, силуэт ее купался в солнечном свете, которым была залита улица, видневшаяся в дверном проеме. Тонкая полоска этого света успела уже пробраться и в зал.

Элрой силился и никак не мог разглядеть ее лица — все из-за света!

Как всегда бывает в таких случаях, галдеж, будто по сигналу, стих, и воцарилась полная тишина.

Шерри, ничего не сказав, легко и уверенно прошествовала к кафедре. Гулко отдавался каждый шаг. В руках у нее была сумочка, набитая какими-то чертежами, а в волосах — украшение: что-то очень красное, возможно, даже чересчур. Но прекрасное. Цветок.

Да, это была Шерри. Повзрослевшая, лишившаяся за это время половины своих веснушек на лице, но точно она, Элрой бы ни с кем ее не перепутал. Мог бы сказать хоть с закрытыми глазами: это ОНА вошла в зал — руководствуясь уже тем, какую необычайную атмосферу благоухания, торжественности и тишины она принесла с собой. Никто больше не смог бы.

В первую минуту ее появления он позабыл все свои прежние тревоги и сомнения. Все стало очень просто вдруг.

Очень захотелось просто подбежать к ней и дружески обнять. Или хотя бы просто крикнуть со своей центральной ложи «Привет!» и помахать рукой. Просто улыбнуться в ответ на ее улыбку.

Так просто и легко казалось все это сделать, как будто и не было 10 лет разлуки и виделись они только вчера.

«Эй, Шерри, смотри, смотри же, я тут! Видишь меня? Помнишь меня? Узнаешь меня?» — проносилось у него в голове. Еще чуть-чуть — и выкрикнул бы.

Но вовремя одумался.

Ну что ты за человек такой?

⁴¹ На эту проблему никогда не хватало времени...

Естественно, узнает. Его имя, наверно, уже у всех на слуху. Естественно, сейчас она его увидит — коль скоро он председатель собрания.

Новая мысль. Кольнуло.

А вдруг она обижена на него?..

Нет, не похоже.

Подумать, сколько мыслей за такое короткое время.

Шерри, между тем, радостно оглядела зал со своей кафедры. И пока несколько уже покинувших зал ученых занимали обратно свои места, она неспешно достала свой очаровательный цветок из волос, с нескрываемым удовольствием вдохнула его аромат и с улыбкой вплела обратно в свои чудесные вьющиеся пряди.

— Здравствуйте, уважаемые заседатели! Искренне прошу вашего прощения за опоздание. Причиной всему — цветы.

Взгляд ее приветливо скользил по рядам. Она обращалась ко всем сразу, открыто, как к добрым старым друзьям. Не умела она по-другому.

— Понимаете, несколько месяцев назад я совершенно неожиданно обнаружила в комнате родителей семена земных цветов. Не могла же я их не посадить! Как раз сегодня бутоны должны были распуститься! Все время я только этого и ждала... Поверьте, такое волшебство нельзя пропускать, ведь раньше мне не приходилось выращивать земные цветы! Взгляните, какая красота! Какой насыщенный цвет, какое благоуханье! Разве не чудо? Мне так хотелось показать их вам!

В тот самый момент, когда взгляд ее сияющих зеленых глаз обратился к центральной ложе, Элрой принялся старательно вынимать бумаги из папки.

В самый последний момент он вдруг испугался взглянуть ей прямо в глаза.

Очень хорошо, что он позаботился о бумаге и даже начеркал там кое-какую информацию, которая, вообще-то говоря, совершенно ему не нужна. Зато можно делать вид, что он ее читает — не надо думать, куда деть взгляд.

Надо было занять свое место председателя.

Надо было начинать.

— Мисс Шеррилья Дчжонс, позвольте поприветствовать вас от лица собрания. Вам 19 лет, живете одна, постоянного места работы не имеете, основным средством дохода является получаемая ежемесячно стипендия на проведение исследований в области изучения планеты Солнечной системы (галактика Млечный Путь) Земли. Вы также состоите в Межпланетной Ассоциации Исследователей и Изобретателей.

28 марта этого года в Администрацию поступила ваша заявка на получение государственного финансирования для нового проекта, все также посвященного исследованию Земли. Сегодня, 3 июня, проходит слушание, по окончании которого будет принято решение либо о предоставлении финансирования, либо об отказе в таковом.

Мы предоставляем вам время на презентацию своего проекта. Постарайтесь рассказать как можно подробнее, в чем он состоит, какую сумму и на какие цели вы планируете получить.

Знатно протараторил.

Голос был официальным и несколько надменным. А он всего-то старался скрыть свое волнение.

Шерри же, наоборот, более чем спокойно ответила:

— Я хочу полететь на Землю, чтобы научиться мечтать.

Повисла неловкая тишина. Элрой на долю секунды от неожиданности и откровенности признания даже забыл, где находится.

Очень в духе Шерри. Она не может начать с чего-нибудь более понятного большинству. Вот будто бы нарочно — сразу в лоб. Хотя... скорее всего, она не подумала о большинстве и способах влияния на него, а сказала просто и честно — без всякой утайки, без всяких привычных болтливых и бессмысленных вступлений, так вот сразу и по самой сути.

Элрой почувствовал недоуменный взгляд Бдэджа на себе — очевидно, тому хотелось разъяснений. Остальные изобретатели и исследователи тоже переглядывались. Похоже, им всем становилось спокойнее при виде порядком растерянных физиономий друг друга. По крайней мере, еще кто-то не знает, что такое «мечтать».

На все эти переглядки Шерри дала им несколько секунд и, не дожидаясь второй фазы общественного недоумения — появления перешептываний и гомона — продолжала все в той же тишине:

— Земля — совершенно невероятное место, прекрасное и неповторимое — а, главное, это единственная из обитаемых планет, известных нам, где люди умеют мечтать. Что это? Пока я не могу вам ответить. Но сгораю от желания узнать! Неужели вам совсем безразличен этот ярчайший феномен их мыслительной деятельности? Все дело в том, что вы пока не имеете о нем ни малейшего понятия! Подумайте, мы почему-то давно не интересуемся ничем новым и считаем, что знаем уже все, а это далеко не так.

Мы знаем все о курсе акций, о печати документов и составлении служебных записок — и еще о многом подобном, расположенном недалеко от носа, — и почему-то верим, что это все, что нам требуется знать.

Но что мы знаем о Земле? Эта планета, третья от Солнца в Млечном Пути, вот уже много лет незаслуженно остается обделенной нашим вниманием. Совсем напрасно! Формально она находится на гораздо более низком уровне технического развития и по всем показателям значительно уступает нашим. Именно поэтому она нам совсем неинтересна и кажется бесполезной — точно пройденная фаза развития, точно истекший договор, который никто не хочет продлевать. Но вдумайтесь: лишь на формальных показателях и лишь на цифрах! Если же мы постараемся выглянуть хоть немного за рамки привычного нам поклонения безликим цифрам и весьма относительным материальным ценностям, мы откроем для себя, что на самом деле земные люди, говоря языком, понятным всем нам, гораздо богаче всех нас! Невозможно измерить их богатство, ведь оно заключено не в деньгах — оно заключено в идеях, обитающих в их головах! Они умеют представлять, они умеют придумывать, они умеют мечтать! В них есть в полном смысле творческое начало! Они умеют создавать совершенно новые вещи — из ничего! Пока для всех вас это пустые звуки, и потому я страстно желаю продолжить дело моих родителей, всю жизнь занимавшихся изучением Земли, и донести все это до вас! Все мы даже не осознаем, сколько драгоценностей таит в себе далекая и кажущаяся нам с наших высот неприметной Земля! Сколько всего может нам дать умение мечтать! Прислушайтесь же и сосредоточьтесь: я говорю сейчас не о делопроизводстве, не об отдельной области в экономике и не о каком-нибудь аспекте политики. Воображение — шире! Оно

всеохватно! Я говорю о жизни вообще! О той жизни, какая могла бы быть у нас! Которая когда-то была.

Мало кто знает, в далекие времена наши предки, как и земные люди, тоже обладали этой способностью. Более того, все, что мы имеем сейчас, все это мы получили благодаря их воображению. За счет их идей. Но со временем, и это крайне плачевно, изобретенные ими же порядки и вещи поглотили нас без остатка. Все меньше времени наши головы оставались не заняты мыслями о работе, все меньше мы успевали читать художественной литературы... вижу, требуется пояснение: художественная литература — это не отчеты, не протоколы, не сводки свершившихся фактов и событий, появляющиеся в газетах. Художественная литература — это, если сказать совсем упрощенно, вымышленные истории о несуществующих людях... ну да что уж там, я не хочу отклоняться от темы. Из-за этого и многого другого постепенно мы просто-напросто утратили эту величайшую способность! Разучившись мечтать, мы разучились по-настоящему переживать чувства и эмоции — и образовавшуюся пустоту внутреннего мира заполняем все новыми делами извне. Мы не можем жить так, как живут они, земные люди, — полной жизнью. Мы — да, сейчас будет не самое приятное для нашего слуха, но необходимое слово, потому что оно точнее всего описывает настоящую ситуацию — паразитируем на старых идеях, и, хотя нам и кажется, что мы постоянно что-то изобретаем и совершенствуем — принося тем самым пользу обществу — это совсем не так. За неумением создавать что-то новое, выразаться по-своему, мы лишь усложняем уже имеющиеся идеи. Эта усложненность создает иллюзию наполненности смыслом нашей деятельности и наших жизней вообще. На деле же мы влачим достаточно пустое существование. Удивительный парадокс, если вдуматься хорошенько: усложнения мира снаружи способствуют все большему упрощению нашего мира внутри. С каждым годом становится все хуже.

Все, что осталось у нас сейчас, — это сны. Сны видят только самые впечатлительные из нас.⁴² И сны эти всегда в точности повторяют пережитые в прошлом события. Сколько присутствующих здесь людей видит сны? Понимаю, никто не станет признаваться. У нас считается неприличным об этом говорить. У нас даже существуют общества анонимных сновидцев. Мы все силы до последнего прикладываем, чтобы от снов избавиться.

Я вижу сны. К сожалению, как и все, кто их видит, только о прошлом. Но я точно знаю, большинство людей на Земле видят сны о выдуманных вещах, которые никогда не происходили. Иногда их сны повторяются, иногда продолжают один другой, но чаще всего каждую ночь они видят совершенно новые сюжеты! Ночами они переживают маленькие приключения, в то время как мы в лучшем случае снова и снова переживаем события прошлого — с теми же самыми чувствами, что были у нас когда-то. Не знаю, как вы, но я...

— Юная леди, давайте перейдем наконец от вас с вашими провокационными вопросами к проекту! — нетерпеливо попросил один из почтенных профессоров, ответственный за разработку новой модели ручки, которую как раз сегодня успел опробовать Элрой. Это был очень важный господин, переживавший триумф после своего недавнего достижения — все его помыслы были обращены к завершению

⁴² На этом месте Бдэж испустил надменное хмыканье, видно, рассчитанное на привлечение внимания Элроя, слишком уж заслушавшегося Шерри, что-то вроде «Ха, слышал раз о таких беднях, откуда только берутся?».

проекту, и не было желания слушать эту помешанную девчонку совершенно. Он никак не мог взять в толк, что ей надо. При чем тут сны? Что вообще можно взять с Земли, если они до сих пор не имеют даже ни одного синтропозатора? Пусть поскорее покажет, что там у нее — уж наверняка и рядом не стояло с новой ручкой — и уходит.

Послышался одобрителный гул.

Элроу было невероятно неловко. За себя, за Бдэджа, за них за всех. Напыщенные индюки! Что они действительно понимают? Каждый занят собственными мыслями о своих делах и проблемах, да только и ждет, как бы поскорее вернуться к себе в кабинет, чтобы расправляться со старыми и тут же создавать новые.

Они же даже не пытаются прислушаться и понять! Может, и смогли бы, если б пожелали... да по лицам видно — не хотят.

А он хочет! Неужели только он один?

Шерри, кажется, ничуть не обиделась. Лишь виновато улыбнулась. Энтузиазма у нее при этом совсем не убавилось.

— Прошу вашего снисхождения, похоже, я чересчур увлеклась, пытаюсь обратить ваше внимание на глобальность и важность проблемы. Наверно, мне следовало начать с другого, с примеров. Их я вам сейчас и продемонстрирую!

Так перейдем же ближе к делу. К моему проекту.

Шерри раскрыла свою сумочку и принялась рыться в чертежах.

Правильно, с чертежей и стоило начать. Ученые обожают чертежи.

Но, только-только развернув один из них и оглядев критически, не дав никому вникнуть, Шерри тут же свернула его обратно в трубочку. Очевидно, самой ей чертежи давно уже надоели. И тратить на них время ей вдруг расхотелось.

Лучше уж сразу показать их воплощение.

Шерри торжественно оглядела зал и, без лишних слов, в полной тишине разжала кулачок.

— Вот оно, мое лучшее изобретение!

В руке ее таинственно блеснуло что-то совсем крошечное.

Что там?

Элрой тихонько вытягивал шею вперед, стараясь не превысить лимит «максимально возможного расстояния для вытягивания шеи», чтобы не сочли, чего доброго, что он удивлен или любопытствует, и сосредоточенно приглядывался.

Аккуратненький блестящий шарик-малютка. Напоминает Сатурн, что в Солнечной системе. Совсем невесомый! Он даже порхал над Шерриной рукой.

Все общественное внимание было обращено на новоявленную штучку, поэтому никто не заметил, как он потерял дар речи от всецело охватившего его восхищения.⁴³ Он ведь знал, как эта штука работает, и теперь, после слов Шерри, наконец осмелился догадаться, зачем же все те процессы в ней происходят.

Поразительно! Это же просто чудо! Неужели такое чудо возможно было создать? Неужели это возможно?

О Боже! Невероятно!

А Шерри, между тем, начала свой рассказ.

— Я занимаюсь изучением земных артефактов уже много лет — и по ним пытаюсь воссоздать наиболее полную и приближенную к реальности картину быта

⁴³ Здорово, что говорить сейчас была очередь Шерри.

землян, понять их мировоззрение и ценностные установки. К сожалению, объективность и достоверность этой работы более чем относительные. Очень обидно, но приходится признавать: большое количество погрешностей и неточностей в ней неизбежны. Земля ведь отличается огромным разнообразием культур, да что уж там — они и сами не смогли до конца изучить их все и до сих пор не разобрались в том, какие методы в этом изучении им следует применять, как добиться максимальной объективности и пр. и пр. Что же говорить о стороннем исследователе, в положении которого я выступаю, находящемся вдали и не имеющем с ними непосредственного контакта? И все-таки, лучше знать мало, чем ничего.

Мои родители регулярно проводили экспедиционные полеты на Землю и привозили оттуда множество вещей, назначение которых затем пытались интерпретировать. Кстати сказать, на самом деле земляне не такие безалаберные, как многим может показаться. Они создали множество фундаментальных научных трудов, очерков и описаний, не говоря уже о книгах, картинах, фильмах, комиксах и остальных произведениях искусства, где хорошо прослеживается их быт и работа воображения...

Тут Шерри вдруг легонько хлопнула по своему заветному шарiku, и он послушно раскрылся на две части, точно скорлупка расколотого орешка.

Из шарика, оказавшегося настоящим рогом изобилия, на слушателей обрушилась лавина поразительных образов, тем не менее, послушно повиновавшихся Шерри и аккуратно сменявших один другой по мере ее рассказа, который все более ее вдохновлял. Она начала свою речь скромно и тихо, но голосом твердым, уверенным. Постепенно он звучал все громче, все восторженнее!

— Взгляните только, Земля — восхитительная планета! Уникальная планета! Очень яркая планета! Сколько красок, сколько экспрессии, сколько фантазии, сколько эмоций найдем мы на Земле! Поразительное богатство флоры и фауны, великое многообразие уникальных ландшафтов: моря и океаны, леса, горы, пустыни, равнины, лагуны... чего там только нет! У них даже, в отличие от нас, есть специальные профессии, посвященные всем этим сокровищам природы. Их люди изучают собственную планету. Им это интересно!

Да и что может быть на Земле неинтересным? Не знаю решительно. Чем больше я о Земле узнаю, тем пленительней она для меня становится. Быть исследователем Земли — одно удовольствие, ведь она — абсолютно неисчерпаемый источник новых впечатлений, новых открытий.

Что касается лично меня, то в область моего особенного внимания входит работа сознания и подсознания земных людей. Мне важнее всего понять, как они мечтают. Что они чувствуют, как это происходит.

Как у них получается мечтать? Как у них получается воображать?

Как им удастся делиться всеми впечатлениями, которые их мечты у них вызывают? Как им удастся доносить свои, такие эфемерные и неуловимые, мечты и чувства до остальных? Как?... Да, у них никогда не получается выразиться настолько, чтобы остальные почувствовали ровно то же самое, но в том-то и прелесть — каждый из них чувствует свое! Имеет свою картину мира и свой взгляд.

И они испытывают потребность в творчестве! Как здорово!

Что такое творчество? Я хочу узнать! Я хочу ощутить!

Что такое вдохновение? Как это? Кто это?

Все эти картины, все эти образы, проносящиеся перед вами, — их все я взяла из их книг, из их фильмов, из их рисунков! Это все придумали и увидели они!

Как мне удалось узнать, читая их труды, примерный процесс выглядит так: сначала они получают информацию от внешнего мира, затем обрабатывают все это в своем воображении, привносят туда что-то свое и наконец, вдохновившись, снова отправляют в этот мир, сделав доступным остальным — при помощи творческого выражения. Так просто, казалось бы, и так непостижимо! Так удивительно и невероятно! Каким образом это им удается?

Разве вы не чувствуете? Каждый из этих образов наполнен чем-то особенным, чем-то неуловимым, очень личным — переживаниями тех далеких земных людей, ответственных за идею, одного или нескольких, а также многих тех, кто принимал участие в воплощении этой идеи. В такие моменты, очевидно, идея объединяет их настолько, что они выступают за нее, как если бы это был один человек.

Разве это не прекрасно?

Вот беспечный человек, поющий под дождем, вот забавный толстый человек в красном, разносящий подарки зимой, вот печальный человек в белом гриме с гитарой, а вот очень правильный сверхчеловек в забавной одежде, спасающий Землю от космических врагов. Вот прекрасная фея, легко порхающая с цветка на цветок, и вот еще, взгляните, какая прелесть: один из многочисленных образов инопланетян...

— Но ведь это абсурд! Это же совсем не похоже на правду! Всем известно, что люди на всех планетах одинаковые!⁴⁴ — послышался недоуменный возглас откуда-то сбоку.

— Но в этом же весь смысл! Они придумали настолько сильные образы, что многие из них принимают их за правду! Какая поразительная сила воображения! Подумайте! Они пока никак не в состоянии получить достоверные знания о других обитаемых планетах, но при этом они не ощущают себя беспомощными, ведь у них, полных любопытства, есть сила воображения, с помощью которой они и создали эти образы. Сила воображения делает их жизнь ярче и компенсирует временами отсутствие силы знаний, основанной на научных, строго доказанных фактах, какими всегда пользуемся мы. Временами они предпочитают силу воображения силе знаний и осознанно не хотят принимать реальность, уходя в грезы.

Плохо ли это? Они могут заблуждаться, но зато в большинстве случаев счастливо заблуждаться, ибо мечтам свойственно чаще всего приукрашивать реальность и отображать только желаемое. Хотя мне попадались и печальные люди, рисующие в воображении очень грустные и даже совсем мрачные картины, которые я никак не могу отнести к мечтам. Не хотела бы я оказаться на их месте. И все-таки... такие люди все равно испытывают гораздо больше эмоций, чем мы. И нередко дарят миру уникальные и трогательные за душу истории и образы. Те же из нас, кто склонен к меланхолии, не умея создавать подобные образы и избавляться от своей тоски через них, предпочитают избавляться от переживаний вообще. Пожалуй, лучше испытывать

⁴⁴ Вообще-то достаточно спорное утверждение. Не стоит забывать: люди одинаковы на всех планетах, ИМ известных. Но Вселенная бесконечна, и кто знает, что там дальше, за пределами их исследований? Элрой предпочитал не заморачиваться размышлениями о предполагаемых тех, кого он не смог бы увидеть при всем желании — коль скоро полет к ним требовал бы больше времени, чем вся его жизнь... мало ему других мыслей и знаний.

печаль и тоску и облекать их в уникальные картины в воображении, чем не испытывать ничего.

Спрошу же еще раз, плохо ли это? Я не могу ответить за всех вас.

Я могу сказать лишь, что жизнь их, их внутренний мир, сложнее. Очень многие из этих жизней наполнены очаровательными грезами.

Кроме того, поверьте, некоторые их мечты имеют одну замечательную особенность: они сбываются! Не все, к сожалению. Тогда все те рисуемые воображением картины становятся для них единственным способом пережить заветное. И все-таки, в некоторой степени они действительно его переживают, хоть так.

Но некоторые их мечты — да, сбываются!

Кроме того, они помогают им намечать цели и предпринимать конкретные шаги в реальном мире для их достижения.

Нет, никакие мечты не могут быть бессмысленными и не нужными.

Только подумайте! Как им интересно! Как им радостно жить на свете, ведь жизнь их всегда освещает надежда, которую излучают их светлые мечты!

Ну как же только у них получается мечтать?

Все вдруг стихло. Шерри снова сложила свой шарик и замолчала.

Лицо ее приняло самое мечтательное из выражений на этом свете — казалось, она прямо сейчас сочинит какую-нибудь идею, не менее прекрасную, чем приведенные ею в пример.

Элрой все еще находился во власти образов, выпущенных Шерри на волю. Тех самых образов, которые составляли в течение долгих лет многие, очень разные земные люди.

Все эти истории он уже знал. Узнавал названные и продемонстрированные Шерри сцены и героев, мог назвать имена их создателей... но он вдруг впервые ОЩУТИЛ их. Шерри будто заново открыла ему все эти земные фантазии, они снова наполнились для него смыслом, в то время как раньше у него были лишь их оболочки.

До этого он не знал их. Не знал по-настоящему. Он тогда еще не пережил эти истории, он не впустил в себя, не прочувствовал эти образы. Он лишь знал об их существовании. Что в данном случае означает знать?

Теперь они произвели на него неизгладимое впечатление. Когда-то он ощущал подобное, но так давно это было... он забыл эти ощущения настолько, что они казались ему теперь совсем новыми.

Упоенный восторгом, Элрой, казалось, ощущал на самом деле присутствие всех этих невесомых фантазий, легкие тени будто разбежались по залу.

Казалось, ничего не изменилось за 10 лет. Как и прежде, Шерри рассказывала ему о Земле. Все ее рассказы были наполнены смыслом. Они были прекрасны. Он был счастлив.

Легкое (однако же не совсем — с прикрепленным намеком) покашливание Бдэджа спустило его с небес, где он пребывал, на землю.

Он попробовал поймать последние отзвуки впечатлений, но те ускользнули стремительно и, как казалось, безвозвратно и навсегда. Ему вдруг стало необыкновенно грустно.

Все так быстро закончилось.

Но как же они были прекрасны! Пожалуй, лучшие мгновения в его жизни!

Надо очнуться! Он же председатель! Председателям не положено отвлекаться на подобные вещи. Председателям положено быть бесстрастными и сохранять холодную голову в любой ситуации.

— Благодарим вас, мисс, но, пожалуйста, сосредоточьтесь и будьте конкретнее! Что же именно может ваше изобретение и что вы планируете сделать?

Шерри встрепенулась. Тон ее стал на редкость серьезным. Она больше не улыбалась.

— Мои родители никогда не вступали в контакт с землянами. После случившейся аварии, унесшей их жизни, я несколько лет провела, тщательно изучая земные вещи, привезенные ими сюда.

И вот однажды, читая земные книги и дневники, я случайно попала на одну идею — идею невероятно смелую, полностью завладевшую моим умом и легшую в основу моего изобретения. Этот человек мечтал об устройстве, которое позволило бы ему поймать все его мечты, замыслы и сюжеты и перевести их в фильмы и мультфильмы.

Вы ведь знаете, что такое мультфильм? Это единственное в своем роде явление, и в нем, как мне кажется, наиболее полно выражается суть человеческой фантазии. Мультфильм — это оживленные картинки, взятые из человеческого воображения, которые складываются в единый образ. Сами образы в мультфильмах, а точнее, их внешнее представление на пленке, обычно не являются точной копией окружающего реального мира, они всегда несколько упрощены и вбирают только самое характерное. Каждый обладает своим стилем. Нет, вы даже не представляете, какими разными бывают мультфильмы! У каждого, будто человека, своя индивидуальность!

Не пугайтесь, если что-то осталось вам непонятным. Я просто не в состоянии объяснить, что такое мультфильм на словах. И не буду даже продолжать.

Мультфильм надо увидеть!

И вы увидите его!

У земных людей, мечтающих снимать мультфильмы, на пути встает много препятствий. Не только с работой воображения, но и с более приземленными вещами тоже, например, с невозможностью финансировать свой проект, требующий, как правило, значительных затрат. Большие сложности вызывает поиск нужной команды профессионалов, которая сумеет в точности передать все то, что видит сам автор идеи, качественно и без ошибок... на создание мультфильмов (которые предваряет еще и вынашивание идей) уходят годы, а в процессе принимает участие огромное количество людей. Мне повезло: у меня было несколько книг, посвященных созданию мультфильмов, и я убедилась, насколько это трудоемкий процесс.

Одним словом, на пути людей встает огромное количество трудностей.

Поэтому работа над мультфильмами, как и любой другой коллективный труд, требующий большой отдачи сил, всегда вызывала мое искреннее восхищение. Но оно становится поистине безграничным, когда я понимаю, что это не просто труд, это дело, требующее творческого подхода и богатейшей фантазии всех тех, кто за него берется.

Мне всегда казалось крайне обидным, что чаще всего мультфильмы не снимаются не из-за отсутствия идей, а из-за невозможности осуществить саму съемку. Или мультфильмы с великолепными и неожиданно яркими идеями оказываются очень некачественно снятыми — из-за банальной для земных людей нехватки денежных средств. Несправедливо, что лишь совсем малая часть идей (я имею в виду малая

часть действительно замечательных идей!) находит свое воплощение в мультфильмах!

Сколько людей готово было бы их снять, да не имеет возможности! Сколько отдельных людей может детально представить все, что им хотелось бы перенести на пленку (это место, куда отправляются картинки, ну да неважно), сколько людей в буквальном смысле видит свои истории у себя в головах...

Откуда я это знаю? Они нередко об этом пишут в своих дневниках, воспоминаниях или мемуарах.

Я просто жажду им помочь! Я не могу передать словами, как хочу им помочь! Больше всего на свете мне хочется им помочь! Понимаете?

Мне всегда хотелось посмотреть, как они представляют что-либо, как получают идеи...

Это же чудо! Настоящее чудо! Они умеют творить чудеса! А у них так много проблем, которые их сдерживают, мешают. Ох, если бы только я могла хоть как-нибудь послужить земным людям и стать им полезной...

Я совсем не знала, как, но эта идея, которая вдруг и совершенно случайно попала мне... И ведь я совсем не умею сочинять идеи — нет, я бы никогда не дошла до нее сама — но я умею изобретать. И теперь, наконец, я смогу оказаться им полезна! Я смогу понаблюдать, как мечтают они, а, может, со временем и сама решусь попробовать!

Вот этот крошечный шарик, который я конструировала три с половиной года, — вот что мне поможет! Все он! Он способен вбирать в себя представления и мечты без всякого ущерба для самих представляющих! Только что вы видели демонстрацию уже созданных идей, которые он почерпнул из уже созданных произведений искусства. Но он может аккумулировать все идеи и мечты непосредственно в процессе их появления — и участвовать в создании нового мультфильма, в оформлении этих представлений из человеческих голов во вполне конкретные образы на вполне конкретных носителях, минуя все традиционные технические моменты создания картин. В данном случае я говорю о мультфильме и потому имею в виду пленку, на которую сразу можно будет перенести все их образы.

Но что еще это значит для научных исследований в глобальном плане?

Вы еще не поняли?

Все перечисленные особенности работы моего изобретения позволят мне детально изучить процесс воображения земных людей, узнать, как и из чего складываются образы, которые будут задействованы в мультфильме, что, наконец, поможет мне понять, как составлять их самой!

Разве это не замечательно?!

Кроме того, вступив в контакт с земными людьми, я узнаю много нового не только об их воображении, но и об их жизни вообще, о взглядах на нее! Я смогу лучше изучить Землю и ее природу!

И вернусь к вам с прекрасным земным мультфильмом, в создании которого я сама приму участие, научными фактами, объясняющими природу воображения, и, наконец, информацией о том, что нужно делать, чтобы научиться мечтать!

Какой это будет прорыв! Как изменятся наши жизни! Я так хочу постараться помочь вернуть нам давно утраченное лучшее из умений!

Шерри широко улыбалась. Но тут же посерьезнела.

— И я сделаю это тем скорее, чем скорее смогу собрать средства на экспедицию. Я буду премного благодарна Ассоциации и правительству, если они помогут мне в этом деле и предоставят финансирование. Мне потребуются некоторые инструменты и материалы, топливо и, разумеется, космический корабль с разрешением на перелет, а также некоторое количество денежных средств (пока я, увы, не могу назвать вам точную сумму, тем более на Земле все нестабильно и постоянно царствует инфляция) — столько, чтобы несколько человек могли совершить путешествие по Земле. Мне бы очень хотелось, коль скоро я там, не запираюсь в четырех стенах в домике какого-нибудь городка, а увидеть как можно больше и, главное, дать тем людям увидеть свою планету. Ведь, знаете, им повезло родиться на прекрасной Земле и отведено всю жизнь там провести, а многие при этом совсем ее не знают и не выезжали ни разу за пределы своих городов-областей.

Вот все, что я прошу. Я закончила.

Она посмотрела на председателя.

— Спасибо, мисс Дчжонс. Теперь, если у заседателей есть вопросы, самое время их задать выступающему.

Заседатели — люди педантичные. Даже если они решительно ничего не понимают, они любят задавать вопросы, просто чтобы все было точно и просто чтобы вставить слово.

— Сколько времени вам потребуется?

— Предположительно несколько месяцев.

— Где вы собираетесь приземлиться?⁴⁵

— Для начала в городе на берегу Атлантического океана Нью-Йорке.

— А почему?⁴⁶

— Нью-Йорк — один из тех земных городов, которые кажутся мне наиболее близкими по устройству к нашим. Он полон небоскребов и деловых людей. Есть еще крупные мегаполисы на Востоке, но там я буду сильнее выделяться среди местного населения. А мне бы хотелось для начала побыть как можно незаметнее и просто понаблюдать за их жизнью. Если я прилечу в маленький городок, где все друг друга знают и живут по им одним известным традициям, сами понимаете... А, ознакомившись с дневниками некоторых нью-йоркцев, я прихожу к выводу, что их уже ничто не удивит, даже те зеленые человечки, которых я вам продемонстрировала, столько необычных людей встречается в их городе.

Элрой вспомнил далекие заседания, совсем не похожие на это, заседания их Клуба. Шерри выбрала из всех городов Нью-Йорк, наверно, еще и потому, что это был первый город, о котором они узнали. Помнит ли она? Ну, зато он помнит.

— А как вы собираетесь определить, с кем из этих людей можно иметь дело?

— О, думаю, я решу это на месте. Рассуждать сейчас, пока я никого из них не знаю, — это бессмысленная трата времени.

Последний вопрос был за Бдэжжем, который имел обыкновение давать выговориться сначала остальным.

— А в курсе ли вы, юная леди, что, в соответствии с Законом «О неразвитых планетах», в случае если ваши контакты с землянами приведут к нежелательным,

⁴⁵ Это-то им зачем? Они же, наверно, даже материков не назовут.

⁴⁶ Видно, Шеррин ответ много им дал.

опасным последствиям для нашей планеты или для любой ее страны, вам грозит пожизненное тюремное заключение?

— Да. Я это знаю.

— И то, что лучше вам держать язык за зубами и вообще, во избежание всяких рисков, никак не выдавать своего происхождения, вы тоже знаете?

— Да, естественно. Взгляните еще раз на мое изобретение.

В этом шарике заключены огромные возможности, он очень функционален! Пока он будет в непосредственной близости от меня, я без проблем смогу разговаривать с людьми на всех их языках, а также читать все их книги. К сожалению, никак не могу разобраться с одной мелочью — люди будут слышать мой акцент. Но совсем легкий. Уж не знаю, в чем тут дело, откуда этот недочет... в остальном он работает идеально.

Кроме того, он же сможет записывать для меня важную информацию, и его можно использовать как своеобразную шпаргалку. Типично земное слово. Шпаргалки — это все равно, что подсказки. Если вдруг я в чем-то не буду уверена, что-то забуду, я всегда смогу обратиться к нему и получить всю ту информацию, что я в него заложила.

Я провела тысячи дней, изучая все их земные штучки. Возможно, что-то я и могла понять не так (особенно меня смущают их идиомы), но это лишь отдельные мелочи, а в общем и целом я уверена: я справлюсь и не буду выделяться из толпы, как белая ворона. Это такое земное выражение. Очередная идиома как раз. У них вороны черные.

— Однако. С такими-то изобретениями, вряд ли это будет так просто. Имейте в виду, мисс.

После Бдэджа обычно никто больше никаких вопросов не решался задать.

— Мисс Дчжонс, больше вопросов нет. Просим вас подождать некоторое время, которое потребуется на сбор голосов заседателей и принятие решения.

Он сел рядом с Бдэжем.

Бдэж только что удовлетворил свое мрачное желание позлорадствовать и теперь желал лишь поскорее отсюда уйти.

— Что они там так долго возятся? — только и спросил он Элроя.

Никаких даже попыток обсудить все то, что предложила им Шерри. Да дело уже решенное. Все заседание — одна большая формальность. Один бесполезный, ничего не значащий штамп в документе.

Элрой взглянул на Шерри. Она ждала.

Она чувствовала, конечно, что слова ее мало кого убедили, несмотря на всю их горячую искренность. Но весь вид ее выражал решительность. Видно было, что она намерена добиться осуществления своего проекта и ей неважно, сколько времени потребуется для сбора средств. Не получит финансирование от государства — найдет другой путь.

Пойдет работать, конечно, что же еще ей останется?

Элрой смотрел и ужасался.

Вольнолюбивая и свободная Шерри, которая всю жизнь легко и непринужденно только и порхала, что бабочка, с одного цветка человеческой фантазии на другой, ничем не связанная и ничем не обремененная, будет вместе со всеми каждый день от рассвета и до заката прозябать в каком-нибудь коричневом скучном офисе, выполнять

глупейшую работу⁴⁷, например, складывать целыми днями листы бумаги, и слышать ехидные подколки сослуживцев, которые, конечно, очень скоро узнают, что она копит средства не на домашнюю мебель, а на экспедицию к какой-то там Земле.

Какая она все-таки доверчивая. Какая наивная!

Сколько он ее помнит, она никогда не замечала особой разницы между собственными взглядами на жизнь и господствующими в их обществе. Нет, замечала, конечно, но никогда не понимала, почему ее собственные взгляды не могут быть в один прекрасный день разделены обществом. Потому никогда не жалела слов и энергии, когда пыталась что-либо поведать остальным, что-то донести до них! Всегда открыто говорила то, что думает.

Всегда ожидала новых членов в их Клубе.

И вот даже сейчас: неужели она действительно ожидала, что рассказ ее воодушевит всех тех, кто тут присутствует?

Что уж там! Даже Элрой, идеально изучивший их характеры и взгляды, верил, что она сможет. Верил до последнего. Шерри сможет! Хотя бы один человек, который ей доверится, который поверит во все то, о чем она говорила, который окажет ей поддержку, обязательно найдется!

Наконец принесли конверт с результатами голосования. Очередная формальность.

Бдэчж небрежно отбросил его, не раскрывая. У него не было очков, как у Элроя, но уж он-то знал не хуже, как они проголосовали. И к чему ему их голоса?

Теперь все дело за Элроем! Надо во что бы то ни стало попытаться убедить Бдэчжа! Просто необходимо это сделать! Сейчас он либо убедит Бдэчжа, либо признает себя самым большим неудачником на свете!

Сосредоточься! Действуй!

Не пришлось!

Бдэчж лениво, словно кот, потянулся. Весь его вид выражал только желание поскорее ощутить сладость варенья в булочке, которая ожидала его в кабинете, куда он так скоро планировал вернуться.

— Знаешь, Элрой, я бы и сам встал и огласил решение, если бы только это кресло не было таким мягким, а ее рассказ — таким утомительным... в любом случае, ты знаешь что сказать...

— Само собой, сэр, — Элрой беспечно улыбнулся ему, как если бы речь шла о написании очередной служебной записки или другой ерунды.

Встал. Сглотнул. Этот ужасный комок, так и встал в горле.

И чего он так разнервничался? Сколько уже раз он выступал перед Президентом? Сколько раз выступал в роли посла на межпланетных совещаниях и форумах? Он привык уже.

Никогда не волновался.

Что же он так разволновался теперь?

К счастью, никто не знает об этом, кроме него. Внешне он холоден как лед.

Уж он-то, как никто другой, действительно знает, что нужно сказать!

Холодной сталью (и никакого волнения!) по залу разнеслись его слова:

⁴⁷ Тем более опыта у нее никакого, в отличие от большинства людей ее возраста, да и выпускные экзамены она почти завалила...

— Мисс Дчжонс, мы согласны. Вы получите все, о чем просили, все, что вам потребуется. Можете уже сегодня начинать подготовку к вашей экспедиции.

Сказал.

Он весь горел.

Со стороны не скажешь.

Тишина переполняла зал. Кажется, даже Шерри не ожидала подобного решения! Ей потребовалось секунд 12, чтобы наконец прийти в себя.

— Если бы вы только знали, как я вам благодарна! Огромное спасибо! Увидите, я вас не подведу и постараюсь всеми силами оправдать возложенные на меня ожидания! Спасибо!

Пожалуйста. Он рад, что смог помочь.

— И если вдруг найдется еще кто-либо, кто захочет принять участие в экспедиции и разделить со мной намечающиеся приключения на Земле, я буду очень ему рада!

А это еще что? Это она еще о ком? Кто этот «еще кто-либо»? Элрой кинул мимолетный взгляд на ученых, все еще полных недоумения. Явно ведь она не о них. Что уж там скромничать, это она ему! Ему!

И можно подумать, это он делает шокирующие заявления!

Да неужели такому, как он, место на Земле? Да неужели она не видит, что он — всего лишь страдающий от чрезмерной впечатлительности управленец, способный только приказы всем раздавать, которые и сам получил свыше? Да неужели, если бы все они были героями какой-нибудь человеческой книги, кто-нибудь додумался бы включить его в число главных героев? Нет-нет-нет, это прерогатива Шерри! Героями книг должны становиться такие, как она! Его дело — появиться в начале, сыграть какую-нибудь роль в сюжете и уйти на задний план к своим ежедневным делам и заботам. Он недостаточно хорош. Он хорош только для предоставления всех нужных условий для таких, как она.

Но большего ему и не надо! Нет уж!

Чего доброго, он все еще испортит. Он же совершенно теряется в незнакомых ситуациях. Да и какой из него выдумщик? Вот так их еще и разоблачат на Земле из-за него... конечно, он знает гораздо больше, чем Шерри⁴⁸, и мог бы ей кое-что подсказать... но это такие мелочи! Шерри сама разберется на месте! Определенно, она и без него справится прекрасно. Тем более, там она найдет замечательных людей, не менее замечательных, чем она, ведь земные люди всегда именно такие!

Да и кроме того, как же Тыньчж без него? У него же всегда столько неотложной работы, с которой, пожалуй, никто больше не сумеет справиться... вот это как раз его дело и его компетенция. А вовсе не Земля.

— Об этом не было заявлено в вашем выступлении. Мы выделяем вам одноместный корабль. Но на случай, если вдруг желающие вас сопровождать найдутся, мы вам об этом сообщим в течение ближайших двух дней, — сказал достаточно жестко.

Кажется, ясно дал ей понять: он — не в числе желающих.

⁴⁸ В том числе и то, что некоторые из ее догадок о земных людях, записанные в качестве шпаргалок в ее «Сатурне», мягко говоря, не отражают объективную реальность, а грубо говоря, ошибочны.

Осталось уладить все с Бдэчжем. Теперь это не так страшно, Бдэчж не решится поправлять своего непосредственного подчиненного — это неэтично и нанесет большой урон его авторитету.

Нет, и как это только ему хватило наглости устроить начальнику такую подлянку? Элрой и сам не ожидал от себя подобного, и, если бы еще полчаса назад ему хоть кто-нибудь сказал, как он поступит, он бы с искренним сочувствием посоветовал этому кому-то пройти курс лечения.

Лицо Бдэчжа было красным⁴⁹ от ярости. Первый раз его подчиненный ослушался и утаил свои планы от него!

— Дорогой мистер Макинтош, объясните, как весь этот устроенный вами фарс понимать! Неужели эти дураки проголосовали «за» и вы их послушали? Да быть такого не может!

Элрой с каменным выражением и уверенностью, крепкой как алмаз, принялся спокойно приводить все свои циничные доводы. Приходится с такими, как он, быть циничным.

— Видите ли, сэр, вы совершенно правы. Подавляющее большинство проголосовало «Решительно против» и лишь 3,2% затруднилось ответить. Что из этого следует? Мисс Дчжонс следует скорее дистанцировать от научного сообщества, от нашего общества вообще, чтобы она не смущала ничьи умы и не вызывала общественное раздражение. Лучший способ — дать ей то, что она хочет. Пока она не выкинула какую-нибудь очередную глупость. Средства на эту экспедицию совершенно не сопоставимы с нашим бюджетом и никак на нем не отразятся, как вам известно. Так что это — самый простой путь избавиться от Шеррильи Дчжонс и всех ее нонсенов.

— Возможно, ты прав. Есть тут что-то здоровое. Но что будет, когда она вернется?

— Об этом еще рано думать. Неужели вы верите, что у нее что-нибудь получится?

— Ха-ха, не такой я дурак! Но... если только она натворит там хоть что-нибудь ненадлежащее, что угодно, что сможет принести угрозу нашему обществу, ты будешь первым, кто отдаст приказ о ее аресте! Учти!

— Прекрасно, сэр.

Бдэчж уже успел успокоиться. Его посетила новая мысль, вызвавшая совсем несвойственный для него приступ удовлетворения. Он даже не потрудился скрыть удовольствие и одобрение, моментально проступившие в широкой улыбке.

— А, знаешь, побереги энергию. Не стоит так стараться и изошряться со своими доводами. Я-то знаю, в данном случае тебя больше всего волнует не общество, а собственная персона. Я бы тоже, будь я на твоём месте, отослал подальше ненужное противное воспоминание. Вижу, далеко пойдешь. Своего не упустишь.

Элрой ничего ему не сказал.

Он чувствовал отвращение к этому человеку. Было настолько омерзительно, будто бы Бдэчж попытался дотронуться своими лапищами до его души.

Он и раньше никогда не испытывал к нему настоящей симпатии, как к человеку, только уважение, как к талантливому управленцу, способному удерживать власть в своих руках и, надо отдать ему должное, употреблять эту власть не только на собственные блага, но и на развитие общества и экономики.

⁴⁹ Почти как цветок в Шерриных волосах.

Теперь же ему стало просто гадко. Подобные мысли никогда не пришли бы ему в голову! Как только вообще можно было подобное предположить?!

Но он ничего не сказал.

Какая разница, что там думает Бдэчж? Что там думают остальные?

Этот человек в конце концов, сам того не желая, предоставил ему возможность помочь Шерри.

Остальное не важно.

Шерри летит на Землю! И это главное!



Крохотная квартирка была у Джулии. Зато собственная, да еще и в самом центре Нью-Йорка. Ну, почти.

И все-таки крохотная — всего одна комната — слишком мало для всех тех богатств, что в ней хранились. Богатств у Джулии было множество, и ей впору было открывать собственный музей. Если бы только остальные понимали, что это не просто разнородное собрание всевозможных вещей, посвященных комиксам, мультфильмам и книгам⁵⁰, а самое настоящее достояние.

Если бы вы зашли в эту ее комнату, вы бы, наверно, не сразу поняли, куда попали.

Счастье Джулии — мебель ее, представленная кроватью, столом, шкафом и многочисленными полками, а также пол были очень крепкими, и она могла быть уверена в том, что они не обвалятся. Счастье их — они не могли испытывать чувств, а если бы вдруг смогли, то, наверно, очень расстроились бы, ведь приходилось им совсем несладко — они просто ломились от фигурок, статуэток, бюстов, мягких игрушек, брелоков, чашечек, свечек, карандашниц с карандашами, книг, альбомов, изрисованных и еще пустых, просто листов бумаги, всевозможных сертификатов, картин в рамках и еще чего-то подобного где-то в закромах, что уже невозможно было бы не то что разглядеть, а хотя бы заметить за всем вышеперечисленным.

⁵⁰ Не вздумайте только назвать их хламом в присутствии Джулии!

А если вдруг вы вздумаете заглянуть в ящики ее стола или в шкаф, то срочно гоните эту мысль из головы! Как можно скорее! Поверьте на слово! Лучше уж заберитесь к себе на чердак или загляните в кладовку — там тоже, возможно, есть вещи малопонятного назначения и старинные коллекционные комиксы. Так хотя бы не в таком количестве.

Вот если бы вдруг у вас возникло более безобидное желание полюбоваться узорчиком на обоях, вам пришлось бы потрудиться на славу, потому как все они были скрыты если не за полками и шкафом, то все за теми же рисунками, дипломами в рамках, картинами и, наконец, плакатами.

Ну а если бы вы являлись любителем делать логические умозаключения, вы бы сразу выдвинули всего две версии: либо тут живет сыщик, стремящийся всегда и везде тренировать свое умение замечать и находить любую, даже самую крохотную мелочь, либо ярый поклонник произведений искусства подобного рода, немножечко переусердствовавший в своей любви к ним.

Джулия относилась ко вторым.

Собственная комната казалась ей самым уютным местом на Земле.

Может, кто-нибудь и смог бы с ней согласиться, если бы только все, что там имелось, было разложено по какой-то системе или как-нибудь отсортировано, ну хотя бы примерно расставлено по своим местам. Но Джулия имела обыкновение демонстрировать свой творческий подход и в беспорядке. Ей просто некогда было разобраться со всем тем, что у нее было, да и не хотелось.

Пожалуй, еще одной причиной, по которой она никогда не думала об открытии музея, была ее неспособность видеть все эти вещи расставленными по коробкам и пылящимися за витринами. Ей приятно было осознавать, что она в любой момент времени может погладить по шляпе свою фигурку замечательного волшебника-кондитера, о котором как раз не так давно сняли новый фильм, или рассмотреть часть раскадровки к диснеевскому 42-му по счету анимационному полнометражному мультфильму в своем эксклюзивном альбоме, который не так-то просто было достать. Пусть даже ей понадобилось бы несколько минут, чтобы вспомнить, в каком отделении шкафа ее кондитер находится, и несколько Джоулей затраченной энергии, чтобы достать свой альбом, накрытый еще несколькими подобными.⁵¹ Она все равно знает — они рядом, они в ее распоряжении. А жить в таком вот маленьком беспорядке даже интереснее.

Единственное, что никак не согласовывалось с ее концепцией уюта в доме, — так это положение кровати. За неимением места стояла эта кровать таким образом, что солнечный свет всегда по утрам бил бедняжке в лицо. Она даже отказалась от услуг будильника, а это было обидно, ведь он был таким симпатичным — в форме дивана, на котором развалился в блаженном сне рыжий ленивый котяра⁵² с типичным для него в такие моменты выражением нирваны. И хотя будильник был ей не нужен, она все равно держала его рядом — ведь он такой красивый! В этом же определенно была логика.

Ну и, разумеется, Джулия никак не могла решиться сменить имеющиеся у нее сейчас коротенькие красочные занавесочки, подаренные еще давным-давно ее

⁵¹ У нее были такие альбомы к 28-му, 30-му, 31-му, 34-му, 35-му и 36-му по счету мультфильмам.

⁵² Герой комиксов, разумеется.

двоюродным братом, на более плотные и длинные. Это же особенные занавески с на редкость позитивным ретро-узором: космическими ракетами и ананасами. В этом тоже была своя логика.

Поэтому летом Джулия имела обыкновение вставать на рассвете. Постепенно у нее даже появилась привычка выглядывать по утрам в окно.

Нет, совсем даже и не жалко, что сны ее прерывались солнечными лучами! Нью-Йорк на рассвете, пожалуй, может потягаться с самым сказочным из снов!

Ей хотелось сохранить волшебные ощущения грез, и утренний Нью-Йорк всегда настраивал ее на романтический лад. Она могла долго любоваться золотистыми облаками над небоскребами, розовым светом, в который окрашивались все стены соседних домов, цветочками в горшочках на окошке в доме напротив. Она обожала считать еще оставшиеся на небе, но уже тускнеющие звезды.

Затем она обращала свой взор на людей внизу, и любила считать первых прохожих, торопящихся по своим делам. За этим занятием она могла провести все утро.

Сколько же на свете совершенно разных людей! Как интересно за ними наблюдать! Можно по их походке, по манерам, по одежде попытаться представить, какие они. Только вот жаль, что она никогда не сможет проверить свои предположения. Они пройдут — и, возможно, она больше никогда их уже не встретит, а если и встретит, то, наверняка, уже забудет о построенных когда-то предположениях. Или они настолько переменятся, что она их даже не узнает.

Хотя некоторых она встречает каждый день. И все равно ничего о них не знает. Кроме того, что вот этот господин заворачивает на углу к автобусной остановке, а эта мисс всегда переходит дорогу и скрывается на 62-й.

Возможно, если бы они когда-нибудь решили поднять голову, они бы заметили Джулию. Возможно, на следующий день им опять захотелось бы посмотреть, не выглядывает ли она из окна и сегодня... На третий день она уже могла бы помахать им рукой, может, они бы тоже помахали в ответ. И уже не чувствовали бы себя такими чужими друг другу.

— Джулия, и зачем тебе это? — спросил ее раз как-то Роберт, ее двоюродный брат, приехавший на денек погостить. — Знать все и обо всех, кого ты встречаешь, — зачем?

Джулия лишь пожала тогда плечами в ответ. Она действительно не могла ответить — зачем же ей это нужно.

— Мне не надо все знать. Хотя бы чуть-чуть побольше... Просто... мы все живем в одном городе, нас так много, а все такие чужие. А вдруг там внизу пройдет кто-нибудь, кто мог бы стать мне лучшим другом? А я не крикну ему «Привет!», потому что никогда этого не узнаю, никогда не узнаю, когда он будет проходить, и пропущу. А если даже вдруг он заметит меня, он тоже не скажет «Привет!», ведь он не будет знать, какая я, и пройдет мимо...

— Ну не думаешь же ты, что люди так уж часто знакомятся на улице и превращаются тут же в друзей? И все так просто? Они встречаются на учебе, на работе, в клубах по интересам. Приглядываются сначала... узнают потихоньку друг о друге что-то новое... раскрываются со временем сами, открывают хорошие качества в других... приходится замечать и плохие... Никто с улицы, непонятно откуда взявшийся, так просто не подойдет к тебе и не скажет: «Давай я стану твоим лучшим другом!».

Джулия знала, что он прав.

Его, похоже, совершенно не беспокоило отсутствие друзей. У него было множество рабочих контактов, были свои публикации, которые читали остальные ученые из научных центров по всему миру. Иногда даже они высказывали ему свое мнение, хвалили, спорили... Были у него и свои разлюбимые науки — физика, химия, география и уфология, так что он был вечно поглощен бесконечным множеством своих исследований и успел еще больше проектов задумать. У него с трудом находилось время на Джулию, не то что на остальных. К тому же, как он ей когда-то признался, он бы с большей радостью отказался от доброй половины своих знакомств — ибо те отвлекали его от важных дел всякой незначительной ерундой: фотографиями блюдец над городом или простыней в старых замках⁵³.

Человеческого внимания ему, похоже, хватало с лихвой.

А, кажется, инопланетяне интересовали его гораздо больше рядовых землян.

У Джулии тоже было свое: комиксы и мультфильмы, которые она любила больше всего на свете. И еще добрая куча увлечений. Но у нее не было никого, кроме Роберта, кто готов был бы слушать ее рассказы. Никому не было интересно.

Она родилась в Нью-Йорке, но детство провела на ферме в Техасе, куда переехала ее семья. Там они с Робертом много времени проводили на приволье. Тогда-то он и увлекся всем этим... Как было здорово, когда они пытались найти таинственные рисунки на полях, засечь космический корабль... а в дождливые дни они вместе смотрели немного наивные, порой забавные, порой печальные, полные лирики черно-белые фильмы (все те, что они смогли найти на старой ферме) и читали книги о приключениях.

А затем Джулию отправили обратно в Нью-Йорк — получать образование. Сейчас ей было 18, она давно уже привыкла к Нью-Йорку и своей маленькой квартирке, привыкла жить одна и сама о себе заботиться, и была совсем не похожа на провинциалку.

Но только за все это время она так и не нашла друзей.

Роберт стал разъезжать по свету и много времени проводить в командировках. Он, как и прежде, любил заглядывать к ней на огонек, как только выпадала возможность.

К сожалению, это случалось совсем нечасто.

Остальное время Джулия заполняла учебой и увлечениями.

Основная ее учеба проходила в анимационном колледже. Джулия обожала мультфильмы и комиксы, и если не мечтала, так рисовала днями напролет, сидя в своей заваленной комнатке, и очень гордилась одной уже мыслью, что когда-нибудь сама окажется причастной к созданию чего-нибудь подобного, самого замечательного на свете. Помимо этого Джулия, творческий неутомимый человек, успела посетить кучу⁵⁴ самых разнообразных курсов, которые ей показались интересными. По окончании каждого курса она получала именной сертификат, так что скоро они уже перестали помещаться на полках, куда она сначала их складывала, и ей пришлось начать развешивать их по стенам, что выглядело, по ее мнению, несколько пафосно. Впрочем, сама она к развешанным сертификатам уже привыкла, да к тому же

⁵³ Люди почему-то вечно мешают НЛО с потусторонними силами.

⁵⁴ Она давно сбилась со счета.

пафосничать было не перед кем. Роберта сертификаты не понимали, а больше никто не приходил.

Удивительным оставалось лишь то, почему ей, по всем ее заслугам, не выдали один большущий сертификат на полстены, с лихвой заменивший бы половину маленьких — «Гуру по всевозможным вещам, о которых вы и в жизни не задумывались».

Впрочем, были среди сертификатов и весьма стоящие экземпляры.

Мастер по игре в компьютерный пинг-понг, Мастер по разукрашиванию тортов, Мастер по цитатам из комиксов 30-х годов, Мастер по поиску скрытого смысла в бессмысленных фразах и пр.

Сертификаты рассказали бы о ней больше, чем кто-либо из людей, посещавших вместе с ней эти курсы. А ведь еще одной причиной, по которой она с таким упорством на них записывалась, помимо личной заинтересованности в изучаемом предмете, было именно заведение новых знакомств и поиск друзей по интересам. Как раз то, о чем Роберт говорил.

Но ей не везло. Она перевидала множество людей, но ни с кем из них не смогла завязать тесного контакта, который продлился бы и после окончания курсов. Люди приходили в ее жизнь на несколько недель и так же спокойно уходили, это было почти то же самое, что с прохожими на улице — только более растянуто по времени — но она все равно точно так же не успевала ничего о них узнать или рассказать им что-либо о себе. Конечно, она знала их имена и даже телефоны, а они знали ее, но разве знать имя означает узнать человека?

Таким образом, от курсов у нее оставались лишь сертификаты. И знания, обращавшиеся же — кто бы мог подумать! — против нее.

Виной всему, наверно, была ее чрезмерная увлеченность. Если пол и стены в ее комнате были еще в состоянии выдержать весь тот груз, которым она их снабжала, то головы подавляющего большинства знакомых ей людей, очевидно, оказывались менее устойчивыми.⁵⁵ Джулия была занята либо собственной историей, либо чужими творениями — и все-то пыталась забить всем этим головы остальных, за глаза называвших подобную деятельность красивым словосочетанием «расширение сознания»⁵⁶. Всякие мирские радости, вроде болтологии у телефона или танцев на дискотеке, были ей чужды, как остальным — ежедневное гляденье на прохожих из окна. Она никогда не сплетничала, никогда не обсуждала модные шарфики и в целом казалась порядочной занудой. На самом деле так оно и было. Назовите еще хоть что-нибудь зануднее, чем получасовое обсуждение количества пальцев на руке одного зеленого инопланетянина из относительно популярного мультсериала. Хорошо еще, если вы знаете, что это за «относительно популярный мультсериал».

Не подумайте только неправильно, люди вокруг никогда не казались ей занятыми всякими более низкими вещами, чем она, а потому недостойными внимания. Они просто занимались чем-то другим, не тем, чем она, чем-то своим. Ну а вдруг и «ее» стало бы для кого-нибудь из них «своим»? А вдруг они просто еще не знают?

Хотелось бы занять в чьей-нибудь жизни особое место. Да кто ж ее вот так вот пустит? И все-таки... ну а вдруг?

⁵⁵ Остается только восхититься головой самой Джулии!

⁵⁶ Красивые словосочетания и обороты имеют обыкновение вызывать «хи-хи» и «ха-хи».

Хотелось бы, чтобы кто-нибудь занял в ее жизни особое место. Не только же историям и вымышленным героям там быть... есть Роберт, есть родители, но у нее гораздо больше свободных комнаток, чем занятых...

Иногда она подолгу застревала на чем-то одном: если что-то ее занимало, так уж занимало. И тогда она могла вдруг забыть обо всем на свете — обо всем остальном.

Она могла выпадать из жизни на целые дни и недели и витать в каких-то своих мирах и грезах. Воображения ей было не занимать. Чаще всего она думала над своей историей для мультфильма — к тому же нравилось ей уж очень представлять, что кто-нибудь когда-нибудь найдет ее полезной и для себя.

В такие моменты мечтаний лицо ее принимало ангельское выражение, однако же большинство, получившее уже опыт общения с ней, понимало, что это — явление очень преходящее и недолговечное, стоит задать ей вопрос — как она пустится в свои обыкновенные суетливые занудствования⁵⁷, а потому лучше ее не трогать и любоваться издалека.

Она не уставала набираться решимости, которую черпала все из тех же своих мечтаний, и начинать вновь и вновь рассказывать о своей истории кому-нибудь новому. Она всегда подходила первой. Она всегда начинала сама.

Было бы здорово, если бы хоть раз кто-нибудь подошел к ней и сам начал бы разговор.

Ну неужели и правда не найдется человека, которому покажется интересной ее история? Неужели то, что она представляет, нужно только ей да Роберту? Неужели никто не разглядит за ее несколько нескладными, сдобренными эмоциями рассказами что-то действительно стоящее?⁵⁸

Однотруппники в колледже четко представляли, что им надо. Четко представляли, как стоит рассказать, чтобы понравилось остальным, четко представляли свою целевую аудиторию, четко аргументировали тот или иной сюжетный ход, четко соразмеряли желаемое с возможными затратами и имеющимся бюджетом.

Ее история... ее история была вся какая-то расплывчатая, что пар на запотевшем стекле, никакими показателями не сдерживаемая и никакой логикой не обоснованная.

Ничего не стоило ей сказать: «Это так, потому что я так хочу!»

Роберт ее поддерживал.

— Главное — будь собой! — говаривал он древнюю как мир⁵⁹ фразу и напяливал свои любимые защитные очки для сталеварения, придававшие ему совсем уж безумноученистый вид. — Если ты подстроишь свои мечты под чужие желания, они перестанут быть твоими. Они вообще перестанут быть мечтами. На Земле более шести с половиной миллиардов людей. И это лишь на одной нашей планете, но ведь ты не знаешь, сколько из них действительно заселено разумными существами — скольким из них ты успела рассказать свои идеи? Так что оптимистичней гляди на мир, все еще впереди!

Действительно, все еще впереди!

Только... только как же скорее найти таких людей?

⁵⁷ Да, ее занудствования, помимо всего прочего, были несистематическими и вечно прерываемыми «Ох, подожди, а слышал ли ты еще о?... А, ну я потом скажу. Сначала надо напомнить о... Так о чем я там говорила в начале?» и пр. и пр.

⁵⁸ А она была убеждена: история все-таки стоящая.

⁵⁹ Но за все эти времена так и не выветрившую хотя бы часть туманности.

Вот Джулия и гадала каждый раз, глядя из окна. Занятие, несомненно, очень полезное для осуществления ее мечты. Несомненно.

Неизвестно, сколько еще она вздыхала бы, если б не прозвеневший будильник. Нет, все-таки он был ей нужен. Хотя она уже час как бодрствовала, только будильник выводил ее из грез по-настоящему.

Она очнулась. Вспомнила вдруг!

Сегодня же тот самый день, который она так долго ждала! Как можно такое забывать?

Она выудила из-под груды вещей свой исписанный календарь, взглянула на день, обведенный красным маркером и отмеченный несколькими восклицательными знаками, и удостоверилась окончательно: это точно сегодня!

Сегодня ей как раз предоставлен шанс! Замечательный шанс поделиться своей историей!

Ее колледж посетит комиссия! Будет проходить конкурс, где каждый из студентов сможет представить свои идеи для мультфильмов! Сегодня отборочный тур!

Она не должна опоздать!

Это было еще одной чертой ее замечательного характера: она могла раскачиваться долго-долго, а потом стараться выполнить все с феноменальной скоростью, как того требовал момент, именуемый недаром последним. О качестве выполняемой в суматохе работы можно было догадываться.

Некогда было больше смотреть в окно! Надо было собираться!

Она оторвалась от своего занятия и принялась курсировать по комнатке (временами заглядывая на кухню, где на сковородке уже намечалась яичница): сумка, рисунки, пенал, пропуска и документы... главное — не забыть рисунки.

Джулия еще с вечера подготовила несколько папочек и альбомов с набросками — скетчами, как их называют художники.

Сейчас, в поисках еще одного вдруг возникшего в ее памяти замечательного скетча, который она чуть было не упустила, она сложила остальное, чтобы не мешало, на подоконнике (ибо больше уже некуда было ставить). А пока она расстегивала свою большущую сумку, умудрилась задеть самый верхний из альбомов локтем — вот растеряша! И даже этого не заметить!

Но это моментально заметила одна развеселая особа, беззаботно прогуливавшаяся в тот момент как раз под ее окном и ничего еще не подозревавшая секундой ранее. Скорее даже почувствовала собственным затылком.

Сегодня было ее первое утро в Нью-Йорке, и все ей было в новинку.

Особа с неподдельным интересом принялась разглядывать то, что так внезапно попало к ней в руки. Альбомчик. Какой симпатичный! На обложке — она его сразу узнала — один из популярных земных мультипликационных героев!

Внутри — рисунки! Все какого-то странного зеленого существа с большущей головой и забавными антеннками. Кто это? Она не смогла определить, но разве это делало его менее милым?

Так вот оно как, оказывается! Идеи тут и впрямь имеют обыкновение падать на голову!

Только где же художник? Или художница? Не может же он или она так просто кидаться своими альбомами из окон! Даже если и так, если это проявление

творческого кризиса⁶⁰, она все равно хочет увидеть автора и выразить свое почтение. Ведь и вправду очень хорошо получилось!

Ждать долго не пришлось.

Из соседнего подъезда с торжественным грохотом — она застряла в дверях, точнее, зацепилась за ручку ее большущая сумка, из которой вот прямо валились запиханные, как казалось, в самый последний момент, листы бумаги, — выскочила девушка и принялась вызволять свою поклажу. Когда ей это наконец удалось, она довольно неуклюже побежала по тротуару, чуть не споткнулась, остановилась, присела, поставив свою сумищу на пол, завязала развязавшийся шнурок, взяла сумку обратно, и скрылась в ближайшей подворотне.

Беспечная особа, наблюдавшая все это, совсем не торопилась. Она спокойно подняла с земли еще один лист бумаги, выпавший из сумки той забавной девчонки⁶¹, — да, сомнений быть не могло, — изрисован ракетами и зелеными большеголовыми человечками.

Забавная девчонка снова выскочила из подворотни и с бессвязным бормотаньем себе под нос: «Ну как так только можно! Заделали дырку! Самый короткий проход! Еще больше времени потеряла!», припустилась вниз по улице.

Особа осталась незамеченной ею, но не менее довольной. Она неторопливо следовала за Джулией.

Джулия без конца натыкалась на прохожих, извинялась, снова натыкалась, бежала направо, потом что-то вспоминала, останавливалась, бежала налево, потом опять что-то вспоминала и все-таки бежала направо.

Сколько же людей в городе Нью-Йорке! Сколько из них прямо сейчас стоят в пробке, на которую она бросает беглый взгляд, сколько идут ей навстречу, сколько следуют позади! У каждого своя жизнь, и никто даже не думает спросить, а куда это она так спешит и что это у нее там в сумке! Все они тоже спешат, и каждый думает, наверно, лишь о тех записках и документах, что лежат в его сумке или дипломате. Интересно, куда они спешат? Ей неизвестно.

Так уж, видно, жизнь устроена — у каждого свое, свои заботы.

Вот, наконец, и колледж.

Джулия открыла тяжелую дверь, поздоровалась с охранниками, приложила свой пропуск и миновала турникет.

В колледже тоже полно народу, самого разнообразного и уже более знакомого. Многим из встречных на пути Джулия приветливо махала рукой. Кто-то вежливо отвечал ей тем же — и тут же отворачивался к своим собеседникам, или к своему ящичку, или обращался к записям в своей тетради — вариантов было много; кто-то просто не замечал — либо уже успел ее позабыть, либо не узнал. Может, еще что-то. Таким Джулия махала уже менее уверенно и как-то совсем незаметно. Действительно, непонятно, стоит им махать или не стоит. Неловко даже получалось. Но она все равно тихонько махала, сама не зная зачем.

А вот и главная аудитория. Джулия все-таки успела вовремя. Аудитория была уже почти полностью заполнена.

⁶⁰ Слышали о таком.

⁶¹ Ай-ай! Какое пренебрежение к собственным работам! Да их беречь надо как зеницу ока!

Джулия поднималась мимо рядов, здороваясь временами со знакомыми и выискивая свободное местечко. Раза два она думала подсесть, но оказывалось, что места эти уже заняты для какой-нибудь ожидаемой Софи или не менее ожидаемого Митчелла.

А ее никто не ждал.

Оставалось только идти на тот из злополучных рядов, где парта была самой трескучей, а сиденья — самыми неудобными. К тому же, чтобы услышать лектора, приходилось порядочно напрячь слух. Джулия была завсегдатаем этого ряда (имела обыкновение приходить в последний момент), редко кто еще тут сидел, а если и попадал, то лишь случайно. Он будто бы создан был для нее — всегда свободный и всегда очень неудобный. Оставалось еще только поставить табличку «Зарезервировано для Джулии Браун».

Впрочем, она уже давно к нему привыкла. Ей даже нравилось — столько свободного места. Никто не отвлекает разговорами. Никто не просит подвинуться. Никто не заглядывает через плечо, когда ей этого не хочется, посмотреть, чем это она там занимается. Можно подумать о своем.

Выступления уже начались. Но сегодня напрягать свой тонкий (столько-то практики с этим далеким рядом!) слух ей не хотелось. Она думала о своем мультфильме и не желала сбиваться с настроя чужими идеями.

Надо постараться рассказать о нем так, чтобы все вдруг воскликнули: «И почему же только раньше мы ничего о нем не слышали? Почему ты никогда не рассказывала нам о нем, Джулия?»⁶² Какая интересная идея! Как необычно! Расскажи дальше!».

И надо выглядеть как можно увереннее! Не стоит смущаться! Нет смысла стесняться! Она это знает и поэтому не будет заикаться!

У нее все сегодня получится! Это ее шанс!

Да, точно, сегодня все получится! Как же иначе? Она же так долго шла к этому, так старательно и увлеченно пыталась ухватиться за все те неясные, давно уже обитавшие в голове образы и вывести из них замечательную и куда как более конкретную⁶³ историю!

Скоро ее очередь.

С чего же начать? Пожалуй, она покажет им рисунки Биба. Да, именно с него! А уже потом подведет к главному герою...

Но...

Но где же тот альбом, в котором собраны рисунки с Бибом? Неужели она забыла его дома?

Джулия нырнула с головой в свою здоровую сумку.

Нет-нет-нет! Не может быть! Как же так?! Он где-нибудь на дне. Где-то тут... вот еще альбом, вот сейчас... нет, не то! Да как же так?!

Пришлось выныривать из сумки, чтобы заглотнуть свежего воздуха.

Ох!

Да вот же он на столе, прямо перед ней! Ну и глупышка, совсем перенервничала! Как можно было его проглядеть?

⁶² И она бы промолчала и не стала говорить, что много раз как-то начинала, но они не слышали.

⁶³ Пока, правда, еще не совсем, но уже оформившуюся.

Джулия ощутила прилив энергии, а на какие-то секунды даже почувствовала себя счастливой как никогда.

Все сегодня получится! Она это чувствует! Сегодня особенный день!

Она следующая!

Внизу какая-то неизвестная Джулии особа с самым трагическим видом представляла свой сюжет, обильно снабжая его всевозможными охами-вздохами-завываниями, вкуче с набросками, издавками казавшимися лишь черными пятнами.

— И завершается все эпилогом. Миссис Грум вздыхает, отворачивается и замолкает навеки.

— Какая грустная история! — сказал один из членов конкурсной комиссии.

— Какая проникновенная и трогательная за душу история! — сказал его сосед.

— История, достойная пера Шекспира! — согласилась та женщина, что сидела у самого края. — Так сколько героев выжило?

— Ни одного. Только второстепенные. Жизнь жестока и трагична порой, — ответствовала печальная творческая натура.

— Какой смелый, поистине революционный ход для мультфильма! Всем давно уже надоели счастливые концы... Мультфильм, рассчитанный на восприятие взрослых, познакомившихся с тяготами жизни, мультфильм, который правдиво изображает взрослую жизнь! Ну что ж, спасибо, мы обязательно подумаем над вашей идеей и дадим вам знать о нашем решении в ближайшие две недели. Вы нас заинтересовали! В вас есть творческое непокорство и дух бунтарства — так держать!

Печальная дива, казалось, еле-еле сдерживала улыбку⁶⁴, но ей удалось отклоняться, не растеряв своего трагического пафоса.

— А теперь свой проект представит Джулия Браун.

Джулия со свойственным ей грохотом⁶⁵ (ну задела несколько стульев за трескучим рядом, пока выбиралась — с кем не бывает) добралась наконец до кафедры.

— Уважаемая комиссия! Ах, да, и не менее уважаемые участники конкурса... и просто зрители! Тоже уважаемые!

Прекрасное начало выступления, как раз то, что требуется.

— Не могли бы вы говорить громче, мы вас совсем не слышим!

Ну что ж, у нее есть второй шанс. Надо только собраться!

— С большим удовольствием представляю вам свой проект мультфильма, основной идеей для которого послужило мое стремление показать, насколько прекрасной может быть наша жизнь, если только мы перестанем бояться совершать ошибки на пути к цели... и, главное, сможем определиться вообще, что же составляет настоящие ценности и идеалы, к которым стоит стремиться! Я хочу сказать...

— Мы вас опять не слышим! Громче, пожалуйста! Так как вы планируете назвать свой мультфильм?

Джулия вздохнула.

— Пока еще у него нет названия.

Она теряла их уважение и внимание. Надо было срочно что-то делать.

⁶⁴ Однако, приятно получать похвалу от такого уважаемого жюри!

⁶⁵ А ведь и не скажешь, глядя на нее. Производит впечатление очень хрупкой девушки.

— Но название — не главное! Главное ведь — содержание! Вы только представьте! Это история фантастическо-философская. Она о нашей реальной жизни, только скрыто все это за фантастическим сюжетом. Я хочу поразмышлять в ней о том, зачем мы живем, о том, как мир прекрасен, о том, как важно замечать красоту планеты, а еще о любви и о дружбе...

— Мисс, все это замечательно, но, пожалуйста, не тратьте время на цветистые фразы. Давайте лучше сразу к делу. Что конкретно вы предлагаете?

Джулия достала тот самый альбом с Бибом.

— Перед вами Биб. Это инопланетянин. Он, может, покажется вам безобидным... а, возможно, даже милым... или не покажется... но в любом случае, это... это Биб. Да, вот еще один рисунок Биба. И еще. Так о чем я?

Бибу требовалось выполнить одно задание, которое ему поручили на его планете. Одно очень важное задание. А он потерпел крушение на Земле. Ему, вообще-то, и надо было лететь на Землю... но только он не планировал терпеть крушение. А потерпел. Ну да... И свалился он в дом к главному герою нашей истории...

Тут ей попался скетчик девушки.

— А, подождите, давайте я расскажу о главном герое! Вот это девушка, которая ему всегда очень нравилась. Он ее совсем не знал, только видел на лекциях, но она ему нравилась. Такое ведь бывает, правда? Они вместе учились. Он смотрел на нее и представлял, какая она: что ей нравится и какую музыку она слушает. Но никак не решался подойти. Что его смущало — так это то, что он о ней ничего не знал. А вдруг она оказалась бы не такой, как он представлял? Но гораздо больше его расстраивало то, что он не был уверен, сможет ли он ей понравиться. Он не знал, как ему себя с ней вести, что ей можно было бы подарить, о чем с ней лучше поговорить — вот в чем дело.

Но он все-таки решился с ней заговорить. И как раз в ночь перед тем знаменательным днем, когда он планировал к ней наконец подойти, к нему в дом и свалился Биб. И потерял у него ту самую вещь, которую должен был уничтожить. Правда, я еще не решила, что именно это была за вещь, но важнее то, что она могла, а не то, как выглядела или называлась... Биб — взгляните на него только! — был достаточно безалаберным, он не смог найти эту вещь и решил, что она уничтожилась во время аварии. Поэтому он... он... ну... не хотел оставлять улики... — Джулия запнулась. В этом месте была дыра. Она еще не решила, мог ли Биб стирать людям память или вводить их в сон...

— Почистил герою дом и незаметно улетел, правильно? Кстати, как вашего главного героя зовут, мисс?

— Я... я пока... пока думаю над этим... я хочу дать ему какое-нибудь милое имя. Пока я еще не решила.

С рядов послышались смешки.

— Но это же неважно, как его зовут! Он же уже придуман, даже и без имени... Важно то, что вещь осталась у нашего героя, и на утро он ее нашел.

— И что же делала эта ваша вещь?

— А вещь... я... тоже пока точно не решила.

Уже более откровенный гогот.

Джулия растерялась совсем. Зачем же так громко гоготать? Она оглядела ряды и вдруг заметила на своем «любимом» какую-то девушку, которой раньше там точно не было. Девушка не гоготала — наоборот, она выглядела очень увлеченной ее рассказом. Джулия приободрилась.

— Скорее всего, эта вещь волшебным образом помогала ему налаживать контакты с людьми. Или очаровывать их. Или давала какие-то новые способности. Ну... она умела что-то такое, что могло принести ему успех, понимаете?

И с этой вещью он с легкостью познакомился с девушкой — и понравился ей. И с легкостью нашел работу. И стал работать. И вести научную деятельность в своем университете. Он продвигался все дальше и дальше по служебной лестнице, он привыкал к людям и все меньше ценил свое общение с ними — ему удавалось с легкостью завоевывать их расположение. Даже девушка больше не вызывала в нем тот восторженный трепет, что раньше. А ей... ей тоже было тяжело — он всегда угадывал все ее желания, но мог уделять ей все меньше времени — работа поглощала его все больше. А потом он принялся, наверно, из-за работы путешествовать по свету. И встретился снова с Бибом, которого отправили обратно на Землю, как только узнали, что вещь та осталась в целости и невредимости. Ну и вот... так о чем я?

Джулия посмотрела на развешанные на доске скетчи.

— Ах, неужели я так и не показала вам главного героя? Сейчас-сейчас! Где же он есть? У меня тут целый альбом... Ага!

Сейчас мир наконец увидит его! Впервые! Раньше его видел только Роберт.

— Достаточно! Спасибо! — прервал ее резкий голос одного из членов комиссии.

— Но... н-но... н-но-но-но... но вы же его даже не увидели!

— Большое спасибо за презентацию, нам уже все понятно. К сожалению, ваш проект не соответствует нашим требованиям.

Остренькое личико Джулии вытянулось. И стало еще острее.

— Вам не понравилось?

— Позвольте дать вам несколько бесплатных советов. Во-первых, у вас слишком мало действующих лиц. Во-вторых, как распределены роли между ними? Где злодей? Где яркие персонажи для второго плана? А ваш трогательный Биб недостаточно трогателен. В-третьих, ваш главный герой — на кого он рассчитан? Это какой-то жалкий неженка и нюня, не способный подойти даже к девушке, и вы думаете, он найдет отклик в зрительских сердцах? Зрителям нужны герои! Те, на кого стоит равняться, те, на кого им захочется быть похожими, на кого хочется смотреть. В-четвертых и главное: ваша история пока совсем не проработана! Ваш рассказ звучит ужасно запутанно и нелогично, хотя история вроде бы очевидная и простая. Сейчас она еще абсолютно сырая, полностью лишена интриги и не захватывает совершенно. Где же экшен? Думаете, кому-то будет интересно смотреть на серые будни за работой? Им этого и в жизни хватает. Или вы думаете, дети это оценят? При чем тут, наконец, путешествия по миру?

— Ну... да ведь в том-то и дело: он же будет путешествовать! Работа будет только в начале! Я недорассказала...

— Не очень понятно все равно, но допустим. Допустим, он путешествует по миру. И где же именно? Много ли мест?

— О да! Мне бы хотелось!.. Мой двоюродный брат, молодой, но уже достаточно известный ученый Роберт Браун — вы не слышали о нем? нет? — он как раз готовит

проект «путешествие вокруг Земли для инопланетян». Он был бы рад оказать консультационные услуги и предложить различные места, которые были бы интересны Бибу.

— Ах, понятно. Ваш мультфильм рассчитан на инопланетян.

Опять смешки в зале.

— Вы, наверно, знаете наши высокие стандарты в работе: для большей реалистичности и лучшего результата мы всегда посылаем художников на места. Не кажется ли вам, что команда художников, колесящих по всему Земному шару, — это чересчур? Ни один бюджет этого не потянет. Вы замахнулись на слишком многое. Попробуйте контролировать свои желания, будьте реалистичнее: все и сразу получается только в сказках. Так что...

Мисс, мы благодарим вас за ваш рассказ и желаем вам успехов. Если вы возьметесь за свой проект с головой, наверняка, в следующий раз вам повезет больше. Вы же, наверно, в курсе: мы проводим такие конкурсы проектов каждые два года.

Удачи и до свидания!

— До свидания! — на автомате повторила Джулия и с не свойственной ей тишиной отправилась к выходу.

Совершенно обыкновенный день! И что это ей только утром показалось? Что в нем такого особенного?

И на что она надеялась? Что ее вместе с безымянной историей и безымянным героем встретят с распростертыми объятиями?

Они правильно сказали: только в сказках.

Вокруг было очень шумно. Ей вдруг показалось, что кто-то позади назвал ее имя.

Вот уже и такое начинает мерещиться. Пора и правда завязывать со своими чудаковатыми мечтами. Не будет оглядываться. Все равно это ничего не даст. Нет, точно, не станет она оглядываться.

Ну... хотя еще один раз можно. Еще один — но точно последний. Сейчас там никого не будет — и больше она уже точно не станет на такое обращать внимание.

Джулия наконец оглянулась. Так и есть. Улица. Много людей, никто, кажется, на нее не смотрит.

Тяжко вздохнув, Джулия повернула голову обратно.

И встретила лицом к лицу с девчонкой, неожиданно выросшей, как ей показалось, просто из ниоткуда! (Или она просто очень тихо передвигалась? А, может, Джулия слишком тяжело и громко вздыхала?)

И хотя девушка была ей незнакома, Джулии понадобилась лишь секунда, чтобы вспомнить, где же она ее видела. Точно, это она разделила с ней «трескучий» ряд!

Девушка дружелюбно улыбалась и протягивала ей руку.

— Необыкновенно рада познакомиться с тобой, Джулия! Твоя история — она просто чудесна! Давно уже не слышала я ничего более замечательного! И то, что тебе хочется вставить туда путешествия, — это великолепно! Честное слово! Я в восторге! Уже несколько минут пытаюсь тебе это сказать, да только... Но я не представилась! Меня зовут Шерри.

Очевидно, эта Шерри приехала откуда-то издалека. И хотя нельзя было сказать, чтобы она сильно отличалась от людей вокруг — одеждой, манерой поведения, еще чем-либо, — но все-таки было в ней что-то такое, неуловимое, может, в выражении

лица, может, в глазах, что сразу же позволяло сделать вывод о ее отличности от остальных. Что-то нездешнее. Да еще и говорила с легким акцентом. Джулия таких раньше никогда не встречала.

Шерри с первых же секунд вызвала в ней симпатию. Джулия улыбнулась и пожала ей руку.

— Мне и правда очень приятно, но, как видишь, теперь уже поздно о ней говорить. Не прошла.

— Почему же поздно? А я бы с удовольствием поговорила еще... за чашечкой кофе и бэйглом, например! Я сегодня первый день в Нью-Йорке, мне тут так нравится! И я хорошо наслышана о нью-йоркских бэйглах, все надеялась их когда-нибудь попробовать!

— Да, бэйглы у нас и впрямь замечательные.

— Так не хочешь составить мне компанию? — просто спросила Шерри.

— Хочу! — чистосердечно призналась Джулия.

— Понимаешь, им, скорее всего, не понравилось, потому что они подошли к твоей идее достаточно формально. Им нужен готовый продукт. А твоя история, она как... как... — Шерри подбирала нужное слово. — Как бэйгл! В ней есть еще дырки, но то, что уже придумано — то, на мой взгляд, кажется весьма аппетитным для воображения! Фантастический сюжет, инопланетянин, путешествия по планете — что может быть замечательнее! Наверно, надо иметь богатую фантазию, чтобы сочинить такое. И еще, что не менее важно, мне нравятся идеи, которые ты вкладываешь в свою историю. Это, я думаю, главное. А более мелкие детали, как мне кажется, ты сможешь додумать по ходу работы. Совершенно определенно, то, что надо!

Шерри довольно глотнула горячего кофе.

Джулия была куда как менее уверена.

— Я не очень тебя понимаю. Они же ясно сказали: нам это не надо.

— Им не надо, но ведь тебе надо! И мне надо! А потом мы сами удивимся, когда узнаем, скольким еще это надо! Они и сами удивятся! Они просто пока еще не догадываются!

— Я тебя все равно не понимаю.

— Видишь ли, я очень рада, что встретила тебя и как раз имею возможность предложить кое-какую помощь. Если, конечно, ты согласишься... Мой отец занимается проблемами воображения уже не один десяток лет. И я, сколько себя помню, всегда интересовалась его изобретениями и старалась ему помочь. Не так давно нам наконец это удалось! Мы смогли создать устройство, которое может перевести человеческие мечты сразу на пленку и из представлений и образов в голове создать мультфильм. Здорово, да?

Джулия не ответила. Она сидела с открытым ртом.

— То есть, — пояснила Шерри, — если ты детально представишь свой мультфильм, то я помогу тебе перенести его на пленку! Без штата художников, без озвучки и продюсеров!

Возможно, тебе покажется на первый взгляд, что это слишком просто. Но это только покажется. На самом деле справиться с этим под силу далеко не каждому. Вот

мы с отцом не в состоянии сочинить ничего подобного, и у нас выходят лишь очень мутные образы.

И еще это очень ответственное занятие!

Тебе придется представить свой мультфильм очень конкретно, до секунды! Будет даже лучше, если ты нарисуешь к нему подробную раскадровку — наверно, так легче представляется. А еще очень важно вложить в него чувства. Но это, вне всяких сомнений, у тебя точно получится! Твои рисунки — они особенные и ни на что не похожие, видно, что ты их с большой любовью рисовала!

У Джулии все еще был открыт рот. С таким открытым ртом ничего и не сможешь сказать, даже если захочешь.

— Пока мы предпочитаем держать наше изобретение в тайне, но, если у нас все получится, мы сможем потом подать заявку на участие в каком-нибудь конкурсе анимационных картин и представить там свой мультфильм... И все-таки даже тогда я, при всем желании, не смогу разгласить принципов работы нашего изобретения... Чего доброго — узнают недобросовестные люди и устроят штамповку готовых мутных работ. Смысл мультфильма же в том, чтобы передать чувства и эмоции другим, так наверно — а вовсе не в получении дохода легким способом. По крайней мере, я так считаю.

Так что пока это совершенно уникальный проект, аналогов которому еще не было и нет. Не могу даже знать, будут ли в будущем. Мне необычайно повезло, что я встретила тебя! Я думаю, это все неслучайно!

Джулия наконец закрыла рот. И все равно молчала.

Со стороны могло показаться, будто ей все равно. Она была гораздо молчаливее, чем обычно.⁶⁶ Кроме того, она не прыгала от восторга⁶⁷ и даже не взвизгивала: «Ах! Невероятно! Ох! Спасибо! Ах-ах! Неужели я сейчас не сплю?!». Нет. Она просто молчала. Только лишь иногда отвечала на вопросы Шерри — как ни в чем не бывало. Наверно, она была в шоке и не смогла еще осознать полностью все то, что с ней произошло.

Это странно, но случается. В такие моменты думается: «Ничего же себе! Любой бы на моем месте сошел с ума от радости!», но ты почему-то с ума не сходишь, а вместо этого ведешь себя как ни в чем не бывало. Разве что рот иногда разеваешь шире, чем следовало бы.

Неужели ее новая знакомая не шутит? Неужели такое и вправду возможно?

Никак нельзя было представить, что Шерри может говорить несерьезно. Или обманывать.

Она внушала безграничное доверие. Сложно даже сказать, в чем тут было дело. Просто Джулия чувствовала: нет, Шерри не из тех, кто может солгать или тем паче соорудить пакость.

Она со всей возможной откровенностью доверила свои планы Джулии. А ведь они совсем недавно познакомились!

Более того, она верила в Джулию! Она верила в ее историю! Она верила в ее успех и нужность!

Что еще тут можно сказать?

Потому Джулия и молчала.

⁶⁶ Не процитировала даже ни одного фильма в разговоре!

⁶⁷ Вот было бы грохота!

Зато ее мобильный телефон подал голос.

Джулия наконец вышла из своего гипнотического состояния.

— Это мой брат. Пишет, что возвращается в Нью-Йорк. Можешь себе представить, говорит, засек какую-то вспышку энергии, судя по всему, прямиком из космоса, теперь его волнует что-то тут в окрестностях, хочет лучше изучить все на месте... Да сегодня просто невероятный день какой-то!

— Это тот самый ученый, о котором ты говорила на выступлении?

— Да, это он.

— Роберт, да? Красивое имя... Хотелось бы мне с ним встретиться! Если бы только ты согласилась принять участие в моем эксперименте, если бы у вас нашлось время и желание, я бы пригласила вас в путешествие по замечательной Земле!

— То есть как это? — Джулия уже готова была вернуться в свое рыбообразное состояние.

— Очень просто. У моего отца более чем достаточно средств, чтобы обеспечить нам путешествие по планете. Говорю же, самое главное для нас — суметь перенести все наши чувства в мультфильм. И хотя я понимаю, ты наверняка сможешь попробовать испытать их сидя дома, но разве не полнее они будут во время путешествия? И разве не интереснее будет увидеть мир?

О чем же речь? Джулия всегда мечтала отправиться в какую-нибудь экспедицию с Робертом, только места ей никогда не находилось. Действительно, кому она там была нужна?

— И вот, как только я услышала о проекте твоего брата, о путешествиях для инопланетян, я поняла, что просто обязана поговорить и с ним тоже! Так он ученый? Какая же у него необычная тема проекта, однако! А чем он, если не секрет, занимается?

— Роберт? Многим! Очень многим! Ну... с чего бы начать?.. Он совершил уже немало географических экспедиций и успел побывать на всех материках...

— И на Антарктиде?!

— Ой, нет, на всех, кроме Антарктиды... никто раньше не спрашивал об Антарктиде, ты первая... ну да неважно... а еще он изобретатель и уфолог. Ты знаешь, кто такой уфолог?

— Разумеется! Человек, который любит узоры на полях и носит черный плащ!⁶⁸ Правда... это все, что я о них знаю. Наверно, я упустила что-то важное?

— Ну... пожалуй... а плащ — это идея! Спасибо!.. Он, конечно, бежит — бегал по крайней мере, когда только начинал свои исследования, — по полям, но суть немного не в этом. Значит, я должна буду обязательно рассказать тебе... ну, перед тем, как ты с ним встретишься. Если же говорить совсем кратко, то он мечтает связаться с инопланетянами и рассказать им о Земле.

Шерри широко и — может только показалось? — одобрительно улыбнулась.

— Ах да, и еще он умеет играть на гитаре и немного на пианино!

Видно было, Джулия им очень гордилась.

— Похоже, очень разносторонняя и деятельная личность!

⁶⁸ Видели в комиксах.

— Да-да, ну только... только надо... надо привыкнуть что ли. Ну то есть... Он очень требовательный. У него не самый контактный характер. Как бы тебя не испугала его резкость.

— С тех пор как я перестала бояться произносить слово «гипомонстрэскуипедалофобия», мне уже ничего не страшно, — спокойно сказала Шерри, важно допила свой кофе и поставила чашку на стол.

— А?... Ну тогда я с ним обязательно поговорю.

— Спасибо! — Шерри повернулась к окну. — А знаешь, отсюда замечательный вид!

— О да! Нью-Йорк прекрасен! Я целыми днями люблюсь на него из окна!.. Ээээ, кстати, не хочешь заглянуть ко мне в гости? У меня дома много чего интересенького!

Ну а вдруг? Вдруг Шерри захочет?

— С большим удовольствием!



— Так чем точно она занимается? — спросил Роберт не оборачиваясь. Нельзя оборачиваться, когда занимаешься сваркой металлического корпуса в такой тонкой штучке, как детектор внеземных объектов. Вообще-то название неконкретное и не совсем точно отражает суть, звучит слишком общо, да и попросту странно. Ему и самому не нравилось, но изобретение совсем новое, еще не завершенное, а надо же его уже и сейчас как-то называть. Еще успеет придумать что-нибудь более внятное потом. Главное — чтобы работало, и название, к счастью, на это никак не влияет.

— Ну... как я уже сказала... ты слышишь меня? Да? Ну непонятно ведь, шумно!... как я уже сказала... я не могу сосредоточиться, столько шума!.. я говорю: она занимается проблемами воображения.

— Все ясно. Лицо без определенного рода деятельности.

— Ну что за глупости ты говоришь?!

— Я как раз предпочитаю на глупости время не тратить. В отличие от тебя.

— Почему это? Я, что же, по-твоему, занимаюсь глупостями, да?

Очень хотелось сказать: да!

Роберт выключил сварочный аппарат и недовольно приподнял свои защитные очки.

Голос Джулии звучал очень обиженно. Необязательно было даже смотреть, чтобы сказать: ее обижает полное отсутствие интереса с его стороны к этой новоявленной Шерри.

Но он все-таки обернулся и взглянул ей в глаза. Вроде, 18 лет уже, и никак не поймет. Он всегда за старшего, и ему всегда приходится учить ее уму-разуму. А потом всегда следуют обиды.

— Джу, ну когда же ты поймешь! Любой тебя облапошит! Да ты прямо доверчивость в чистом виде! Можно напредставлять себе все, что угодно. И искренне потом во все это поверить!

— В НЛО, например, — съязвила Джулия.

Он сделал вид, что не расслышал.

— Но оно от этого реальнее не станет! Я могу только догадываться, как больно не пройти отборочный тур. И тем презреннее повела себя та девчонка! Совершенно затуманила тебе мозги! Когда ж ты прозреешь? Может, мне изобрести моещее средство — как раз для мозгов?⁶⁹ И как только у некоторых язык поворачивается, выдавать столько рассказней! Я бы даже предложил пригласить ее к нам в команду — фантазии ей, похоже, не занимать, — если бы она не была такой лгуньей!

— А ты откуда знаешь?! Да ты... ведь ты... ты ее даже не видел!

— И не желаю.

— И очень даже зря! К тому же, она все равно сегодня придет!

— А нечего приглашать всяких людей с улицы — ко мне, да еще и без моего ведома!

— А у тебя все — всякие люди с улицы!.. И я вообще не понимаю, откуда в тебе столько упертости! Ты даже прислушаться не желаешь! Я ей доверяю! Да, я! Может, я и знакома с ней всего лишь три дня, но я ей доверяю! Полностью! И точка!

— Ты лучше скажи, кому ты не доверяешь.

— Нет, ну что, что тебе мешает? Помнишь, в мультфильме моего любимого Лэйнета...

Лучше сразу ее перебить. А то подборка сцен из мультфильмов может продолжаться до вечера.

— Что мне мешает? Да куча всего! Что мне мешает?! Давай я тебе перечислю, и мы скорее закончим этот спор! Мне уже надоело, и тебе, наверно, тоже.

Во-первых, я не верю в возможность создания такого изобретения, которое ты мне во всех мыслимых красках описала. Но если даже такое возможно, то почему, скажи мне, об этих разработках до сих пор никому не известно? Ну хорошо, хорошо, она пока держит его в тайне и боится всех тех революционных изменений, которые оно может принести. Такое вполне возможно. Хотя мне все равно непонятно, что это за таинственный иностранный изобретатель, откуда у него столько средств — и на разработки, и на бездельницу-дочь, шатающуюся по свету... Почему, скажи мне на милость, почему она не хочет продемонстрировать его работу тебе, раз уж завела с тобой разговор о нем? На проявку требуется время? А сколько? Или хотя бы раскрыть основные принципы работы? Ну да, ты, наверно, не поняла бы... Ну хоть какое-нибудь доказательство его существования!

Ее авторитет?

Она хотя бы назвала тебе свое полное имя? Она сказала, откуда она?

Откуда столько таинственности? Может, она добрая фея?

И, что самое замечательное, она волшебным образом дарит нам путешествие по всем Земным уголкам, какие нам только будут угодны!

⁶⁹ Грубая шутка. Джулия не оценила.

Вот честно, мне кажется, она что-то перепутала в календаре и решила устроить первоапрельский розыгрыш, хотя на дворе уже май! Все это слишком хорошо для правды и слишком невероятно!

Хорошо еще, если все действительно так, если ей от нас ничего не надо! А я очень сомневаюсь. Знатно нафантазировала. Наверно, с какой-то целью.

— Да? Ну и зачем ей это?

— Зачем? Зачем? — в данном случае он и сам толком не знал, зато всегда был уверен в том, что связь бесплатных сыров и мышеловок не менее сильная, чем связь приливов и Луны. — Ну, например... получить доступ к моим изобретениям.

— Зачем ей твои изобретения, если у нее есть свое! И если ее волнуют не инопланетяне, а мультфильмы!

Роберт вздохнул. Когда больной не желает признавать болезни, никакое лечение на него не подействует. Она говорит об этом изобретении как о реально существующем.

Ну ладно, есть еще и вторая причина. Джулия должна понять!

— Во-вторых, я и так потратил слишком много времени на этот бесполезный спор. Тебе, может, со своими Карлсонами и Шерри уже все равно, что происходит вокруг, но мне-то важно как никогда! А ты именно сейчас отвлекаешь меня! Ну некстати она появилась! Некстати эта Шерри! Пойми же наконец, первый раз в жизни я смог засечь небывало сильный выброс энергии! Несомненно, выброс такой силы способен создать лишь объект внеземного происхождения! Пойми ты, скорее всего, это космический корабль! И он все еще тут, на Земле! Иначе я засек бы повторный выброс. Но его не было! Он все еще тут! Именно поэтому я и полетел первым же рейсом сюда, в Нью-Йорк! Если даже сами существа (или кто бы это ни был) уже далеко отсюда, я хотя бы смогу исследовать место приземления! И, подумай, если мне это удастся, я буду считать себя счастливейшим человеком на Земле! Именно поэтому мне необходимо как можно скорее закончить детектор! Я уверен, он вот-вот заработает! Ты даже не осознаешь, к каким великим открытиям все это может привести! Во имя науки и солнечного гелия, оставь же меня в покое!

— Хорошо, оставлю. Она придет минут через сорок. Я тебя очень прошу!

Роберт лишь утвердительно кивнул, закрыл дверь и глубоко вздохнул.

И так всегда.

Зачем он кивнул? А что еще с Джулией делать? Если уж ей втемяшилось в голову, значит, она не отстанет. И так ведь защищала свою Шерри, волей-неволей интересно станет: да кто она и впрямь такая?

К тому же, Шерри эта, скорее всего, так и не явится. Забудет или найдет кого-нибудь еще, кто согласится украшать собственные уши чужой лапшой.

Так что же спорить понапрасну?

А если все же явится, то уж он-то даст ей знатный от ворот поворот и преподаст урок. Уж он-то, Роберт, быстро ее выведет на чистую воду!

Представить противно! Девушка, и так гадко себя ведет! Ну как она только смеет вешать лапшу на уши его маленькой сестренке?

Больше всего его возмущало именно то, что жертвой оказалась Джулия. Как она переживет такое разочарование?

Нет, ему надо хоть чуть-чуть отдохнуть и побыть в тишине. Совсем заработался. Третий день уже, с тех пор как приехал в Нью-Йорк, работает не покладая рук.

А если она все-таки говорит правду, эта Шерри?

Нет, точно заработался.

На своем жизненном пути он повстречал немало людей. И, как ему казалось, достаточно хорошо успел их узнать. А что Джулия?

Хотелось оберегать ее от разочарований, как нежный цветок. Пусть уж живет в своем мирке с замечательными дружелюбными прохожими.

Но если вдруг туда врываются всякие Шерри, так лучше уж ОН, ее брат, желающий ей только добра, предупредит ее заранее.

Кажется, не получилось.

Когда-то ведь он тоже был таким наивным.

Вспомнилось вдруг, как в детстве он с радостью отдал все с таким трудом⁷⁰ накопленные за несколько лет карманные сбережения одному типу, обещавшему ему телескоп с 200-мм объективом. В магазине за те же деньги можно было купить такой же, но только 100-мм. Тип тот внушал доверие, хвалил Роберта и уверял, что не может не поспособствовать развитию такого способного мальчика. В итоге он подсунул ему лишь детскую игрушку.

Пришлось копить заново.

Вспомнилось, как он опубликовал свою первую статью в школьном журнале. Он писал ее несколько месяцев! Постарался тогда не быть голословным: привел множество аргументов и даже результаты нескольких специально проведенных экспериментов, подтверждавших выдвинутую им гипотезу, — и в итоге, как ему казалось, прекрасно защитил свою точку зрения.

После чего жизнь его наполнилась постоянным галдежом: половина класса стала тыкать в него пальцем с неизменным: «БОБтаник!»⁷¹, а вторая половина — бегать по пятам и вполне серьезно предлагать ему фотографии бревен в прудах⁷² или склянки с мазями для вызова внеземного разума.

И еще на горизонте возникло несколько девочек, которым вдруг очень захотелось с ним дружить. Особенно сильным желание становилось по приближении очередного теста по физике или химии. После они всегда вдруг начинали ворчать и раздражаться его одержимостью конструировать вещи.

Ему хотелось другого. Не для того он опубликовал свою статью. Но если уж получилось так, как получилось, то пришлось привыкать.

И он к ним привык и перестал относиться как к раздражителю. Мало ли на свете всяких людей? Он давно уже вырос из того возраста, когда им можно было манипулировать и пользоваться его доверием как только пожелается.

Школа — колледж — сейчас вот университет...

Люди в большинстве своем попадают все такие же. Кто-то смеется, кто-то пытается использовать, кто-то поддерживает без всякой меры и тратит собственное и его время на всяческое словоблудие, тогда как ему требуется конструктивный подход.

Но он старается не обращать на них внимание. Ну да, иногда, может, слишком резко пресекает разговоры с ними. Может, они даже обижаются.

⁷⁰ От скольких простых мирских радостей он добровольно отказался! Да хотя бы от мороженого! А сколько времени ему пришлось подрабатывать!

⁷¹ С тех пор он возненавидел имя Боб и требовал обращаться к себе только по полному имени.

⁷² На некоторых таких корягах даже красовались остатки листиков.

А ему уже без разницы. Что ему их мнение! Главное — добиться поставленной цели! Главное — любимое дело! И неважно совершенно, а что остальные. Остальные еще поймут! Когда-нибудь!

Надо уметь расставлять приоритеты.

Обидно, конечно, что многие не воспринимают его науку всерьез. А некоторые разводят бесполезные дебаты о том, наука ли это вообще.

Те, кто за, делом бы лучше занялись! И делом бы доказали — наука! Роберт принимал эту точку зрения и в дебаты никогда не вступал. Трепология — не его конек.

Кто-то дает ему дружеские советы бросить все это дело и пустить свой необычайный талант в более конструктивное русло. Таких изобретателей с такими обширными познаниями в стольких областях отрываю с руками и ногами.

Податься в военные разработки например. Вот уже несколько таких предложений поступило.

Роберт давал свой неизменный отказ.

Он привык работать независимо. И в его работе, несомненно, тоже есть смысл. И это еще очень спорный вопрос, где его больше.

Вот если бы таких людей, как МакГрегор, было больше! Тогда все было бы по-другому! Не было бы так надоевшего ему отношения к уфологии свысока.

И все-таки ему действительно повезло — есть несколько по-настоящему адекватных коллег! Их мнение Роберт ценил очень высоко. Все они были гораздо старше и опытнее его, и потому он ревностно прислушивался к их советам. С большинством он познакомился сам: написал, изучив их научные работы, и они откликнулись.

Сейчас они все пребывали в почтенном возрасте, и ему было неловко беспокоить их по всяким пустякам, поэтому он писал им только в самых экстренных случаях. К тому же они занимались теперь теоретическими исследованиями и были далеки от его прикладных изобретений. В юности они и сами уделяли много времени практике, и проведенные ими экспедиции и исследования, их достижения служили Роберту лучшим зарядным устройством. То есть прекрасной поддержкой и источником вдохновения.

МакГрегор же был главным его авторитетом: у него были твердые принципы в работе, главный из которых состоял в добросовестном отношении к своему делу — отношении со всей ответственностью, аккуратностью и серьезностью. Было и еще кое-что, вызывавшее в Роберте искреннюю симпатию к МакГрегору как к человеку: он сам смог найти Роберта и связаться с ним. И был первым, кто ввел его в этот мир — мир настоящей Уфологии, Науки, а не газетных вырезок и телевизионных скандальных передач. Рассказал о специализированных журналах, о том, где достать оборудование, какие фонды могут выдать гранты на экспедиции и многое-многое другое!

МакГрегору было тогда уже много лет, и в Роберте он нашел своего преемника. И даже солидный возраст не мог отстранить его от исследований.

Роберт не раз отправлялся с ним в экспедиции и перенял тогда многие методы работы.

Что и говорить, МакГрегор был профессионалом, знающим толк в своем деле!

И потому Роберт никак не мог пережить известие о смерти старого ученого. Прошло уже несколько месяцев, и с каждым следующим Роберт становился все только угрюмее. И все больше погружался в работу.

Встречи с несколькими молодыми учеными принесли только разочарование. Все они пропахли самодовольством и ощущением собственной исключительности и прогрессивности. Роберту казалось, они считают его методы устаревшими. А были ли какие-либо методы у них? Казалось, они все делали абы как, для видимости, а, может, из любопытства — потому как сами не всегда осознавали в полной мере, к чему приведет то или иное зажатие клемм.

Нет, они были совсем не похожи на настоящих ученых, страстно влюбленных в свою науку и получающих удовольствие даже от снов, где им являлись очередные результаты эксперимента, проведенного и в жизни не менее 1000 раз.

Они лишь пыжились, важно расхаживали в своих белоснежных халатах по лабораториям и натирали до блеска сапоги.

Роберт испытывал отвращение к таким.

Толку от них никакого. Начнешь сотрудничать — результативность нулевая. И если бы можно было сказать, что хотя бы сам процесс приносит удовольствие — хоть бы уж так — даже этого не скажешь: с ними противно общаться.

Забавно даже, никто из них и не заметил того, что сразу же так привлекло его внимание. Чем они только занимаются целыми днями у себя?

Он прилетел в тот же день — а что они?

В данном случае он даже рад, что все осталось незамеченным.

Не будет толкотни, никто не помешает, никто даже не обратит на него внимание! Роберт не любил заваривать кашу раньше времени.

Но все равно — надо скорее кончать детектор! Он теряет драгоценное время!

Что же в нем не так?

Роберт еще раз оглядел чертеж. А что, если... да нет, это слишком просто... ну а вдруг... еще раз проверить... тынч!⁷³ Да ты, Роберт, ничуть не лучше тех приятелей! И еще называешь себя ученым! Это же арифметическая ошибка! Стыд тебе и позор!

Роберт аж засопел от досады. Хорошо, досада быстро нейтрализовалась потоком новых сил и вдохновения.

Так значит... сейчас-сейчас... еще чуть-чуть...

Лампочка детектора замигала!

Ради таких моментов изобретатель не спит неделями, корпит до изнеможения над чертежами и бормочет формулы себе под нос — то есть живет.

Работает!

О, сладостнейшее из слов!

Роберта охватил экстаз. Он выскочил из своего трейлера как был — в своих больших сварочных очках, сдвинутых на лоб, и перчатках — и бросился по сигналу, ничего уже не замечая на своем пути.

Трейлер стоял недалеко от Центрального Парка.

Он правильно предположил. Детектор вел именно туда.

Роберт не замечал, сколько времени он уже бежит и какое расстояние успел преодолеть. Он об этом просто не думал. Многочисленные экспедиции очень хорошо

⁷³ Тысяча нерабочих частот!

повлияли на его физическую форму. Лучше всего его подгоняли не ноги, а мысль: «Скоро, возможно, я открою неведомое! Скорей же! Скорей!»

Роберт совершенно не смотрел по сторонам. И под ноги себе тоже. Может, лампочка детектора начинала гореть все ярче именно из-за его взгляда?

«Уже совсем близко!» — подумал он.

Где-то тут, у пруда, на берегу!

В кустах, казалось, происходило какое-то шевеление.

Еще несколько прыжков!..

Лампочка детектора, чего доброго, лопнет еще! Сигнал почти зашкаливает!

Ну же!..

Ай!

Роберт не понимал, что происходит.

Больно. И мокро.

И что такое?

Детектор продолжал пищать. Роберт тупо смотрел на него несколько секунд, приходя в себя.

Затем он наконец огляделся.

Он в пруду.

Каком еще пруду?!

Надо ж ведь — так неловко поскользнуться и упасть! И как вовремя!

Роберт готов был уже вскочить и кинуться дальше, но сигнал и без этих его действий дошел до максимума.

Он почувствовал у себя за спиной живое существо. Чей-то взгляд на себе.

Медленно и немного неловко развернулся.

Над ним склонилась девушка. Она присела у самого берега и молча смотрела на него.

Кажется, она была растеряна ничуть не меньше, чем он сам. Все черты ее лица выражали удивление.

«Девушка? — Роберт ощутил разочарование, он ожидал большего. А тут... всего лишь девушка, пусть и красивая. Красивых девушек он и раньше встречал. — Наверно, это она была в кустах, что-нибудь искала, услышала шум и бросилась посмотреть, что же случилось. Но почему, почему детектор продолжает пищать?! Ошибка?!»

Детектор тут же, как по заявке, перестал. Перегорел.

Нет уж! Пусть бы хоть как-нибудь работал!

Все из-за попавшей туда воды. Вода всегда была главным камнем преткновения.

⁷⁴ Как было бы хорошо, если б он избавился от этой проблемы.

«Ну чего она все молчит и молчит? Никак в себя не придет? — Роберту стало совсем неловко. Весь восторг пропал. Все шло не так... Он вдруг попробовал взглянуть на себя со стороны. — Сейчас же точно рассмеется. Такие, кажется, всегда смеются, изобретая дурацкие каламбуры не в тему. Мокрый изобретатель с нерабочим изобретением — дважды в луже — ха-ха-ха! Ну давай же, смейся!»

Она не смеялась. Почему-то.

Но казалось, она что-то хочет ему сказать.

⁷⁴ Роберт часто так говорил. И в данном случае ему было абсолютно неважно, насколько коряво звучала эта фраза.

— Литий. Сепаратор.
Что-что?!

Она произнесла это очень тихо. И с каким-то акцентом, так что Роберт никак не мог быть уверен, то ли он услышал, что она действительно сказала. Хуже всего из всех типов людей он знал подобных девушек, но что-то ему все равно подсказывало: вряд ли они часто говорят такое. Особенно незнакомцам в прудах.

Лучше бы переспросить.

— Все в порядке? — спросила она громче.

Ну вот, Роберту даже смешно стало: услышать в невинном «все в порядке?» слово «Сепаратор». Только он так и может.

Литий и сепаратор... хах.

Литий и сепаратор?!

ЭВРИКА!

Да-да!

Литий и сепаратор! Литий и сепаратор!

Это же то, что надо! Это ключ!

Роберт с феноменальной скоростью перезарядился. Разочарование опять уступило место восторгу.

Он вскочил и, ничуть не чувствуя себя уставшим, бросился обратно к своему трейлеру, бормоча себе под нос что-то невнятное.⁷⁵

Роберт безумно гордился своим трейлером. Он тратил на него чуть ли не все свободное время: регулярно совершенствовал, как снаружи (делая его очень удобным для экспедиций), так и внутри — там у него была мини-лаборатория с самым необходимым набором инструментов, реактивов, источников энергии, карт и пр. и пр. Только самое нужное! Немного — но ему хватало для экспериментов на местах. По возвращении из экспедиций он, разумеется, всегда отправлялся в настоящие лаборатории.

В этот раз он не стал никому кроме Джулии сообщать о своем возвращении в Нью-Йорк, и потому обходился средствами своего трейлера.

Фух! Роберт наконец добрался до него.

Точно! Вот в чем дело! Девушка, сама того не желая, помогла ему решить главную проблему детектора! Сейчас он сможет, наконец, сделать его водостойким и не лишит при этом своих основных свойств, позволяющих исправно работать. Раньше подобная комбинация казалась Роберту невозможной.

Ну конечно! Литий и сепаратор!..

Достаем схему! Вот так!

И теперь...

Готово!

Роберт принялся замороженно наблюдать за ходом требующей еще какого-то времени реакции, не думая больше ни о чем, кроме как о замечательном открытии, до которого он не мог дойти больше года.

Вдруг у него в голове возник образ девушки.

Он даже не попрощался с ней. И не поблагодарил. Слишком уж стремительно убежал.

⁷⁵ В любом случае, вряд ли в данной ситуации можно выдумать более достойные способы ухода домой.

Ну что ж теперь? Вряд ли они когда-нибудь еще встретятся.

Но если только детектор оправдает надежды и когда-нибудь Роберт получит за него высокую награду, он обязательно вспомнит на награждении об этом случае, расскажет остальным. Случай войдет в анналы истории, быть может, так же, как яблоко Ньютона или ванна Архимеда.

Это что же, получается, ее будут называть «незнакомка Брауна»?

Роберт поежился. Ему не понравился итог его размышлений.

А ежиться было от чего. Только сейчас заметил: он же почти весь мокрый! Как прибежал, так и принялся за эксперимент. Даже переодеться забыл!

Весьма в его характере.

Роберт относился к тем не так уж часто встречающимся людям, которым главную радость в жизни доставляла наука и возможность совершать открытия. А таким совершенно все равно, в каком виде они совершат эти открытия: в мокром или сухом, в пижаме или в белом халате изобретателя...

Единственное, Роберт стремился все-таки к опрятности. Он был из тех, кому все равно, что носить, лишь бы было удобно, качественно и чисто. Он с удовольствием покупал сразу две, а то и три пары понравившейся обуви — лишь бы избавить себя от сомнительного удовольствия шопинга. В магазинах он становился похож на маленького потерявшегося малыша, не знающего, куда пойти и что выбрать.

Поэтому обычно его внешним видом занималась Джулия. Она никогда не выступала против его страсти покупать сразу несколько одинаковых понравившихся вещей. «Ты напоминаешь мне комиксного героя, у которого вся одежда — одинаковая. И это здорово! Я всегда говорила: комиксам есть место в нашей жизни, Роберт! Ты — живое доказательство!» — посмеивалась она и приносила ему одежду, всячески соответствующую, по ее мнению, изобретателю, ученому и уфологу. Представления эти она получала, конечно, не из модных журналов, а из старых черно-белых фильмов и комиксов, так что стиль Роберта был несколько специфическим.

Впрочем, была и пара обычных рубашек и футболок — для повседневной жизни и отдыха.⁷⁶

Вчера он отнес почти всю свою одежду в прачечную.⁷⁷

Дома оставалась сухая пара сапог и еще одни штаны.

Роберт как раз надевал второй сапог, когда его застал стук в дверь.

— Роберт, это мы! — дружелюбно крикнула Джулия за дверь.

Столько всего случилось, что он уже совсем забыл!

И опять эта Шерри! И так некстати! Талант у нее просто приходит в неподходящее время!

Роберт неожиданно скоро смог проковылять в недозастегнутом сапоге к шкафу.

Они там ждали снаружи. Пусть не думают, что он долго возится. Но не может же он выйти в такой рубашке! Она почти высохла, но... Роберт взглянул еще раз на следы от тины. Недопустимо!

В шкафу как назло почти ничего не было. Только совсем новый, сегодня подаренный Джулией плащ, который он пока еще не успел даже примерить. Выглядел он, вроде, вполне ничего... подумают еще, что вырядился ради встречи с Шерри.

⁷⁶ Если бы все это у Роберта было!

⁷⁷ Не думаете же вы, что такой ученый, как он, занятый важными делами, сам стирает свою одежду?

Ну ладно, за неимением другого... Роберт наскоро застегнул плащ (рубашка холодно прикоснулась к телу... зато он смог скрыть следы водорослей — вот что главное), разобрался с сапогом, принял непроницаемый вид за те секунды, что потребовались ему, чтобы добраться до двери.

Важно вышел.

У двери стояла довольная Джулия и... и...

— Шерри — это Роберт! Роберт — это Шерри! — радостно представила их друг другу Джулия.

Он молча протянул ей руку. Она уже готова была пожать ее, но в самый последний момент резко подняла кисть, чтобы указать на пролетавшую мимо бабочку. Шоколадница.

Роберт так и остался стоять с протянутой рукой.

Она ее наконец пожала.

— Очень приятно с вами познакомиться, Роберт! — сказала спокойно и с улыбкой. И с тем же неизменным акцентом.

— Да что уж, Шерри, давай сразу на «ты», это ж мой братишка!

Роберт пребывал еще в некотором замешательстве. Надо было, наверно, что-то сказать...

— А, ну... ну чего уж, пришли, так заходите!

Ничего лучше он не смог придумать. Он никогда не приглашал незнакомых людей сразу к себе. А тут вдруг открыл дверь, да еще и предложил этой Шерри первой к нему забраться.

Джулия, уличив момент, одобрительно шепнула ему с нескрываемой благодарностью:

— Да ты даже принарядился! Как мило с твоей стороны!

Сегодня очень нелепый день. Это была та самая девушка, с которой он уже не надеялся встретиться.

Хорошо еще, она не стала вспоминать недавнее происшествие. Кажется, Джулия ни о чем не догадывалась.

Девушка скромно стояла посреди его лаборатории с выражением типичного научного профана, который тем более жадно пожирает взглядом все, что только ему попадает.

«Прямо сканер какой-то!» — подумалось Роберту. С такой надо держать ухо востро.

— Здорово у тебя тут! — воскликнула она наконец и указала на подходящий уже к завершению эксперимент с детектором.⁷⁸ — А что там? Там совершается какая-то химическая реакция, да? Прямо сейчас? А можно посмотреть?

Заметила.

Есть такие — задают много вопросов, тогда как все равно ничего не понимают. Любопытно им, видите ли.

Роберт не мог ей отказать. В конце концов, это она, сама того не подозревая, явилась его вдохновителем. А, может, все-таки и правда она сказала тогда именно «Литий и сепаратор?».

А вдруг и Джулии она сказала правду?

⁷⁸ Точнее, с его частью, касающейся блока микросхем. Извините, без подробностей. Изобретательская тайна.

Надо давать людям шанс. Сейчас он поговорит с ней и все выяснит.

Роберт подвел ее поближе.

Ей понравилось.

— Фантастика! — произнесла она очень профанское, по мнению Роберта, слово. Более профанского слова не сыскать! Только, разве, магия или там волшебство.

— Не фантастика, а вполне реальная наука. Мне Джулия сказала, ты тоже занимаешься наукой?

— Вместе с отцом и его исследовательским центром. Обожаю изобретения!

Оно и видно. Наблюдать каждому приятно.

— А вот там что? Не покажешь, как оно работает? — спросила она, не дожидаясь его следующих, более каверзных вопросов. Хотелось все-таки ее проверить.

Девушка она симпатичная, но больше всего Роберт не любил, когда вот такие заливали о науке и о своей любви к ней. Если уж ничего не смыслите, так сразу и признавайтесь!

Вообще-то Роберт хотел в этой встрече занимать позиции ведущего. И он готов был уже упереться и сказать: «А это потом. Сначала скажи-ка мне...»

Джулия делала ему знаки, и он решил, что упираться пока еще рано.

— А это я изобрел год назад. Это источник автономного питания. Сюда заливается специальный раствор. Работает на полимере из... на словах сложно. Посмотри сама, вот тут все написано. Вот, держи. А я пока залью и включу.

Она внимательно читала и как раз подняла глаза, когда генератор разогрелся.

— Ух ты! Совсем неплохо! Совсем даже!.. Но... Ты не думал, может, производительность возможно увеличить? Он, главное, выдержит? Ну там...

— Нет, лучше уже никак не получится. Я испробовал множество вариантов. Он выдержит, но ничего лучше не получится.

Ей его еще поучать.

— А вы сами часто проводите эксперименты? — сменил он тему.

— О да! — видно было, она это действительно любит.

— И что же интересует тебя больше всего? С какими веществами ты любишь работать? Или, может, у тебя есть любимые инструменты? — ну вот, он начал медленно подводить. Это лучший вопрос-индикатор. По реакции человека сразу все видно. И по его ответу, если реакция адекватная.

У нее реакция была адекватная⁷⁹, а вот ответ не прошел. Хотя начало его было многообещающим.

— Так сразу и не выделишь — я вообще уверена: не бывает неинтересных экспериментов, есть скучные ученые. Но... если у тебя есть хлористый стронций и таннин, я с удовольствием продемонстрирую тебе кое-что! Вместе с солью Мора и водой.

Неправильный ответ! Роберт готов был взвыть. Что еще она собирается ему продемонстрировать?!

Хлористый стронций, соль Мора! Он сам начинал с тех же реактивов, когда только-только познакомился со словом «химия»! Разве ж добьешься чего-нибудь действительно стоящего с таким набором?

⁷⁹ Она хотя бы не удивилась вопросу.

Но ничего этого он ей говорить не стал. Просто принес немного. А вдруг и впрямь покажет?

Ясно, конечно, эта девочка — дочка, наверно, и впрямь талантливого изобретателя, восхищенная его опытами и даже кое-чему от него научившаяся. Он — создатель, а она — его самая преданная и внимательная зрительница. Но не больше. Она, возможно, действительно честно старается, и ей, наверно, очень хочется стать такой же, как он. Пожалуй, больше всего ее привлек процесс. Атмосфера. В таких случаях наблюдателям обычно кажется: еще чуть-чуть — и они станут такими же великими, как те, за кем они наблюдают.⁸⁰ А те не устают ободрять своих подопечных и боятся разрушить их далеко идущие планы. И это очень зря. Наблюдатели становятся склонны воспринимать все как игру. Они просто понять не в состоянии, что экспериментам предшествует серьезное изучение, нужно иметь хорошую базу понятий и знаний в голове и не лениться все просчитывать, собирать и готовить. Не сразу же так проводить. Они всегда видят только результат, итоговую красивую картинку самого эксперимента. И думают, что все так просто. И всегда так просто.

А потом их наставник дает им каких-нибудь безвредных материалов и предлагает самим провести простенький эксперимент, где от экспериментатора ничего особо и не требуется, зато реактивы издают много шипения и извергают какие-нибудь клубы дыма или еще что-нибудь подобное. Одним словом, то, что всегда так нравилось теперь уже бывшим наблюдателям, — они же успели стать экспериментаторами. После таких опытов они начинают ощущать себя настоящими химиками-изобретателями и искренне в это верить.

Роберт относился к таким скорее с сочувствием. Жертвы собственных иллюзий. Они просто не могут понять того, что наука глубже и больше, чем два реактива, смешавшихся с эффектным шипением в один цвета сочной спелой сливы.

Роберт и сам в детстве наивно верил, что вся наука заключается именно в этом.

Вот и Шерри, наверно, такая же. Выучила несколько веселых фокусов и не знает, кому бы их показать.

Джулии, конечно, понравится. А он... уже давно привык ко всему этому.

Однако никогда нельзя полностью исключать возможность... хотя вероятность бесконечно мала...

Ну а вдруг?! Вдруг действительно покажет что-нибудь новое, стоящее, по-настоящему удивит? Все-таки есть в ней что-то такое...

Не показала.

Представьте себе, разлила! И не куда-нибудь, а прямиком в отверстие для залива раствора в его генераторе, который все еще работал! Причем у нее это получилось, что даже удивительно⁸¹ совершенно случайно! До чего неловкая!

Вот он! Самый наглядный из примеров, почему он не любит приглашать к себе в трейлер чужих. Они вечно все портят!

Сам он тоже хорош. Думал, что закрыл крышкой, а она оказалась открыта.

— Аккуратнее надо быть, ты что, не знаешь?! Первый раз в руках держишь?! Выключай его, скорее! А впрочем стой, я сам! Это может быть опасно!

⁸⁰ Роберт почувствовал, как в нем крепло желание увидеть ее отца.

⁸¹ Настолько, что не верится...

Роберт подскочил к ней и генератору, взглянул на датчики. Стрелки медленно поднимались вверх.

Пришлось его вырубить.

— Я тебе больше ничего не дам, надеюсь, ты меня поймешь и не обидишься, — сказал он тоном, полным осуждения.

Шерри выглядела немного виноватой. И все-таки он чувствовал: вовсе она не раскаивается.

Скромности и робости ей бы не помешало, пожалуй.

Роберт еще раз посмотрел на стрелку.

— И все же удивительно! Он... стал вырабатывать больше энергии.

Поразительно! Такое все-таки возможно! Как бы только он выдержал, не взорвался... ну-ка... мне надо проверить. Вот, — он вручил Шерри несколько карт звездного неба, — посмотрите пока с Джулией. Я к вам скоро вернусь.

Когда он закончил, Шерри уже всю невинно разглядывала его пульт управления антенной.

Роберт в восхищении поведал им результаты своих скорых расчетов:

— Вы ни за что не поверите! 0, 67 раза! Даже по приблизительным подсчетам! Для КПД это настоящий прорыв! А главное, благодаря хлористому стронцию все реакции так и останутся безвредными! Невероятно! И при этом проще пареной репы! Как только я сам не додумался попробовать это раньше! Теперь еще немного доработать и... Шерри, ты что же, это знала?

— Ого, Роберт! Поздравляю! Какое приятное известие! И карты у тебя прекрасные, такие точные! Впечатляет! Так ты много времени тратишь на изучение звездного неба? А это что? Тут вот на экране — это для чего?

Любопытная кумушка. Ловко она замяла ответ на его вопрос — значит, случайно все вышло. Кто ж в здравом уме откажется от комплиментов, которые обязательно бы последовали за этим? Роберт вздохнул. Он на какие-то секунды было подумал... Никогда нельзя обольщаться раньше времени.

— А это пульт управления антенной.

Он немного пообъяснял для виду. Шерри слушала внимательно. Интересно, многое поняла?

— Ну, например, ты можешь попробовать просканировать отдельный космический участок на наличие там каких-либо объектов по принципу отражения волн. Скажем, засечь какой-нибудь астероид. Понятно, что это крайне маловероятно, если набирать координаты из головы. Но если хочешь попробовать, то пожалуйста, мне не жалко. Включаю специальный поисковый режим — видишь? Набираю... ну что бы набрать? 365 08... сейчас, открою окошко для ввода...

— 356 87 — повторила она за ним.

— Да-да, — он машинально набрал то, что она сказала, — ...восемь семь... и... теперь осталось подождать несколько минут. Подожди-ка, я говорил ноль восемь, а не восемь семь!⁸² Ну да неважно, мы же брали произвольные...

Шерри, казалось, не обратила внимания на его упрек. Вот точно, делает все неаккуратно и невнимательно — и даже не краснеет.

— А можно таким образом попробовать засечь планету?

⁸² Про себя он сделал вывод: память на цифры у нее не самая блестящая.

— Ему требуется еще очень много усовершенствований, но, возможно, и да. Пока он может отправлять волны на ничтожно близкие в космических масштабах расстояния. И потом, ему еще мешает то, что я не знаю точных координат, и мне просто жаль тратить столько энергии впустую... хотя теперь, с улучшенным генератором... Вот если бы я знал точно, что эти координаты соответствуют принимающему устройству на какой-нибудь обитаемой планете, то возможно... собственно, для этого я его и сконструировал.

— И ты бы не побоялся отправить сообщение совсем незнакомым тебе лю... то есть пришельцам?

— Да это мечта моей жизни! Связаться с ними! Чего бояться-то?

— А многие боятся.

— Я ему то же говорю! — вмешалась Джулия.

— А я тебе говорю: ты насмотрелась и начиталась научной фантастики! В этом нет никакой логики! Скажи мне, ну зачем им портить нам жизнь и тратить на нас свои силы?

Слаборазвитые планеты, те, что находятся на более примитивной ступени развития, попросту не смогут принять мой сигнал. Вот и все.

Если же они технически оснащены так же или даже лучше, чем мы, а из этого следует, смею предположить, что они находятся на высоком уровне культурного развития... да что там, ты, Джулия, видно, вообще не читала моих книг! А там я привожу очень развернутые аргументы, между прочим! Вблизи не обнаружено никаких признаков жизни, значит, они живут дальше... Если они в состоянии добраться до нас, значит, у них есть гораздо более мощные источники энергии, чем то, что способна дать наша Земля. Им просто не нужно будет использовать нас как сырьевой придаток или что-нибудь еще в этом роде. У них и так все уже есть! Скорее всего даже, они уже знают о нашем существовании. Возможно, Земля им просто неинтересна. Может, они не хотят с нами связываться — считают, мы все еще не готовы. А может, они просто находят нас скучными.

Нет, я бы даже раздумывать не стал, отправлять или нет! Знать бы только, куда!

Мне хочется получить их ответ! Мне хочется знать, как живут они! И еще больше мне хочется показать им, как у нас на Земле здорово! А разве нет?! Что еще за пренебрежение к нам? Не стану фантазировать, как там могут выглядеть их планеты, но наша Земля прекрасна!

— Вот этим он все время и занимается: уезжает в постоянные командировки, изучает Землю и пытается все выбрать самые красивые места, в случае, если инопланетяне все-таки прилетят когда-нибудь... — опять стала вставлять свое слово Джулия.

— Мне уже надоело, что ты меня перебиваешь! Дай мне самому сказать! Я не просто выбираю самые красивые места, я пытаюсь составить интересный и связный маршрут. И, кстати, даже если мне не удастся до конца жизни связаться с ними...

— Роберт войдет в историю как лучший в мире гид путешественников и туристов! — искренне улыбнулась Джулия.

— Да, точно, — Роберта такое звание явно не очень вдохновляло. — Спасибо, что опять перебила! Землянам это тоже не помешает. Кстати, я искренне верю и всегда говорил: он пригодится тебе в мультфильме, раз уж у тебя там путешествия. И я с радостью помог бы и стал проводником, но только, — Роберт постарался не дать

вставить слово Шерри. Она же за обсуждением мультфильма и пришла. Дай ей только слово вставить — опять собьет с мысли! — но только сейчас у меня есть... результаты пришли! Шерри! Твои координаты! Ты и впрямь обнаружила какой-то неизвестный астероид! Молодец! Причем смотри-ка! — он достал карту и списки... — Точно! Да ты первая, кто его обнаружил! Твой расположен гораздо дальше кольца астероидов! Неудивительно, что никому раньше не удавалось его засечь! Это достаточно важное открытие! Тебе очень повезло!

Он еще раз взглянул на нее. Нет, она не могла знать координат. Откуда? Да и не соответствовала она образу...

Ей просто везло. Вот уже который раз за этот странный день.

Роберт всегда считал, что только в кино, которое он смотрел иногда в моменты редкого отдыха, недотепы-сыщики и полицейские в итоге схватывают всех преступников и обходят профессионалов. Только в кино совершенно «левые» люди, не имеющие понятия о технике и не имеющие никаких методов в работе, добиваются успеха. Особое раздражение у него вызывал киношный образ недотеп-ученых, которым удавалось совершать открытия и обходить серьезных конкурентов. Роберт всегда сочувствовал именно конкурентам.

И сейчас почувствовал себя именно на их месте. Вот ведь! Сколько сил он истратил на генератор, сколько провел в уме реакций, выбирая подходящие вещества... пришла она, разлила раствор стронция — и добилась играючи гораздо большего, чем он! Сейчас вот наобум нашла астероид.

Роберт никогда не верил в талисманы удачи, в любимцев Фортуны и прочую чушь, выдуманную неудачниками. А вот посидишь с такой, как Шерри, и не в такое поверишь. Может, и зря не верил. Может, стоит изучить удачливых людей?

Уделить этому феномену больше внимания?

А, может, все-таки существуют не удачливые люди, а именно удачливые дни для обычных людей, и сегодня такой как раз у Шерри?

— Скажи мне, ты всегда такая? — прямо спросил он у Шерри. Она удивленно взглянула на него, он помолчал секунду. Ему было немного досадно, но это почти неуловимое чувство быстро улетучилось. Роберт, как настоящий ученый, искренне радовался новым открытиям. Конечно, печально, что не он их совершил, ну так и что ж? — О результатах надо будет сообщить обязательно! Его даже могут назвать в твою честь, — тут только он вспомнил, что так и не узнал ее имени,⁸³ и вопросительно посмотрел на нее.

— Мое имя? Мое полное имя? — Шерри выглядела немного неуверенной. Первый раз за время их встречи. Кто бы знал! Ее испугали не реактивы и не астероиды, а собственное имя.

Ну не может же она его забыть, вот чудачка!

— Астероид Шерри звучит не очень солидно.

— Ну... нет, конечно у меня есть полное имя, — казалось, ей самой стало вдруг смешно. И почему-то неловко. — Просто оно мне не нравится. Оно очень глупо звучит. Я не люблю, когда меня так называют. Лучше просто Шерри. Я всем это говорю. Полные имена такие официальные... Но если уж вам так любопытно... — Шерри вздохнула и выпалила. — Шеррислава Джонсич.

⁸³ А ведь это было первое, что он намеревался у нее спросить! Умеет же она запудрить мозги!

Джулия не решилась ничего на это сказать.

— Ты, наверно, из Сербии? — спросил Роберт. После всех Шерриных удач хотелось ему уж очень проявить хоть как-нибудь и себя со своей эрудицией.

— Да, из Сербии, — улыбнулась Шерри.

— А когда я общался с местными жителями, у них акцент был другим... наверно, у тебя какой-то особый диалект? Ты откуда?

— Я... я недалеко от Трансильвании живу... Нет, это же Румыния... подожди, я знаю, что это Румыния, и что Трансильвания — это та часть Румынии, которая в центре⁸⁴... не надо только так смотреть. Просто мы часто ездили в детстве в Трансильванию, вот я и привыкла так говорить, набралась сразу нескольких диалектов. А что, я плохо говорю по-английски?

— Да что ты! Прекрасно говоришь! У тебя и акцент-то почти не заметен. И ты что же, первый раз в Нью-Йорке?

— Никогда тут раньше не бывала.

— И прилетела совсем одна?

— Но я в первый же день познакомилась с Джулией, а сегодня с тобой! И есть еще люди в отеле, где я живу. Некоторые меня запомнили... я тут не одна.

— А сколько тебе лет?

— Девятнадцать.

— И всю жизнь до этого ты провела...

— У себя. Я первый раз за границей, если не считать Румынии.

Роберт испытал смешанные чувства. Он уже полжизни колесил по миру, в детстве еще они выезжали с Джулией по штатам. А Шерри всю жизнь провела в достаточно небольшой стране. Несомненно, Сербия прекрасна, но ему вдруг стало понятно ее желание увидеть остальной мир. Он почувствовал свою ответственность, тем более из всех людей она умудрилась заранее, еще до личного знакомства выбрать его в качестве проводника. Что именно, он не знал, но что-то в осознании этого факта — вдруг заметил! — даже доставляло ему удовольствие и ласкало гордость.⁸⁵ Теперь уж было как-то совсем неловко и даже неприятно облекать в более-менее вежливое сообщение основную мысль, которая преследовала его еще недавно: «Знаешь, смотрю, денег у твоего отца достаточно, найди себе хорошего туроператора и погляди свет. А у меня есть дела поважнее. Довиђења!»

Он не знал, что тут следует сказать, да ему и не пришлось ничего говорить. Она вдруг заметила, что эксперимент с детектором, кажется, закончен.

Так оно и было.

— Ну наконец-то! — Роберт достал блоки микросхем и аккуратно вставил их обратно в корпус.

Сейчас он включит детектор и переживет свой собственный звездный час. Наверняка детектор поведет его обратно в парк. Можно будет пригласить девочек посмотреть, как он работает на месте. Им, наверно, будет интересно. И уж в этот раз он будет аккуратнее и не упадет в пруд. А даже если и упадет, или вдруг начнется гроза, или кто-нибудь брызнет в него из водяного пистолета, или еще что угодно, не

⁸⁴ А ощущение было таким, будто она стоит сейчас в школе у доски и вспоминает.

⁸⁵ Хотя он постоянно напоминал себе, что она всего лишь очередная одурманенная фокусами науки личность. Просто везучая — вообще или сегодня — это еще можно узнать.

менее глупое и связанное с водой, детектор на сей раз совсем не испортится. Он только что все подправил и предусмотрел.

Детектор запищал. Лампочка разгорелась. Причем сразу с такой силой, будто он уже был в парке у пруда.

— Роберт! Роберт! Ты видишь?!⁸⁶ Что все это значит? — спросила вечно любопытная Джулия.

Что все это значит? Детектор опять среагировал на Шерри!

Что все это значит?! Что еще это может значить кроме как...

— Провал! — выпалил в отчаянии Роберт. — Вода тут, оказывается, не при чем! У него принципы работы провальные!.. Взгляни, Шерри, он реагирует на тебя! И особенно сильно на твой кулон! Ты его нигде не находила?

— Нет. Его сделали по заказу отца. Еще в детстве.

— Кто сделал?

— Да в моем городке.

— А какими материалами они пользуются?

Шерри неопределенно пожала плечами. Ну да, откуда ей знать ответы на такие вопросы. Просто он судорожно хватается за последние кустики надежды над пропастью и никак не может признать поражение. Как самый большой неудачник.

Надо собраться. Можно самому рассмотреть этот кулон, узнать, что же в нем такое есть, а потом, на основе полученных фактов, подправить все нужное в детекторе. Там, наверно, какая-нибудь мелочь. Всегда какая-нибудь мелочь портит всю работу! На то и мелочь, что трудно ее заметить.

— Шерри, может быть, ты разрешишь мне изучить свой кулон? Так, несколько безобидных экспериментов... — он взглянул на ее лицо. — Я верну его в целости и сохранности, не подумай!

— Нет, извини, не могу, — твердо сказала она.

— Но ты мне очень поможешь! Пожалуйста! Подумай хорошенько! Не только мне, возможно, всей уфологии! Я смогу гораздо быстрее продвинуться к цели с помощью твоего кулона!

Ну должна же она понять! Что ей, и вправду — жалко? Все эти девчачьи непонятные радости. Такая же, как все, и еще причисляет себя к ученым...

Шерри была непреклонна. А говорила еще тоном, полным сочувствия:

— Роберт, не могу. Это талисман, понимаешь? Его нельзя снимать!

Вот тебе и все разговоры о науке. Верит во всякую глупость. Хотя, может, и впрямь этот талисман так ей сегодня помог? У Роберта еще не выветрились из головы все ее сегодняшние успехи.

Он никак не мог взять в толк, что происходит — все перемешалось в голове.

— Ну как пожелаешь! Твой талисман — значит, твой талисман и ничей еще. Найду другой способ исправить детектор... Просто времени больше понадобится — вот и все.

Ему вдруг очень захотелось поскорее остаться одному. Ну чего они тут расселись? У него такой неудачный день!

— Спасибо за посещение! Но извините, мне снова пора за работу. Надо сделать множество проверок — и как можно скорее.

⁸⁶ Конечно видит! Как такое не заметить?!

— Уже?! Роберт, и ты не покажешь Шерри свою коллекцию металлических шапочек?

— И коллекцию минералов тоже не покажу. Мне некогда. Извини.

— А почему ты так торопишься? — спросила Шерри.

После ее отказа с кулоном доверие Роберта к ней резко упало. Она не хочет помогать ему, а он почему должен ей что-то рассказывать?

И все-таки...

— Вот, гляди, — он указал ей на несколько графиков. — Видишь, я засек на редкость сильный выброс энергии! На Земле в тот день не запускали ни одного нового реактора, не было зафиксировано никаких землетрясений, ничего такого... Но он был! Небывалой силы! И к тому же весьма странной природы. Нет, ни одно из известных мне орудий, ни один реактор не смогли бы совершить выброс подобного типа. Здесь сам принцип другой. Я так полагаю, наиболее вероятным здесь представляется приземление космического корабля. Либо использование какой-либо внеземной технологии. У меня есть еще доводы, но мне некогда. Я же говорю, Шерри, много работы!

— А... а почему именно в Нью-Йорке?

— Потом расскажу.

Когда ж она уйдет наконец?

— Кажется, я знаю, с чем связан этот выброс.

Роберт и Джулия прилипли к ней взглядами.

— Так это же как раз тот день, когда я прилетела в Нью-Йорк.

— Ну да, — пробормотал Роберт. — И что?

— Так я сообщила об этом в нашу лабораторию, они и включили, наконец, наше устройство. Понимаете, тут дело в особенностях его работы... о которых я не могу рассказать. Но вы поверьте на слово!.. А Роберт отправился в Нью-Йорк, наверно, потому что именно отсюда исходил мой сигнал. Вот и все в общем-то. Все просто. Я думаю.

Роберт потрясенно молчал.

Он почувствовал себя полным идиотом — и даже в некоторых степенях.

Во-первых, только сейчас он понял, что действовал наугад. С чего он решил, что только космический корабль или какой-либо инопланетный объект сможет выбросить столько энергии? Недооценил потенциал самих людей. Видно, Шеррин отец — великий изобретатель, если смог придумать что-то, заставляющее энергию распределяться совершенно по-другому. Роберту вдруг со страшной силой захотелось входить в число его исследователей. Почему он о нем ничего не знает?

Во-вторых, вот вам и доказательство существования Шеррино изобретения. И как он раньше не углядел эту связь? Шерри действительно появилась в тот же день — да кто же знал?

И, кто бы мог подумать, сама его нашла!

Невероятные вещи творятся на этом свете!

— Так значит... так значит оно правда существует! — вырвалось у него.

Шерри не обиделась. Она сказала очень серьезно:

— Я знаю, в это сложно поверить. Чем больше знаешь, тем труднее веришь в то, что остается неизвестным. Но оно существует.

— Но это просто невероятно! Шерри! Почему я никогда раньше не слышал о твоём отце? Он что, скрывается?

— У нас секретная лаборатория. Но если мы выполним наш проект успешно, я очень надеюсь, что смогу уговорить его — и он все тебе расскажет. Считай, ты уже в его штате — если, конечно, ты согласишься... работать в качестве исследователя и проводника. Подумай, мне удалось уговорить его передать этот проект в мое ведение, а я в свою очередь с удовольствием поручила бы тебе должность нашего проводника. Джулия сегодня выразила мне свое согласие. Будет очень жаль, если ты не согласишься. Я прекрасно понимаю, у тебя может быть много других дел и проектов... но, может, их можно будет отложить ненадолго? Или ты сможешь заниматься ими в процессе путешествия... О! Я тут подумала! Если б ты только позволил, я бы тоже попробовала им посодествовать!

— Каких проектов? Моя главная надежда — детектор — только что отправилась в тар-та-ра-ры, я наивно верил в появление инопланетян — и где они? И все многомесячные труды развалились так быстро и за один день!

— Может, тебе стоит отдохнуть? — вставила Джулия. — Путешествие, Роберт, ну подумай!

Роберт не слушал. Он вдруг осознал в полной мере...

— Так значит, выходит... все напрасно? Все, что я делал все эти дни?! Тынч! — в сердцах воскликнул он.

Шерри нежданно-негаданно аж подпрыгнула и изменилась в лице. Он не знал, что она так умеет. За время их встречи она выглядела смущенной лишь раз, а в остальное время — энтузиастически оптимистичной, любопытной, счастливой и уверенной. Но явно не такой.

— Что?! Я всего лишь сказал «тынч»!

— Ты что же, используешь это как ругательство?

— Ну... тысяча нерабочих частот, — вот так ведь посмотрит на тебя, что сразу чувствуешь себя виноватым. — А что?

— Мне не нравится, как ты это говоришь... Совсем не нравится. Ты можешь больше таким тоном не говорить, пожалуйста? Хотя бы в моем присутствии...

Роберт растерянно хмыкнул. Вот что за девушка? Цветок — а не девушка! И даже тынч ей, видите ли, не угодил!

Он очень не любил, когда ему указывали.

Тынч было его любимым восклицанием. У моряков есть тысяча чертей, а частоты чем хуже?

— Но ты можешь говорить, например, тысяча неисправных трансформаторов! — утешила его Джулия.

— Пожалуй, мне пора идти, — сказала Шерри. Казалось, она ощутила его замешательство. — Не стану больше тратить твое время... Не хочу быть навязчивой, но все-таки: обязательно подумай над предложением, хорошо?

— Хорошо, обязательно! До встречи!

Роберту не хотелось ее терять. Что уж там! Таких предложений выпадает раз на миллион! Тем более теперь, когда у него не было больше причин оставаться в Нью-Йорке. Остальные проекты и впрямь можно отложить!

Не здорово ли участвовать в проекте, проводящемся первый раз? Не здорово ли посодествовать труду тех чудесных изобретателей?

Не здорово ли еще раз проверить свой маршрут?

Не здорово ли помочь Джулии осуществить мечту? Не здорово ли показать свет Шерри?

Особенно приятно было Роберту, что Шерри сама их нашла и доверила такой важный и уникальный проект.

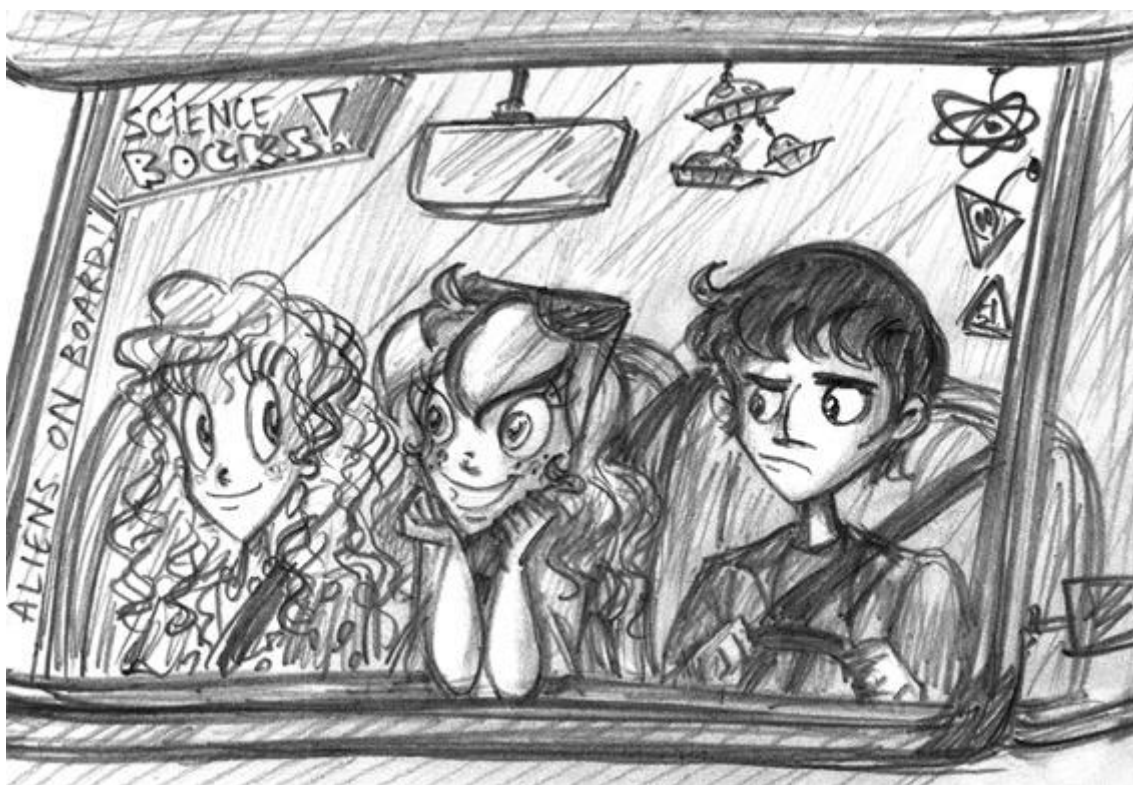
Единственное, что Роберта несколько раздражало — это то, что он никак не мог решить для себя, как ему стоит к ней относиться. Она ему понравилась. Хотя и была в ней доля невообразимой чужаковатости, он все-таки подпал под ее обаяние. И это ему совсем не нравилось. Подпадать под обаяние людей — это последнее дело. Когда ты под обаянием, ты им многое прощаешь и тем самым убиваешь на корню собственные так старательно взращенные принципы. Она ничего не смыслит в науке, она верит в талисманы, она делает все неряшливо и через пень колоду... почему он закрывает на все это глаза и соглашается работать с такой?

Он не знал. Но пообещал себе в путешествии рта не разевать и быть с ней не менее строгим и требовательным, чем со всеми подобного типа личностями. Что это, и вправду, он будет делать исключения для нее?

Вечером к нему опять пришла Джулия.

— Передай Шерри, я согласен. Сколько времени вам понадобится на сборы? Дня через три выезжаем. Я к этому времени как раз разберусь со всеми своими картами и планами, продумаю маршрут еще раз, запасусь всем необходимым.⁸⁷ И ты тоже подумай, что тебе может понадобиться! Три дня — это не так уж много!

⁸⁷ Верну одежду из прачечной, — подумалось ему. Говорить это Джулии он не стал.



Если вы планируете отъезд, лучше не руководствуйтесь предсказаниями синоптиков. Здравый смысл, которым Роберт, несомненно, обладал, подсказывал, что день, названный ими заочно еще вчера «очень солнечным», обещает быть сонным и пасмурным. Солнце долго не решалось появиться, а когда все же выглянуло из-за туч, стало понятно, что сегодня оно выглядит как размазанное мутное пятно в пелене⁸⁸, — наверно, заспалось, решило взять выходной и не приукрашиваться. А, может быть, посмеяться над синоптиками.

Роберт только что еще раз внимательно оглядел квартиру Джулии, проверил все, что требуется, запер дверь на все замки и вынес в несколько присестов все ее чемоданы.

— Я даже спрашивать боюсь, что там. Если б только что не убедился, что твои фигурки остались у тебя на полках, решил бы, что ты забила ими все чемоданы.

— А... что?.. н-нет, там бумага и альбомы, — очень сонно ответила Джулия.

— Мы могли бы покупать их на месте, зачем было... Джу, Джу, ты меня слышишь?

— А... что?.. мне так удобнее, понимаешь, там не только дело в бумаге, там на обложках... — Джулия зевнула. — Ну ты понял, да?..

— Ну ладно, понял, места нам хватит.

Роберт стал заправлять чемоданами трейлер, а Джулия пробралась в кабину водителя и свернулась калачиком на водительском месте. Баранка служила ей своеобразной подушкой.

Роберту пришлось ее порядком потормозить, прежде чем она проснулась.

— Ты ночью-то спала?

⁸⁸ На него даже смотреть было не больно.

— А... что?.. спала... или не спала... не знаю... там ужасная история... — Джулия опять зевнула и посмотрела на него очень мутным взглядом. — Я перепутала сначала время... встала в четыре утра...

— Лучше бы тебе еще сейчас поспать, — может...

— А?.. н-нет, я тут, рядом... потом я перепутала сахар со снотворным, когда заваривала кофе... а когда поняла, было уже поздно... никогда не чувствовала себя глупее, даже в тот раз, когда в гостях у меня...

Джулия не договорила и уснула прямо на своем месте у окна, куда все-таки успела пересесть, пока бодрствовала. Сегодня солнце решило пощадить бедняжку и не бить ей в лицо. Оно и само еще спало. Роберт накрыл ее пледом, вздохнул и поехал к Шерри.

Что за странное место она выбрала для встречи?

«У какого-нибудь пруда, лучше с камышами и обязательно с утками! Есть такие в Нью-Йорке?»

Зачем ей понадобился пруд с камышами? Интересно.

Был у Роберта один на примете.

Когда он подъехал, Шерри уже стояла как штык на месте встречи. И была, как и всегда, переполнена бодростью и энтузиазмом. По ее виду можно было даже предположить, что если уж и она перепутала в своем кофе сахар с чем-нибудь еще, так точно только с какими-нибудь витаминами, но никак не со снотворным или солью.

На ней был ее неизменный кулон, да вдобавок из украшений появились солнечные очки, пока сдвинутые на лоб.

В руках был небольшой чемоданчик. И все. Единственное, что еще могло оправдать чемоданчик (настолько маленьким он был), так это кармашек, в котором явно лежало что-то немного великоватое для его размеров.

Джулия, почувствовав, как трейлер остановился, на миг приоткрыла глаза и пробормотала:

— А?.. Что?.. Шерри?.. ей бы вести семинары... ну те, по упаковке вещей... я бы пришла... хотя нет, я уже ходила... а лучше бы... спала больше...

Роберт уже успел подойти к Шерри.

— И это что, все? — спросил он, недоуменно указывая на чемоданчик.

Шерри кивнула.

— И ты уверена, что у тебя там действительно важное? Это точно?

— Само собой разумеется. Зачем мне набивать единственный чемодан ерундой?

— Ну тогда поехали? Давай я его занесу.

— Подожди! Есть кое-что! Пока мы тут, у пруда... Прекрасный день сегодня, правда?

— И к чему ты клонишь?

— А что там Джулия?

— Не проснулась пока.

— Как жаль! А у меня для вас сюрприз! Уникальное изобретение прошлых лет! Сейчас такие не сыщешь! Seriously! За эти дни я побывала в куче магазинов — и люди даже не понимали, о чем я спрашиваю! Настолько оно редкое! Мне от папы еще досталось, он подарил... уже десять лет как у меня, а выпущено гораздо раньше.

Роберту стало уже любопытно.

— Я еще тогда, когда мы с тобой впервые встретились, хотела его опробовать. Но потом передумала. Решила обязательно разделить радость первой пробы с друзьями. По-моему, оно работает только с американскими... Но должно же оно работать! Ведь правда?.. — по лицу ее пробежала тень сомнения, но в следующую секунду она снова широко улыбалась. — Вот я и говорю: чудесный день для эксперимента! Сейчас все и узнаем! Исправно работающее изобретение — лучшее начало дня и прекрасный источник положительных эмоций перед поездкой!

— А?.. О чем вы там так долго... говорите? — Джулия выбралась из трейлера. Она никак не могла ни уснуть — кофе, понимаете ли, ни проснуться — снотворное, видите ли.

— Ага! И Джулия проснулась! Значит, можно начинать? Итак... вот оно! — Шерри засунула руку в тот самый кармашек в чемодане и извлекла на свет, вместе с восторженным «та-да!» прекрасный заменитель солнца — тоже желтое и заставляющее ее улыбаться.

Но только не ее собеседников.

Лицо Роберта вытянулось, лицо Джулии немного встрепелось:

— А?.. при чем тут уточка?.. Это сон?.. не сон?.. где я?

— Утиный коммуникатор! Вот что это! Редчайший образец!

Джулия, раскачиваясь, взглянула на недоуменного Роберта. Роберт хотел вставить слово, но в голове у него были только «Ну» и «эээ». Он ожидал чего-нибудь более впечатляющего нежели детская игрушка для ванной. К тому же Шерри в восторженном состоянии — это что-то жуткое, трещит без умолку.

— Обратите внимание на его на редкость милый и лаконичный дизайн! Но главное — это функции! Их мы сейчас увидим в действии! — Шерри дала всем возможность насладиться утиным писком. — Как мило, просто музыка для ушей! Я так и не нашла никакого механизма собственно по кодировке, но верю: он работает! Его изобретателю есть чем гордиться!

Шерри наконец перевела взгляд с уточки на собеседников:

— Ну и чего мы ждем? Почему вы замерли? Давайте скорее! Он больше 10 лет ожидал своего часа! И я вместе с ним! Утки нас уж заждались, им наверняка есть что рассказать!

И Шерри (точнее, ее половина) скрылась за камышами. Роберту с Джулией оставалось любоваться на вторую половину, представлявшую собой ее ноги. По положению ног можно было судить, что она склонилась к самой воде. По доносящемуся из-за камышей писку желтой резиновой уточки было понятно, что она пытается вступить с утками в коммуникацию. И, судя по всему, безуспешно.

— Джулия, я не сплю? — спросил Роберт. — Даже во сне такой дребедени не привидится!

— А?..

— Интересно, сколько времени ей понадобится, чтобы понять: это была неудачная шутка! Я уж было надеялся: правда что стоящее...

— А... я поверила, она же это серьезно! Нет?

— Не знаю. Если так, тем хуже. Позорище одно!

— Ну так... я с ней поговорю. Ничего страшного же не случилось. Почему ты такой недовольный?

— Не выношу, когда мне не дают слово вставить. И не переносу глупых шуток! Это многое говорит о шутнике!

— Да не шутила она! Вечно тебе кажется, все вокруг только и строят подвохи! Надоело! — Джулия направилась к камышам.

Роберт прислушался к тому, что она говорит. Вот, хоть один человек в здравом уме.

— Шерри, слушай, это живые утки! А у тебя в руках — желтая резиновая. Она пищит, да... зачем пищит?... ну, так веселее играть в ванной... понимаешь, это ИГРУШКА. По крайней мере, многие так говорят. Ее место дома, в ванной... но лично я уверена, что желтые резиновые уточки нужны взрослым не меньше! У меня, например, тоже есть несколько утиных друзей. И с ними очень здорово разговаривать! Это даже научно доказано! Но их место дома. Поэтому я оставила всех своих в ванной, хотя уже скучаю...

Роберт понимал, что иногда приходится брать свои слова обратно. Это был тот самый случай. Джулии бы тоже не помешало еще немножко отоспаться.

Он порадовался, когда все наконец расселись по своим местам и можно было отправляться.

На Джулию, которая вроде бы уже проснулась, после свежего воздуха снова напала дрема. Шерри сидела рядом с ним, сраженная не дремой, а первой неудачей. Она заметно притихла, нацепила на самые глаза свои солнечные очки⁸⁹ и недоуменно, молча, разглядывала коробку.

Может, он и правда слишком резко с ней? Судя по всему, она действительно не думала шутить. Кажется, она по-настоящему расстроилась.

— Мы столько времени на этом потеряли. И как, скажи мне, можно было только додуматься, что это утиный коммуникатор?!

— Так ведь картинка. И вот, написано: «Пообщайся с...

— Спасибо, читать умею. Но здравый смысл у тебя должен быть? Уже исходя из того, где ты ее нашла...

— Я же говорю: она досталась мне от папы. Он никогда не говорил мне откуда. У нас такие не продаются. Тут, в Нью-Йорке, я их тоже нигде не видела, хотя искала. Если б я только знала, что они продаются в детских магазинах и в отделах для... да что уж там... и ведь, кажется, в нескольких моих комиксах, сейчас припоминаю, виднелись такие уточки, и стояли они в ванной. Мне бы сразу насторожиться, но... пожалуй, я не хотела их замечать и видела только то, что желала видеть...

Шерри вздохнула.

— И ты в это искренне верила?

Шерри кивнула:

— Обидно немного. Ждать почти 10 лет, чтобы потом узнать... напрасно я надеялась все это время... еще и вас думала удивить...

— Ну не совсем, не напрасно на самом деле. Да, ты меня удивила. Поверь, первый раз в жизни встречаю человека, который видит изобретения там, где их нет. Обычно наоборот случается... Я даже, пожалуй, в восхищении: может, это своеобразный признак одаренности... — а про себя добавил: «Или отсутствия всякого ума».

⁸⁹ Пожалуй, это ей мешало, но, наверно, не хотелось показывать своего разочарования.

Шерри улыбнулась.

Роберту стало приятно, что он смог ее подбодрить. Да, и таким даже, как она, временами требуется поддержка.

— А знаешь, она ведь и в качестве игрушки все равно замечательная! И даже пищит! Я обязательно помещу ее в ванную, как вернусь домой! Я даже рада, что никто мне сразу не сказал: так интереснее! Открывать все самой и удивляться вместе с друзьями. Да?

— Это зависит... от многого. Конечно, совершать открытия самому интереснее. Но совсем при этом не прислушиваться к советам знающих людей — это намеренно идти по пути ошибок. Не факт, конечно, что они с тобой приключатся, может, ты и без всяких советов все сделаешь правильно... но вероятность ошибок все же значительно возрастает. А ошибки разные бывают. Незнание может привести к настоящим трагедиям. Хотя и... знание тоже может в некоторых случаях. Я предпочел бы не давать тут точных формулировок. Именно поэтому я вообще предпочитаю физику философии — там все ясно и всегда непреложно. И нет там этого огромного вороха условий и обстоятельств.

Шерри воздержалась от комментариев.

Она достала утреннюю газету (когда только купить успела?) и принялась молча листать выпуск. Роберт предпочитал смотреть на дорогу, но иногда не мог удержаться от того, чтобы не глянуть, что же ее интересует в первую очередь.

Она пропустила страницы, посвященные экономике, политика также прошла мимо, как и сводки новостей. Зато Шерри задерживалась на тех страницах, на которые никто другой и не подумал бы обращать внимание, — на рекламе. Реклама вызывала ее искренний интерес.

Наконец она добралась до последней страницы комиксов и гороскопов.

«Передо мной определенно интеллектуальная барышня», — подумалось ему.

— Ты веришь в гороскопы? — не удержался Роберт.

— Нет, наверно. Пожалуй, не верю.

— А зачем же ты их читаешь? Из любопытства? Не жалко тебе времени?

— Я? Читаю гороскопы? Вовсе нет!

— А что ж ты тут читаешь? — ну что отрешиваться, коли засекли. — Тут даже заголовок сам за себя говорит.

— Да в том-то и дело! Я уже несколько дней покупаю эту газету, и они без конца пишут вот именно на этой странице «Гороскоп». Я слышана о гороскопах, многие люди о них только и говорят... и все хочу прочесть хоть один, а мне так не везет. Хотя... хотя я бы не сказала. Нет, эти их истории из жизни животных, людей... — Шерри глянула в лист, — каких-то мифических существ — это весьма забавные выдумки. Я к ним уже привыкла, даже интересно, что с ними дальше случится. И весы тут живые... Нет, я очень люблю выдуманные истории. Только не пойму действительно, при чем тут гороскопы?

Роберт насторожился.

— А что, по-твоему, такое — гороскоп?

— Слово на слуху, но никто толком не объяснит, что же оно значит. Как я поняла, это предсказания, там люди как-то делятся на группы и каждой группе свое...

— Ну и... — Роберт указал ей на страницу.

— Ну а тут животные все какие-то! Так постой! Это... — Шерри была на пороге нового великого открытия, и лицо ее просияло. — Так это и есть гороскоп?

Роберт кивнул.

— И... и эти все названия — они соответствуют всем людям? Да? И... как мне узнать, кто я? Выбрать? Да?.. Ну, я точно не Весы... интересно, кто ж считает себя предметом? И точно не Близнецы — у меня никого нет. Значит наверно я... — Шерри углубилась в газету на какое-то время. — Я Дева, пожалуй. Роберт, ты как думаешь, я Дева?

Роберт готов был уже похвалить ее за удачную шутку. Это смешнее, чем уточка. И безобиднее. Но захотелось подыграть.

— Конечно же, ты Дева!

— Странные эти гороскопы какие-то. Так ведь и Джулия, получается, Дева... это ж половина читателей будет Девами? А зачем тогда остальные знаки? Или, может, они предполагают большую специализацию, а тем, кому совсем уж ничего не подходит... Вот, Джулия, наверно, Водолей!

Роберт еле сдержался от смеха.

— Ты с чего взяла?

— Так когда я была в гостях недавно, Джулия все подливала мне чай. И даже разлила немного... Но где тут логика? Все равно, это ж можно гадать как угодно... Эй, а ты кто?

— Овен.

У Шерри аж рот от удивления открылся.

— А почему, — она еще раз глянула в газету, — не Стрелец? Может, ты баранину любишь?

Роберт не выдержал. Расхохотался.

— Ты прекрати уже свои вопросы задавать, я же за рулем! Сейчас Джулию разбудим! Хватит уже!

— Что? А что я спросила такого? Ты не любишь баранину? Может, тебе тогда...

— Баранина тут не при чем. Ты что, правда что ли не знаешь?

— А я что, часто лгу? Почему ты у меня без конца спрашиваешь: «Правда, правда»? Да, я правда не знаю. Мне никогда не давали читать страницы гороскопов. Ничего уж такого смешного.

Роберт сам был против гороскопов, но насильственно лишать человека всякого понятия, пусть и о неуютной, но довольно безобидной вещи?

— Странный у тебя отец, вот уж правда. Это же тоже все его решения?

Шерри промолчала.

— Все эти знаки зависят от даты рождения. Я родился в апреле и потому попадаю в число Овнов. И совершенно неважно, нравится мне баранина или нет. Джулия — Дева, но только потому, что у нее день рождения в сентябре.

— Так чего ж ты молчал! В этом уже гораздо больше логики! А те, кто в марте родился, они кто?

— В большинстве своем Рыбы. В середине месяца?

— Ага. Но... — Шерри в очередной раз повертела замученный листик и взгляделась в изображенных там рыб, — это очень чудно. Он никак на рыбу не тянет. Это я об одном друге. Он обожает выступать на конференциях и, как я слышала,

готовит несколько десятков докладов в месяц. Я думала, рыбы молчат. Нет, чудно все-таки...

— Это ты чудная. Не перестаешь меня удивлять. Эти все названия взяты же не с потолка! И ты еще разглядывала недавно совсем мои карты звездного неба, вижу... Это же созвездия! Каждый знак соответствует созвездию.

— Правда! Не с потолка, а с неба! Как это я сразу не догадалась? Названия совпадают! Это все картинки в газете — сбили с толку... Кстати, раз уж зашла речь... я много раз смотрела на карты созвездий. И на снимки звездного неба. И это относится к тем вещам, которые я никак понять не могу! Откуда у вас на картах все эти палки? Их же нет в жизни. Зачем они там?

— Палки?.. Это не палки. Это сами люди придумали. Палки, как ты говоришь, условны. Ты что, не видела, как из этих палок вместе со звездами складываются рисунки?

— Какие рисунки?

— Так что, правда не видела?.. Ну ты, Шерри, даешь! Как же так! Это даже дети знают! В этих рисунках можно узнать животных, мифических героев... всякие их образы, которые вот и получают соответствующие названия. Нет, Шерри, честно, ты поразительна! Чему тебя только учили? Меньше тебя знал только Шерлок Холмс, не имеющий понятия о том, что Земля вращается вокруг Солнца. Но ему-то это действительно не было нужно в работе... Ну да ладно. Хорошо, я тебе обязательно покажу. Если уж ты никогда раньше не различала там ничего и никого, так это, наверно, только потому, что не задействовала должным образом свое воображение. По-моему, ты иногда мыслишь слишком буквально. И еще, мне кажется, ты портишь себе зрение в этих очках. Если будешь носить их постоянно, точно скоро перестанешь замечать хоть что-нибудь. Зачем они тебе?

— Ну вот, гляди, — Шерри развернула другую страницу. — Прогноз погоды. В конце стоит: «Не забудьте захватить солнечные очки! Они вам понадобятся».

— Ну и... что?

— Так ведь понадобятся! Я же только что прочитала.

— Но солнце сегодня сама видишь какое!

— А зачем же они написали?

— Ну как? — очередной Шеррин прикол? Она же не похожа на маленького ребенка, которому все надо разжевывать. — Они имели в виду: «Будет очень солнечно». Просто облекли в красивую фразу. Ошиблись. Тебя удивляет, что они ошиблись?

— Нет, меня удивляет эта красивая фраза. Я-то думала, очки действительно еще зачем-то могут понадобиться, — ей бы расстроиться, а она просияла. — Вы тут такие изобретательные! У нас бы так сразу и сказали: «Будет солнечно!» и ничего подобного выдумывать не стали.

Роберт издал какой-то неопределенный звук.

— А потом, у меня все-таки есть причина. Ты чистил зубы?

Роберт недоуменно покосился на нее. Что еще за странные вопросы?

— Ты чистишь регулярно? Дважды в день?

— Да, Шерри, дважды в день. И этой самой пастой, — он ткнул прямо в рекламу, расположенную над прогнозом погоды.

— Так вот тебе и ответ. Очки защитят меня от твоей ослепительной улыбки. Вот почему они мне понадобятся!

— Че-го?

Шерри приподняла очки и поглядела на его зубы.

— Ты, наверно, недавно ею пользуешься? Я не ослеплена пока еще. А... тебе хочется ослеплять людей своей улыбкой? — неуверенно спросила она. — Зачем? Я бы не стала, это жестоко по отношению к окружающим.

— Господи, Шерри, твои шутки уже перестают казаться смешными! Они все построены на одном и том же.

Он вдруг наконец понял. Ну конечно, она читалась Ролана Барта, который писал о таких вот, воспринимающих все буквально, посланцах с других планет, и теперь хочет подшутить. Прознала, что он мечтает познакомиться с инопланетянами, вот и предоставляет ему возможность. Ну... по крайней мере подход не лишен оригинальности. И ведь как натурально у нее выходит!

— Не беспокойся, мы что-нибудь придумаем. Я, может, стану чистить раз в день. Или пасту сменю. А, кстати, вот! — на глаза попало еще одно объявление — Я тебя непременно свожу вот сюда!

Шерри изучила объявление.

— А это обязательно?

— Конечно! Это же наша с Джулией любимая сеть! Мороженое там — объедение.

— И они не шутят?

— В рекламах обязаны правду говорить, ты разве не знаешь?

— Ну это... как-то... неожиданно... А я всегда считала, что это только талантливые выдумки талантливых людей, и бывает только в мультфильмах... или в научно-фантастических фильмах. Я думала, это все спецэффекты. Мне и в голову не приходило... такое возможно? Что, правда? — глаза ее округлились. — И... каковы ощущения?

— Да вполне так. Первый раз страшновато, потом привыкаешь. Нам с Джулией нравится.

— И что же, ты прямо так и... таял?

— Таял.

— Вот так от собственного удовольствия?

— Ага.

— А я до такого состояния никогда не доходила...

— Так ты, наверно, не пробовала «Вишневую сладость». Я тебе очень рекомендую.

— И не опасно?

— Как видишь. Я в порядке. И Джулия тоже.

— А как вы возвращались в исходное состояние? И... как это вообще возможно? Это же просто невероятно! Это противоречит законам физики! Фантастика! Никогда бы не поверила, если б ты не сказал!

— А ты сама попробуй.

— Да что-то не очень хочется.

— Дело твое... А знаешь, кстати, какой сегодня праздник?

— Надеюсь, не талых от удовольствия людей? Если что, вы это... тайте без меня, раз вам так нравится.

— Нет, Шерри, сегодня день чудастых высказываний.

— А я и не знала. Тут вот, — Шерри опять взялась за газету, — ничего об этом не написали. Я бы хоть сказала что-нибудь забавное...

— Не волнуйся. Давно уже ничего забавнее я не слышал.

— Да?

— Так весело разыграть ситуацию Барта.

— Какого еще Барта? Может, у кого сегодня и день чудастых высказываний, а у меня — загадок и открытий. Я ничего не понимаю.

— Да ладно тебе! Выходи из образа! Прекрасная вышла шутка! Ты очень натурально играла!

— Я?!.. Так ты шутил...

— Не я один.

— И эти талые люди... ну конечно, шутка! Согласись, смешно было! — Шерри с облегчением вздохнула.

— Знаешь что? У тебя довольно странный подход к юмору, я бы сказал, экспериментально-творческий. Он строится на буквальном восприятии всего, что говорят... иногда, если поверить, выходит и впрямь забавно. Надо только понимать, когда выходит, а когда — нет. Нельзя же все воспринимать буквально! С уточкой ты, кажется, и вправду прокололась, не шутя. Жаль. Смотри, зашутишься до того, что разучишься совсем понимать...

— Боюсь, я уже начинаю... разучиваться. Ты меня научишь заново?

— Я подарю тебе словарь идиом и целый сборник рекламы, — полушутя сказал Роберт. — Больше опыта — и все дела. Если только ты сейчас и впрямь хоть иногда говорила серьезно и не думала шутить... Это странно. Тебе, наверно, не давали много читать... интересно, что ты там вообще у себя читала?

— Вообще-то много всего. Просто была куча вещей, которые мне никто не удосужился объяснить. Все вокруг вечно очень заняты. Вот я и понимала все как хотела. У вас тут много выражений, которые у нас совсем не употребляются. Непонятно, что вы выдумали, а что — правда.

— А я уже запутался, где ты шутишь, а где серьезно... Ощущение порой такое, что вы там как на другой планете... Ну ничего, успеешь еще узнать. Только лучше бы тебе поучиться не только по рекламе. В мире много всего... Считай, мы с тобой тут устроили разминку. Вот Джулия проснется — держись! — Роберт улыбнулся.

— А вот еще, смотри, что я купила себе на память! Все-таки вы очень изобретательные! — Шерри достала открытку. — Разворачиваю! Видишь, как все просто? Солнце всходит над Нью-Йорком! Закрываю — солнце заходит. Разворачиваю — встает! Закрываю — садится. Совсем простой принцип, солнце всего-то прикреплено вот к этому краю, а как трогательно! Я бы никогда не додумалась! Разворачиваю — встает! Закрываю — оно садится...

Шерри игралась вовсю, не уставая открывать и закрывать открытку.

— Шерри, Шерри, с тобой я совершенно теряю голову! — пошутил Роберт и выждал какое-то время. Она не прореагировала так, как он ожидал. — Что? Тебе не жалко моей головы, готовой вот-вот потеряться?

Шерри рассмеялась:

— У нас так говорит каждый второй. Вечно теряют голову из-за работы. Не вправду же. Что я, по-твоему, совсем ничего не понимаю?

Временами так и кажется действительно. Чудная все-таки.

— Знаешь, Роберт, пока Джулия не проснулась... можно я пойду в лабораторию, разберу там некоторые инструменты? Хочу подготовиться...

Роберт даже спрашивать не стал, что еще за инструменты и что за подготовка. Решил поберечь нервы. Что, в конце концов, такого можно протащить в маленьком чемоданчике?

— Только смотри, не задень ничего моего! Не трогай без спроса, ладно? Ничего не трогай!

Запрет отдавал детскостью, но Шерри, казалось, не заметила подобного несколько пренебрежительного отношения к собственной персоне. Она спокойно и уверенно кивнула и скрылась где-то в глубине.

Джулия зевнула и огляделась по сторонам. Роберт, сидевший за рулем, выглядел несколько раздраженным.

— Ой! Мы уже выехали! Ну надо же! А я думала, мне только приснились эти утки с пчелами, которые... Нет, пчелы, наверно, все-таки приснились... А... А Шерри где?

Роберт неопределенно махнул рукой назад.

— Она занята? Чем-то важным?

— Вот уже целых полтора часа разбирает свои многочисленные вещи.

— Ну пусть, не надо ей мешать... И ведь, Роберт, обидно так! Я все проспала! Я даже не попрощалась толком с любимой квартирой, любимой улицей, любимой остановкой... да ты не слушаешь... Когда я теперь снова увижу рассвет в Нью-Йорке? Остается только гадать...

— Может быть, повезет даже завтра. С той скоростью, что у нас сейчас, если только она не изменится, я тебе как физик говорю: увидишь еще. Пробка бесконечная. Мы почти не сдвинулись за последние полчаса! Каждая минута была на счету... все эти утки...

— Роберт, — в водительской кабине появилась вдруг голова Шерри, — слушай, а ты не разрешишь мне попользоваться... О, Джулия, доброе утро! Ты как, выспалась?

— Спасибо, Шерри! Вполне!

— Прекрасно! — с этими словами Шерри протиснулась на свое место. — Рубильники подождут, — тихонько пояснила она Роберту. Роберт искренне порадовался своевременному пробуждению Джулии, отвлекшей Шерри от... а чем там она занималась?

— Смотрите, смотрите только! Видите?! — они от неожиданности аж подпрыгнули. И что только на Шерри временами находит?⁹⁰

Ясно — она посмотрела наконец в окно. Вот вам и очередной приступ восторженности.

— Что именно? Я вижу тысячи машин. Смог. Чахлые кустики у дороги. Мутное солнце...

— А вот там у них на стекле, смотрите, какая милая наклейка! И вот еще брелок, да вон там! — успела вставить Джулия.

— О да, наклейка и впрямь премилая. Но вы что же, не понимаете?

— Что?

⁹⁰ Роберт уже подумывал просчитать временные интервалы между этими восторженными выкриками, чтобы всегда быть к ним готовым заранее.

— Мыслите глобальнее! Это же...

— ...затор на дороге и ничего больше, Шерри — остудил ее Роберт.

Если бы...

— Вот именно! Настоящий многокилометровый затор! — еще чуть-чуть, и, наверно, завизжит от восторга.

— И?

— Настоящий многокилометровый затор! — многозначительно повторила Шерри и выждала какое-то время, — наверно, столько, сколько, по ее мнению, ему могло потребоваться, чтобы осознать всю важность события подобного уровня. — Я несколько дней лишь любовалась ими и втайне надеялась, что тоже попаду в число тех счастливиц...

— Ты эти полтора часа изобретала новые шутки, да? Где ты видишь хоть одного счастливицу?

Джулия не участвовала в дискуссии. Она молча разглядывала водителей и пассажиров соседних автомобилей. Несколько раздраженных типов безрезультатно сигналили друг другу. В машине чуть позади двое ребят разглядывали с открытыми ртами трейлер Роберта. Заметив взгляд Джулии, они мигом высунули из уже открытых ртов языки. Кажется, это было самым началом их программы, но Джулия предпочла не проверять, будет ли продолжение, не хотелось как-то.

— Да хотя бы вон те мальчишки! Наверно, актеры в детском театре, репетируют. А смотри сколько музыкантов! Взгляни, как им весело! Они сочиняют музыку! Авангард, да? Я плохо разбираюсь в стилях... А здорово у них выходит, правда? Кругом замечательные люди, и каждый из них прямо сейчас раскрывает свои, быть может, потаенные таланты! Так что я-то не шучу. Это ты, Роберт, наверно шутишь. Мы еще выехать не успели, а уже — самое настоящее приключение! Я никогда раньше не бывала в пробке! Это же настоящее чудо!

— Коли так, поздравляю с величайшим событием в твоей жизни! Вернешься из путешествия, обязательно расскажешь своим: «Много же я успела повидать, но лучше всего была пробка на выезде из славного города Нью-Йорка!». Не хочешь сфотографировать на память?

— Хочу! Откуда у тебя столько классных идей?!

Несколько минут Шерри радостно щелкала окружающие виды и счастливо напевала песенку.

— Ну вот, хватит, пожалуй! Они все чудесные, но если я буду их всех снимать, не останется времени на остальное, — Шерри помахала на прощание кулаком очередному водителю.

Роберт, сидевший с безучастным видом, лишь пожал плечами — имейте снисхождение.

— Ты хочешь меня довести? Зачем ты провоцируешь окружающих? Им и так несладко...

— Ты что? Я только-только стала вливаться... Познаю систему их знаков! В том-то и чудо пробки: она все переворачивает с ног на голову. Разве кто-нибудь станет при встрече махать другому кулаком? Он обидится, не так ли?.. И только из машины можно безнаказанно махать кулаками сколько душе угодно, и люди при этом не скажут: «Она сошла с ума», наоборот, они обрадуются! Смотри, все тут машут! А почему? А потому, что в пробке, как я понимаю, это уже означает что-то вроде: «Будь крепок, как

камень, стой, где стоишь!». Мне даже странно, что ты сам не догадался еще, если часто в них попадаешь... Ой, а кто-нибудь хочет поиграть в камень-ножницы-бумагу?

Желающих не нашлось.

— Ну ладно. Я плохая выдумщица. Это действительно слишком просто для пробки.

— Да, Шерри, пробка определенно заслуживает большего.

— Ну наконец ты согласился! Серьезно, ты, наверно, привык к пробкам, а...

— Привыкнешь тут. Я никогда не привыкну к трате времени впустую!

— Впустую? Как это — впустую?

— Да вот так... — она, кажется, не поняла. Пришлось пояснить. — Вот как сейчас.

— Если ты и тратишь время впустую, как ты говоришь, так это потому, что сам не хочешь потратить его с пользой! Ты же ничего не делаешь. Ничего такого, что принесло бы тебе или окружающим радость. Сидишь и ворчишь!

— А что мне делать? Махать кулаками и сигналить?

— Можно и это, если тебе хочется, почему нет? Я думаю, пробки созданы как раз для того, чтобы многие из вас успели позаниматься чем-нибудь таким, на что у них никогда не находилось времени в других случаях. Подумать о чем-нибудь, заметить что-нибудь, иногда оказывается очень полезным, хотя и кажется на первый взгляд ерундой... Вам вот такие случаи даны, а вы недовольны... чудные! У нас такого не бывает, поэтому люди, предрасположенные к деловому мышлению, а у нас все такие, тем более никогда не посмотрят в окно и не подумают: «Какой сегодня прекрасный солнечный день! Какой странный фасад вон у того здания! Он похож на торт!» — и знаете почему? У них нет времени смотреть в окно и нет ситуаций, когда оно могло бы появиться. Нет накладок, все по плану. Они всегда приезжают вовремя и успевают сделать больше нужных дел. Но они никогда ничего не делают просто так, не по работе. Они не думают ни о чем просто так — ведь им никогда вдруг не выпадает случайного времени. Они лишены того удовольствия, которое выпало нам сегодня. Причем они этого сознательно добились и просто не понимают, что теряют...

А вы недовольны. Ну ладно еще люди, лишенные фантазии... им просто нечего выдумывать. Зато им всегда есть за чем понаблюдать, ведь очень интересно, особенно не где-нибудь, а тут, на... эээ... извините, иногда еще путаю и забываю английские предлоги... я хотела сказать, тут, в Нью-Йорке... так что их претензии мне тоже непонятны. Но я тем более никак не пойму, как вы-то можете быть недовольны!

Роберт промолчал. Даже странно, но рациональное зерно тут имелось. Маленькое такое зернышко в толстой оболочке маразма. Но оно было.

Джулия виновато улыбнулась:

— Знаешь, а ведь эта же примерно идея будет проходить и в моем мультфильме. Мне даже... ну... неловко. Нехорошо, что я собираюсь рассказывать об одном, а сама... ну ты поняла, да?

— Да, вполне... Может, конечно, я и не понимаю всех ваших английских идиом, но вы тоже кое-чего не осознаете: каких радостей себя лишаете. Я, как человек со стороны, не переживавший раньше пробок, могу это сказать наверняка. Есть такие вещи, которые нельзя оценить однозначно — все зависит от отношения самого человека к ним. Вы, я вижу, думаете, что пробки — это неправильно, не так ли? Вам они не нравятся, а ведь, если к ним отнестись с должным вниманием и поискать

хорошее, можно будет заметить, что это еще и очень и очень удобное время для мечтаний и творчества, я так давно еще подумала. Может, я сейчас ошибаюсь? Но те люди так не считают, они со мной согласились бы. Смотрите, чем они заняты? Творческим времяпрепровождением. Может, вот те ребята даже выпустят музыкальный альбом пробочных композиций — такие ритмы выбибликают!.. Давайте возьмем с них пример! Если у вас больше нет никаких других идей, как провести наше приключение в пробке, то давайте прямо сейчас устроим творческий процесс!

— То есть... как это — устроим? — не поняла Джулия.

— Как это? Ну... как это: как это? Вот так просто, как всегда бывает.

— А как всегда бывает?

— Я-то, конечно, знаю, но мне ли тебе объяснять! Ты ведь тоже знаешь. Ты же столько всего успела мне рассказать не так давно! Все это ты же придумала!

— Но... то есть... ты хочешь, чтобы я прямо сейчас стала размышлять об истории и придумывать все дополнения и детали?

— Да-да-да! И Роберт тоже, если хочет, пусть поучаствует! Если только он сможет мечтать и вести машину — все сразу. Сможешь?

Роберт лишь хмыкнул. Он решительно ничего не понимал. Когда он ничего не понимал, он предпочитал неопределенно хмыкать — и пусть собеседник, особенно такой, как Шерри, понимает, как хочет.

Она сведет его с ума.

Джулия тоже смутилась и растерялась:

— Но я... не могу так сразу. Нет настроения пока.

— Но я же тебе помогу! Не зря же я готовилась все эти полтора часа! Я достала все, что можно, все, что может потребоваться. Тебе даже лампочку искать не придется, если вдруг понадобится!

— Ну... нет, я не понимаю... — Джулия все больше расстраивалась. От нее хотели чего-то — и было решительно непонятно, чего именно. — Лампочки — это по части Роберта, наверно...

— Роберт, — тихонько зашептала Шерри ему на ухо. Причем очень серьезно. Это разозлило его еще сильнее. — Наверно, тебе действительно лучше знать. Джулии на самом деле помогают лампочки? А какие лампочки Джулии больше подходят, ты случайно не знаешь? Вы никогда не пробовали? Не выхватывали ее, я имею в виду лампочку, чтобы рассмотреть и узнать? Нет?... А если предположить?... У меня есть разной мощности и разных типов. Есть даже лава-лампа, прелесть! Если ты мне позволишь только попробовать взяться за рубильники... Кстати, у меня еще и дым есть, и колокольчики.

— Кончай это! Только дыма нам тут не хватало! Зачем тебе все это? Зачем лампочки?

— Так ведь... есть такие люди, лампочные... появилась идея — лампочка загорелась.⁹¹ Откуда они берутся? Я тут подумала, и решила, что если заранее включить лампочку, наступит обратный процесс... сначала лампочка — потом идея в голове. Если человек лампочного типа только правильно настроится — и если лампочку правильно подключить, а это можно попробовать.

— Это еще как?!

⁹¹ Видели в комиксах.

— Пока не могу сказать. Вот если б Джулия начала наконец мечтать, я была бы уже конкретнее... Ну и примерное с колокольчиками и пеленой. Знаешь, такие колокольчики — звенят, а потом какая-то пелена наступает.⁹² И это значит, человек мечты видит... Мы, наверно, не увидим пелены, да и колокольчики не услышим, а вот Джулия, как начнет мечтать, так сразу у нее все это в голове... Не смотри на меня так! Вы что, правда, в первый раз о таком слышите? Да как же вы мечтаете-то?

— Ты что, правда притащила лампочки в чемодане?! И это, по-твоему, самое необходимое?! Слов нет! Мы лампочками, к вашему сведению, не пользуемся и даже пробовать не желаем!

— Что? Неужели вата? — лицо Шерри осунулось. С ватой менее интересно работать. — Знаешь, такие облачка ватные?.. пушистые, белые⁹³...

— Нет, и вата не поможет.

— И даже вата не нужна?.. А что вам нужно? Я думала... ладно, сейчас начнете, я посмотрю...

Шерри замолчала на какое-то время и все буравила их попеременно взглядом. Ничего не происходило. Джулия нервно теребила волосы, Роберт хранил молчание.

— Ну давайте, что вы! Мечтайте уже наконец! Что вам стоит?! Я уже несколько дней жду, когда же хоть кто-нибудь начнет мечтать — а все вокруг совершенно не хотят.

— А я уже мечтаю кое-о-чем, — промолвил Роберт.

Шерри растерянна, но при этом внимательно еще раз оглядела его:

— Нет, ты всего лишь ведешь машину.

— Ну и что?

— А то. Почему же, если ты мечтаешь, я не вижу никаких признаков мечтательности? Я так думаю, у каждого они свои, но у тебя я не вижу ни одного. Нет, ни одного из тех, что мне известны. Ни лампочек, ни остального...

— А я, тем не менее, мечтаю. И все сильнее.

— Смейся-смейся! Нехорошо так делать. Я-то думала...

— А вот скажи, ты, когда мечтаешь, какие из этих самых признаков приобретаешь?

— Сначала ты мне скажи, о чем ты мечтаешь! Потом уж я скажу...

— Я мечтаю о том, чтобы поскорее смастерить себе наушники для отсева всякой ерунды и неудачных шуток. Таких, например, как у тебя. Наушники, чтобы их не слышать. Временами, правда, ты говоришь толковые вещи — так что обычные беруши не подходят. Но большей частью... С утра было смешно, теперь уж надоело. Я просто мечтаю отдохнуть от всего этого. Тебе стоит подумать о мере. В один день — чересчур.

— А неплохая идея! Наушники, защищающие от неудачных шуток! Чудесная идея! Люди меньше ссорились бы, наверно... только это же сложно определить: для кого шутка удачная, а для кого нет... но сама мысль! — Шерри заулыбалась, но, кто бы думал, недолго. — И правда... мечтаешь, раз придумал такое! А так по виду и не скажешь...

«Все сложнее, чем можно было предположить», — подумала она. — «Мечтать, выходит, совсем не то же самое, что ходить или прыгать, когда с детства научился,

⁹² Видели в художественных фильмах и мультфильмах.

⁹³ Видели в комиксах.

привык и когда захотел — дал осознанно сам себе команды и стал себе выполнять. Тут дело в том, что голова. С ней сложнее. Есть же еще такие состояния, когда бывает нужна помощь со стороны. Я читала, чтобы ввести людей в состояние транса, нужен гипноз — и это все достигается техническими средствами. Или даже засыпать — это можно сделать при помощи специальных снотворных средств. Но вообще-то они, как и мы, сами могут заснуть, без всего этого, причем тут уже они не могут дать себе осознанных команд — в отличие от того же прыганья, например. Нельзя сказать себе «спи» и мигом от этого уснуть... сам собой засыпаешь ведь... Мечтать, наверно, тоже — как-то само собой у них получается. Только почему-то, в отличие от сна или гипноза, заставить их мечтать при помощи технических средств, вроде лампочек или колокольчиков, невозможно. А вот маятниками гипнотизируются — как странно все же... Так выходит, мечтать — совсем не то же самое. Зачем тут технические средства? Раз уж они, когда мечтают, продолжают обычную жизнедеятельность, могут делать еще несколько дел и не входят в особые состояния, по крайней мере Роберт... надо же как! Ну и как тут быть?... Ах, точно, точно! Как же я раньше не подумала!»

Шерри принесла блюдо и расставила на нем несколько конфеток.

— Вы любите конфеты? Угощайтесь!

— Еще бы! Спасибо! — Джулия уже протянула руку.

— Только надо обязательно оставить немного для него...

— Что? Еще кто-то придет?

— Конечно и, надеюсь, скоро! Ты мне сказала недавно: «Нет настроения».

Конфеты, надеюсь, хоть как-нибудь помогут... Как твое настроение сейчас?

— Уже лучше. И все-таки жаль, что я все проспала... А кто это будет? Что ж меня никто не предупредил? Скоро уже?

— Да в любой момент.

— Как это? Вы не договорились точно?

— И мне Шерри тоже ничего не сказала, — осуждающим тоном проговорил Роберт.

— Тихо! Зачем его пугать? Он не ко мне же все равно! Он, может, вот-вот навестит тебя, Джулия!

— Он? Да кто?

— Или она. Я не знаю, кто именно у тебя. Наверно поэтому в общем случае зовется оно...

— Я уже понял! Это твоя очередная шутка. Позволь угадаю: его имя начинается на «В»...

— Ура! Наконец-то мы, кажется, пришли к взаимопониманию!

— Так объясните и мне теперь!

— Понимаешь, если у тебя будет хорошее настроение, ты можешь ожидать Вдохновения.

Джулия несколько раз похлопала глазами и вдруг рассмеялась.

— Я уж думала, правда кто появится! Да, Шерри, с тобой оно точно долго ждать не будет! Ну ты и выдумщица!

— Я? — Шерри аж покраснела. Ее всегда смущали незаслуженные комплименты. Она все еще не видела вдохновения, но, наверно, его и не должно видеть. А Джулия, кажется, и впрямь стала веселее — может, оно уже и пришло. — Ну так... может все-таки попробуем?

— Пожалуй, раз уж тебе так хочется, попробовать можно... У меня вдохновение порой что аппетит: приходит во время... На худой конец можно будет попользоваться какими-нибудь методиками, хотя вообще я это очень не люблю. Мне гораздо больше помогает рассказ и простая прокрутка истории в голове. Стоит мне начать рассказывать, как я уже во власти собственных образов, какие-нибудь новые детали, да придут на ум...

— Знаешь, — сказал Роберт, подумав, — мне кажется, сейчас, когда ты определилась с тем, что хочешь своим мультфильмом сказать и даже набросала в общих чертах сюжет, имеет смысл разобраться с названием истории и именами героев. Надо же их как-то называть...

— Это может подождать. Меня больше смущает другое, вот мне бы только придумать — и дальше все встанет на свои места... что такого мог у него дома потерять Биб? Это просто камень преткновения, я никак не могу сочинить! Как оно выглядит, как работает, что делает? Оно должно принести ему успех. Что может принести успех? Когда человек успешен? Когда он умеет общаться с людьми, например? Пусть так... А... что для этого требуется? Я никогда не понимала, я, как мне кажется, общаться совсем не умею...

— И вдохновение молчит? — спросила Шерри.

— Молчит, — вздохнула Джулия.

— Ну, давай подойдем к этому с другой стороны, — вступил Роберт. — Когда тебе интересно общаться с человеком?

— Когда он милый и обаятельный. Когда он внимательно слушает и когда ему самому есть что сказать.

— Хорошо, это у твоего героя уже есть. Есть ведь? А чего ему не хватает?

— Не хватает... ну... ну... уверенности, наверно, не хватает. Да, пожалуй, уверенности. Он очень не уверен в своих силах. Никто не видит, какой он милый, потому что он много молчит. Вот даже и девушка — он же никак не может с ней заговорить. А как она узнает о его существовании, если он молчит? Я уверена, его проблема в неуверенности. Он, может, не знает, что ему ей сказать...

— И что же может ему помочь?

— А что? Наверно... не знаю, что. Что?

— Ну скажем...

— Знания, — вставила примолкшая на время Шерри. Все это время она внимательно следила за ходом их мыслей.

— Точно, Шерри!

— Так ты же сама только что сказала: «Он не знает, что сказать». Я лишь повторила...

— Но... я сама не замечаю иногда, что говорю. Нет, Шерри, ты молодец!

— Да, знания — это много проясняет, — вставил Роберт. — Какого типа знания? Он что же, много читает? Тогда при чем тут Биб? Он и без Биба может стать книжным червем...

— Да нет же... а что если... скажем... ну вот вдруг... то, что Биб ему оставил, оно... не знаю, Роберт, не знаю...

— Биб оставил ему руководство по успешному завязыванию контактов с людьми? Он его прочитал и стал знать гораздо больше...

— Роберт, ну не издевайся!

— Ладно, не буду. Но мне жалко твоего героя. Как вообще можно было влюбиться в девушку, ничего о ней не зная?

— А почему нельзя?

— Ну вот я бы так точно не смог. Влюбиться в человека, о котором я совсем ничего не знаю. Или знаю, но совсем чуть-чуть. Мало кто так может. Хотя... откуда мне знать, что там остальные? Говорят же о любви с первого взгляда... это все не для меня, думать тут о любви... Зато, знаешь, я догадываюсь, с чего все это так...

— То есть... с чего?

— С того, что тебе очень уж хочется верить, что кто-нибудь, вот такой, как он, подойдет к тебе и захочет познакомиться... личные переживания — вот что движет всеми историями. Разве нет? Неправильно я говорю?

— Неправда!.. ну... ну может и правда... при чем тут все это?! Мы говорим совсем не о том! Не обязана я отчитываться, почему. Ты бы лучше подсказал! Или уж молчал! — надулась Джулия.

Разговор зашел в тупик.

— А что там насчет предмета? — вставила Шерри. — А давайте-ка попробуем сначала представить, что за предмет, а потом уже решим, что он делает.

— Я не знаю. Ну... что там может быть такого? Что-нибудь небольшое, не привлекающее особого внимания, легкое... не так, чтобы совсем уж обычно, как всегда бывает... нет, не книга, книг не надо, это как раз обычно... — Джулия размышляла вслух. — Может, булавка?

— Какая булавка? — спросил Роберт рассмеявшись.

— Нет, булавка не то. Булавка — это смешно. Ты вот смеешься. Часы?

— Которые пишут шпаргалки на циферблате. Ну знаешь, например «Ты так чудесна в свете луны».

— Это слишком тривиально. И потом, такие шпаргалки — они же не помогут ему на работе и в учебе... чему он от них научится? Лести только! И как они будут ему писать? На инопланетянском языке? Откуда инопланетянам знать о романтике! И как он их прочтет?... Нет, надо что-то другое...

— Да пошутил я с часами... ну думай, никто тебя не торопит.

— Джулия, ты что-то о методиках говорила! А давайте попробуем! — Шерри очень уж хотелось познакомиться с какими-нибудь методиками. Методики — в них хотя бы можно логику заметить. Как еще научиться мечтать, если нет никаких зацепок?

— Методики? Ну... я это не очень люблю, не очень в них верю, хотя на курсах мне предлагали несколько. Сейчас-сейчас! Дай-ка только вспомнить что-нибудь получше, подходящее случаю... вот например! Методика, связанная с детскими воспоминаниями. В детстве, как некоторые считают, фантазия особенно буйная и не сдерживаемая еще никакими стереотипами. К тому же в детстве мы много не знаем, и вполне обычные предметы могут казаться нам чуть ли не волшебными, потому что мы сами выдумываем, как их стоит применять и что они могут делать. Ну и... вот. Можно попробовать вспомнить, как нас в детстве поразили какие-нибудь предметы. Что мы думали о них, как собирались использовать. А потом, может, что-нибудь подходящее и вспомнится. Ну что, давайте? Кто первый?

— Ну, посмотрим... что бы такого... — задумался Роберт.

— Ой! А я вспомнила! Расскажи о летающем половнике! — заулыбалась Джулия.

— Да-да, точно! Летающий... эй! Ты что же, знаешь про летающий половник?! — Роберт явно изо всех сил пытался сдержать досаду, ну хотя бы не позволить ей проступить на лице — проступила она, впрочем, моментально.

— Ну... я тогда случайно... подглядела... а ты не знал?

— И ничего мне не сказала?! И помнишь до сих пор! — тон Роберта выражал лишь одно: «Какой кошмар!».

— Но ведь ничего же страшного! Тебе же было лет шесть, наверно... зато как забавно!

— Ничего не забавно! Я НИКОМУ не рассказываю о летающем половнике, — жестко отрезал Роберт. — И нечего было вспоминать...

— Но ты же никогда не предупреждал меня... ну... не упоминать... я не знала, что тебе так неприятно... извини!

— Как я вообще мог тебя предупредить, если всегда был спокоен, что ты ничего о нем не знаешь?

Роберт взглянул на Шерри. Неудобно было все-таки вести подобные разговоры прямо перед ней, совершенно игнорируя. — Мой первый эксперимент... — пояснил он, — ошибочный. Глупость полнейшая. Нечего его вспоминать.

Она лишь кивнула.

Роберт мысленно поблагодарил ее. Он боялся, что она начнет смеяться. Или приставать с расспросами. Или обидится, что он не захотел рассказывать.

Ничего такого. Но он чувствовал: она прислушивается к каждому его слову. Не было безразличия. Хотелось как-нибудь оправдать ее надежды.

— Но я могу рассказать о другой своей глупости. Вот ее действительно забавно вспоминать. Связана с гитарой.

— Джулия мне сказала: ты ведь играешь?

— Да-да. И как бы ты думала, почему? Мне было шесть лет, ну... почти семь. И в одной телепередаче мы с Джулией услышали: «Музыка — универсальный язык, понятный всем». После чего я решил, что просто обязан научиться играть на каком-нибудь музыкальном инструменте, чтобы понимать сама знаешь кого... да, я как раз начал всем этим увлекаться в то время. Из всех инструментов я выбрал гитару. Причин было несколько. Во-первых, мне нравились вибрирующие струны. Во-вторых, я почему-то был уверен, что если должным образом покрутить колки, удастся выйти на частоты инопланетян. Я тогда не знал еще таких слов, но, согласись, колки напоминают чем-то колесики у радиоприемника, ну, те, что крутишь, когда настраиваешься на волну. Радиоприемником я пользоваться умел. Вот и подумал — затем их и у гитары крутят. А еще мне очень нравилась розетка. Знаешь, что это? Дыра посередине корпуса. Я думал, ее сделали специально чтобы заполнять всякими вещичками для инопланетян. Да, Джулия заставила со своей этой методикой вспомнить детство... и сейчас я вдруг задумался: чем только была забита моя голова? Мне тогда казалось, что добрую половину всех вещей на белом свете можно использовать для связи с инопланетянами... Одним словом, я был уверен, что гитара — это идеальный инструмент для подобных целей. Музыкальный и со всеми этими очень удобными штучками. Я до жути старательно готовился к первому занятию. Естественно, таким образом, как я это понимал. Умудрился закинуть в розетку кучу «подарков»... таких, которые понравились бы инопланетянам, — если вдруг их привлечет моя игра и они надумают навестить нас: камешки, стеклышки, мелочь,

лупу... Несколько шурупов даже и гвоздей. Все в таком роде... Как там все гремело! Представляешь, какое было у моего преподавателя лицо, когда все это повыпадало? Все первое занятие мы занимались тем, что пытались вытряхнуть из бедной гитары все, что я туда закинул... теперь-то уж я давно играю не для связи с пришельцами, а просто для удовольствия — надо же и от работы временами отдыхать. А начиналось все вот так... но только к чему все это? С героем и историей это никак не связано... разве что, может, он получил чудесную инопланетянскую гитару и теперь при помощи кручения колонок настраивается на волны окружающих его людей? Ерунда какая-то... Давай ты что ли, Джу, что-нибудь предложи.

— Ну почему же глупость? Очень даже хорошая идея! Только гитару куда угодно так просто не возьмешь с собой — чтобы незаметно — вот что мешает... А... моя очередь теперь, да?.. Ну пожалуй... зонтик! Мне всегда нравились зонтики! Есть в них что-то такое... необыкновенное. Может, дело в том, что они обычно раскрашены в яркие цвета? И эти яркие пятнышки очень оживляют серые и унылые улицы, такими они обычно становятся во время дождя... может, поэтому? Мне всегда нравилось разглядывать узоры и рисунки на зонтиках. Только я никогда не понимала, почему все носят их только за ручку. Я-то была уверена, что зонтик можно еще и как лодку использовать — во время наводнений например, — если повернуть вверх ногами. А ручка тогда будет в качестве руля... я все, когда на улицу в дождь выходила, ждала: а вдруг именно сегодня дождь вызовет наводнение? Но до такого ни разу не доходило... Как-то мне надоело ждать, и я решила опробовать свой... эхм... своеобразный плот в ванной. Я налила воду, раскрыла самый огромный зонтище в доме, какой только нашла, попробовала встать на него, а он вдруг прямо в воде захлопнулся и зажал меня. Так что я еще довольно долго из ванной выбраться никак не могла, — и было очень мокро и холодно. Да и вообще — так опасно! Зря я не спросила у мамы, прежде чем...

— Вот именно! Эх, Джу... только это, по-моему, еще меньше отношения к истории имеет, чем моя гитара.

— Ну, я говорила, я методикам не доверяю. У меня вот не получается вспоминать то, что требуется, по заказу... Хотя... Может, Шерри что-нибудь вспомнит? Твоя очередь!

— Я... эээ... ну... я... ничего вспомнить не могу! Лучше вы еще повспоминайте, а я послушаю!

— Совсем-совсем ничего?

— У меня память... детство как в тумане.

— Ну хоть что-нибудь... Тем более ты, Шерри! Да ты за одно сегодняшнее утро такое представление устроила... выдумала Барта разыграть... все забыть? Все мечты свои забыть?.. Это ж возможно, наверно, только если... Ты что, совсем не мечтала в детстве? — с сомнением взглянул на нее Роберт. Про себя он подумал: «Тогда мне ясно, откуда столько глупых шуток. Реванш во взрослой жизни».

— Шерри, если ты стесняешься, так и скажи, — Джулии хотелось ее подбодрить. — Мы же тебя не заставляем, ты выглядишь такой испуганной! Думаешь, моя интерпретация зонтика звучала очень умно? Если хочешь сказать, не бойся. А не хочешь — не говори. Придумаем еще что-нибудь.

— Нет-нет. Раз уж вы поделились своими мечтами... конечно, я тоже умела придумывать. Я и сейчас... сумею. Вы не подумайте только, кто ж не умеет

придумывать? Все хоть чуть-чуть, да могут. И я... я тоже... сейчас... сейчас-сейчас... сейчас-сейчас-сейчас.

Они еще не видели, чтобы Шерри так нервничала. Она без конца запиналась, хотя обычно это было фирменным стилем Джулии.

— В детстве я... я... верила, что очки приносят знания! — выпалила она вдруг разом на одном дыхании и судорожно хихикнула. Как-то очень тягостно хихикнула. Вряд ли это вообще было хихиканьем... Затем она не менее нервно вздохнула и продолжала, будто оправдываясь. — Ну знаете... все эти всезнающие ученые в очках... Вот так надеваешь их, думаешь о чем-нибудь, и тут же к тебе приходят всевозможные знания, какие только существуют об этом предмете, явлении... человеке, в конце концов. Только не мысли его, а факты — из биографии, например, или, может, о поведении: что он покупал... или прочитал... что посмотрел, чем занимается вечерами... как зовут его отца... а еще его высказывания: все, что он говорил... Это же тоже можно отнести к знаниям и фактам...

Молчание со стороны друзей.

— Правдивые. Много знаний. Все, что только требуется... з конца своими мечтами

Роберт с Джулией все продолжали молча глазеть на нее, хотя было видно, что она уже не знает, что еще можно сказать.

— Что? Совсем плохо? Я... я знала, поэтому не хотела говорить...

— Шерри, да это же... гениально! — Джулия наконец вырвалась из своих грез, в которые моментально провалилась, стоило ей примерить такие очки на своего героя.

— И ты столько времени молчала! — Роберт тоже вышел из оцепенения. — Что ж ты сразу не сказала?! Да это ни в какое сравнение не идет со всеми твоими шутками!

— П... правда? Вам нравится?.. Вам ПРАВДА нравится?! — Шерри выглядела потрясенной. — Но это же...

— Чудесно! Именно то, что нужно!

— И... и ты хочешь использовать эту совсем-совсем неправильную мысль в собственном мультфильме?

— С чего ты взяла, что она неправильная?

— Ну... понимаешь, один мой друг, он... ну... он сам стал потом носить очки... такие черные, овальные и большие... и все мне объяснил. Это же неправильно, очки... они же... совсем для другого.

— Ну так это на Земле, а инопланетяне, может, думают так же, как и ты когда-то! Биб вполне мог оставить ему очки! Да-да, точно! Никаких булавок и зонтов, именно очки! Мой герой, тем более, всегда носил очки...

— Ой, боюсь, ему это не понравится... — почти беззвучно прошептала Шерри.

Бывает, брякнешь что-нибудь⁹⁴, даже не предполагая, к какой реакции это приведет. Реакция, кажется, проходила бурно, и это было только начало.

— Что-что? Я не расслышала...

⁹⁴ А ведь она никому больше ни разу в жизни не обмолвилась об очках, даже родителям. Признаться, очки эти всегда лежали грузом на ее душе (хотя по виду улыбающегося Элроя на газетных фотографиях и по его головокружительной карьере нельзя было сказать, что они принесли ему плохое). Она все равно чувствовала свою вину, хотя все, казалось бы, было хорошо... в глубине души ей даже хотелось, чтобы хоть кто-нибудь отчитал ее по полной, а Джулии и даже Роберту вдруг понравилось! И выносить теперь эти очки в историю мультфильма? Не слишком ли? Элрой ведь, скорее всего, желал сохранить их в тайне...

— Я говорю: только сейчас поняла, ты же мне его ни разу не показала!
— Кого не показала?.. ЕГО не показала? Не может быть!
— Показать все те бесконечные вкладыши из коллекции «герои третьего плана в малобюджетном кино» и не показать главного героя истории? Джу, узнаю тебя! Только ты так умеешь!

Джулия уже не слушала его, она внимательно изучала слегка помятую бумажку, которая до этого лежала в одном из ее карманов, — список того, в каком чемодане какой альбом:

— Вот, нашла! Я мигом!

Шерри с Робертом молчали весь этот «миг», растянувшийся на несколько минут. Во-первых, каждый еще занят был своими мыслями, возникшими после упоминания очков, а, во-вторых, Джулия, занимавшаяся раскопками чемоданных артефактов, издавала там невероятный грохот, так что все равно говорить было бессмысленно.

— Вот же он! — Джулия наконец вернулась и уже готова была протянуть альбом Шерри, но вдруг остановилась. Если бы она была человеком лампочного типа, вас бы тотчас озарил свет ее новой идеи. — Стой-ка! Стой-ка! Я покажу, разумеется, но сначала, раз уж ты его пока не видела... Шерри, мне стало вдруг интересно: а сама ты как думаешь, как может выглядеть обладатель этих очков?

— Как выглядеть?.. Опять надо придумывать?

— Так у тебя же это так хорошо получается! Ну... нет, разумеется, своего героя я менять уже не стану, но мне все равно интересно! Так, из любопытства. Ну ты понимаешь, да?.. Пока ты моего не видела, ну... представь своего, пожалуйста!

— Ну хорошо... раз уж ты так считаешь... что я хорошо выдумываю... — Шерри вовсе не была в этом уверена. Она даже придумать ничего лучше не смогла, чем... — У него вытянутое лицо. Нос вот такой, — она изобразила. — Уши очень забавные — вот такие, — ее вдругхватило это описание, и она продолжала с все большим азартом. В конце концов, что такого страшного, если она опишет своего настоящего знакомого? — Глаза маленькие, он вечно щурится, зато у него выразительные брови, но самое главное — его невообразимая прическа...

— Да-да-да! — не дала ей закончить вдохновленная сим исчерпывающе точным описанием Джулия. — Поэтически растрепанная в разные стороны челка! Мы мыслим на одной волне, Шерри, не иначе! Смотри! — и она протянула ей несколько рисунков.

— Ой, мамочки! — только и вырвалось у Шерри.

Перед ней был Элрой. Настолько Элрой, насколько возможно стилизованному мультяшному герою с крошечными глазками-бусинками быть похожим на Элроя. Даже очки были овальными и большими. Элрой собственной персоной. Только с «поэтически растрепанной челкой». Такого у него уже давно не случалось. Шерри могла вспомнить лишь бунтарствующий хохолок⁹⁵. Но, может, если б этот хохолок сумел бы когда-нибудь устроить настоящий бунт и поднять всех тех, прилизанных, как было когда-то в школе... пожалуй... да, сомнений быть не могло, Шерри уже видела, как выглядел бы Элрой с поэтически растрепанной челкой.

А может... может, ей так только показалось? Мало ли на свете людей с вытянутыми лицами и в очках?

— Такой страшный? — расстроилась Джулия.

⁹⁵ Он гордо стоял во время их последней встречи, и еще до этого был замечен ею на нескольких фотографиях, попадавшихся временами в газетах.

— Да нет же! Не в том смысле! Ты что? Да он как живой! Да это ж самый настоящий Элр... — она поняла, что пора замолчать, немного позже, чем следовало бы.

— Как кто?.. Как Элр?.. как Элр... а ведь... мне нравится! Шерри, мне нравится! Мне нравится имя Элр! Благородное имя, вы не находите?

— Вполне, — сказал Роберт, — ему, вроде, идет. Удивительно, как ты бываешь импульсивна — я бы полмесяца ломал голову над именем, изучил бы вдоль и поперек справочник имен, а потом бы устроил сравнительный анализ, чтобы... Но не суть. Да, мне нравится.

Шерри лишь кивнула.

— Так пусть же будет Элром! — сказала Джулия настолько мечтательно и одновременно торжественно, как если бы производила его в рыцари. — Элр... мне нравится... Элр... всезнайка Элр... — она помолчала какое-то время, видно, продолжая про себя и дальше выдумывать прозвища своему маленькому Элру. — Ой, Шерри, я же только сейчас поняла! Я же... ну... успела уже присовокупить все, что ты предложила, даже не спросив. Ты не против, если я воспользуюсь твоей идеей с очками? Можно?.. Если тебе не нравится почему-либо — не объясняй даже, почему... ты только скажи обязательно... — чувствовалось, что «нет» Джулия не перенесет, хотя она и старалась уверить Шерри в обратном.

Что касается Шерри, то сначала она, быть может, и пожалела о своем весьма опрометчивом выбалтывании... А что скажет Элрой, когда узнает? А вдруг он уже знает?.. Кто ж ему мешает задаться вопросом: «А о чем там они говорят?». Шерри сомневалась. Но после рисунков Джулии, после этой — самой наглядной — демонстрации, какие на свете существуют совпадения, имело ли хоть какой-нибудь смысл говорить «нет»? «Такие совпадения бывают только неспроста. Значит, пожалуй, что-то из этого получится. Наверняка...» — подумала она и уверенно кивнула Джулии.

— Ох, Шерри! Спасибо! Спасибо огромное! Это же и впрямь просто великолепная идея! Уж мы-то ее представим в самом роскошном виде, правда? Все вместе! Попробуем раскрыть как можно лучше! Хорошие идеи — они же как алмазы: многогранны, и каждая из граней требует шлифовки — только когда все они заискрятся, мир сможет по достоинству оценить целое!.. Какой простор для фантазии!

Наверно, Джулия хотела вставить еще что-нибудь в таком же восторженном духе, но ей помешал вставший в разговор Роберт:

— Фантазии! Ну да, конечно, но... — ему вообще нравилось все переводить из фантазий и фантастики в науку — весьма реальную науку, соприкасающуюся с нашими жизнями.— Но если б был кто-нибудь, кто смог бы изобрести такие в реальности? Интересно, возможно ли такое вообще, технически? Если возможно и если бы кто-нибудь смог, то, пожалуй... — он задумался, как бы лучше сформулировать свое отношение к такому гипотетическому человеку.

— Пожалуй что? — поторопила любопытная Джулия.

— Если б мне только повезло жить с ним в одно время... и даже... а почему бы и нет? Я тоже умею мечтать! Даже и встретиться!.. Да я бы на руках его носил! Вот точно!

— Ты? — рассмеялась Джулия. — Ты стал бы кого-нибудь носить на руках? Наш строгий и принципиальный Роберт?.. Никогда в жизни не видела, чтобы ты носил кого-нибудь на руках...

— А зачем? — вставила Шерри.

— Наверно, надо сказать сначала, за что... Да не в буквальном смысле, опять ты за свое! Не буду я в буквальном смысле носить его на руках! У вас, значит, никого на руках не носят?.. Это значит: я бы очень ценил мнение этого человека и мечтал бы с ним сотрудничать. Если б только он считал меня этого достойным. Нет, я не перевозносил бы его до небес и не слагал бы дифирамбы (я и не поэт), но очень дорожил бы нашим знакомством.

За что? За одно это изобретение, за то, что человек этот смог создать такую вещь. Это же, смею предположить, требует истинного таланта, дара, истинного вдохновения, а, кроме того, столько терпения, столько выдержки, сосредоточенности, знаний, умений, расчетов, аккуратности... — последнее он произнес с некоторым нажимом и расстановкой. Подколоть безалаберную Шерри, причисляющую себя к ученым, лишний раз не повредит. Для профилактики. — «Зачем?» ты спрашиваешь... зачем?.. — размышлял он вслух. — Да зачем об этом рассуждать? Вы можете быть спокойны, этого все равно никогда не произойдет. У того, кто в состоянии создать подобное изобретение, должно быть определено достаточно разума, чтобы понимать, насколько оно опасно. Он не станет создавать такую вещь... только, может быть, чисто из любви к науке, но не для практического применения. Только чтобы потом поставить под колпак и не позволять никому прикоснуться... а лучше тогда вообще оставить их в полной тайне, чтобы ни у кого не было искушения. И сам он тоже — а вдруг ему захочется их когда-нибудь надеть? Это все чревато... Создать и сразу уничтожить. Ставить под колпак, чтобы видели остальные, — это питать собственную гордость. Я верю, что такой великий ум выше этого. Так что... даже если когда-нибудь кто-нибудь и создаст что-либо подобное, мы об этом никогда не узнаем. И слава Богу!

Они помолчали.

— Ты говоришь о них так, как если б это было что-нибудь не менее жуткое, чем Кольцо Всевластья, — задумчиво сказала Джулия. — И что, тебе никогда не хотелось бы надеть такие очки?

— Еще чего!

— Но ты же стремишься к знаниям, это же цель всех твоих экспериментов и экспедиций, разве нет?..

— Да, знания — моя цель. И, на первый взгляд, очки эти — как раз то, что нужно. Но у меня нет никакого желания, чтобы все знания попадали ко мне на блюдечке с голубой каемочкой. Это слишком просто, это не требует никакого личного участия. А я хочу до всего дойти сам. Я хочу прилагать усилия для достижения знаний. Я хочу получать удовольствие от самого процесса исследования! Что может быть интереснее и приятнее, чем сам процесс работы? Мне нравится это, понимаешь? Мне нравится осознавать, что знания мои добыты честным и упорным трудом... чем больше усилий приложу для достижения результата, тем сильнее буду его ценить. Разве не так? Дойти до всего собственными силами, без всяких случайностей и подсказок от кого-либо и чего-либо.

Шерри почему-то вздохнула в этом месте. Тихо так, но он заметил.

— Наверно, с позиций ученого совсем нехорошо так говорить — жертвовать знаниями ради собственного удовольствия проводить исследования, но, подумай, если ты все будешь уже знать, то чем вообще можно заниматься? Это же должно быть... ну... так сразу и не скажешь ведь. Много всего, наверно, испытаеть.

— Согласна! Это же ужас что такое — что может получиться! Вот о том и будет моя история!⁹⁶ О том, что испытал бедный Эрл и что с ним стало... Ой, да что там! Я уже вижу все это перед собой! Гораздо четче, чем раньше! Подумать только — одна лишь деталь! Всего лишь очки добавились, а все сразу стало совсем по-другому — куда как интереснее, увлекательнее! Просто самая настоящая изюминка в истории! Да-да-да! — Джулия сейчас светилась от счастья и продолжала все больше разгораться. — С очками все наконец стало на свои места! Это как последняя деталька в пазле! Добавил — и картина готова!

— Ну так расскажи нам, Джу! Мы тоже хотим ее увидеть! — подбодрил Роберт и тихонько подмигнул Шерри: Джулия наконец вошла в раж. Теперь держись только! Самое интересное начинается — слушай внимательно!

Да ему и подмигивать необязательно было. Шерри и без него, кажется, все поняла. Она смотрела на Джулию с открытым от восхищения ртом, а зеленые глаза жадно ловили каждый жест, каждое движение. Но кое-что сама она все-таки выронила — тихо-тихо, но он расслышал: «Оно... да, точно, это оно... все-таки существует, пришло! Теперь я вижу собственными глазами!»

Она приготовилась слушать внимательно, чтобы ничего не пропустить. Прямо сейчас ей предстояло наблюдать за тем, как появляется на свет совершенно новая, большая история.

⁹⁶ Очень жизнеутверждающий фильм ужасов, судя по предыдущей фразе.



— Сейчас я вам все расскажу! — кивнула Джулия. — Сейчас, сосредоточусь только! А то мысли в голове немного путаются... кхм... Начинать надо, как любил говорить папа, с начала. Так вот... я и начну. С начала.

— Давай уже, Джу! Соберись!

— Конечно, Роберт, конечно... — Джулия немножко помолчала. — Представьте себе, Эрл — студент. Где он учится?.. где? Это я еще придумаю!.. Ну ладно, еще не совсем четкая картина, как я до этого говорила, но все равно... детали, их можно позже добавить. Пока план... Да, Роберт, я сосредоточена... Еще раз начну — теперь уж точно хорошо. Эрл — студент. Способный и инициативный студент, который не просто ходит на лекции и семинары, он еще и участвует в общественной жизни своего университета — он организатор. Такой, что прямо как сапожник без сапог — вроде бы, все устраивает, но никогда не успевает поучаствовать в самом проекте... образно говоря, не успевает выйти на сцену — он только поднимает занавес где-то сбоку для других, и его самого не видно. Но ведь если занавес не поднять — шоу не начнется... так о чем я? Никто не замечает его работы, и вся слава обычно достается кому-то еще. Скажем, тем же участникам... ну, или тому, кто поручает ему работу. Может быть, напарнику.

В научной деятельности он тоже участвует — у него есть какой-нибудь научный проект. С чем связанный? С чем?.. ну... да пока неважно. Это не влияет на суть. Он весьма правильный, весьма ответственный, умный... но только никто серьезно к нему, его работе и проекту не относится. Не знаю с чего так. Не относится вот и все тут. Его, вроде, и знают, но почему-то вечно забывают или не принимают во внимание. А... а как я, кстати, это покажу все в мультфильме? Надо обязательно будет об этом подумать! Существует много способов. Например, показать день из жизни. Или рассказ от первого лица — как он видит ситуацию. Или можно вставить сцену, где его одноклассники, скажем, готовят подарки к какому-нибудь празднику и вдруг понимают, что не знают, что ему подарить. Или... или уже раздают всем подарки и понимают

внезапно, что о подарке именно для него забыли. Бедненький!.. Или вдруг... нет, это не пойдет... но все равно... нет... или да... нет... да... нет... вариантов масса!

Обязательно выберем потом лучший! Это все очень важно показать, чтобы зрители лучше прочувствовали контраст с тем Эрлом, в которого его превратят очки... Ну вы поняли, да? Давайте дальше! И вот раз как-то он заметил девушку, которая ему сразу же понравилась.

— Что, прям так сразу? — не выдержал Роберт.

— Зачем ты перебиваешь? ЭТО ЖЕ точно ты уже спрашивал к тому же! Да, представь себе, прямо так сразу... я думаю, это все очень зависит еще и от ситуации, от обстоятельств, когда он ее впервые заметил. Она могла делать что-нибудь милое, что ему сразу понравилось... не знаю, вязать? Нееет, не то... украсить здание университета? Как-то странно... может, просто... просто рисовать?

— Конечно рисовать!

— А почему ты так уверен, что именно рисовать?

— Да потому что она похожа на тебя!

— Неправда! С чего ты взял?

— На что человеку глаза? Очевидно ведь, она на тебя похожа! Мы же уже говорили об этом — и тоже совсем недавно! Опять ты начинаешь отнекиваться... Да ладно, Джу, ну что такого страшного, если она будет похожа на тебя? Она уже похожа. Что ты боишься признать это?

— Но не во всем. Только... в чем-нибудь.

— Ну конечно не во всем. Пусть она меньше гроыхает... ну извини! Но серьезно, ты можешь стать ее прототипом. Ты им уже стала.

— Но все-таки... тебе не кажется, что это глупо?

— Даже если и кажется, от этого что-нибудь изменится? Что, ты придумаешь другую героиню?

— Н-нет наверно, не изменится и впрямь... ну ладно-ладно, добился своего: мы с ней действительно похожи. Но это вовсе не значит, что я считаю себя такой уж интересной, прямо и для мультфильма. Или что у меня не хватает фантазии выдумать кого-нибудь еще.

— Джу, ну о чем ты говоришь? Ты замечательная! И давай лучше вернемся к истории.

— Да, ты прав. Одним словом, она ему начинает нравиться. Да что там — нравится? Он влюбился! И постоянно мечтает о встрече с ней, везде замечает ее. А она его, как ему кажется, нет. Он, по крайней мере, привык быть незаметным и свыкся с тем, что его никто не замечает. Ему хочется с ней познакомиться, но возможностей не предоставляется... или, скорее... да.

— Что да?

— Ну... сам он ими воспользоваться не может. Не знаю, он все ждет какого-то волшебного часа. Подходящего момента. Все думает... вот-вот-вот, самое оно! — все думает, как бы побольше узнать о ней! Ему бы подойти и начать разговаривать... но вы же понимаете, как это сложно. Тем более он, как мы уже сказали, в себе не уверен. А ему хочется произвести на нее впечатление, ну что поделаешь... кому, собственно, не хочется? Ну вы понимаете, да? Но он боится, что может не получиться. Вот и ждет своего... кхм... часа.

Видно было, Джулия начинает волноваться.

— А ты сама ждала бы своего звездного часа? — спросил Роберт.

— Ну... нет, я бы сама подошла, наверно. Не знаю. Не была в подобной ситуации. Но мне просто... мне жаль его. Ее тоже. Он же милый. А она не знает. Что они так, правда, глупят?

— Ты сама их заставляешь.

— Ну да, заставляю... а о чем тогда будет история?

Но когда-то же должен он был набраться решимости. И он ее набрался. И решил обязательно поговорить с ней — там как раз какая-нибудь встреча могла намечаться. Или проект. Может же намечаться встреча, где она участвует, а он как раз организатор? Может... ой, я даже лучше придумала! Скажем, он сам выдумал идею для такой встречи, или, может быть, конкурса, в том числе и чтобы с ней познакомиться!

— А как он мог знать, что она примет участие?

— Ну... ну... — «ну» вообще было любимым словом Джулии. Сейчас она думала. — Как-нибудь. Я придумаю еще! Но сама идея мне нравится! Вот как он придумал узнать ее лучше! Он ведь изобретательный! Так зрители сразу увидят, что изобретательный! Осталось только самой изобрести... Ну и вот, все это должно было произойти на следующий день, а ночью-то все и случилось... Слушайте, я что придумала! — восторженно воскликнула Джулия. — Начать можно со сна! Со сна в ту памятную ночь. Например, ему снится, как он с ней знакомится. И они отправляются на природу или куда-нибудь еще... в кино, может? Я так люблю кино... и все замечательно. Да, так сразу станет понятно, что она ему нравится. Все в ярких красках и так, как положено! Ну, вы и сами можете представить... а потом вдруг, как всегда бывает в снах, что-нибудь нехорошее должно случиться — через это можно показать его тайные страхи и сомнения. Да так, чтобы пострашнее! Даже можно и помрачнее... — Джулия прикинула что-то в уме и сникла. — А вообще нет. Чего это я, правда? Это такой избитый прием, все им пользуются. Да каждое второе произведение, наверно, начинается со снов. Или заканчивается снами. Чаще все же начинается — а потом узнается, что это был сон. Только сон. Все так начинают. Я придумаю что-нибудь получше. Определенно. Хотя...

— Мы это потом еще детально продумаем — каждую сцену. Успеется, Джу. У нас сегодня первый день, мы лишь набрасываем план и представляем, что вообще может быть. Не волнуйся только так. Давай лучше дальше! Видишь, Шерри совсем примолкла!

— Я?... — Шерри наконец подала голос — кажется, только потому, что о ней вспомнили. Сама она казалась совершенно очарованной. Собственное имя, названное Робертом, похоже, все-таки смогло на время ослабить эти чары, так что ей удалось проронить несколько восторженных фраз. — Это волшебное! Все, что ты говоришь! Это же все появляется практически из ничего! Этого же не было никогда! Не случилось никогда! Как ты только это видишь? Я... не могу подобрать слов. Это чудо! Пожалуйста, расскажи, что с ними случилось дальше!

Джулия расцвела и раскраснелась.

— В дом к нему падает инопланетянин Биб. А он живет в частном крошечном домике, пожалуй, так. Я не стану так вот сразу раскрывать, что вообще должен был сделать Биб, что у него было за задание, а то вся интрига пропадет. Он просто падает, и зрителям ничего непонятно. Его корабль проламывает крышу и попадает в какую-нибудь забавную комнату. Какая комната может быть самой забавной? Может...

а может, на чердак? Я люблю чердаки. Пусть чердак. Там как раз всегда горы вещей, и очки с легкостью затеряются! И будет много дыма после крушения! И чердачной пылищи!

Это все случится ночью, и Эрл, конечно, проснется и побежит смотреть, что там происходит. Нет, пожалуй, там не будет так уж много шума, я не хочу, чтобы проснулись родители... нет, пусть все-таки будет большой грохот, просто родителей не будет дома — уедут к друзьям или куда-нибудь еще.

А у него ведь плохое зрение. Он наспех, прямо на бегу пытается надеть очки, не замечает ничего в дыму, натывается на какую-нибудь вещь... знаете, я всегда любила шутку с роликами. Там, где герой катится на роликах, которые случайно подворачиваются под ноги. Слишком шаблонно, наверно, и, пожалуй, даже примитивно, но... я люблю такие шутки! Иногда чуть-чуть не повредит. Пусть будет! И он катится на этом роликовом коньке и падает наконец. Только не больно! Или врезается. Но тоже не очень больно — не люблю насилие. В шутках с роликами смешнее всего именно езда, а не «бум»... И очки его тоже падают с головы. И, кстати, разбиваются. Он нагибается и пытается их найти. А пылищи еще все-таки много, да и зрение у него плохое. И тут — ох ты, как мне нравится этот момент! — он случайно нащупывает чужие очки — те, что принадлежат Бибу! Но он-то не знает, в чем дело. Он думает, это его обычные очки. Они же одинаковые.

Кстати, вы замечали, что в мультфильмах вообще есть традиция рисовать очки круглыми, здоровыми, и с большой толстой оправой? По крайней мере, я хочу отдать дань уважения классике. Я такие обожаю! По-моему, они только красят героев, а все эти разговоры о вчерашнем дне — это же полная чушь! Так о чем я?.. Он их берет, подносит к лицу, уже готов надеть, но тут вдруг замечает сквозь дым выбравшегося из корабля Биба. Представляете его реакцию? Что бы вы сделали?

— Меня только не спрашивай! — сказал Роберт. — Большинство людей вряд ли поймут, что к чему, если твой Эрл вдруг запрыгает от восторга или что-нибудь в том же духе. Решат, что сошел с ума.

— Ну конечно, Роберт, ты в своем репертуаре... А я бы вскрикнула. Сначала бы, наверно, потеряла дар речи от шока — вот как раз! — то, что нужно! Это будет немая сцена! И в ней мы уделим мимике особое внимание! Когда у героев богатая мимика, тишина только усиливает эффект... А потом бы вскрикнула!.. А можно другой вариант: он сначала не разглядит, что Биб живой, решит, что игрушка или еще что-нибудь такое, чердачная вещь какая-нибудь... ну, что-нибудь веселое и необычное. Я просто ищу места, где можно вставить какие-нибудь шутки, чтобы сохранить баланс! Это же мультфильм! Грустное должно чередоваться с веселым, главное, чтобы все было в тему, и за этим тоже лучше следить с самого начала. Ну так я еще подумаю, что выбрать: немая сцена в дыму или путанье с вещью. А, может, сможем совместить? Ладно, давайте дальше.

Таким образом, Эрл поднял очки Биба, с которыми все в порядке, а Биб тем временем поднимает разбитые очки Эрла. Они обменялись, но не догадываются! Как это лучше показать, чтобы зрители поняли? Хмм, думаю... Вот!

Лучше будет, если мы покажем, как Эрл видит Биба уже с очками в руках. С его, Эрла, разбитыми очками в руках. А Биб сквозь дым не может разглядеть, что у Эрла тоже есть очки. Таким образом, Биб остается уверен в том, что очки тут всего одни, они у него и они разбиты. Вот. Не запутались?.. Больше ему на чердаке делать нечего. Он

не станет разговаривать с Эрлом, ему бы поскорее все вернуть как было и улететь. Он каким-нибудь изобретением... Кстати, Роберт, поможешь мне тут? Я в технике ничего не понимаю. Набросаешь потом каких-нибудь умных словечек? Ну, так... чтобы были умные слова и чтобы они объясняли общие принципы работы всех имеющихся инопланетянских изобретений. С одной стороны, научно и правдоподобно, а с другой — не слишком конкретно. Чтобы не к чему было придраться. Если объяснений этому у нас пока нет — значит, они успели открыть что-то раньше нас и для этого нужно придумать новые термины. Ну, скажем, конфигурация распределения энергии. Вот все в таком роде.

— Без проблем, Джу. Только определись с тем, что тебе нужно, а дальше разберемся.

— Прекрасно! Значит, ты теперь научный консультант! А я остановилась на том, что Биб с помощью специального изобретения как-нибудь нейтрализует Эрла. Скажем, заставляет заснуть. Потом он быстро приводит свой корабль в рабочее состояние... да, надо будет дать понять зрителям, что авария была незначительная. По какой-нибудь полнейшей ерунде... по безалаберности Биба или по невнимательности. Опять же, работа для Роберта. Биб может, например, сказать: «Эх, всего-то из-за нерасщепленного цитрониум-плутона-третьего! Как я мог забыть добавить?» и потом еще что-нибудь вот такое: «Только б они не узнали об этой аварии!». Вот как хитро, да? Зрители, если они недостаточно умны, а надо учитывать наличие и таких, тогда точно поймут, что случилась авария и что он неспециально залетел в дом.

— Я думаю, им всем стало это ясно, как только он проломил крышу...

— Да, но дай закончить! Авария незначительная, всего лишь топливо не сработало из-за этого нерасщепленного вовремя цитрони... цитронаниу... ну как там я сказала в начале? А еще мы увидим, что у него есть начальники, которые могут быть недовольны. Мы увидим, что он выполнял поручения этих самых «их». А... нет, это мы пока не увидим. Из этих фраз ничего не следует о поручении, это я уже вперед забегаю. Вечно так со мной. Ну ладно, тем лучше. О поручении узнается потом. И вообще, не начнем же мы работать над историей без сценария? Все будет. Там и продумаем, как лучше сказать.

Биб быстро все возвращает на свои места при помощи продвинутой инопланетянской технологии и улетает. Вообще, мне нравится возможность использовать продвинутые инопланетянские технологии — удобно. Если б не инопланетянские технологии, как бы я объяснила то, что утром все было в порядке и крыша снова была на месте? Никак. А с инопланетянскими технологиями можно все, что угодно выдумывать, и это будет только еще лучше говорить о том, какие они технически продвинутые.

— Джу, ты хитрюга! — улыбнулся Роберт. — Хорошо, твои будущие зрители этого не слышат — как ты просто выходишь из ситуации...

— А вот и нет! — подала голос Шерри. — Может, в этом и есть что-то хитрое, но ведь, с другой стороны, Джулии придется выдумывать все эти изобретения. Ты говоришь «просто выходишь из ситуации», а мне кажется, выдумать все это будет еще сложнее, чем просто объяснить по уже имеющемуся... Но давайте правда потом об этом? Джулия, продолжай, пожалуйста! Я вся внимание!

— Наутро Эрл просыпается и, если какие-то сомнения у него и имеются, порядок на чердаке и крыша, которая, может, стала даже лучше, чем была (он просто не

помнит, какая она раньше была, вот вы помните, в каком состоянии крыши у ваших домов?), говорят о том, что все хорошо. Тем более ему некогда обо всем этом думать — у него сегодня очень важный день. Он же решил...

Эрл никак не может найти очки. Потом вдруг замечает их где-нибудь... не знаю, придумаем. Неожиданное место какое-нибудь, чтобы было смешно!.. Подходит к зеркалу. Все еще недоумевает, как они оказались там, где оказались. Надевает задумчиво. Смотрит на себя... Обожаю эти сцены! Когда герои только-только открывают для себя что-то такое, что дает им новые возможности! Когда они еще не догадываются, ЧЕМ они теперь обладают! Думает о чем-нибудь... о чем он может подумать? Что-нибудь будничное, так, ерунда, он еще толком не проснулся... скажем, не может найти расческу, недовольно восклицает: «Да где ж она есть?!», и тут же получает ответ от этих новых (но он об этом еще не догадывается) очков. Он не обращает внимания. Это очень мило, когда они вот так сначала не замечают! Начинает причесываться и, конечно, ему не может не прийти в голову вопрос, связанный с той девушкой — он все время мыслями к ней возвращается. Она же ему нравится... Раз уж он причесывается в тот момент, то, наверно, он может задаться вопросом вроде этого: «Интересно, а нравятся ли ей такие прически?». И тут ему приходит ответ, скажем: «Да, говорила когда-то, она любит длинные челки». Тут-то он уже не может не заметить! Представляете, он вот так вот вскакивает! — Джулия попробовала изобразить и задела (не без грохота) блок магнитолы. — Ой! Прости! Прости! Ничего не сломалось?. Не стоит мне... что дальше? Он может оглянуться, нет ли кого сзади? Вдруг ему покажется, что это кто-то шепнул ему ответ? Кто-то сзади? Всегда в такие странные моменты мне лично хочется оглянуться. Пусть недоверчиво поднимет очки... они тогда перестанут работать, так ведь? Подумает: «Да в чем дело-то?» и решит, наверно, что переволновался. Посмеется, может, над собой, над этой внезапно появившейся мыслью, скажет, что ничего ведь такого, о чем стоит волноваться, он давно уже все распланировал и продумал, так что все сложится хорошо. И снова наденет свои очки... Ой! А ведь я о чем подумала! Диоптрий-то у них нет! Значит, он, что надевал их, что снимал, — видел плохо. Что же ему делать?.. Линзы, да? А ведь можно. Даже забавно будет — Эрл станет пользоваться линзами и при этом носить очки... но вернемся к истории, там, где мы его оставили. Пока у него еще нет линз, и он наконец замечает, что очки-то уже на нем, а видит он все равно плохо. Что он может спросить? Конечно же только: «Что за день, что за день! Да что же у меня с очками-то? Они вообще мои?», и вот тут-то они и расскажут ему о махинациях Биба! Он все сразу поймет и узнает!.. Ой, он с ума не сойдет?! Не знаю, что со мной стало бы после таких известий!

— Если ты сведешь его с ума — это будет не очень-то гуманно...

— Ну разумеется, не для этого же я затевала всю историю... Выдержит, он сильный!.. Я знаю о чем думаю? Он-то узнал — это да, но как все объяснить зрителям? Не станет же он, находясь совершенно один в доме, пафосно кричать: «А я имею доступ к стольким знаниям! А все очки! Они работают так-то и так-то». Пусть он тогда еще упрется взглядом в экран и скажет: «Уважаемые зрители! Я знаю теперь, благодаря очкам, что я всего лишь персонаж мультфильма и вы на меня сейчас смотрите. Так позвольте рассказать вам, что произошло и что они могут...». Глупость полнейшая. Надо что-то придумать... как же до них донести? Как же только... ага! Список!

— Список?

— Ну да, список Биба. Список тех вещей, которые ему стоило уничтожить. Он же как раз планировал уничтожить очки. Почему — это мы зрителям потом расскажем, по ходу повествования. Сначала очки не должны казаться ужасными, они должны казаться благом. С ними должно быть связано только хорошее. Вот так я думаю... Список, например, может называться «Список вещей, предназначенных для уничтожения». И дальше, опять же, можно навставлять каких-нибудь невероятных изобретений или предметов, использующихся не по назначению. Ну, не так, как мы привыкли их использовать... Да хотя бы летающий по... ой, что это я? Да хотя бы зонт. И пусть те, которые Биб уже уничтожил, будут вычеркнуты. Несколько таких «всезнательных очков», например. И эти окажутся последними. Да, пафосно, может... но мне всегда особенно нравится ситуация, когда у героя остается последняя вещь. Единственная в своем роде. Такой больше ни у кого нет. Допустим, Биб потерял этот список вместе с очками у Эрла... да точно, эта деталь нам потом понадобится, я уже представляю, как применим ее в будущем!.. Но пока не будем забегать вперед! Эрл видит этот список. И, хотя он все уже узнал от очков, он все равно, по привычке, прочитывает его. Тут-то с ним вместе и могут прочесть зрители. А пусть это даже будет не просто список, а инструкции. От руководства. Скажем: «Уничтожить три пары очков, придающих знания, рассказывающих о...» — ну вы поняли... перечисляются все те их способности, о которых мы уже успели поговорить.

Ах, ведь вот еще что! Если Биб — инопланетянин, то инструкции должны быть на его родном, неизвестном землянам языке. Но Эрл пусть сможет прочесть — он же знает теперь, как читать. Я даже поняла, как объяснить, зачем он принялся читать список, если и без прочтения все узнал. Теперь у меня есть еще одна причина, кроме как «по привычке». И она куда как лучше! Так вот...

Он может прочесть этот список для собственного удовольствия. Как ярчайшее доказательство его новых, полученных от очков, способностей. Приятно же чувствовать подобную силу! Читаешь вслух инструкцию на совершенно незнакомом тебе языке и моментально переводишь ее! Мне, кстати, часто попадаются нечитабельные инструкции... ну о чем я только? Давайте дальше!

Пусть он еще как-нибудь позабавляется. Пусть задает себе множество вопросов и получает множество ответов, пусть заполнит все кроссворды в газете, пусть попробует устроить им, очкам, еще какие-нибудь испытания... Хорошее место для юмористических сценок.

А кстати! Это же еще и прекрасное место для песни! Шерри, Роберт уже знает, что больше всего на свете я обожаю мультфильмы-мюзиклы! С песнями и сложно, и просто — или ты ими все портишь, или, наоборот, получается шедевр! Потому что нет ничего лучше песен, которые действительно работают! Это еще один уровень восприятия, в самую душу! Будет очень здорово, если Роберт попробует сочинить такие для меня... а я основательно подумаю, где им будет место в сюжете и как их там разместить... А, Роберт? Ты же музыкант!

— Джу, ты знаешь, я давно уже ничего не сочинял...

— Но... ну... ты же хотя бы попробуешь? Пожалуйста!

— Ну ладно, — вздохнул он, — но не обещаю, что обязательно получится что-нибудь замечательное.

— Тогда придется пригласить кого-нибудь еще. На худой конец. Песни должны быть на высоте, или не быть вообще. Это принципиальный момент.

Роберт про себя твердо пообещал, что худого конца не приключится. Еще тут терпеть кого-то... В конце концов, у него есть способности к сочинению музыки, так почему, действительно, не попробовать? Нет, он обязан постараться!

Вот ведь как старается Джулия, намечая сюжет. Надо брать с нее пример! Он тоже хочет участвовать в создании мультфильма!

Она тем временем продолжала:

— Итак, тут может быть песня! Песня вдохновенного и окрыленного новой надеждой Эрла. Он настолько возбужден всеми своими открытиями, что совсем не придает значения тому, что Биба попросили уничтожить эти очки — а значит, наверно, действительно было за что... Нет, все-таки интересно, что он испытал в тот момент. Сама я, чувствую, проведу не один день, выдумывая всю эту сцену — ох, как она мне нравится!

Наконец он, с новыми силами, идет в свой университет. По дороге покупает себе линзы... кстати, а ведь забавно будет, если он понатыкается немного по дороге — ну, когда у него еще не будет линз, — на какие-нибудь предметы... ой нет. Он же будет знать, что там эти предметы — придется отказаться от подобных шуток. Хотя... ведь это тоже можно превратить во что-нибудь интересное! Интересно представить! Он, наоборот, может обращать внимание зрителей на то, что вот, он знает об этом и о том, он так хорошо предупрежден обо всем... им даже может стать немножко завидно. Ну, пусть, на первых порах. Как я уже сказала, в начале мультфильма очки эти не должны производить никакого отрицательного, тягостного впечатления. Пусть даже вызывают желание надеть на нос. А еще... почему бы не вставить в песню трогательную часть, где он, скажем, задает вопросы об этой девушке и сам же поет ответы и говорит: «Ах, она прелестна! И ведь раньше я догадывался, что она любит мармелад! А вот ее любовь к рифленной бумаге? Замечательно!»

— А еще он может подойти, например, к автобусной остановке и поцеловать объявление, которое, как он теперь знает, когда-то повесил кто-нибудь, на кого она несколько дней назад посмотрела — просто потому что она на него посмотрела... Джу, вот то, что ты сейчас предложила, — это уже слишком слащаво. «Ах, прелесть! Ох, чудо! Ах, предел моих мечтаний!». Вот этого не надо. Переромантизировалась ты.

— Ничего не слащаво, — надула губы Джулия. — Это смотря как представить. Нет, ну разумеется, он не будет целовать никакие объявления на остановках... мне б такое и в голову не пришло, как ты только доходишь до подобных вещей? Нет, мы представим это в ироничном ключе. Но так, чтобы романтика осталась. Это можно. Я знаю множество работ как раз с таким подходом. А в мюзиклах особенно! Что стоит одна сцена в... а впрочем, ладно, давай дальше.

Еще он покупает по дороге один журнал. Потом зрители узнают, зачем он его купил. А пока просто покупает — без всяких объяснений.

Наконец он доходит до университета...

И, допустим, он сидит с ней в большой аудитории на лекции. Или как-нибудь так. Вот тут он проявляет свою изобретательность. Знаете, такие сцены, где для достижения цели требуется командная работа? Часто бывает в мультфильмах и фильмах о школе. Кто-нибудь просит друзей помочь что-нибудь подстроить. Конечно, они временами и гадости подстраивают (и потом той же командой их исправляют), но

чаще сразу все-таки что-то хорошее, например, устраивают ситуации, благоприятные для знакомства. Мне хотелось чего-нибудь подобного, но никак не получалось, потому что Эрлу некого было просить помочь. Ему всего-то требовалось сказать что-нибудь из того, что могло бы вызвать интерес девушки. Но если он станет говорить сам с собой — представляете, что она подумает? А к кому ему обращаться? С кем завести беседу? Конечно, людей в университете он знает много, но если он начнет с кем-нибудь говорить, а тот, не знаю, отреагирует не так, как хотелось бы? Например, начнет смеяться над его идеей? А, кстати... так тоже можно. И девушка попытается вступить за идею и они разговаривают. Но ему, понимаете, хочется, чтобы первое впечатление было именно блестящим. Ну и, сами понимаете, вот допустим девушка вступает за молодого человека — а он что же, сам за себя постоять не может? А если девушка не относится к таким, которые внимательно слушают чужие разговоры? Сначала надо будет завладеть ее вниманием, чтобы ей стало любопытно и захотелось послушать, а что же он говорит... Одним словом, разговаривать с каким-нибудь одноклассником без предварительной договоренности и объяснения плана действий — это очень рискованно.

Гораздо удобнее, например, сделать видимость разговора, если пользуешься мобильным. А почему нет?

И я даже только что придумала, чем он может ее заинтересовать! Именно тут он и скажет о проекте, о котором я в самом начале говорила, — о том самом, что он придумал как раз из-за нее. Пусть это будет конкурс. И никто о нем еще не знает — например, они не успели пока разместить объявления. Если он сумеет ее заинтересовать и она все-таки подслушает монолог, очень вероятно, что она сама зайдет к нему в кабинет записаться.

Слушайте, какая хорошенькая будет сцена!

Все уже выходят из аудитории, она тоже собирается. Он как бы случайно роняет этот журнал прямо перед ней, так, что тот попадает ей на глаза. И сам, разумеется, поднимает. А ей уже любопытно, что же это за человек, читающий такие журналы. Она смотрит на него, видит, как он говорит по телефону, что-нибудь наподобие: «Да как вы могли?! Сегодня уже первый день регистрации участников конкурса, а никаких объявлений об этом до сих пор не размещено еще! Даром я сижу в своем кабинете — и тут он четко называет номер — и жду участников? Думаете, комиксы легко рисовать? Чем раньше они узнают, тем больше времени у них будет на создание достойной работы! Давайте там, быстро разберитесь с объявлениями и рекламой!»

Он сам с собой говорит, но она же этого не знает! — Джулия хихикнула и продолжала. — Ну и уходит, думаю.

Знаете, все это он говорит как достаточно деловой человек, но все-таки не жестко. В сценарии разберемся наверняка. Пока прозвучало как-то не очень, если честно, но суть вы поняли.

Девушке — а она ведь у нас рисует, как мы решили, — становится интересно, что же это за конкурс. И она решает обязательно зайти в упомянутый кабинет. А тем более — ха-ха — он так это сказал, что ей наверняка захочется зайти туда поскорее — пока не нагрянули другие участники.

И вообще, он ей понравился — вот так, по первому впечатлению. Видно, что деятельный, видно, что любит комиксы. Она даже может сказать: «И как это я раньше его не замечала?»

— Вот тут ты и попалась! Вот оно, твое тайное желание!

— Какое еще тайное желание?

— Чтобы тебя заметили, чтобы обратили внимание наконец. И, определенно, лучше, чтоб еще и выделяли какие-нибудь глупые, но очень романтические вещи.

— А... а оно совсем и не тайное, Роберт! — с вызовом бросила Джулия.

— Но вообще сильно ты это. Мне даже страшно, Джу, ну ты и нагородила! Может, даже чересчур. Ты что же, все это дело с мобильным напридумывала в одну минуту, прямо сейчас?

— Нет, о мобильном я думала и раньше... просто журнал добавился, конкурс добавился, очки — все эти детали... А мобильный был сразу.

— Ничего себе детали!.. Но я не понимаю, к чему весь маскарад, все-таки? Подошел бы, поздоровался, без всяких мобильных. Я бы так и сделал. Все-то жизнь себе усложняют.

— Но так ведь интереснее! И зрителям интереснее наблюдать. И им самим, героям, кстати, тоже. Так романтичнее, мне кажется. Я вообще больше всего люблю сцены знакомства, и здорово, когда они проходят необычно! Я люблю знакомиться с людьми, но меня временами пугает, когда подходит человек и вот так вот сразу в лоб начинает вдруг говорить о том, как много у нас общих интересов и почему мы должны дружить. Скорее, у меня сложится не самое замечательное впечатление. А тут он ничего не говорит, ну то есть прямо не говорит, она сама делает выводы! Подумай — тут он дает ей самой право выбора. И то, что она придет к нему в кабинет, будет ее осознанным выбором. ЕЕ решением. Это гораздо лучше, чем когда к тебе навязываются. Будь психологом!

— Кем никогда не был, тем вряд ли стану. Но, пожалуй, ты действительно права. А что дальше?

— А дальше он сидит в своем кабинете и ждет. Можно будет показать, как он порядком нервничает. Пока никто не видит. Хи-хи, это будет очень даже трогательно! И, кстати, насчет комиксов он действительно угадал. Очень важно показать, что комиксы ему нравились еще до появления очков, ДО того момента, как он стал знать о девушке столько всего нового. Он действительно решил устроить именно конкурс комиксов. Тем более я говорила, ему сразу понравилось, что она рисует. Они, я думаю, с самого начала подходили друг другу, и он вовсе не подделывался под ее интересы... да и по мобильному сказал почти все, как есть... Просто, например, регистрацию они думали открыть через два дня. Как раз и объявления вывесить успеют за это время. Ну а что такого, если она запишется пораньше?

Она наконец приходит к нему.

Они здороваются. Она говорит, что случайно услышала о конкурсе и начавшейся регистрации. Просит рассказать его об условиях, о требованиях — о всем таком, одним словом.

Он рассказывает, она слушает. Видно, ей идея нравится, она заинтересована. Он предлагает ей заполнить карточку участника. Он их уже подготовить успел. Так, кстати, получится, что она ему представится.

— Эй, Джу, а как ее будут звать?

— Не знаю еще, Роберт... Мне уже надоело, честно говоря, что ты перебиваешь меня всякими незначительными вопросами. Эй, Джу! Эй, Джу! Почти как в песне!

— Какой песне? — спросила Шерри.

— Хей, Джуд... Ого!.. — Роберт вдруг ни с того ни с сего хитро заулыбался. — Джу, я настоятельно рекомендую тебе назвать эту девушку Джудит.

— Ни за что!

— Почему?

— Слишком уж похоже на мое имя! Мало мне того, что она рисует! Мало мне внешнего сходства!

— Ну вот! Именно поэтому ей тоже идет примерно то же имя, что и тебе. Тебе же идет имя Джулия.

— Все потом будут говорить: ах, она назвала ее почти в свою честь.

— Никто так говорить не будет, что ты! Шерри, ты бы стала?

— Нет, разумеется. Мне кажется, более мягкое, Джуди, будет самое то!

— Да, точно, так ее друзья называют!

— А что это вы за меня уже нарешали все? Я еще подумаю... Дайте уж дорассказать! Такая сцена!

Она говорит ему свое имя.

Он записывает.

И вот тут-то как раз мы и продемонстрируем, скажем так, пользу от очков в действии. Вообще, ими же еще надо суметь правильно воспользоваться. Это как раз он может, он умный... я тут думаю, с ними он мог бы и мир завоевать, если б захотел... и все это можно было бы вывести на какой-нибудь очень философский уровень. Но ему этого не надо. И мне тоже не надо. Поэтому пусть он пока использует их в каких-нибудь очень незначительных для всего мира (но — заметьте — в высшей степени значительных для него самого) ситуациях. Помните, цитату: «Кто владеет информацией, тот владеет ситуацией». Вообще-то это тоже из мультфильма цитата, а в оригинале должно быть как раз «миром»... это Ротшильд сказал... ну не суть... А до философии мы, может, еще и дойдем. Посмотрим. Сначала в таких положениях, в какое он попал, вообще всегда начинаешь думать об отдельных случаях и ситуациях, о чем-то не слишком значительном с формальной точки зрения, а потом уже желания разрастаются и становятся глобальными.

Ну, так я отклонилась от темы.

Он вдруг, услышав ее имя, восклицает: «Так вы та самая Джуди!». Ой! — Джулия поняла, что совершила ошибку, таки ж проболталась. Роберт был, конечно, начеку:

— Теперь-то уж точно не сможешь отнекиваться! Тебе понравилось имя Джуди! Ну что ты так волнуешься?

— Ну хорошо-хорошо... ты как сказал, я сразу поняла, имя как раз для нее...

И достает тот самый журнал.

Джуди разгорается от удовольствия.

Он открывает журнал — а теперь мы увидим наконец, что это за журнал. Журнал комиксов и всего такого — наверняка профессиональных, но пусть в данном случае это будет спецвыпуск, куда попали лучшие страницы комиксов самих читателей, любителей, потому что она все-таки не в художественном колледже или университете... но у нее действительно очень хорошо получается. Это как раз можно дать понять зрителям, если, скажем, на страницах, которые он листает, продемонстрировать другие работы — для сравнения. Стиль у нее не самый идеальный — не люблю, когда у героев все идеально! — но милый.

И работы все те подписаны. Ну а как еще? Авторство — это важно! Тут он, наконец, открывает — но вообще-то он не будет листать их минуту, это я так сказала, а на самом деле он все быстренько перелистнет, чтобы ей было нескучно, и откроет тот разворот, где напечатана ее работа!

Первый раз она отправила — и ее напечатали! Совсем недавно все случилось!

Но почему-то мало кто из ее знакомых обратил на это внимание и поздравил Джуди с первой публикацией, хотя для нее это большое достижение!

А вот Эрл, совсем малознакомый ей человек, сам заметил и сейчас ей указывает!

Поэтому Джуди вся светится от счастья!

Он делает ей комплимент, говорит, что не может налюбоваться ее творением... знаете, это же все правда. Ну да, может, до этого он почему-либо не покупал этот журнал (мало ли на свете журналов комиксов, а, может, он покупает несколько других?), но как только очки рассказали ему о публикации Джудиного комикса, он тут же осознал, что просто обязан обладать этим выпуском. А знал бы раньше — купил бы раньше. И, кстати, он мог всю пару до знакомства на ее комикс только и смотреть. И да! Можно вставить это любование также в сцену ожидания прихода Джуди, когда он один в кабинете... ну вот как-нибудь так.

Он делает ей комплимент, как я уже сказала. Не слишком холодный, не слишком горячий. Надо подумать, как он будет звучать...

Джуди очень приятно! Он даже ее имя запомнил. Вот вы, когда смотрите на чьи-то присланные рисунки в журнале, хоть когда-нибудь запоминали имена авторов? А он запомнил.

Тут как раз может начаться их разговор. Не слишком только большой. Допустим, как назло приходит кто-нибудь и говорит Эрлу: «А у нас там работа. Иди, поделай!». В жизни такие всегда появляются некстати, прерывают на самом интересном моменте разговора... В кино — тем более некстати, уж очень любят этот ход, стало совсем уж банальщиной... но у нас он вполне обоснован. Эрл все-таки на работе сидит, а не где-то... Ему приходится уходить, он желает Джуди удачи... кстати, тот, кто к нему заходит, может назвать его по имени — вот так и Джуди узнает, как его зовут.

Очень важной мне кажется сценка, которая последует после ухода Джуди. Надо будет показать, как Эрл счастлив! Все удалось — и, кажется, даже лучше, чем он предполагал! Да наверно, если б и не удалось, он все равно был бы безумно рад, что хоть сколько-то минут своего драгоценного времени эта девочка посвятила ему. А тут... тут же все просто замечательно! И он благодарит судьбу, Биба, всех инопланетян, а, главное, собственные очки!

— Интересно, как?

— Как благодарит?... Гладит, может быть... не расцеловывает же он их. Мы еще подумаем. Меня больше волнует то, что последует дальше. Точнее, не меня волнует, а его. Он же прекрасно понимает, что один лишь разговор — совсем еще не гарантия завязки более близкого контакта. Надо сделать что-то еще — и лучше поскорее! Надо ее еще как-нибудь удивить.

Ну вот и давайте подумаем, как ее еще удивить. Есть предложения?

— Пусть, раз он теперь все знает, соберет для нее какое-нибудь необычное и полезное изобретение и подарит ей. Ну, например... что-нибудь наподобие генератора переменного тока. Добавит только еще какую-нибудь изюминку, ну, финтифлюшку для красоты, и тогда...

- Ой, Роберт, это даже звучит жутко!
- Ничего не жутко. Я бы подарил.
- Ну не знаю... у меня есть идея получше! Он пригласит ее на концерт!
- Роберт вздохнул: концерт, апогей банальности, не сравнить с генератором!
- Да-да! — Джулия не заметила его реакции. — Почему нет?

Каким образом пригласит?... Вот! Это тоже можно будет вставить в его песню, помните, мы о ней уже говорили... По дороге в университет он не просто покупает журнал, он еще и звонит, например, из телефонной будки в кассу и заказывает два билета на такой-то ряд на такой-то концерт на такое-то число. Оплачивает все это кредиткой. А еще — ха-ха — будет забавно показать Джуди, стоящую у той же кассы, которой говорят: «Последние билеты проданы...». Нет, это не очень реально, лучше: «Последние билеты в этот сектор проданы». И ей обидно, потому что в другие сектора ей не хочется, они намного хуже.

Смысл в том, что он узнал, как ей хотелось на этот концерт, может быть тогда, когда она сказала своей подруге: «Пойду, куплю билеты в такой-то сектор...», вот он ее и опередил. Да, в последний момент. Может, не очень реально, но выглядит намного эффектнее! Да и в жизни, как ни крути, тоже временами случается — успеваешь сделать что-то в самый-пресамый последний момент...

А потом, уже во время разговора у себя в кабинете, Эрл аккуратненько выведет беседу на эту тему. Джуди может поведать ему с досадой, как ей не повезло: последние билеты увели прямо из-под носа! Вот тут-то он и скажет — вот так совпадение! — что у него как раз есть два, а тот, кто хотел с ним идти, по какой-либо причине теперь не может. Пригласит — и Джуди согласится!

Здорово, да? Но... не слишком ли просто? А может... может... да, а если даже и вот так?

У Эрла никаких билетов нет и он ни в какую кассу не звонит. У Джуди уже есть билет на завтра на этот концерт, и она пойдет туда вместе с подругой. Эрлу она ничего об этом во время их беседы не говорит — но, ясное дело, он и так все знает.

Подруга случайно теряет свой билет. Но, кстати, можно добавить, что не очень расстраивается, потому что у нее как раз появляются неотложные дела — и именно на завтра, на время концерта. В конце концов, она сама может захотеть от этого билета избавиться, а Джуди сказать, что потеряла... Странная какая-то подруга, на самом деле, получается... но в любом случае, Эрл тогда перекупит у нее билет. А в случае, если она его потеряла, он этот билет найдет, но только не станет возвращать — все равно это бесполезно, раз он ей не нужен. А лучше так: он попробует, но подруга откажется. Так что ничего страшного, если он воспользуется случаем...

— Что, вот так случайно она его теряет, а именно он случайно находит? Так не бывает.

— Неслучайно, разумеется! Он же знает, где она его потеряла.

— Но тогда это уже нечестно! Это уже не воля случая!

— А почему бы не считать крушение Биба именно в доме Эрла волей случая? Глобальным случаем. А случаи на то и даны, чтобы людям иметь возможность ими воспользоваться. И он-то как раз свой не упускает! И не просто действует напрямую, а изобретает что-то посложнее — это делает ему честь.

— И что он предпринимает?

— А ты еще не понял? Вечером перед началом концерта Джуди сидит рядом с пустым местом и думает, как плохо, что у подруги дела, что ее нет, и билет потерялся, так что она даже не смогла пригласить кого-нибудь другого. А может она уже подумывала о приглашении Эрла? Почему нет?.. Она расстроена, вне всякого сомнения. И тут вдруг входит Эрл — нарядный такой, перед концертом! — и садится прямо на место рядом с ней. Тут будет забавная сцена и много восклицаний: «О, неужели это ты! Какое совпадение!». Джуди очень удивится, когда узнает, что Эрл нашел тот самый потерянный билетик, и ей, конечно, будет приятно. А уж Эрлу-то как приятно будет сидеть рядом с ней!

А потом он сможет проводить ее до дома... но рано пока об этом. Скажите, вам какой вариант больше понравился из двух: когда он сам ее приглашает и она соглашается, или когда он неожиданно появляется уже перед самым концертом?

— Первый, конечно. Эрл же молодой человек. Молодым людям положено самим и прямо приглашать понравившихся девушек, а не творить махинации у них за спиной, — сказал Роберт.

— А мне больше нравится второй, — не согласилась Шерри. — Так гораздо забавнее! Он приходит в нужное время в нужное место, когда его, если и ожидают, то с полным пониманием того, насколько ничтожна вероятность его появления на самом деле... Но он все-таки приходит! Что может быть эффектнее?

— Эээээ... вы меня еще больше озадачили... Ну ладно! Давайте тогда это тоже оставим пока так, как есть. Потом еще обсудим детальнее все за и против. Ненавижу выбирать, но когда-нибудь придется. И у меня предчувствие, что мы вообще остановимся на чем-нибудь третьем. Или пятом... или сколько еще сочиним вариантов? А пока движемся дальше!

Он ее провожает. И по дороге они могут уже более подробно рассказать друг другу о себе.

Причем он — ну не знаю, может, чтобы понравиться и произвести впечатление, а может просто не замечает, и у него само собой так с очками получается — слишком уж часто демонстрирует ей свою начитанность и осведомленность во всем. Фактически, ей мало где удастся вставить слово. Ну, например, если представить сам диалог, то какой-нибудь отрывок может быть вот таким:

«И поэтому весь наш дом в цветах! — говорит Джуди. — Моя сестра флорист. Непросто любить цветы и жить с флористом-сестрой, если у тебя аллергия на пыльцу... Хорошо еще, что только на определенную группу растений. На... на... нет, ну надо же, из головы слово вылетело!»

И тут как раз вступает наш всезнающий Эрл:

«Может, на семейство Астровых, например, на *Matricaria*? Я недавно узнал, что у моей троюродной прабабушки была аллергия на эти цветы порядка астровых.»

Видите, как заумно он ей это сказал? А к чему приплел бабушку? Чтобы не казаться голословным, так я думаю.

Она пусть немного смутится сначала. Вы бы сразу поняли, что еще за цветок он назвал?

— Джу, так это ж ромашка!

— Знаю! Я специально запомнила ее семейство и название на латыни... так, забавы ради. Умно звучит ведь! И, видишь, пригодилось! Только ее одну и помню... А ты? Ты что, запоминал латинские названия цветов?

— Было дело. Не очень много, только самых распространенных.

— Вот здорово! — вставила Шерри.

— А все-таки давайте вернемся к их диалогу!

Она, как я уже сказала, должна немного смутиться сначала, а потом улыбнуться. И сказать что-нибудь в таком духе:

«Очередное совпадение! Вот и у меня точно такой же случай! Как будто ты знал заранее! И надо же, ты даже знаком с латинским названием! Я от сестры их слышала, думала, смогу кого-нибудь в беседе удивить, а ты-то, оказывается, еще лучше меня подкован! Я и забыла о том, что это порядок астроцветных...» И еще что-нибудь такое.

Этот диалог мы тоже потом обязательно продумаем во всех деталях. Он очень важен. Эрл, несмотря на все более и более прущее из него всезнайство, все равно ловит каждое ее слово, и отношение его к ней все такое же трепетное, каким было без очков.

И хотя он иногда заговаривается и произносит слишком умные термины — скорее всего, он этого уже не замечает, ведь ему-то все понятно, он это все знает, — это вовсе не мешает ему очаровать ее. Кому же не понравится интеллигентность, выражающаяся в такой осведомленности? Ну а главное, что ей нравится, — это даже не интеллигентность, а его взгляд, внимание... чуткость! Какое прекрасное слово, правда? Он очень чутко реагирует на каждую ее фразу, прекрасно чувствует ее настроение.

В ту ночь она вдруг понимает, что влюбилась.

— Ах-ах, Джу, в лучших традициях мелодрам и романтических комедий! У тебя все так запросто влюбляются друг в друга! Он — уже заочно, даже не разговаривая с ней. Она — на второй день после знакомства с ним...

— Ну хватит уже! Ты сам когда-нибудь влюблялся? И как у тебя это проходило? Ты осознавал это в течение полутора лет?... Или лучше — в течение ста дней общения? С каждым новым днем набирался еще один процент, и через 100 суток ты, должно быть, ощутил, как на 100% влюблен... у тебя, может, и так, я не знаю, но у каждого это по-разному происходит. А что касается наивности истории... Постепенно все станет жестче, хотя мне этого не хочется... а чего мне действительно хочется, так это еще чуть-чуть оттянуть ту часть и помечтать о чем-нибудь вот таком, как сейчас... А вот ты, наверно, другого хочешь! Небось, ждешь не дожدهшься, когда он потеряет свою наивную романтичность, да? Ты, может, меня не слушаешь или специально подкальываешь? Или не веришь, что такие отношения возможны? А почему нет?

Говорю же: самое главное — показать, каким замечательным, милым и чутким он был вначале.

— Джу, ну что ты, правда? Обижаешься? Я не хотел тебя задеть... Ты, пожалуй, права — насчет влюбленности. Ну не буду больше подкальывать, не волнуйся! Мне вообще это все чуждо, не было ничего такого никогда, ты же знаешь... сто дней еще какие-то выдумала... твой Эрл очень даже ничего, не подумай! Может только и впрямь слегка перенежен, но лишь на один-два промилле... Давай лучше к истории. Не забудь еще подчеркнуть и дать понять зрителям, какая Джуди была творческая. А то, мне кажется, ты меньше внимания ей уделяешь, чем своему разлюбимому Эрлу...

— Да, Джуди тоже интересный персонаж. Очень хорошая. Мне б хотелось продумать лучше, что за истории она сочиняла! Обязательно еще продумаю! Что-нибудь, связанное с цветами! Да и вообще! Здорово, что Эрл выбрал именно ее!

Подумайте, какие у них на первых порах были отношения! Когда не было еще тех проблем, которые у них появятся, и того бесконечного списка дел, который Эрл затем составит и станет выполнять... пока ничего этого нет!

И поэтому эта часть мультфильма должна быть особенно доброй, искренней и легкой! Не в смысле неглубокой! Скорее парящей, возвышенной! Может даже и сумасбродной, но очаровательной в своей сумасбродности! Ведь у каждой влюбленной пары, у каждого человека, составляющего эту пару, сумасбродность своя!

Мой мультфильм о таком герое, который, может, и кажется чудным и неправильным, может, и не является идеалом — ты считаешь, что он немного перенеженный? Ну да, а еще он был стеснительным и в себя никак поверить не мог, пока очки не получил... — но по которому начинаешь потом скучать. Когда он затем начнет меняться, я хочу, чтобы у зрителей, как и у меня, возникло ощущение сожаления. Сожаления от осознания того, что они его теряют. Теряют такого, каким он был. И это же должна будет чувствовать Джуди. Но сначала надо дать зрителям представление о том, как все было, представление того, по чему они потом, возможно, станут тосковать. И представление это лучше всего заложить именно в последовательность сцен их первых встреч.

Важно все это донести до зрителей! Как?.. При помощи песни, конечно!

Роберт, хоть и обещал больше не подкалывать, все-таки⁹⁷ издал порцию нечленораздельных звуков, явно демонстрирующих недовольство. Писать смазливые песенки — мечта всей его жизни!

— Да ладно тебе, Роберт! Я же просто вижу, эту песню тебе особенно хочется сочинить!

— Вот еще!

— Тебе просто неудобно признать это. Ты отнекиваешься точно так же, как и я недавно от имени Джуди... Недаром мы с тобой брат и сестра... похожи! — Джулия улыбнулась.

— Ну и что там они должны делать?

— Мы... покажем разные отдельные моменты из их жизни. Как, например, он водит ее в кино и случайно проговаривается о том, чем закончится фильм (он-то уже знает! Представляете, а ведь ему так скучно должно быть, бедный Эрл!), куда-нибудь в музеи и на выставки, где рассказывает ей о каждом экспонате по полчаса, приглашает в рестораны и кафе и возмущается, например, что в данном шоколадном мороженом всего лишь 20%-й шоколад вместо обещанного 30%-го. Он, может, и занудствует, но Джуди он нравится, даже... нет, не даже, а просто: вот таким. Это все надо представить очень романтично, то есть они должны смотреть друг на друга влюбленными глазами и петь что-нибудь такое, в духе, а сама по себе абсурдность ситуаций и то, что Джуди все это нравится, а Эрл как раз уверен, что ведет себя как образцовый ухажер, создаст нужный комический эффект... Да, так о чем я? В общем, сценки из их свиданий. А еще как она рисует комикс к конкурсу, а он ее поддерживает,

⁹⁷ Наверно, по привычке.

как он помогает ей делать какие-нибудь нудные задания по биологии... А вот еще что мне в голову пришло! Как раз то, чему нас научила сегодня Шерри!

Во время встреч он все берет под свой контроль. На ярмарке он, например, не пригласит ее на какой-нибудь аттракцион, который, как он знает, в довольно плохом состоянии. И когда он вдруг сломается и застрянет у них перед глазами (знаете, в фильмах аттракционы вечно ломаются, причем все больше колеса обозрения), то он будет искренне рад, что смог отвратить Джуди от этой беды. А ведь если б они все-таки сели и повисели там какое-то время, посмотрели бы на окрестности, побыли бы вдвоем, может, это было бы даже лучше... никогда не знаешь, как все повернется. Это как в случае с пробкой, нет разве? Нам кажется: вот опять лишняя трата времени, а, может, не попади мы сейчас в пробку, мы бы не завели именно сегодня весь этот разговор... Есть что-то похожее и там... А у него больше таких случайностей не бывает, все под контролем, все слаженно и словно по плану, по расписанию, все слишком правильно.

Интересно, Джуди это нравится? Не уверена... Сначала ей все эти совпадения казались поразительными случайностями, но затем она к ним привыкает, и они ее уже не удивляют. Знаете, можно же так пресытиться случайными совпадениями, что уже просто-напросто желать как раз чего-нибудь такого, что никак ни с чем не связано и делается просто так!

И по ходу мультфильма станет понятно, что чем дальше — тем больше он пытается управлять их жизнями.

А, кроме того, благодаря всем этим знаниям и тому, что он вечно управляет ситуацией, он становится все увереннее! Постепенно он даже переходит меру и превращается в чересчур самоуверенного человека.

Он никогда уже не переживает, когда дарит Джуди подарки — он же знает, что ей подарить. Он никогда больше не думает: «Ой, а вдруг мы затронем тему, по которой мне нечего будет сказать?». Нет, ничего такого больше нет. Но... вот я думаю: а интересно ли ему так жить? Жить, все зная... Я бы точно не хотела этого. Но он не понимает. Не может понять сначала. Может, это оттого, что раньше он наоборот слишком много волновался о подобных вещах, а тут наконец получил обратное — именно то, чего раньше так желал? Но... неужели он совсем по всему этому не скучает?

— Скучать по собственной неуверенности?

— Да нет же! По эмоциям! Туманность и неопределенность всегда идут бок о бок с верой в лучшее, с надеждой, что все получится! Даже если ты совсем неуверен в чем-то, ты все равно будешь надеяться до последнего и подбадривать себя... испытывать надежду в любом случае приятно — а потом, когда у тебя все-таки получается, ты переживаешь столько радости!.. А когда ты уже заранее знаешь, что у тебя все получится? Знаешь, что никогда не ошибешься? Что тут интересного? Какая может быть радость?

Но ему некогда разобраться во всем этом и в своих чувствах.

Вот тут-то я и вставлю тему работы, науки, вороха дел.

К нему приходит успех. Пусть так. Он пишет несколько замечательных статей — не знаю, если в разных областях, не слишком ли это подозрительно? — и получает научное признание. Становится знаменит. Его наконец замечают... могут даже попробовать сравнить с универсальным человеком эпохи Возрождения — это же как

раз идеал того времени — он знает все во всех областях... Интересно, он занимался спортом? Ну неважно. Он пишет эти работы не ради славы, это сопутствующее, но ему приятно... а основное в том, что он входит в ту стадию разрастания желаний и появления все более глобальных целей, о которой я говорила раньше. Он постепенно открывает для себя и осознает, что могут эти очки, — вот вместе с этим осознанием у него и раздвигаются желания.

Он одержим идеей превратить мир в лучшее место!

— Как благородно!

— Ну конечно, Роберт, а как же иначе?... У него есть знания, ему нужно донести их до других! Он мечтает поделиться всем тем, что есть теперь у него! Пишет научные статьи, занят в разнообразных областях, а еще находит работу в каких-либо научных центрах, быстро строит карьеру ученого, да еще и руководит научными проектами и разработками...

— Наверно, много должен зарабатывать.

— Ну пожалуй... может теперь делать родным и Джуди все более дорогие подарки. Но зарплата для него — совсем не главное...

— Да, я понял уже насчет служения обществу и науке. Тем более, если б ему нужны были деньги, он бы уже давно мог, например, снимать их со счетов других людей. Ты как сказала тогда о расплате по кредитке... а что ему мешало, например, узнавать пин-коды, шифры, пароли других людей? Расплачиваться по их счетам?

— Фу, Роберт! Я б никогда о таком не подумала!

— Да в том-то и дело: он у тебя не такой. Потому что ты не такая. А то вот сказала бы Шерри свою идею с очками кому-нибудь еще, а не тебе, и снял бы он гангстерскую какую-нибудь комедию, где Эрл пользовался бы банковскими средствами других людей и использовал бы очки для подобных афер... а что, сейчас весьма распространено. Звалось бы а-ля «Заварушка с очками», может, пользовалось бы популярностью... Я хотел сказать, что вообще очень рад, что в твоей истории очки достались ему, такому возвышенному, а не кому-нибудь еще, более приземленному... У тебя все как-то идеалистичнее, глобальнее. Так интересней!

— Спасибо! Но ты меня сбил... где я там остановилась? Ах да, вот тут-то, пожалуй, и следует ввести каких-нибудь более-менее отрицательных героев. Хотя вообще-то главный враг Эрла в нашей истории — сам Эрл, все же кто-то внешний, со стороны, не помешает. Для ускорения действия, для большей напряженности и кульминации.

Кто может стоять на пути у успешного Эрла? Хмм... вижу два варианта: начальник или конкуренты. Ну, пусть один конкурент — зато самый успешный, который не может вынести какого-то там невесть откуда взявшегося выскочку. Или шеф, который мешает ему пробиться.

Кого же взять? Шефа? Нет, это слишком тривиально. Со злобным конкурентом будет увлекательней — появится тема соперничества.

— А я думаю, шефа тоже можно оставить. Кроме конкурента-подлизы есть еще и туповатый шеф, который не желает Эрла слушать, потому что Эрл льстить еще не научился... ну, допустим. Только скажи мне, какой там может быть шеф у него? Он же ученый!

— Ну так бюрократия есть во всех сферах, я думала, нет?... Хотя тебе вот удастся ни от кого не зависеть... Но ведь ты получаешь гранты на исследования! Значит,

все-таки зависишь!.. Допустим, я только назвала его шефом. Это может быть не формальный шеф, а, например, кто-нибудь влиятельный, кто имеет возможность выдавать ему деньги на исследования и проекты. Глава какой-нибудь крупной корпорации! Как раз самое то!

Он объявляет конкурс на финансирование нового проекта, и Эрл начинает соперничать с конкурентом! Он должен придумать такой проект, чтобы инвестор этот отдал предпочтение ему. Может, Эрл и всезнающий и в возможностях этого плана мало чем ограничен, а все же проблема денежных средств — это проблема извечная, и ломает уже не одну прекрасную идею для изобретений... а еще существует такая же извечная проблема нехватки времени.

У Эрла его все меньше и меньше. Ему хочется поделиться всем и сразу, и он никак не может решить, какой же проект предложить на конкурс — он же знает столько всего, а предлагать надо что-то одно. Что самое важное? Что предложить в первую очередь?

Эрл целыми днями ломает над этим голову.

Кстати, интересно, а что бы он делал, если бы все необходимые изобретения уже были изобретены? Ну например, если бы действие проходило в будущем? На что бы он растрачивал потенциал таких очков?.. ну да какая разница. Он же живет в настоящем...

И тут, например, как раз подходит к финалу конкурс комиксов, в котором участвовала Джуди. Он уже давно не ведет его — у него теперь есть дела поважнее.

Ему так некогда, что он даже пропускает церемонию подсчета голосов и награждения победителей.

А вот тут, кстати, можно и конкурента вставить, который ставит себе целью разрушить ему жизнь во всем, в чем только можно, — в том числе и с Джуди. Например, он думает, что это подавит Эрла, вгонит в депрессию что ли, и тогда он ничего путного на конкурс проектов уже не предложит. А, может, она и впрямь ему понравилась. Это мы решим еще.

И конкурент на конкурс приходит и Джуди поздравляет (пусть она займет какое-нибудь место), а Эрла, которого она так ждала, все нет. Конкурент ей на это тоже как-нибудь намекнет, и в итоге она придет домой не радостная, как всегда бывает после заслуженной победы, а ужасно расстроенная.

Что такое делается с Эрлом, раньше он таким не был!

Он, допустим, звонит ей по телефону и просит прощения, что не смог прийти. Поздравляет ее с победой, говорит, что знал — она обязательно победит... она его прощает, но почему-то на все ее предложения встретиться, что-нибудь сделать, да что угодно — он на все отказывается, на все у него нет времени, либо все это он уже видел и знает. Ей очень хочется отвлечь его от этого проклятого проекта, он же совсем заработался, но в итоге они только ссорятся, потому что он ничего слушать не желает.

Он вообще очень раздражен, к тому же он знает о том, что там был конкурент! Конечно, ему тоже очень хотелось прийти, но у него же есть долг — раз он столько знает, надо работать... и, наверно, пребывает в таких мыслях: «Они просто не знают, в чем дело! Вот если бы Джуди только знала...» и затем он переходит на более глобальный уровень: «Я бы обязательно успел, если б не люди вокруг! И почему все так медленно у нас делается, почему столько ошибок, которые замечают только потом?! Почему столько людей не имеют никаких знаний, которые требуются им по

работе?!.. почему глупый инвестор, например, верит сфабрикованным доказательствам и непроверенным данным, которые умело преподносят ему люди, главной целью которых является нажиться?» Эрл знает: «Сколько на свете людей, которые обманывают! А те, кого обманывают, что? Понятия об этом не имеют...» И все в таком роде. Он даже может спеть об этом песню — о несовершенстве мира. А в конце — после всего этого... да, просто замечательно! — вот тут-то его и стучает идея: «Я представлю на конкурсе проект очков, таких же, как у меня! Пусть все люди получают такие — и все проблемы будут решены! Все всё будут знать!»

— Ой Боже! — вырвалось у Шерри. Подобная идея никогда не приходила ей в голову. А ведь Эрлой мог — что ему мешало?.. Наверно, все-таки он отличался от Эрла. Наверно, все-таки он не любил свои очки, хотя со стороны казалось совсем наоборот...

— Жутко, — согласился Роберт. — Превратить всех людей на Земле в ходячие энциклопедии...

— Знаю. В том-то и дело: жуткая идея его посетила.

— А еще, Джуду, представь: все станут очкариками!

— Ой, ну Роберт!.. И потом, Джуду тогда могла бы придумать дизайны для оправ... ну не сбивай меня с мысли! Он-то был доволен своими очками. Но один он не мог их выносить, Эрл понимал, что ему одному не справиться! Ему одному никогда не раскрыть все преступления и не выступить свидетелем на всех судах, хотя, конечно, он и мог задумываться о преступлениях и узнавать, как было на самом деле. Это прикладное применение очков, например, а есть еще и теоретико-фундаментальное. Это я о науке и передаче знаний следующим поколениям... Например, ему одному никогда не описать все виды цветков на свете. Это флора. А есть еще фауна. И это лишь одна область — биология. А как насчет остальных? Он-то знал, сколько всего на свете, сколько знаний на свете! А если такие очки наладить в производство, то тогда вообще можно ничего не описывать — все и так будут это знать.

— Ну и что дальше они будут делать? Зачем им это знать?

— А вот тут... а вот об этом он и не подумал подуматься... Ну да. Может, решил, что и остальным его проектам дадут тогда зеленый свет. И что все сразу займутся полезными делами и создадут множество новых удобных изобретений — еще одна революция, вторая научно-техническая... не знаю. Хотя и очевидно, что с новыми знаниями у многих появятся свои виды на использование всей этой информации... это Эрл ударился в науку, а что остальные? Тут уж зависит от каждого отдельного человека — как он предпочтет знаниями распоряжаться...

Эрл об этом не подумал... все-таки глубинная наивность в нем осталась. Он думал, наверно, что все примутся бескорыстно помогать друг другу... хотя мы все можем начать это делать и сейчас, без дополнительных знаний... а почему-то не делаем...

— Ну допустим, все сложно... И что же, он представит все это на конкурсе, они примут, понаделают этих очков... и ты покажешь, что стало с миром потом? Ты... сможешь все это вообразить?

— Нет, не смогу, это уже выше моих сил. Но до такого и не дойдет. Я хочу, чтобы Эрл вовремя одумался. Но пока мы на том месте, где он одержим этой идеей и не видит ее противоречивости. Надо только, чтобы он не успел претворить ее в жизнь.

И что для этого требуется? Временная отсрочка — это раз: чтобы у него было время на осознание ошибочности. А два — какие-нибудь препятствия на пути к созданию очков, на пути представления проекта инвестору.

С первым все ясно — я автор, мне удобно сказать: у него было еще, например, месяца три до представления проекта.

А вот какие могут быть препятствия?.. Ну... ну... — Джулия задумалась. — Ну например, те материалы, что потребовались бы для создания очков, можно найти только на планете Биба. Кстати, а как бы вы ее назвали?

— Хорошо, ты наконец о Бибе вспомнила... я бы назвал ее каким-нибудь шифром. Что мешает инопланетянам называть свои планеты по какой-нибудь универсальной системе? Может, раньше действовали так же, как мы, а потом перешли на...

— Не хочу я никаких шифров! — недовольно перебила Джулия. — Это очень нудно! Никто не запомнит!

— А тебе всегда, я знаю, нравились, названия совершенно бессмысленные и очень пафосные! Триглинион какой-нибудь, или Ларианий, или еще какая чушь...

— В них должно чувствоваться что-то космическое!

— А когда я произношу «Земля», ты чувствуешь что-то космическое?

— А почему бы вам не совместить шифр с каким-нибудь космическим окончанием? — предложила вдруг Шерри.

— Семь-Би-Эликон! — мигом выкрикнула Джулия.

— Чего?!

— Это первое, что мне в голову пришло, — призналась она. — Но мне нравится, как это звучит. И для Роберта тут есть подобие шифра.

— А мне все равно кажется, ерунда какая-то!

— Исправим, если придумаем лучше... Мне нравится, по крайней мере...

— Ну еще бы! Ты же это предложила!

— Ну хватит уже!.. И вот, Эрл решил создать космическую ракету, которая смогла бы отправить его на Семь-Би-Эликон, где он собрал бы все нужные материалы. И по ходу познакомился бы там с бытом эликонцев, может, они бы его отговорили...

— И где бы он взял такую ракету?

— Сконструировал бы... очки бы подсказали, как.

— А... ты не думала, сколько средств ему потребуется на это...

— Придумаем, как с этим справиться.

— Но... а как же путешествия по Земле? Мы что, зря отправились в путь? А как же показать красоту Земли? — не мог успокоиться Роберт.

— Ну, тогда он мог бы не долететь до Семь-Би-Эликона из-за какой-нибудь неисправности, потерпеть крушение — но по счастливой случайности остаться в порядке — и, пропутешествовав по Земле, понять, ЧТО важно для исправления мира в первую очередь... Внутренняя работа самих людей над собой. А не наличие знаний... я думаю...

— Пока ты опять не ушла в философию, должен перебить тебя и сказать, что это звучит совсем уж нереально — ну, то, что он упадет и не пострадает... К тому же, он бы узнал об этой неисправности. И когда бы появился Биб? У тебя же в первоначальном замысле было еще появление Биба.

— Ты только вопросы задавать умеешь! А сам ничего не предлагаешь.

— Нужные вопросы тоже надо уметь задать!.. Знаешь, у меня чувство, что ты уже подустала... так давно рассказываешь — пора бы тебе и отдохнуть. Додумаем потом!

— Нет, не пора! — надулась Джулия. До этого она будто бы скользила по льду — быстро-быстро, на удобных коньках, и все идеи были успешные, и все подходили. А тут вдруг такое. Застопорилась мысль. При этом она чувствовала, что еще не раскрыла на сегодня весь свой потенциал. Надо просто подумать хорошенько. Для начала признаться:

— Но вообще ты прав: я действительно сбилась с намеченного ранее курса на что-то непонятное... А жаль. Эрл в космической ракете — это очень трогательно!.. Ну ладно уж, раз никак не получается... и зрение у него неподходящее...

Давай-ка вернемся немного назад. К тому моменту, где мы решили, что что-то должно ему помешать. Допустим, все нужные материалы на Земле были. И он решил отправиться в путешествие, чтобы все их собрать.

— Он мог бы отдать распоряжения и просто заказать их. Так гораздо быстрее. Зачем ему самому их собирать? Это гораздо дольше, а ты говоришь, временем своим он дорожит.

— Ну вот опять ты со своими холодными доводами! Ладно, другое... например... например... эти очки так устроены, что дают знания о разнообразных фактах, так? Но ведь они не дают знания о чувствах и мыслях людей, да?

— Да, — сказала Шерри.

— А что мешает их создателям запрограммировать очки так, чтобы информация об их создании также была недоступна тем, кто их носит?.. ну например, на планете Биба было только несколько таких очков, и создатели-изобретатели заранее продумали это ограничение для защиты от их массового выпуска — как раз того, о чем начал помышлять Эрл. Таким образом, информация о создании новых очков недоступна никому из тех, кто их носит! В отличие от остальных знаний.

— Нет, это в принципе невозможно! — не согласилась Шерри. — Такое никак не получится! Это противоречит... — она вдруг замолчала.

— Чему? — остудил ее Роберт. — Ты говоришь так, как если бы сама знала, как их создать и как они работают...

— Роберт прав, — согласилась Джулия. — Мы же сами их придумали, мы и решаем, какими им быть.

— Да?.. Ведь правда, как это я не подумала? Очень удобно действительно! — кивнула Шерри. — Мы хозяева ситуации, в которую попадают наши герои! И сами решаем, как лучше сделать и что произойдет — решаем так, как нам удобнее и так, как считаем интереснее, — это внезапно пришедшее осознание принесло ей удовольствие. Раньше она подобного никогда не испытывала.

Они сами представляют, они сами вольны устраивать все так, как им хочется!⁹⁸ И она в их числе! Она тоже повлияла на ход этой необычной истории!

— Но ученые не все учли и все-таки забыли утаить кое-что важное от очков. Эрл узнает, что сами инструкции по созданию очков все-таки записали — ну, на всякий случай — только как-нибудь по-особому записали, что он их содержание именно от очков никак не может получить — и распрятали части этих инструкций по всяким тайникам. Тайники на то и тайники — он также не может узнать, где именно они

⁹⁸ Жаль только, в жизни совсем не так.

находятся, где их искать... А почему нет? Только устроили их не на собственной давно изученной планете... тем более, инопланетянам, которые ее населяют, будет довольно просто попробовать эти инструкции найти — там, наверно, и инфраструктура развита, и сама планета небольшая, так что все уголки легкодоступны.

А вот если взять планету довольно далекую от них, такую, до которой мало кто из их народа сможет добраться, и распрятать все эти инструкции уже на ней... даже если местные жители (люди то есть, ну, мы) найдут, они ничего не поймут — там будет инопланетянский, еще и зашифрованный... Ну и вряд ли они вообще доберутся до них... — Джулия сделала паузу. — А что, по-моему, вполне ничего идея!

Эрл достает тот старый, оброненный еще давным-давно Бибом у него на чердаке список... ну, вещей, которые надо было уничтожить. Он знает, что там, помимо описания этих запретных вещей, записано в самом конце еще одно задание для Биба. Тогда Эрл не обратил на него внимания — в то время его другое волновало — зато теперь написанное оказалось очень кстати... Там вообще были очень конфиденциальные данные, и то, что Биб их растерял, — это непростительная ошибка.

— Джу, позволь перебить! А зачем все-таки в списке было написано, как работает каждая из вещей, которую требовалось уничтожить?

— Хороший вопрос!.. Я думаю, на случай, если какая-нибудь из них попала бы по недосмотру Биба к кому-нибудь еще, и тот бы ею воспользовался. Биб тогда хотя бы понимал, какие возможности она этому кому-то даст и смог бы разработать ответный план действий... А теперь пойдем дальше. Я остановилась на последнем задании в списке Биба.

В той записке было указано следующее: «Уничтожить инструкции по созданию всезнательных очков, которые находятся...». И список тайников как на тарелочке! Вот это еще предстоит решить, где они могут находиться, — надо будет назвать самые разные уголки Земного шара. И вообще, сколько их всего, этих инструкций — надо подумать.

— Слушай, Джу, так если они написали список этих мест для Биба на обычную бумагу — или что там у них, на чем они пишут? — то местоположение тайников должно было уже перестать быть тайной для очков, нет? Ведь они эти задания недавно записали и, наверно, от очков не смогли защитить? Он уже и раньше мог об этом знать!

— Нет, не мог. Ну, пусть сам список тайников будет отдельным листочком, прикрепленным к основному заданию и списку вещей. Предположим, основное задание они написали недавно — специально для Биба, а список тайников существовал давно, и его содержание как раз было защищено от очков.

А Биб потерял все, что только можно — и очки, и свои листики...

— Ужас, Джу! Просто ужас! Если там раскроется, его же в тюрьму, наверно, посадят за такое...

— Что с ним будет, мы решим дальше. А сейчас я хочу дорассказать об Эрле...

Он рекордно быстро снаряжает экспедицию — ведь ему надо объехать столько мест! Причем он собирается успеть все это совершить до представления проекта на конкурсе, и хочет обязательно отправиться один. Сами инструкции по созданию очков, как я уже сказала, будут в шифрах, да еще и на инопланетянском языке, так что помимо того, чтобы их достать, ему еще придется поломать голову над

разгадыванием. Ведь тут ему уже не помогут очки — не назовут алгоритмы решения шифров — они защищены даже от этого.

Он довольно скоро прощается с недоуменными родителями и Джуди, и отправляется в путешествие.

— Постой-постой! — перебил в очередной раз Роберт. — Мне нравится, вот и путешествия по Земле наконец наметились, но... где он достал средства на экспедиции? Так ли ему нужен этот конкурс, если он и без него деньги находит?

— Так эти экспедиции на одного человека требуют гораздо меньше затрат, чем налаживание производства очков, а ты как думаешь? Он числился уже в большом количестве научных обществ, неужели он не мог объяснить свою поездку (настоящую цель которой пока оставил в тайне) как, например, экспедицию по изучению каких-нибудь животных. Не знаю, очень распространенных. И, например, ему хотелось сравнить их разные виды в разных уголках Земного шара. Вот он и попросил их выделить ему средства... Да вот я на ходу даже сочинила. А можно выдумать что получше...

— Идет. Итак, он отправился в путь и...

— И сначала у него все шло весьма неплохо. Он мог даже добраться до... ну, пусть двух инструкций... и даже в процессе путешествия суметь разгадать один из шифров в одной из них. Он же всегда был сообразительным в конце концов.

А вот потом его поджидал прокол.

Да, прокол очень нужен — во время проколов нередко происходит переоценка ценностей... и выйти из беды ему как раз поможет Биб. Ну и вот... Где-нибудь случилась с Эрлом беда. Надо будет выбрать какое-нибудь место посложнее, из которого и не выберешься... ну например джунгли.

— Это опять первое, что тебе в голову пришло, да?

— Да.

— Мне нравится твой подход к делу, Джу. Такой ответственный...

— Это интуиция, Роберт. Пусть он будет в джунглях. Там может быть довольно страшно и неудобно, особенно если еще и под дождь попадешь, тебе ли не знать? Вдруг вот он как-нибудь оступился, как раз где-нибудь на холме, и упал куда-нибудь вниз... да, понимаю, он знал, что надо быть осторожным, что местность там неровная и все такое, но даже когда знаешь, что надо быть осторожным, что, разве никогда не оступаешься все равно? Лично я, когда пытаюсь не греметь, начинаю просто гроыхать. А когда стараюсь не уронить вещь, она почти всегда падает с диким грохотом. Вот и он — так старался, что в итоге свалился. Абсурдно звучит, но мой личный жизненный опыт говорит другое... Вообще-то ему стоило бы отправиться в джунгли с кем-то, но он самоуверенно надеялся, что справится сам. С очками обо всем будет предупрежден и будет знать, что делать... Вот и поплатился! Он так умудрился упасть, что, во-первых, потерял свой рюкзак со всем необходимым... не то, чтобы совсем потерял, но он попал в какие-нибудь кусты или болото, где сразу и не найдешь...

— Ну так очки бы ему подсказали, и он бы его мигом...

— В том-то и дело. Когда я говорю «во-первых», Роберт, следует, что как минимум будет еще и «во-вторых». А, во-вторых, что для него было самым ужасным, его очки...

— Джулия выдержала драматическую паузу. Во время всего этого рассказа, порядком бессвязного и постоянно прерываемого рассуждениями, она все равно ощущала себя

актрисой, от которой зависело, затронет ли история слушателей или нет. Очень важно было артистически преподнести Шерри и Роберту то, что возникало у нее в голове. Поэтому драматические паузы были необходимы, и получались у нее сами собой, по наитию. — ...треснули! — закончила она с самым мрачным пафосом.

Эффектно у нее получилось, что и говорить!

— Треснули?! — Шерри пришла в настоящий ужас. — Как это треснули?!

— Вот и он не смог этого сразу осознать! Представляете, какой для него удар! Допустим, он упал... но пусть только он не сильно ударится...

— Ах, Джу, ты его жалеешь!

— Жалею... нет, не жалею, раз я придумала такое с треснувшими очками. Они слетели с него. Он судорожно ищет их на земле, находит, надевает и понимает, что что-то не так. Ну да! Во время падения одно из стекол треснуло! И они стали работать неправильно. Нам еще предстоит решить, как именно неправильно, насколько неправильно... но точно не так, как раньше. Если учесть, что он уже привык к ним, привык к тому, что все знания доставляются ему на тарелочке, что не надо прилагать никаких усилий... представьте, в какой ужас он приходит! Он спрашивает себя, где его рюкзак, а очки дают ему какой-нибудь неправильный ответ, и он прыгает в маленький ручеек... бедный, только ноги промочил... Он голоден и не знает, можно ли есть вон те ягоды. Ему холодно. Он ищет-ищет-ищет рюкзак... пусть там к тому же еще и собраны его запасные линзы... старые приходит время снять, так что вскоре он ко всему прочему ничего уже толком не видит и становится совсем беспомощным... а тут еще начинается тропический ливень. Он укрывается под каким-нибудь большим листом папоротника — что-нибудь такое... Ему холодно, голодно и страшно. Он совершенно подавлен. Наверно, он вспоминает Джуди, как они сидели у теплого очага когда-то вместе... как он это когда-то ценил, а потом перестал — и времени на подобное больше не находил.

Джулия помолчала минуту. Видно, она никак не могла отойти от образа абсолютно несчастного, заброшенного и одинокого Эрла, возникшего у нее в голове... И вдруг заговорила совсем о другом:

— А теперь пришло время решить, что за задание было у Биба — во всех подробностях. И почему он его получил. Как раз самое время показать его планету. О, это будет забавно! Роберт прав, я и впрямь уже начинаю уставать, поэтому, пожалуй, ее описание оставим на будущее. Ну... как она выглядела, кто ее населял, как там все было устроено... А пока лучше уж попробовать довести план истории до конца, пусть и без подробностей. Какое положение занимает Биб на своей планете? Пожалуй, достаточно высокое, раз ему поручили такое задание.

— А по его ухмыляющемуся лицу и не скажешь!

— А внешность обманчива!.. На самом деле у них все инопланетяне будут забавными. Я вон их сколько уже нарисовала — видишь, они все напоминают детей! А Биб, если судить по их меркам, даже красавец! Я думаю, будет забавно, если такой вот зеленый шалопай будет занимать высокое положение, и все будут относиться к нему с почтением. Он не ученый, не мудрец, не изобретатель — нет — но он молодой, по меркам их биологического вида, сильный и ловкий, а также бесстрашный и в практических навыках хорошо подкован. Например, отлично управляет космическим кораблем — а что еще надо?

Пожалуй, постепенно он так разгордился от всего того внимания, что ему оказывали, и стал таким напыщенно самоуверенным, что отнесся тогда с предельным невниманием к своему заданию на Земле, а ведь оно было крайне важным.

Он с этим заданием, как мы знаем, не справился, хотя сам об этом не подозревал. Но через какое-то количество месяцев это как-то раскрывается. Мы еще придумаем как. Чтобы было забавно. И чтобы его вызвали к изобретателям — или мудрецам, старейшинам — кто там у них правит? — в какой-нибудь очередной момент, когда он хвалится. Ему полезно будет получить нагоняй, — Джулия довольно заулыбалась.

— Интересно, а почему ты такое не говорила об Эрле? Он тоже возгордился — и где его нагоняй?

— Так то ведь Эрл! У него совсем другой случай... И дождливая одинокая ночь в джунглях — это что, не нагоняй?

Слушай, Шерри! Я все смотрю на твой кулончик и только сейчас поняла! Можно-можно-можно мне поместить на футболку Биба такой же рисунок? Это ведь Сатурн? Космическое... ему пойдет!

— Буду только польщена!

— Прекрасно! Спасибо тебе пребольшое!.. И... Ой, я опять отвлеклась...

Ученые очень недовольны работой Биба. Они могут приличия ради напомнить ему, что за дела у них приключились с этими очками и чем чревато то, что информация об их создании еще осталась в природе, как и сами очки. Вот так и зрители узнают немного больше об очках! Я вообще люблю таинственные легенды, окружающие предмет, — от них масштаба всегда больше и значительности. Правители упрекают Биба — у него был последний листок, где была собрана информация о тайниках, а он взял и потерял его раньше, чем их уничтожил. Не дело. И, кроме того, ничего им не сообщил, дорожа своей репутацией. А тайное всегда становится явным... Ну, он-то думал, что листик уничтожился вместе с очками, а, значит, и тайники он найти не сможет. А тут — вот как получилось.

Так что его отправляют исправлять ошибки — обратно на Землю. Каким-нибудь образом они вычисляют, где находится наш Эрл, вручают Бибу ключи от космического корабля — и требуют, пока он задания не выполнит, не возвращаться...

Биб, конечно, очень недоволен. Крайне недоволен. Получилось хуже некуда. Он, наверно, думает: «И чего только тому человечешке нейдет? Нет вот, надо было их примерить, нет вот, додумался куда-то в джунгли отправиться — что он там делает, интересно?». И все в таком духе.

И вот, он попадает на Землю как раз в тот самый вечер, когда Эрл остался один в джунглях под дождем. Понятно, что Биба в первую очередь интересует список тайников, где можно найти инструкции, и его он сначала будет искать в Эрловом рюкзаке. А потом поймет, что Эрл-то носит его (как очень ценную вещь) в одном из своих карманов.

Представляете, какая веселая может получиться сцена, если маленький Биб будет пытаться незаметно просунуть ручки в карманы курточки к ничего не замечающему несчастному Эрлу? Как раз разбавит общее мрачное впечатление!

Только у него ничего не получится, и он решит подождать до завтра — или когда там Эрл заснет...

— Джу, а в начале истории он у тебя сумел усыпить Эрла! Что теперь мешает?

— Ааах, точно... прямо и ляп получился бы... а, нет, не ляп! Сейчас Эрл так изможден, что его нельзя искусственно усыплять!.. Биб, наверно, не стал бы жертвовать его здоровьем ради задания. Ну пришлось бы подождать немного, когда Эрл сам заснет, зато без последствий... но Эрл все не засыпает...

А потом... да, именно так! Потом Бибу становится жалко продрогшего Эрла... почему же ему вдруг его и не пожалеть? Он же не каменный, наш Биб. Хотя он и продолжает испытывать весьма сильную антипатию к Эрлу — ведь все, как Бибу кажется, из-за него произошло. А все-таки... все-таки ему захочется ему помочь.

Он может тихонечко поднести Эрлу зонтик, который найдет у него в рюкзаке.

— Вот глупыш! Махнет на все рукой и так вот сразу и откроется перед Эрлом?

— Действительно, даже если ему его жалко, действовать подобным образом все-таки неразумно. Но пусть у него не будет выбора!

— То есть как это?

— Ну пусть вот... а почему бы и нет? Допустим, Биб еще не решился появиться перед Эрлом с зонтиком. Он его уже принес, но пока наблюдает, спрятавшись в кустах и находясь в упомянутом состоянии сомнений и неуверенности — открываться перед Эрлом или лучше не надо.

А Эрлом вдруг овладевает минутное отчаяние — чуть ли не забвение, когда все кажется ненастоящим, нереальным, всего лишь плохим сном, который хочется скорее прервать, — такое ведь случается! Когда особенно хочется сделать что-нибудь прямо противоположное тому, что делал раньше, когда доходишь до такой точки отчаяния, что чуть ли не все дела, чуть ли не все, что ты планировал (чуть ли не все абсолютно!), кажется тщетным и бессмысленным. И хочется все бросить и не только бросить, но и порвать, забыть! Такие приступы длятся обычно крайне непродолжительное время, но за эти секунды сам человек ведет себя чудовищно разрушительно по отношению к собственным работам — может попытаться вмиг все уничтожить! И ведь, временами, уничтожают! Все без остатка! Пусть потом те, кто это сделал, и будут жалеть всю оставшуюся жизнь...

Шерри слушала, затаив дыхание. Да и Роберт, признаться, тоже не смог придумать никаких вопросов в этот раз. Пожалуй, раз или два в жизни он переживал нечто подобное.

— И Эрл в сердцах разрывает этот список! — между тем все продолжала Джулия. — Вот прямо так — на много мелких кусочков! И бросает их в воду, и кусочки эти довольно быстро размываются и их уже не соберешь.

— Ну так и что тогда? — Роберт снова очнулся. — Биб может считать свое дело выполненным! Списка больше нет, очки треснули — чего ему еще надо?

— Так ведь он не знает, насколько сильно очки треснули и насколько сильно они теперь неисправны — это раз; Эрл все еще помнит эти места в голове (уж это он в свое время постарался выучить) — это два, и три — Бибу сказали любой ценой уничтожить инструкции, и уж теперь-то, после прошлого позорного провала, он старается действовать как можно тщательнее — а потому ему надо удостовериться, что все пути к тайникам и впрямь отрезаны. А если нет, то он должен любой ценой туда попасть и уничтожить...

Вот и остается единственный способ — придется говорить с Эрлом. И Биб, конечно, не такой дурачок, он понимает, что лучше произвести на человека приятное впечатление сразу — так и договориться с ним будет легче. Ну а то, что зонтик он

решил принести раньше, чем увидел всю эту сцену, говорит о том, что он действительно делал это из добрых побуждений, а не из расчета понравиться Эрлу...

— Отлично. Но только тебе придется очень постараться, чтобы зрители понимали логику персонажей. Не будешь же ты в ключевых моментах выскакивать прямо в кадре и пояснять для таких недоверчивых зрителей, как я, которым нравится задавать везде вопросы: «А это он делает не просто так, а по такой-то причине!» или «А вот считать выполненным свое задание он не мог потому-то и потому-то...»! Основательно продумать — чтобы было ясно все по сюжету, без всяких пояснений... Потому что схемы у тебя достаточно хитроумные и так сразу до них не доберешься. И, честно признаться, ты сначала говоришь то, что на ум приходит, а потом уже ищешь этому логическое объяснение.

— По-моему, это не так уж плохо. Я же нахожу! — улыбнулась Джулия. — А уж как объяснить это зрителям, будет время еще подумать... Как получается, Роберт, так и придумываю.

И вот, он приносит Эрлу зонтик. И Эрл, конечно, на редкость удивлен! Хотя не стоит забывать, он знает, что перед ним Биб — он его помнит. А все же, Эрл никак уж не ожидал, что он его снова навестит. Но удивление вовсе не мешает быть ему еще и благодарным. Кстати, он сможет общаться с Бибом и понимать его... можно списать это на особенности строения Бибова мозга — вон у него какая голова большая! Не даром же!

Биб старается вести себя дружелюбно, но временами раздражение его все-таки берет. Он никак не может с Эрлом договориться. Эрл опять стоит на своем и упирается. Ну не собирается он отказываться от своей идеи! Да, стало чуть лучше, можно сказать, своеобразный «кризис» миновал — кризис отчаяния я имею в виду — и к Эрлу опять возвращаются его прошлые заблуждения. Может, Бибу и впрямь стоило прийти попозже? Может, в одиночестве Эрл скорее бы пришел к просветлению? Я хочу сказать, понял бы, на что ему стоило бы тратить время своей жизни, которая ведь не бесконечна, в отличие от дел... дела есть всегда...

Но с другой стороны, чего доброго, Эрл совсем бы разболелся и... не знаю... нет, Биб все-таки вовремя пришел.

Пусть Эрл постепенно откажется от убеждений — я против резкого отказа... пусть постепенно осознает, как за время ношения очков сам изменился, и решит, изменился ли он в лучшую сторону или нет.

Для начала можно вставить сценку, где они с Бибом спорят. И Биб утверждает, что очки — это зло, а Эрл — что они благо. У каждого свои доводы, многое может быть разумно. Кстати, может быть тоже в форме песни.

Главное, чего мне хочется, — это чтобы Биб и Эрл зависели друг от друга. Тогда даже если они и перессорятся сначала на базе идейных разногласий, это ни к чему не приведет — они не смогут разойтись в разные стороны. Понятно, что Эрл знает, где тайники — и Биб от этих знаний зависит. А от чего может зависеть Эрл? Во-первых, Биб может вызволить его из джунглей. А, во-вторых, он может помочь разгадывать ему шифры на непонятных для него теперь языках. Но первое, что требуется Эрлу, — это убедить Биба в том, что идея массового выпуска — очень положительная и принесет много полезного. Бибу-то больше известно — у его страны уже был печальный опыт — и мы еще придумаем, насколько печальный, раз уж они пожелали уничтожить все, что только связано с этими очками. А Эрл, хотя и мог об этом узнать в свое время, пока

очки работали, почему-то не стал об этом задумываться. Некогда, наверно, было. Все некогда. Хотя это важно. А как он мог определить так сразу, что важно, а что нет?.. Одним словом, не задумывался он. И не замечал сам, как сильно изменился.

Понятно, что на Биба он со своими доводами не подействовал, но наш сообразительный малый решил сменить тактику и сделал вид, что Эрл его убедил. Биб соглашается помочь...

— И что, Эрл так сразу ему и поверил?

— Да... все-таки, может, он в чем-то и изменился, но в душе остался все таким же — доверчивым. Тем более тут еще и первое впечатление от Биба свою роль сыграло — он действительно был ему признателен. А, к тому же, Эрл так сильно верил в свою идею, что ему казалось, что все должны в нее верить. Ну и не забывай, он стал в целом самоувереннее и думал, что убедит любого, переоценивал свои силы.

И вместе с Бибом они начинают путешествовать, переживать приключения и искать тайники — это должно быть очень интересно! Все это продумаем во время наших путешествий! Эрл будет заново учиться нормальной жизни, по-новому (точнее, по-старому, так, как раньше) смотреть на мир. Сначала он будет продолжать приводить Бибу доводы в пользу очков... ну вот, например, раз корабль Биба, в котором они будут перемещаться, потерпит крушение из-за чего-нибудь непредвиденного... например, в него врежется какая-нибудь птица... И когда им придется какое-то время идти пешком, Эрл скажет: «Вот видишь! А были бы очки — такого бы не случилось. Я бы знал, что вот, на той же высоте, что и мы, движется птица, и мы бы отклонились и пропустили ее. И скорее бы достигли цели — на корабле-то, чем пешком...» Опять же я вернулась к той теме, что дала нам Шерри — с пробкой. А потом он поймет, что то, что они упали, — это даже лучше. Они переживут какое-нибудь интересное приключение, например... И Биб не будет с ним спорить — не люблю, когда точки зрения навязывают, — и предоставит самому все понять. Таким образом, сначала Эрлу будет тяжело без очков, и все ему будет не нравиться, а затем он почувствует, что без очков-то интереснее! Без очков-то требуется прилагать больше усилий, зато и награда выше... И потом, нельзя же все в жизни контролировать и исключать случайности... очки к нему, кстати, случайно попали, а он и забыл.

А еще я вижу сцену, где Биб будет маскироваться под человека! Ну, например в каком-нибудь городе... Ха-ха, смешно-то как!

И вот так постепенно дойдем до кульминации. Я так понимаю, это будет как раз когда они найдут последний тайник... что там будет? Что? Ну... что-нибудь такое, чтобы от Эрла зависела судьба Биба... вдруг, например, старейшины с планеты озабочены тем, что его так долго нет, пошлют кого-нибудь еще, а тот, завидев, какую дружбу Биб ведет с Эрлом, решит, что Биб и впрямь перешел на его сторону и захотел создать очки для себя?.. А, может, и без этого кого-то обойдемся... а надо еще не забыть о зловещем конкуренте и о конкурсе, который тоже пусть наступит примерно в то же время... Пусть будет много всего, пусть будет драма, пусть будут непростые ситуации, требующие принятия ответственных решений... пусть Эрл делом докажет, как он дорожит такой необычной дружбой с Бибом, которую кто бы только мог предположить сначала, когда они только встретились впервые! А ведь, пережив столько приключений, они должны были сильно сдружиться... пусть скажет что-нибудь красивое о настоящих ценностях... пусть докажет, что остался все таким же милым в душе, хотя на какое-то время и пришел в заблуждение... пусть, в конце концов,

закончится... — Джулия говорила все это время на редкость воодушевленно, даже покраснелась! И вдруг очень резко сникла, — ну в общем да, что-то начала я подробно, а закончила совсем уж размыто, общими идеями... ну а в целом вы поняли, да?

Все это время она совсем не чувствовала себя утомленной. А тут вдруг на нее разом навалилась всей своей огромной тяжестью усталость. У нее бывало такое... сначала редкостной силы творческое возбуждение и крайне активная и продуктивная работа, затем — резкий упадок сил.

Шерри никак не могла понять, что вдруг с Джулией случилось, а Роберт выглядел несколько обеспокоенным.

— Я же сказал еще тогда: ты начинаешь уставать... вот опять довела себя... отдохни.

— Пожалуй, ты прав. Теперь можно. Мы много всего придумали и наметили... надеюсь, Шерри, тебе нравится, как мы развили твою идею?

— Безумно! — горячее ответа вы вряд ли когда-либо слышали или услышите.

Джулия удовлетворенно улыбнулась:

— И мне тоже. Но это только начало. А сколько работы впереди! Придание еще большей ясности сюжету и доведение истории до конца во всех подробностях, сценарий, прописка диалогов, раскадровка, детальная проработка каждой сцены, обязательно надо подумать над характерами героев, над их ключевыми фразами... еще подумать над юмором, шутками... С тебя, Роберт, песни — надо еще решить точно, сколько и где — пока я назвала слишком мал... — она не договорила и снова уснула, прямо вот так, на середине предложения.

— Остаточное влияние снотворного, наверно, — пробормотал Роберт. — Но это она вообще здорово да? Вот так сразу, столько всего напридумывала... Как ей только удастся?

Шерри кивнула, и кивок был в разы красноречивее всяких слов. И потом, она побоялась, что слова ее могут разбудить Джулию, как раз очень мило заулыбавшуюся во сне... наверно, даже там она продолжала видеть историю Эрла, Джуди, Биба...

— Смотри-ка, Шерри! — шепнул Роберт. — Я даже не заметил, а пробка, кажется, давно уже закончилась...



— Роберт, можно...

— Нет, нельзя.

— Но ведь...

— Это касается машины?

— Да, но...

— Нет, нельзя. Что бы это ни было, нельзя.

— Но я знаю, что говорю, и постою за каждое слово!

— Ты еще ничего не сказала...

— Это потому что ты мне не даешь. Так нечестно, Роберт!

— Моя машина — мне решать. Лучше трейлера тебе не найти, уж поверь! И любой бы на твоём месте уже давно понял: то, что в данный момент в баке заканчивается бензин, вовсе не является поводом что-то там корректировать! А в двигателе тем более! Это безумство сплошное! Он же прекрасно работает, я сам недавно проверял, знаю, что говорю.

— Но я лишь хочу помочь!

— Тогда в следующий раз следи внимательнее за Джулией и ее рисунками. Додумались тоже! Оставить их у открытого окна!

Роберт покачал головой. Подумать только, который раз Джулия теряет свои рисунки! Сегодня вот они разлетелись по всей дороге! Пришлось возвращаться назад,

останавливаться через каждые пять минут, искать их у обочины, находить, отряхивать от пыли и приносить обратно. На это ушла уйма времени, сил и, главное, бензина.

Заправок вблизи как назло не предвиделось. Дорога вообще была порядком заброшенной. А тут еще пришлось, чтобы сократить путь, свернуть на совсем уж пустую и всеми забытую... И даже понятно почему: дороги в гористой местности, где случаются временами обвалы, весьма опасны, а благоразумные люди предпочитают лишний раз не рисковать.

Только бы бензина хватило! Роберт полагался на свои знания местности и, по его расчетам, хватить должно было, даже с запасом, пусть и крошечным.

А все из-за банальной рассеянности! Эта рассеянность уже в печенках сидела!

Почему ему-то удастся все свои чертежи держать в сохранности? Почему нельзя подойти к делам ответственно?

И тут еще Шерри никак не успокоится. Загорелась вдруг помочь — молодец! Вовремя! Ничего не скажешь!

— Ну, как пожелаешь...

— Сам справлюсь, не переживай!

Шерри, не добившись своего, разочарованно пожала плечами и уже собиралась отправиться в ту часть трейлера, где сидела за столом Джулия и пребывала в печальном состоянии, имеющем великое множество названий, как-то: «Мои рисунки все выходят такими отвратительными!», или «Сегодня очень неудачный день для творчества!», или «Сижу уже третий час, а ничего толкового не нарисовала!» и пр. и пр. Выбирайте любое, какое больше нравится! Суть состояния от этого все равно не изменится.

И отправилась бы, если б Роберт не выкрикнул вдруг «Тын... сяча неисправных трансформаторов!».

— А что случилось?

— Видишь, обвал на дороге! Придется объезжать...

— Хватит бензина?

— Теперь не уверен.

— Роберт, а может... — опять затянула старую песню.

— Да не желаю я ничего там менять! И останавливаться не желаю! Ты что, не видишь, я и так раздражен?! Хватит подливать масла в огонь!

Шерри открыла было рот, но, наверно, поняла, что он о ненастоящем масле и ненастоящем огне. Автомобильные двигатели не работают на огне, а, следовательно, опять идиома.

— Я знаю, как устроены двигатели. Я знаю, как сделать, чтобы требовалось гораздо меньше бензина. Все нужные материалы у меня уже имеются! Я сама все сделаю... Может, все-таки разрешишь? Пожалуйста! Уже полторы недели прошло, а от меня никакого толку... Джулия все время что-то сочиняет, я не хочу ее отвлекать! Ты вечерами что-то изобретаешь, днем ведешь машину — и, кстати, водитель из тебя великолепный! Ты показал нам уже столько всего! Я и не думала, что природные ландшафты могут быть настолько удивительными! Читать описания и видеть собственными глазами — это действительно две большие разницы... Еще вот, я бы ни за что не догадалась, что хот-доги можно использовать как «кетчупные» пистолеты!.. А каких людей мы уже успели повстречать! Все благодаря тебе! Ты прекрасный проводник!.. И только Я все это время сижу без дела. Мне ТАК не нравится.

«Если б ты тоже умела что-нибудь делать, и не просто делать, а делать хорошо, ты бы так сейчас не говорила...» — подумал Роберт. Но не станет же он ей это озвучивать!

А все-таки действительно нехорошо получается...

Он никому не позволял прикасаться⁹⁹ к собственным изобретениям. Они были для него почти как дети... и хуже нету, если кто-то надумает вторгнуться без спроса и обращаться с ними по собственным порядкам.

Это же относилось и к трейлеру. Трейлер был неприкосновенен.

Но ведь Шерри...

Что Шерри? Что?

Ну Шерри, и что?

Он, что, позволит ей?..

В порядке исключения?

Ну ладно, если под его присмотром, и всего лишь раз, то, наверно, ничего не случится? А она зато порадуется.

Если уж бензина все-таки не хватит и им придется остановиться — ничего тогда уже не изменится, и будет время ей показать...

Она стояла прямо тут и ожидала его решения.

— Ну ладно-ладно... можно будет. А теперь оставь-ка меня одного, хорошо? Мне надо сосредоточиться — видишь, дорога совсем плохая...

Шерри просияла.

— Спасибо, Роберт! Спасибо за доверие! Увидишь, я правду говорю! — и она скрылась.

«Чудачка, что с нее взять?» — решил про себя Роберт. И не смог сдержать улыбки. Все равно никто не видел...

Впрочем, желание улыбаться скоро его оставило. Дорога и впрямь была не из легких, да еще и бензин на исходе, наверно, поэтому двигатель временами издавал какие-то странные звуки и тарахтенье, обычно совсем ему не свойственные.

Откуда-то из глубины посреди этого тарахтенья послышался вдруг звонкий голос Шерри:

— Эй, Роберт! Последний штрих остался! Сейчас секунд на тридцать остановимся, ты главное не выключай мотор! Джулию я предупредила, все готовы... Можно начинать?

— Что?!

— Хорошо, начинаю!

Трейлер вдруг резко начал тормозить помимо воли Роберта и вскоре остановился. Роберт бы сказал ни с того ни с сего, если б не знал причины, — Шерри!

Она совсем рехнулась, что ли? Как она добралась до двигателя?! И, главное, как она могла что-то с ним вытворять, прямо во время движения?! Ему бы и в голову не пришло такое! Да это же опасно, глупая ты веснушчатая голова!

Трейлер стоял. Хорошо еще, так отделались.

Роберт повернул ключ. Двигатель заглох.

Реакция Шерри последовала незамедлительно. Она его еще и упрекала:

⁹⁹ В смысле: что-то там менять.

— Ну Роберт, я же попросила... теперь его опять придется заводить. Всего-то полминуты надо было подождать.

Роберт уже успел отстегнуть ремень безопасности и направлялся теперь напрямик в трейлерную лабораторию, где, вероятно, находилась сейчас Шерри.

Точно, именно там она и была. У генератора. Сидела в компании невесть откуда взявшихся проводков. Она, очевидно, собиралась за эти тридцать секунд вставить их во все нужные разъемы.

Было совершенно непонятно зачем: двигатель и генератор абсолютно несовместимы! Было совершенно непонятно, что она уже успела с тем и другим натворить.

Зато совершенно понятно было то, что видок у него самого в тот момент был не самый дружелюбный, потому что она, кажется, испугалась.

И правильно!

Ему хотелось схватить ее за руку и вытолкать без всяких слов. Все же он выдавил из себя самое вежливое, на что в данный момент был способен:

— Ты!.. Ты!.. Вон!

Шерри выглядела до крайней степени озадаченной подобным обращением с его стороны, но сопротивляться не стала. Повиновалась и вышла — тихо и покорно.

Джулия, стоявшая рядом, всем своим видом являла недоумение.

— И ты тоже выходи. И не смотри на меня так. Молодчина, Джу, где только твоя голова? Остановила бы ее!.. Все могло плохо кончиться, мы еще здорово отделались! Непонятно что ли?!... Ну хорошо, даже если ты не думала об опасности, могла бы все равно ее остановить: ты ведь прекрасно все знала — как я не люб... Да ну вас. Выходи.

Роберт остался один.

Генератор являл собой печальное зрелище. В этот раз ему страшно было даже подойти к нему и посмотреть, в чем дело. Беглый осмотр ничего не дал.

Он был еще горячим. Стоило бы подождать, когда он снова остынет.

Пока, наверно, имеет смысл подышать свежим воздухом... и попробовать хоть чуть-чуть отойти.

Местность, разумеется, как по заказу выглядела на редкость умиротворяюще: голые скалы, холмы, русло пересохшей мелкой речонки неподалеку, редкие кустарнички... Было жарко и пыльно.

Шерри с Джулией уже успели усесться на ближайшие валуны. Очевидно, мягче тут ничего не нашлось бы.

Джулия задумчиво глядела на небо и, кажется, ничего больше пока не замечала, в очередной раз гуляя по просторам собственной головы, а Шерри, как всегда, со свойственным ей извечным любопытством разглядывала все вокруг. Она даже почти улыбалась. Ей тут, похоже, нравилось.

Надо было как-нибудь ее проучить. Такое натворила — и никакого раскаяния. Никакого абсолютно!

Роберту даже не пришлось строить кислую мину — она и так уже имелась, и кислоты в ней было в достатке. Он подошел ближе и хотел было прочесть ей самую суровую из нотаций, какую только мог вообразить на данный момент, или что-нибудь в том же духе, чтобы впредь неповадно было лезть, куда не следует...

Хотел, но ее более-менее довольный вид сбивал с толку, а потому несколько секунд он никак не мог подобрать самых устрашающих слов для начала, и она успела его опередить со своими вопросами. Вопросы такие, что нотации после них уже не место...

— Я тут посидела, подумала... Это ты так и задумал? Может, ты решил разыграть со мной какую-нибудь сценку для Джулии, чтобы ей было нагляднее проследить за выражениями лиц людей, когда они испытывают негативные эмоции и удивление? А я и не поняла... Да ты прирожденный актер, я даже на какое-то время поверила! Ну... совсем ненадолго... Ты и меня не предупредил — это для большей искренности, чтобы все было точно как в жизни? Я о таком методе читала... А где мы? Ты, наверно, знаешь? Это же русло от пересохшей реки — давно она так? Можешь на чуть-чуть выйти из образа и рассказать, пока Джулия все равно на нас не смотрит? А потом вернемся к сценке, я тебе подыграю! Хотя, боюсь, так хорошо, как у тебя получается, у меня уже не выйдет...

Какая оригинальная у нее голова. Опять выдумала нечто невообразимо глупое... он еще и театр скоро откроет.

— Не было никакой сценки, понимаешь?! Я очень недоволен твоим поведением! Я на самом деле, взаправду, КРАЙНЕ недоволен твоим поведением!

— Почему?

— Почему?! И ты еще спрашиваешь, почему?!

— Я правда не понимаю... Сначала ты говоришь мне: можно, потом оказывается, что нельзя...

— Ну не на ходу же! Я думал, потом, когда остановимся!.. тем более про генератор ты мне ничего не сказала!.. Ну тебя!

Роберт издал еще некоторое количество непонятного рычания и окончательно надулся.

Они посидели какое-то время в тишине.

— Идея со сценками-то весьма неплохая на первый взгляд! — подала голос Джулия, которой стало неуютно в обществе молчаливого и угрюмого Роберта. — Но негуманная. Нельзя так поступать, даже ради искусства...

Она не знала, что еще сказать.

— Может, погуляем по окрестностям, раз уж мы тут? Тут ведь красиво, — вступила Шерри.

— Тут одиноко... ну... мне что-то не хочется... Не везет мне с идеями сегодня, настроения никакого. И у Роберта такой вид... он вряд ли захочет, наверно...

Роберт издал очередное нечленораздельное рычание.

— Тогда, может, Роберт все-таки позволит мне довести до конца начатое?.. чтобы мы отправились в путь... если вам тут не нравится.

Роберт опять рыкнул. Уже несколько конкретнее. Кажется, это было: «Мои избобррррррречения... не тррррррррожь! Впррррррррредь только сам!»

— А мне хочется пережить приключение! — сказала вдруг Джулия. — Настоящее, волнительное, пусть даже немного опасное... чтобы что-то подобное смогло войти в нашу историю! Я сегодня весь день думаю над тем, какое первое приключение во всем смысле этого слова могло им выпасть.

— Так вот же оно — приключение!

— Ну... сидеть на жестких камнях у трейлера, в котором закончился бензин... это немного не то...

— Почему? А может быть что-то даже лучше?

— Наверно... ну, может, сегодня и узнаем. У меня странное такое предчувствие — что сегодня будет приключение.

Роберт вздохнул. Наверно, это значило: «Только этого нам еще и не хватало!». Но он решительно отказывался вступать в современный человеческий диалог, предпочитая самый древний из способов демонстрации своих чувств — жестами и звуками.¹⁰⁰

— Просто ведь, — продолжала Джулия, — так всегда бывает. По крайней мере, в фильмах и книгах: герои попадают в подобную ситуацию, они сидят без дела, начинают ссориться...

— А мы разве ссоримся?

— Нет, Шерри, наверно нет, — Джулия неуверенно посмотрела на Роберта. — Я просто говорю, как бывает у них... там, в произведениях искусства... потом вдруг случается приключение — во время которого все мирятся!

— А может случиться приключение без ссоры? Или она обязательно должна сначала произойти — и послужить тем самым сигналом для приключения... а то как узнать, когда оно начнется?

— Не могу сказать. Я знаю, как у них, а в жизни со мной мало чего подобного приключалось...

Они помолчали.

— Мне кажется, это глупо, — снова начала Шерри. — Сидеть тут и ждать приключения. Вдруг оно уже началось? Тут же здорово, вы что, не видите?.. Один ландшафт чего стоит! Мне надоели города с их искусственным порядком! Именно здесь я понимаю, что такое настоящее величие! Кругом столько холмов, скал, уступов! И расположены они так самой природой, а она не руководствовалась никакой логикой, ей просто так захотелось! Это же забавно, когда какой-то определенный порядок или причина отсутствуют! Или, скорее, они есть, просто мы не в состоянии их осознать для себя... А небо? Такое яркое и голубое! А кустики? Такие сочные темно-зеленые! И, глядите только, какие на них милые цветочки кое-где! Да тут просто чудо как красиво! Вы меня удивляете, честное слово! Да мой друг счастлив был бы тут оказаться! Да он за одно только сидение вот тут, на этих самых камнях, отдал бы без раздумий все свои галстуки!

Вот тут-то Роберт и взорвался. Неожиданно и необычайно мощно.

Никто не ожидал, включая его самого.

— И где же он только пропадает, этот великолепный благородный друг?! Или это скорее они?! Каждый раз, наверно, ты вспоминаешь кого-то нового! Да все эти дни я только и слышу от тебя: «Мой друг то, мой друг се...»! Сколько их там у тебя действительно?! Если они и правда такие замечательные, почему тут сидим мы с Джулией, а не они?! — он набрал еще воздуха и продолжал с новой силой. — А, может, это только ты сама их называешь друзьями, а они так вовсе и не считают?!..

Что вообще за идиотская привычка называть всех без разбора друзьями! Я не понимаю! Впрочем, это решительно не мое дело... Мне все равно, как там ты будешь

¹⁰⁰ Вот самое наглядное доказательство того, что пережитые ярость и злость превращают на время даже самых ученых из нас в пещерных людей.

называть других, но МЕНЯ, пожалуйста, оставь в покое! Все эти твои глупые шутки, все эти восторженные энтузиастические взгляды, все эти твои попытки помочь — для них, твоих друзей. Не для меня! Я твоим другом быть НЕ ХОЧУ! Ничего личного, понимаешь?! Сугубо рабочие отношения. Называй меня своим подчиненным (ты же у нас руководишь проектом, вот повезло!), называй партнером, называй как угодно... хоть Бобом, хотя я ненавижу имя Боб, но только об одном тебя прошу: не называй меня своим другом! Джулии, может, без разницы, с кем дружить, с любым прохожим на улице, если он только изъявит желание, и замечательно! А я не такой. Мне не все равно! И я не хочу, чтобы среди людей, которых я называю друзьями, числились такие, как ты!

— Шерри, не слушай! Он сам не пони... — Джулия остановилась на полуслове. Ее испугало Шеррино выражение лица — оно было каким-то бесцветным, просто никаким. Роберт, кажется, надумал еще что-то добавить, но, взглянув на нее, закрыл рот и замолчал.

Никто и никогда раньше не говорил Шерри ничего подобного.

Неужели такое правда возможно? Если и было в истории Джулии что-то странное и непонятное для Шерри, так это первоначальные сомнения Эрла о том, что Джуди не захочет с ним общаться.

Неужели так бывает? Неужели кто-то может не желать дружить?

Да, она только что услышала прямым текстом. И ведь это не кто-то, а Роберт! Роберт сказал! Ей сказал!

А ей все это время казалось совсем по-другому! Она-то думала...

Шерри вдруг почувствовала себя бесконечно одинокой.

Сколько людей на самом деле считают ее своим другом?

Она никогда раньше об этом не думала. В голову просто не приходило о подобном задуматься.

Точно не Роберт... Джулия, Элрой... Больше, пожалуй, никто. Стали закрадываться сомнения и на их счет... Она же была уверена в том, что Роберт...

— Ну... раз никто не хочет пойти прогуляться по окрестностям... я, пожалуй, пойду. Одна. Да, лучше одна.

Шерри как-то очень неуверенно направилась к большой каменной гряде и вскоре скрылась где-то там.

Джулия все это время молча наблюдала за ней и старалась не смотреть на Роберта. Но как только Шерри ушла, она вопросительно качнула головкой в его сторону:

— Ну и где он?

— Кто?

— Не кто, а что... Сам, наверно, знаешь. Твой список! Предполагаю, большущий.

— Да какой еще список?! Нет у меня никакого списка!

— Ну как же? Список требований к людям, пожелавшим называться твоими друзьями, где подробно прописаны все допустимые для них качества и все недопустимые, все, что они должны уметь, все, что они могут делать, и все, что они делать не могут...

— Ты шутишь! Это невыносимо! Теперь и ты еще начнешь шутить, как она! Двух таких я не выдержу... Нашла время!

— Вообще-то я очень серьезно сейчас говорю. Ты сам понимаешь, что делаешь?

— Да, и прекрасно. Я сказал, как есть. Уж извини, Джу, но меня она достала!

— Чем же?

— И ты еще спрашиваешь! Она... она... безответственная! Навязчивая! Вообще какая-то чудная, не от мира сего! С ней я и сам таким скоро стану! Буду творить всякие глупости и радоваться!.. Но хуже всего знаешь что? То, что она непредсказуемая! Никогда не знаешь, что выкинет! Ведет себя не по-человечески! Ненормальная она, одним словом!

— А я себя веду по-человечески?

— Джу, ну что ты вот всегда сразу на себя...

— А ты тоже всегда-всегда себя ведешь нормально и по-человечески?

Роберт не знал, что на это сказать. Если подумать, так и впрямь, никто из них троих нормальными человеческими делами не занимался.

— Но только почему-то именно Шерри досталась привилегия получать от тебя оценки! За любой совершенный поступок! Причем ты на редкость строгий судья... Почему, интересно?

— Глупости! Я стараюсь быть объективным. Я уже несколько раз давал ей шансы! Понимаешь, дурак я, мне все кажется, что она оправдывает мое доверие, сделает хоть что-нибудь ну хотя бы раз так, как надо... а она только издевается надо мной.

— По-моему, если уж кто над тобой и издевается, так только ты сам. Зачем ты вообще строишь ожидания на ее счет? Она-то о них не подозревает! Откуда ей знать, ЧТО в твоём понимании это твоё «как надо»? Я вот, например, не знаю, «как надо»... И более того: я пока не замечала, чтобы она сделала хоть что-нибудь ужасное. Вот что такого ужасного она сделала, что ты так с ней разговаривал?

— Да все практически! Она ничего правильно сделать не может! Она без конца ошибается!

— О да, ты прав... дай-ка вспомнить, когда она последний раз ошиблась? Ах да! Дней десять назад... Посчитать желтую резиновую уточку утиным коммуникатором — это непростительно! Вспоминай ей эту ошибку теперь до глубокой старости!

— Неважно, что за ошибка! Любые ошибки непростительны!

— Если их не исправлять! И то — лишь ошибки, не люди! Людей, когда они искренне раскаиваются, надо прощать! И надо оказывать им поддержку! И помогать заглаживать вину! Вот так! Разве наш мультфильм не об этом?!.. И как же только ты смеешь продолжать что-то изобретать после, следуя твоей логике, непростительного провала с детектором внеземных объектов?

— А это... это другое... Тебе нужен еще пример? А по чьей милости мы тут сейчас торчим, а? Кто там подвергал нас опасности и накуролесил с генератором?

— А я думаю, она действительно знала, что делала. Ты же не дал ей даже возможности доделать... ну, что она там хотела...

— Ага! Чтобы мы, чего доброго, еще и взорвались...

— А надо ей доверять! А, может, она и не ошибалась в этот раз! Откуда ты так уверен?.. Но даже если это ошибка... ты не даешь ей даже права ее исправить. Вот, мы остановились — ну и выслушал бы внимательно, что она хотя бы предпринять собиралась, а там бы и решил — ошибка или нет. Ты слишком строг с ней! Надоело мне! Веду себя как дурак!

— Ну, Джу, спасибо...

— А что, не правда что ли? Откуда столько предубеждения, мне просто очень интересно!.. Я бы все-таки прочитала с преогромным любопытством тот твой список... Хотя я могу представить, что там может занимать первые строчки. Наверно... — Джулия приняла очень глубокомысленный вид, — в первых строчках у тебя записаны такие великие заслуги всяких гипотетических личностей, которые заставили бы тебя, по собственному выражению, носить их на руках... Для примера... Конечно, конечно! Роберт будет носить на руках того, кто сможет изобрести всезнавательные очки, он сам так сказал...

Роберт хмыкнул. Было как-то неловко все это слушать... А Джулия и не думала останавливаться:

— Конечно, Роберт будет носить на руках какого-нибудь инопланетянина. Ему не обязательно быть ответственным, аккуратным, дружелюбным, ему необязательно вообще уметь хоть что-нибудь делать. Ему просто надо родиться на другой планете, прилететь на Землю и встретиться с Робертом. И Роберт простит ему все, что угодно, — как же, ведь перед ним будет инопланетянин!..

Есть еще какой-нибудь пункт для ношения на руках? Пожалуй... ну конечно! Изобретатель «проявителя мечтаний». Его Роберт тоже, наверно, очень хочет увидеть. И, разумеется, Роберт разрывается от желания носить его на руках. Правда, надо спросить у Шерри, сколько ученых над ним работали... всех сразу, наверно, ты не поднимешь...

Теперь вот, пожалуй, все.

Простым смертным землянам, таким, как Шерри, никогда не светит ничего подобного. Как же! В них нет ничего особенного. Они не соответствуют требованиям. С такими нечего общаться!..

Роберт даже не знал, что на это сказать. Впрочем, Джулия никак не собиралась кончать свой монолог.

— Извини, конечно, Роберт, за резкость, но я больше уже не могу терпеть: ты осел! Ты что, не видишь? Сам у меня недавно спрашивал, зачем Эрл все усложняет. Подошел бы и познакомился, так ты говоришь... И при этом сам ничуть не хуже Эрла усложняешь себе жизнь! Он вот сидит и дожидается, сам не зная чего, а ты... думаешь, я не вижу, что Шерри тебе нравится? Да можешь что угодно мне говорить или совсем ничего не говорить — я-то вижу... С самой первой вашей встречи — я-то знаю, как ты вышибаешь из трейлера любого, кто хотя бы капельку твоих драгоценных растворов разольет, не то, что стакан... А плащ? Зачем же ты надел плащ, когда вышел нас встречать? Она тебя сразу заинтересовала!¹⁰¹.. Ты, по-моему, без конца хочешь улыбаться в ее присутствии, но только начинаешь, как тут же сам себя одергиваешь — да, Роберт! Это заметно! — и хмуришься... Как же, несолидно! Я, наверно, наблюдательнее, чем тебе казалось... И то, что тебя так разозлили ее упоминания о друге, так это потому, что тебе хочется, чтобы она так же рассказывала кому-нибудь и о тебе: ставила бы, может, в пример, вспоминала б что-нибудь хорошее, да хотя бы и просто, что угодно, лишь бы только помнила о тебе. Мне бы, по крайней мере, хотелось, чтобы она рассказала обо мне этому своему другу как-нибудь... И тебе, наверняка ведь, тоже хочется... И что же ты делаешь, а? Вот-вот-вот! Поэтому ты так и злишься — хочешь сказать одно, а говоришь все прямо противоположное...

¹⁰¹ Вот тут Джулия ошиблась, и Роберт даже порадовался.

Роберт очень не любил, когда она примеряла на себя подобные роли глубокомысленных просветленных гуру в области человеческих отношений. Все замечающих и все понимающих, да еще и советы раздающих... насмотрится вечно каких-нибудь мелодрам и начитается всяких там книг о любви, вот и начинается потом...

— Чтобы человек понравился, ему вовсе не обязательно изобретать всезнательные очки или прилетать с другой планеты. Пойми наконец! Зачем вообще пытаться объяснить симпатию логически? Зачем искать причины на все на свете? Что такого страшного будет, если ты согласишься с этим и без достаточного, в твоём понимании — уж не знаю, сколько тебе их нужно, — количества доводов. Нравится — и все. Нет тут ничего такого. Наоборот! Скучно жить по списку... Если тебе радостно с человеком — и даже без всяких видимых тебе причин — радуйся! Зачем для радости какие-то причины? Радуйся с ним, радуйся, что он есть на свете и что вы встретились! И не надо тут ничего никому объяснять.

Мне твои признания не нужны, но вот если бы ты сам себе не побоялся признаться в своих настоящих чувствах, то, наверно, перестал бы выглядеть... — она глянула на него, пытаясь подобрать нужный эпитет, — ну... ты понял... И потом ведь, если уж говорить начистоту, мне кажется, что сама Шерри...

— Эй, ребята! Я вас вижу! — это была, правда, не сама Шерри, а только ее голос, доносящийся откуда-то слева и, главное, сверху. Видеть-то видела, подумалось Роберту, но вряд ли слышала... она им кричала откуда-то относительно издалека. — Тут необыкновенно! Кажется, я нашла прекрасное место для одного из тайников в нашей истории! Сквозная пещера! — они наконец заметили Шерри, выбравшуюся откуда-то из расщелины на узкий уступ скалистого и, вообще-то говоря, весьма устрашающего на вид холма, расположенного почти напротив. Даже тот факт, что она забралась не слишком высоко, опасности не преуменьшал. Кругом были только острые выступы, а внизу — не менее острые и недружелюбные камни.

Роберт посмотрел на Джулию с таким красноречивым выражением, что слов уже действительно не требовалось.

Она все-таки сумасшедшая... и ничего больше! Почему ее мозги постоянно притягивают все самые безумные и опасные идеи, какие только можно выдумать?! Из всего множества она всегда выберет самую нелепую, самую синяко-и-шишконосную...

Вот куда она забралась?! Зачем?! Чего ей не сидится на месте?!

— Не желаете сами посмотреть? Пещера удивительная! Ой... а какой отсюда вид!.. А там что? Слушайте, я обязана проверить!

И Шерри начала осторожно перемещаться по крошечному выступу куда-то к намеченной цели.

Роберт не дал пришедшей в совершенный ужас Джулии выкрикнуть какое-нибудь решительно бесполезное в данной ситуации «Осторожно!» — оно могло только сбить Шерри с толку. Раз уж она не испытывает страха и движется достаточно уверенно, лучше ее вообще не трогать.

Шерри шла в тишине.

Каждый ее шаг заставлял их сердца замирать.

Как же долго она шла!

Наконец, она добралась до своей цели — более широкого выступа. Роберт уже успел опытным взглядом разглядеть возможный для нее путь вниз — с другой

стороны: куда как более безопасный... Обратное ее шествие по прежнему пути он бы уже не пережил.

Это вообще ужасно: самому, как дураку, стоять вот тут, внизу, и наблюдать за движением такой безрассудной и совершенно одинокой там, среди скал, Шерри.

Она же ничего подобного не ощущала. Скорее всего, даже не догадывалась, что они с Джулией сейчас испытывали. Ей нравилось стоять на своем уступе и оглядывать мир чуть свысока.

— Поднимайтесь! Тут здорово!.. Не хотите? Но путь сюда будет для вас самым лучшим приключением! Таким, какое вам так хочется! Самым приключенистым приключением! Я вам это говорю!.. Чего же вы молчите?.. Тогда, надеюсь, хотя бы не будете против, если я пока постою тут и полюбуюсь пейзажем?

Джулия с Робертом, повздыхав с облегчением секунд пять, тут же, пользуясь передышкой, дарованной им Шерри, начали кидаться друг в друга отдельными фразами.

— Что?! Что делает?!

— Ой, кошмар!

— Обалдела!

— Это она... это я ей о приключениях наговорила...

— Издевается! Точно!

— Это она нам угодить хотела... ужас!

— Где ее мозги?! С Луны свалилась?!

— А вдруг... скорее помириться хотела...

— Чего?!

— Так я ж сказала: приключения мирят, вот...

— Маленький ребенок!

Наконец, оба выкрикнули друг другу одну и ту же фразу: «Что делать с ней теперь?»

— Ты с ней говори! — сказал Роберт. — Я больше с места не сойду... А вы, кажется, друг друга прекрасно понимаете...

— А что я ей скажу? А если ей понадобится помощь при спуске?

— Не понадобится. Таким все нипочем... Раз уж она преодолела тот узкий участок, то, считай, опасность миновала... и уж наверняка после продемонстрированных чудес акробатики ей будет раз плюнуть спуститься вон по тем, видишь, напоминающим ступеньки...

Шерри опять его перебила:

— Эй! Послушайте! Я тут такое обнаружила! Я все думала — откуда рокот?.. Вот за этими камнями, там, кажется, вода! По-моему, тут обвал произошел... Может, это та самая пересохшая речушка?

Шерри попыталась приложить ухо к щелочке между валуном и более мелкими камешками и уперлась в них руками.

И тут один из камешков... провалился.

На Шерри брызнул крошечный фонтанчик, но так неожиданно и так внезапно, что и этого хватило: она не была готова, растерялась и неуверенно шагнула назад, зашатавшись на самом краю своего, теперь уже совсем не казавшегося безопасным, уступа...

— Ай! Роберт! — Шерри пыталась хоть как-нибудь отбиться от фонтанчика, продолжавшего упорно бить ей в лицо. Судорожность, появившаяся в движениях, совсем ей не помогала.

— Держись! Я уже!.. Поднимаюсь! — Роберт неся к злополучной скале со всех ног. Нет, она была совсем недалеко от того места, где он стоял до этого. Метров сорок всего или примерно так. Но каких долгих! Как он жалел, что столько времени простоял без дела! — Сосредоточься главное! Давай, нагнись, чтобы он...

Не успел!

Вскрикнув, Шерри полетела вниз.

Летела она недолго. Чем ближе к подножию, тем холм становился шире, и ей повезло ухватиться за один из кустов руками. Но выдержит ли он?

Шерри повисла и, прерывисто вздыхая, все так же судорожно принялась искать ногами точку опоры. Висеть там было ужасно!

Она уже собиралась поставить ноги на единственный выступающий камень где-то слева и отпустить наконец куст, но стоило ей попробовать вытянуть ногу, как стало вдруг нестерпимо больно. Только сейчас она поняла, что умудрилась ее разбить... Когда? Пока летела или когда уже схватилась за куст?! Она и не почувствовала сначала... но теперь... как больно!

Камень, лишь слегка задетый ею, скатился вниз, и оставалось только порадоваться, что она не смогла и не успела встать на него полностью.

Но внизу уже стоял Роберт.

— Молодец! Правильно! Расчистила себе дорогу! Там больше ничего не помешает, поверь, и место как раз без всяких лишних выступов... отпуская свой куст!

Шерри медлила.

— Да ты что, не видишь, ты уже почти на земле! Давай, я тебя ловлю!.. Говорю: отпуская! Времени совсем мало! Ну что ты прав...

Шерри оказалась у него в руках.

Она выглядела совершенно очумелой.

А еще какой-то по-детски беспомощной и очень хрупкой. Она вообще оказалась легче, чем он ожидал.

— Как нога? — обеспокоенно спросил Роберт.

Она пробормотала что-то невнятное.

Наверно, шок.

Было совершенно непонятно, с чего это вдруг она с ужасом принялась ощупывать шею. С шеей-то у нее все было в порядке.

Роберт уже нес ее подальше от злополучной скалы. Одного взгляда на ее ногу было достаточно, чтобы понять: сама она дойти будет не в состоянии...

А она вдруг, закончив щупанье шеи, занявшее у нее несколько секунд, принялась вырывать и всячески ему мешать. Все с тем же безумием во взгляде и паническим беспокойством.

— Ты что вытворяешь?! Что ты только вытворяешь?! В своем уме?!

Она не слушала. Кажется, она была в отчаянии. Временами у нее даже вырывались какие-то отдельные слова... вперемешку с чем-то решительно непонятным...

— Да позади уже эта скала! Все, кончилось!.. Будешь мешать — нам всем не поздоровится! Времени совсем мало! Да эта вода может рвануть в любую минуту, и уж

тогда считай... — она продолжала вырываться. — Вот так бы и бросил тебя тут! — в сердцах воскликнул Роберт.

— Пожалуйста!.. Купон!.. Остался!.. Надо... купон! — Шерри совершенно потеряла способность к связной речи. Казалось, каждое английское слово давалось ей с феноменальной трудностью.

— Какой купон, черт подери?! — Роберт еще раз взглянул на ее шею и наконец понял. Вот оно что! — Да, этот твой кулон остался там — ну и что теперь?! Жить без него нельзя? Ты вообще понимаешь, что я тебе сейчас говорю?! Вода! Мы все можем погибнуть! А ты думаешь о кулонах!

— Шанс!.. Дай!.. Достань!.. Трейлер!.. Я пока... мы успеем!.. Пожалуйста!.. Важно!..

— Да на что он тебе сдался?! Нам бы самим уцелеть! Я даже трейлер оставляю — все, что там есть, со всеми рисунками Джулии... а ты все о каком-то кулоне! Ненормальная!

— Починю!.. Трейлер!.. Сможет!.. Он смог переехать... русло!.. Если... полминуты ты даешь... а сам пока кулон возьми... если успеешь ты... пробуй успей!

— Я не понимаю, чего ты хочешь?! Дать тебе сейчас доделать с трейлером то, что ты там собиралась?!

Шерри закивала головой как в агонии — очень быстро.

— И он двинется? И хватит мощности переехать русло? Ты правда знаешь, что делать? Ты успеешь?

Шерри продолжала кивать головой.

— А если нет?! Это слишком опасно! Мы уже у самого русла — переберемся сами — и все.

— Нет! Нет! Нет! Я знаю!.. Шанс!.. Один! Только один!.. Мне шанс! — Шерри молитвенно сложила руки. В данный момент она являлась живым воплощением надежды.

— Нельзя! Вот тут ошибки не прощаются!

Шерри вдруг вся обмякла и, уже не заботясь ни о чем, пробормотала обреченно что-то на своем, очень странно звучащем, сербском диалекте. Роберту казалось, он даже понял, хотя, разумеется, это было невозможно. Но времени подумать о возможности и невозможности у него не было, так что он лишь ясно ощутил безысходность ее слов: «Все пропало».

Он резко остановился и развернулся к трейлеру, мимо которого уже успел пробежать. Шерри была почти невесомой¹⁰² и на самом деле нести ее было просто — никакой усталости за все это время он не почувствовал.

— Джу, быстро, в машину! Я завожу мотор, Шерри разбирается с генератором! Давайте!

Вскоре Роберт усадил Шерри у ее проводков, повернул ключ зажигания и выскочил обратно.

— Эй, куда?! — только и успела крикнуть Джулия.

«Куда-куда? — думал Роберт, обыскивая подножие скалы. — На верную гибель! Безумный болван, что я делаю?! Ищу какой-то дурацкий бесполезный бессмысленный кулон и рискую жизнями — ради него!»

¹⁰² Или так ему казалось.

Сверху било уже несколько фонтанчиков. Воде все еще оставалось снести основное — несколько крупных валунов, которые, судя по всему, пока стояли довольно крепко, но так ведь всегда только кажется: еще один фонтанчик, еще одна крошечная пробоина — и все. Наступит конец.

Роберт уже думал уходить — все-таки остатки здравого смысла в нем имелись — но тут, наконец, заметил то, что хотел. Кулон с оборванной цепочкой — за обычным мелким кустом.

Никогда в жизни еще Роберт так не радовался — чему? Какой-то глупой безделушке!

«Все-таки с ней я стал идиотом, как ни старался уберечься!» — всю голову заполняла лишь одна эта мысль, пока он с бешеной скоростью неслился назад.

Кулон и впрямь оказался удивительным. Немного теплым, абсолютно невесомым, временами вибрирующим... Как живой. Почему-то держать его в руках было очень приятно и, действительно, отпускать больше не хотелось.

Как ураган Роберт ворвался в машину.

— Закончила?

— Да!

Только бы...

Трейлер резко сдвинулся с места¹⁰³ и, оставив большое облако пыли, направился к руслу.

Только б оно оказалось ему по силам! Только б он смог подняться со «дна»! Только б ему хватило мощности!

Смог!

Позади послышался грозный рокот воды. Но они были уже за руслом — за этим спасительным рвом!

— Уф! — облегченно выдохнул Роберт.

Слава Богу! Она смогла! Смогла! Сдержала слово!

Трейлер проехал еще немного и остановился неподалеку. Теперь можно было, если имелось желание, издали посмотреть, как русло заполнялось водой. Зрелище весьма необычное.

Но он остановился не для этого. Быстро достав аптечку, Роберт вернулся в лабораторию, где его встретили две пары глаз: голубые — очень испуганные и недоуменные, и зеленые — благодарные и, тем не менее, напряженно выжидающие.

Ах да! Кулон...

— Вот! Держи! — сказал Роберт, хотя приглашения не требовалось. Шерри с величайшей радостью протянула руки к своему мини-Сатурну и тут же очень нежно прижала шарик к груди, будто это было величайшее сокровище во Вселенной... пожалуй, ни разу в жизни Роберт не ощущал такой горячей радости, исходившей от человека. Его всего обдало жаром — кажется, радость ее была всеобъемлющей и пропитала и его целиком.

Как хорошо, что он все-таки достал этот кулон! В противном случае как бы только он смог сказать ей...

¹⁰³ Пожалуй, он смог набрать скорость даже скорее, чем обычно.

Дар речи к ней так и не вернулся. Казалось, она силилась сказать что-то, но, очевидно, из-за пережитых волнений, слова застревали в горле, а, может, даже не находились...

Радость Роберта сменило беспокойство.

— Смотри, я принес аптечку... Как твоя нога?

Шерри до сих пор еще не пришла в себя и лишь удивленно взирала на аптечку.

— Сейчас окажу тебе первую помощь и поедем в ближайшую больницу... Или ты сама сможешь перевязать, чтобы времени зря не терять?.. Да вряд ли ты сможешь... Давай же, просыпайся! Покажи мне свою ногу!

Шерри наконец начала приходить в себя:

— В больницу? Я не хочу в больницу...

— Не понимаю я! Тебе что, не больно совсем?! Я же сам видел, пока тебя нес, — плохи дела с твоей ногой! А сейчас ты сидишь так спокойно и говоришь мне как ни в чем не бывало: «Я не хочу в больницу!». Ничего не понимаю! Покажи мне свою ногу, я тебя очень прошу!

Шерри растерянно выслушала этот монолог и, кажется, поняла только то, что Роберт чем-то недоволен. Она все еще была потрясена всем, что произошло, и утопала в вихре отзвуков¹⁰⁴ от пережитых совсем недавно ощущений: отчаяния, ужаса и, наконец, сменивших их радости, вновь обретенной надежды и благодарности. Все эти разные чувства сейчас смешались в ней, и она никак не могла прийти в себя.

— Роберт! — вступила Джулия. — Понимаешь, пока ты вел машину, Шерри попросила меня подать ей ее чемоданчик... и странно как-то просила, все слова перезабывала, бедняжка!.. достала какую-то странную штуку оттуда, вроде той, что водят на узи, приложила к ноге — вот все, что я видела... по-моему, она ей здорово помогла!

— Что еще за штуку?

— Ты лучше сам у нее потом спроси. Только не сейчас... по-моему, она пока еще... не в себе несколько. Мне кажется, она нас сейчас даже не слышит... что тут лучше сделать?

— Для начала все-таки посмотреть на ее ногу!.. Как она вообще смогла так сесть? Я ничего не понимаю! Я же сам видел!..

Кое-как им удалось уговорить Шерри вытянуть свою ногу.

— Ну это просто невероятно! — вырвалось у Роберта. Он был сбит с толку увиденным, но уже предчувствовал пробивавшуюся за этим открытием радость. — Если только я там надраматизировал... у нее все гораздо лучше, чем я ожидал... по признакам ушиб... если ей не больно — а, вон, не похоже совсем — тут и перевязка никакая не нужна! Но все равно лучше направиться в больницу. Пусть уж там точно скажут...

Роберт еще раз посмотрел на Шерри.

— Джу, слушай, ты с ней посиди тогда. Надо дать ей прийти в себя, ей сейчас требуется покой, так что...

— Роберт, не продолжай! И так понятно! Ты лучше вези нас быстрее!

Угроздило же их заехать в такую глушь!

¹⁰⁴ Но все равно очень сильных.

Шеррина модификация двигателя работала — уровень бензина, который до этого был на самой низкой отметке, практически перестал опускаться, и трейлер мог ехать на достаточно высокой скорости.

Роберт об этом сейчас не думал. Он очень нервничал.

Почему так долго, почему же так долго еще ехать до больницы? Что там с Шерри?

Он даже не мог сказать, сколько времени потребовалось, чтобы выехать на шоссе. Но вот они уже на большой дороге. Оставалось уже немного!

Тут как раз выглянула Джулия:

— Она уже приходит в себя. И решительно отказывается от больницы. Утверждает, что все уже почти в порядке. Я так поняла, та штука... ну, странная, о которой я тебе говорила... она как раз для таких случаев. По-моему даже, она ее вылечила...

— Быть такого не может!

— Но я сама видела — после нее ей сразу полегчало.

— Если она уже в состоянии поддерживать разговор и ей не тяжело, ты спроси, что же это такое было.

Джулия скрылась.

У Роберта отлегло от сердца. Начала приходить в себя!

— Она мне говорит, это тоже в лаборатории ее отца изобрели. Сегодня еще хромоть будет, а дня через два вернется полностью в нормальное состояние...

«Что бы это только могло быть?! Это же произведет настоящую революцию в медицине! Как только можно ТАКОЕ держать в секрете? Может, пока еще тесты проводят?» — спросил сам себя Роберт. Джулия все равно не ответит, а Шерри ему пока не хотелось беспокоить. Пусть отдыхает.

— Ну узнай у нее, точно она отказывается от больницы? Точно она уверена в этой своей «штуке», как ты говоришь?

Джулия опять скрылась, но ненадолго:

— Она говорит, точно, уверена как никогда.

— Ну хорошо. Тогда сейчас остановимся в какой-нибудь местной гостинице, отдохнем.

Вскоре он уже помогал хромающей Шерри, упорно желавшей шагать самой, подняться на несколько ступенек, расположенных у крыльца ближайшего дорожного мотеля.

— Ты как? Хочешь, чтобы я, или Джулия, или мы вдвоем посидели тут с тобой рядом? — спросил он, когда она уже лежала на кровати в своем номере. — Или хочешь пока побыть одна?

— Лучше... одна. Попробую поспать. Если вы не против...

— Шерри, о чем речь! Конечно, поспи — это будет лучше всего! Вот, кстати, не забывай про фрукты! И если что-то тебе понадобится, ты...

Шерри кивнула:

— Да, я знаю... спасибо вам! — казалось, она вот-вот расплачется.

Она отвернулась к стене. Наверно, ей не хотелось, чтобы они видели ее слезы.

Роберт осторожно прикрыл дверь.

— Это нервное, — сказал он Джулии, — представляешь? Висеть там!..

Помолчал немного.

— У тебя тоже не самый лучший вид. Отдохни! Нам всем сейчас не помешает! Джулия спорить не стала.

Вечером Роберт заглянул к Шерри. Проведать.

Она лежала с открытыми глазами и смотрела задумчиво куда-то в окно. Выглядела еще немного болезненно и бледно, но на щеки уже стал возвращаться обычный для них румянец.

Заметив Роберта, она вздрогнула.

— Я тебя не напугал?

— Н-нет... конечно нет! Почему же ты должен меня напугать? — Шерри силилась улыбнуться, но у нее не получалось. Она перестала пытаться и молча смотрела на него какое-то время. Ощущение было таким, будто она хочет что-то ему сказать и не может.

Кажется, ей очень тяжело было начать. Она несколько раз глубоко вздыхала, как перед важной речью, но затем закрывала рот, не решаясь в последний момент.

— Я лучше пойду, — неуверенно сказал Роберт. Кажется, его присутствие доставляло ей в данный момент мучения.

— Нет, лучше... останься лучше!..

Они помолчали еще немного.

— Извини, что я тебя не поблагодарила как следует... представляю, наверно, что ты чувствовал, когда там... вся эта вода вот-вот должна была... и...

— Ну что ты! Да у меня еще полно времени было в запасе!

— Нет, — серьезно сказала Шерри. — Не было... и все из-за меня.

Она взглянула на него... Роберту показалось, она ждала, что он начнет ее ругать или порицать... ничего этого он не хотел.

— Не надо себя винить. Из-за тебя в такой же степени, как и из-за меня.

— Я все это время не спала. Все думала: и что я, правда, полезла туда? Зачем? Как я могла не замечать, как это опасно?.. Я... я испытала сегодня отчаяние... Такого у меня уже очень давно не случилось... было несколько раз в прошлом, но я как-то справлялась... а сегодня... я уже ни о чем не думала — вот лезла туда только чтобы...

— Чтобы угодить нам? Неужели правда?

Шерри помолчала.

— Ты... я... сегодня первый раз задумалась об этом: что нужно сделать, чтобы стать друзьями. Ну... почему мы не можем быть друзьями?.. Я подумала: если ты не хочешь дружить со мной, наверно, я что-то делаю не так... может, дружбу надо заслужить?.. наверно, надо сделать что-нибудь специально — для друзей... то, что вам с Джулией понравилось бы... И почему только я решила, что эти скалы — это то приключение, которое вам понравится?.. не знаю. Я ошиблась.

— Знаешь, я тоже сегодня кое-что понял. Чтобы стать друзьями, не нужно ничего специально делать.

— А как нужно делать? Как мне сделать, Роберт?

— Никак не нужно. Ничего не нужно. Само собой. Само собой получается как-то. В зависимости от личных качеств людей, от их мировоззрения, темперамента, сам точно не знаю... Или получается подружиться, или не получается. И, если пытаться подстроиться под предполагаемые желания тех, с кем хочешь дружить, то... ну, ты

видела, что получилось сегодня? Мы же не этого совсем желали... ты все равно сделала все по-своему старому доброму чудастому обычаю, хотя и думала, что делаешь так, как мы хотим...

— Ну да... сама я вряд ли б надумала туда лезть... мне бы и вида снизу, наверно, хватило... — лицо ее помрачнело. — Ну и как же, Роберт, тогда быть?

— Что, как быть?

— Как нам тогда дружить?.. Если я ничего не могу сделать, чтобы подружиться... а без этого... само собой, как ты говоришь, у нас, кажется, не получилось... тогда, выходит, уже все, не получится никак?

— Я же говорю: не делай больше ничего. Главное — оставайся такой, какая есть.

— Но ты сам сказал сегодня... у меня нет тех качеств, которые...

— Мало ли... это я... не подумал... это неправда! Откуда я знаю, какие качества должны быть! Это я напредставлял в свое время, что мне нужно, а пришла ты — и, оказалось, нравится-то мне совсем другое!.. Знаешь, ты и такая — очень даже ничего! Я хочу сказать... до тех самых пор, пока ты не решила нам угодить и не превратилась в безрассудного искателя шишек... ты была очень ничего! Ты просто не думай, как нам понравиться! Джулия вообще не хочет в тебе ничего менять, уверен, и я теперь... — он запнулся. — И даже если бы сегодня ничего этого не было, все равно, подстраиваться не надо. Это же фальшь! Это уже не ты будешь, а... не знаю кто... Ты правильно делала раньше: была собой, и, кстати, несколько раз смогла поразить меня своей... кхм... оригинальностью... Нет, конечно, у тебя есть заскоки, не подумай, но у кого нет... зато... не знаю, таких, как ты, раньше не встречал! Только я почему-то сразу этого не понял и сам же направил тебя не в ту сторону — в сторону заблуждений... Мне почему-то хотелось подстроить тебя под себя... Я таким дураком был! Знаешь, я раньше просто говорил как попугай, а сегодня осознал во всей мере, как важно ценить людей за те качества, какие у них есть, а не за те, какими они могли бы обладать по нашим мечтам и ожиданиям... А вдруг те, что у них есть сейчас, окажутся даже лучше? А ты этого даже не заметишь и будешь себе бубнить: «Не то, как надо» и «Не так, как надо»... Да, я ценю людей, которые не боятся идти по своему пути и в общении с другими не стесняются быть самими собой... а ты как раз такая... и... и... и, пожалуй, я больше порадуюсь, если ты будешь называть меня другом, чем Бобом...

Шерри искренне улыбнулась. В этот раз улыбка не потребовала от нее никаких усилий и появилась сама собой — улыбаться временами бывает совсем легко!

Он вдруг понял, что уже соскучился по такой Шерриной улыбке. Она не улыбалась всего полдня, а он уже соскучился. Шерри без улыбки — это то же, что ночное небо без звезд.

Роберт тоже улыбнулся.

Они еще посидели какое-то время. Со стороны, наверно, глупо выглядело: сидели и улыбались.

— А Джулия где? — спросила вдруг Шерри. — Все-таки пусть сегодняшнее пройдет не напрасно! Пещера там и правда была чудесная! Давай позвем ее! Я хочу ей рассказать! Самое оно для нашего мультфильма!



Слово автора. Уже второе

Дорогие читатели, как вы относитесь к внезапным появлениям подобных «слов автора» посреди произведений? Признаюсь, пока мне не удалось вспомнить ни одной книги, где случилось бы подобное, но смею предположить, что, наверно, испугалась бы. И тем не менее... В этой книге такое слово есть.

Автор приносит извинения за свое внезапное вторжение, но считает его необходимым. Хотя, если вы придерживаетесь иного мнения, это тоже не страшно.

Откровенно говоря, этого обращения действительно могло бы не быть, и, возможно, ничего бы и не изменилось. Шерри, Роберт и Джулия спокойно продолжали бы свое необыкновенное путешествие по планете...

Настолько необыкновенное, что передо мной встала непростая задача: как же его лучше всего описать?

Можно было бы просто предоставить вам замечательный отчет, где говорилось бы, что на такое-то число они успели уже посетить столько-то стран, проехать столько-то километров, совершить столько-то перелетов, поговорить с таким-то количеством людей, собрать столько-то сувениров¹⁰⁵, попробовать столько-то национальных блюд, увидеть столько-то цветов на стольких-то полях... и все в таком духе.

¹⁰⁵ Тогда уж можно было бы вставить заодно подпункт, где говорилось бы, сколько из них Джулия успела случайно разбить.

Пожалуй, если вы, как и Элрой, любите цифры и считаете их лучшим рассказчиком, ничего кроме этого отчета больше и не понадобилось бы.

А если нет?

Я подумала-подумала еще, и решила, что неплохо было бы показать тогда отрывки из дневника Джулии. Например, вот такой:

«И вот мы в прекрасном Париже! Городе любви, городе художников! Утром побывали на Монмартре! Мне выпало счастье наблюдать за работой нескольких пейзажистов, настоящих Мастеров! Да, Мастеров с большой буквы! Как ловко они орудовали кисточками, с какой любовью закрепляли холсты на мольбертах, как вдохновенно смешивали цвета!.. Я бы мечтала научиться так рисовать когда-нибудь!

А какой оттуда вид! Какой невероятно живописный, сказочный вид! Все эти дома, напоминающие величественные корабли, все эти крыши с трубами и крошечными дымоходами, эти зеленые деревца, эти окошки и балкончики с резными решеточками!.. Можно попробовать найти среди моря крыш Собор Парижской Богоматери, Большой Дворец, Дом Инвалидов с гробницей Наполеона...

Поистине, Париж — это совершенно иной мир, он весь дышит веселостью! Как тут хорошо!

А я отказывалась вставлять его в действие! Слишком банально, видите ли! Но теперь, когда я сама тут побывала...

Думаю, они все-таки посетят Париж. В таком великолепном городе просто обязан быть один из тайников! Интересно, куда бы Эрл с Бибом отправились в первую очередь? И где же его разместить... на полях перед Эйфелевой башней?.. Это слишком явно, слишком знаменитый пейзаж... может быть, на площади перед Собором Парижской Богоматери? Или в Латинском квартале, где много студентов? Пожалуй, последний вариант нравится мне больше всего. Завтра с утра обязательно узнаю мнение Роберта и Шерри! Если им понравится, можно будет пойти туда и обследовать находящиеся там здания — на предмет мест, где может быть тайник... думаю, будет интересно!

Сегодня, кстати, я сделала еще одну важную работу: нарисовала раскадровку к сцене первой встречи Биба и Эрла. А когда я вчера представляла ребятам несколько шуток, которые подошли бы к середине истории,— к той части, где Эрл зазнается, — они одобрили все! Почти все... кроме одной... Ну да, я тоже подумала и решила, что без нее только лучше будет. Как хорошо, когда есть с кем посоветоваться!

Роберт, кстати, сочинил совершенно очаровательную первую песню!

А Шерри говорит, мне очень важно сейчас прислушиваться к голосам людей и выбрать какой-нибудь один, который Эрлу особенно подойдет. С этим, вроде бы, проблем нет. Мне нравится голос одного диктора в новостях искусства, опять забыла его имя, потом напишу. Проблемы с тем, чтобы представить, как Эрл этим голосом разговаривает! Визуально представлять в сто раз проще!.. Хотя Шерри все-таки меня успокоила: если что, можно будет сделать сначала немой мультфильм, а потом уже озвучить его с реальными актерами... вдруг так и получится? Вообще это странно, ведь обычно всегда появляется сначала озвучка, а потом уже под нее рисуется... но надеюсь, я справлюсь и представлю все-таки сразу с голосами...

Записалась я сегодня.

Уже полночь, а мне совсем не хочется спать. Кажется, я счастлива!»

Да, я могла бы ограничиться дневником Джулии, где так ярко и восторженно¹⁰⁶ переданы все ее впечатления и, кроме того, присутствует множество размышлений, касающихся ее истории, потому что она о ней никогда не забывает.

Но вдруг вам все это покажется слишком личным, субъективным, романтическим и неконкретным? Вы, возможно, все уже знаете и о Монмартре и о том, какой оттуда вид. А если не знаете, то можете без проблем купить путеводитель с фотографиями и узнать оттуда гораздо больше, чем вам расскажет Джулия. Если же оставлять одни ее мысли о мультфильме... вряд ли вам будет интересно их читать, пока вы не увидите сам мультфильм.

Я подумала еще раз. И решила обратиться к Роберту. Его записи организованнее и конкретнее.

«День 125-й. Кения. Все в соответствии с составленным планом, никаких отклонений, все довольны.

Сегодня показал Шерри с Джулией озеро Накуру. Готов поспорить, им понравилось! Ну а как же иначе, я знал! Поразительное количество фламинго, причем в естественной среде обитания.

Кроме того, измерил температуру на нескольких уровнях в гейзерах, расположенных неподалеку. Взял пробу воды из озера, хотим с Шерри изучить подробнее ее состав и лучше обдумать, можно ли использовать такую воду в каких-либо научных целях — разумеется, в небольшом количестве. Подобное видится вполне возможным, просто этому никто еще не успел уделить достаточно внимания. Шерри недавно продемонстрировала мне несколько весьма занимательных, хоть и простых, реакций, казалось бы, давно известных. Она нашла им новое применение — и сейчас они весьма успешно работают на некоторые ее изобретения. Как только раньше никто об этом не думал?

Подробнее об этих экспериментах и изобретениях см. рабочую тетрадь №4, стр.58.

О результатах экспериментов с водой будет там же, предполагаю, на стр.63.»

Но и этот отрывок меня не устроил! Он, пожалуй, слишком сухой, и тут ничего не упомянуто о приключениях¹⁰⁷ с фламинго, которые они в тот день пережили по вине Шерри.

Что же делать?

«Обратиться к Шерри!» — подумала я.

Уж она-то вам все о приключениях расскажет!

Да-да, никаких дневников она не вела, но это лишь потому, что они были ей ни к чему — все ее впечатления очень органически сливались с ее душой и становились ее частью. Они не могли так просто вылететь оттуда. Хорошее, волнительное, интересное — все это она никогда не забывала!

— Во время путешествия я столько нового для себя открыла! Ух! Во власти скольких стереотипов я находилась! Для меня, например, настоящим открытием стало то, что в Москве почти только туристы и носят шапки-ушанки... И там нет медведей... Откуда только все эти стереотипы появляются? А вот про метро правду говорили, у них оно ужасно красивое... только там очень много людей, и они все время суетятся

¹⁰⁶ И куда как менее скомкано, чем в ее разговорной речи.

¹⁰⁷ К счастью, безобидных.

вокруг, так, что сами ничего не видят и нам не очень давали... А еще жаль, мы не успели в Голландию весной, когда там расцветают тюльпаны. А в Швейцарии такие пахучие горные травы!.. Кстати, вы видели, какой крутой кратер оставил метеор, упавший в Северной Австралии? Роберт говорит, около 135 миллионов лет назад. Подумать, как давно! А кратер там до сих пор!.. Да, знаете, такое местечко, которое некоторые связывают с инопланетянами, — Стоунхендж называется? А до этого мы еще и Розвелл проезжали... но даже странно, почему Роберт столько говорит о зоне 51. Мне больше понравилось в Альбукерке, ну да, наверно, мне не понять... А джунгли оказались вполне дружелюбными, по крайней мере для нас. Думаю, это потому что Роберт выбрал их безопасные части... А африканская саванна такая большая! И еще... мы даже плыли по Амазонке! Представляете, пираньи не такие рыжие, как их изображают! А я-то ожидала!.. Но, знаете, они от этого менее кусачими не становятся! Хорошо, что у Роберта все под контролем! Есть места опасные, а есть очень дружелюбные. Например, Гавайи. Я там научилась танцевать хулу! А в Перу ужасно милые ламы! Мы их гладили! И вот еще что! В Японии у большинства волосы черные, а вовсе не розовые или зеленые, как они рисуют! А граф Дракула, оказывается, может, вовсе и не был вампиром! И я даже могу рассказать, как, выступила проводником по Трансильвании! Роберт сам уступил мне на время свои обязанности — видите? Он в меня верит!.. Я нашла не сразу, зато в процессе наших блужданий мы вышли на какое-то редкостной красоты место, так что Джулия его тут же зарисовала в свой блокнотик! Здорово, даже Роберт о нем раньше не знал! Кстати, он меня недавно все-таки угостил «Вишневой сладью» — ведь эта сеть распространена по всему миру! Мы тогда были в Праге... Кажется, я начинаю понимать, что имелось в виду под «таять от удовольствия»... Каждое место, которое мы посещаем, заставляет меня испытывать нечто подобное! Как же тут не начать таять! Все такое яркое! Необычное! Разнообразное! И люди везде тоже очень разные! Но очень приветливые! Большинство, как говорит Роберт, а мне кажется, что все без исключения.

Но она скажет все это слишком восторженно, так что на бумаге покажется лишь бессвязным потоком мыслей. А если вы любитель логично выстроенных рассказов?

Так что автор подумал-подумал снова, на сей раз очень основательно, и понял, что всем читателям сразу никак не сможет угодить. Одним нравится одно, другим — другое. И коли уж имеется четыре точки зрения на это путешествие, нечестно будет выбирать одну и навязывать ее всем.

Пожалуй, вы могли бы сами выбрать, какой из стилей вам ближе всего... Подождать выхода в свет записок Джулии или избранных работ Роберта, если только у них появится желание когда-нибудь их опубликовать... или попробовать понадеяться на счастливый случай — и неожиданно встретиться с Шерри. Правда, вам еще придется суметь разглядеть ее среди прохожих, к которым вы раньше, возможно, и не думали приглядываться... а, может, вы сподвигнетесь на изобретение какого-нибудь межпланетного факса, чтобы связаться с Шерриной планетой и попросить Элроя прислать отчет?

Не буду запрещать вам все это. Но, со своей стороны, предложу вам, пока ничего из написанного выше еще не успело произойти, самим попробовать это путешествие представить. Почему бы и нет? Вы ведь земные люди, вы умеете! Не забывайте об этом!

Наверняка, вам понравится!



— Вот так я и разобрался со взбесившимся кабаном. По-моему, весьма справедливо и поделом, — закончил очередной свой рассказ Роберт. За эти месяцы у него вошло в привычку рассказывать по вечерам Шерри с Джулией всякие занятные истории и случаи, произошедшие с ним или его коллегами во время экспедиций.

Костер мирно потрескивал перед ними, не скупясь на согревающее тепло для всех. Приятно, знаете ли, в конце октября. Даже если этот октябрь вы встречаете на холмах Голливуда.

Можете не верить, но даже тут начинало чувствоваться дыхание осени. Хотя, конечно, не так явно, как, например, в Нью-Йорке.

Рыжий костер, темные длинные тени, расходящиеся во все стороны, фиолетовое небо, желтые звезды...

— Никогда бы не подумала, что такое возможно! — воскликнула Джулия. После его сегодняшнего рассказа ей стало немного неуютно... она даже оглянулась несколько раз по сторонам, будто хотела удостовериться, что никаких инопланетян в округе не имеется.

— Но потом все это не оправдалось, — успокоил Роберт. — Нет, Тунгусский метеорит и инопланетяне, по моему скромному мнению, ничего общего не имеют. По крайней мере, сам я ничего подходящего там не засек. Кроме какого-то случайно подвернувшегося кабана.

Их путешествие подходило к концу.

Подумать только! Шерри, а за ней и Роберт прилетели в Нью-Йорк в юный зеленый май, и все знойное лето и золотую осень они провели разъезжая по странам и континентам. Все время казалось, что путешествие это только-только началось, что все еще впереди! А окончание наступило так быстро, они и подготовиться не успели!..

Становилось даже грустно. Все когда-нибудь кончается.

Но стоило лишь начать вспоминать о том, что они пережили, ощутили, увидели и сделали, как им уже казалось, будто все это они совершили не за несколько месяцев, а за несколько лет, а то и десяток...

Джулия практически закончила свой мультфильм. Сценарий был готов, раскадровки нарисованы, песни написаны. Она уверяла Шерри, что в буквальном смысле видит историю от начала и до конца¹⁰⁸, что приводило Шерри в неописуемый восторг.

— Это просто замечательно! — улыбалась она. — Совсем скоро его увидят и другие! Еще чуть-чуть осталось потерпеть!

Не так давно — в конце сентября — они отпраздновали День Рождения Джулии. Вот тогда-то Шерри и преподнесла ей лучший из подарков — небольшую сценку из ее собственного мультфильма.

Да-да, вы правильно поняли! На пленке! Самой обычной пленке — самом обычном носителе на Земле.

Этот отрывок ничем не отличался от тех, какие обычно создает штат художников — с кисточками и карандашами. Только появился он, как казалось, просто так — без всей этой работы. Из головы одного человека.

Первые несколько часов после демонстрации Джулия с Робертом пребывали в полнейшем недоумении.

— Но вы же знали! — удивлялась Шерри. — Я же с самого начала сказала вам: у меня есть проявитель мечтаний! Неужели вы за все лето подготовиться не успели?

— Да нет же, нет, Шерри! Я готова была! Но одно дело — понимать и ожидать, а совсем другое — действительно увидеть!.. Я же только нарисовала раскадровки, следуя сценарию, — всего-то! А тут все в цвете! Чудеса! Нет, правда! Шерри! Ты только взгляни, какой тайминг! А как плавно они движутся! Обычно в голове всегда все выглядит лучше, чем в жизни, а тут и правда все в точности, как я мечтала! Это идеальное исполнение! Я в восторге! И знаешь, что главное? Они как живые! Такое бывает? Это не просто технический перенос — ты будто чувства мои на пленку перенесла! Невероятно! Шерри, ты и весь твой научно-исследовательский центр — вы все просто гении! Как они... как вы так смогли? Из ничего буквально — создать такое?! Я поражена!

Шерри тогда покрылась румянцем:

— Ну что ты, Джулия, говоришь? Ничего удивительного в этом нет. Не забывай, все это у нас уже было, когда мы обсуждали историю, особенно у тебя — в голове. Я лишь перенесла. Для меня гораздо большей тайной — да что там? — чудом остается именно то, как ТЫ смогла представить все это! Вот чему надо удивляться! Этот отрывочек появился из твоих представлений, а откуда появились они? Вот уж действительно загадка!

— Ах Шерри, я так давно привыкла мечтать... — улыбнулась Джулия. — Для меня это уже естественно и получается всегда само собой. Я никогда не задумываюсь, как именно... а зачем?.. Это как... привычка! Действительно! Есть у меня такая привычка.

Джулия выглядела довольной. Очень уж ей понравилось, как прозвучала последняя фраза.

Этот отрывочек они отправили на отборочный тур одного из анимационных конкурсов. Для участия требовалось обязательно приложить, помимо раскадровок, сценария и краткого представления мультфильма, еще и пример анимации.

¹⁰⁸ Почти... оставалась еще совсем крохотная, самая последняя сцена, и Джулия никак не могла решить, какой же ее сделать...

Джулия возлагала на конкурс большие надежды:

— Понимаете, это особенный конкурс — специально для дебютных работ! Пока они разрешили представить им лишь отрывок, а не весь мультфильм — и отбирать финалистов будут именно по нему. Поэтому надо, чтобы он им понравился! Это крайне важно! Если наш отрывок пройдет отборочный тур, он попадет на специальный показ. В зале будут присутствовать продюсеры, спонсоры, дистрибьюторы, может быть, журналисты... одним словом, очень важные люди. И будет здорово, если им понравится... ведь мало создать мультфильм, надо, чтобы остальные его увидели! На большом экране или хотя бы в магазине. Вряд ли многие станут, как я, посещать архивы... большинство даже права доступа к ним не имеют! Кто вообще о них слышал?... Я постоянно бываю в нашем от колледжа и знаю, что говорю! Столько чудесных работ находится! Дико жаль, что они так и остаются почти никому не известными!.. И с нашим мультфильмом будет так же, если я просто сдам готовую работу в какой-нибудь фонд... Но я так не сделаю. Сначала мы поборемся. В чем вообще смысл создавать мультфильм, если поделиться им не с кем?... А сможем ли мы поделиться — зависит от тех людей на показе. Так что все это очень важно.

Джулию с тех пор стали одолевать сомнения, которыми она делилась с Шерри и Робертом:

— Понимаете, пока мы все это придумывали, мы же совсем не думали о вкусах окружающих... Мне иногда вспоминается мой провал... в тот день, когда я познакомилась с Шерри... а вдруг им тоже не понравится? Нет, мне-то, конечно, нравится безумно, и я всегда делала только так, как нравилось мне, но вот поэтому я и думаю — а как же в случае с ними? А вдруг они не поймут? Что тогда делать? Какая она — наша аудитория?

— Джу, — успокаивал ее каждый раз Роберт, — не трать нервы понапрасну. Ты все сделала правильно! Главное, что мультфильм нравится тебе самой! Разве я не прав? Тебе ведь нравится? И нам нравится! А почему же им не понравится?... Но даже если и так, ну, не понравится... но какая тебе будет разница? Тебе-то собственный мультфильм от этого меньше нравиться не станет, ведь так? И мне. И Шерри, думаю, тоже.

Шерри каждый раз с железной уверенностью это подтверждала.

— Найдем тогда другой способ, не переживай только так!

Но Джулия все равно нервничала.

Поэтому они все были вне себя от счастья, когда Роберту пришло три приглашения на показ.

Джулия ходила как во сне.

— Я прошла! Я прошла отборочный тур! Я смогла! Не верится! Я смогла! Вы представьте только! — обращалась она попеременно то к Шерри, то к Роберту. — Вы подумайте! Я смогла!

— Я всегда это знала! — Шерри не уставала снова и снова радостно обнимать подругу. — Роберт, согласишься? Разве можно пропустить такой мультфильм?! Они и не пропустили!

Показ этот был в конце октября — оставалось всего-то два дня! — и проходил, конечно, не где-то, а в великолепном Голливуде.

Поэтому их настоящее пребывание на холмах было более чем оправданно. Завтра они останутся в гостинице. Завтра они должны будут настроиться и подготовиться. Завтра они весь день проведут в магазинах.¹⁰⁹

Но все это завтра. А сегодня — это сегодня. Сегодня в их распоряжении еще целый вечер. Сегодня они сидят у костра, и им так хорошо всем вместе! Сегодня они проведут ночь на природе — Шерри предложила неожиданно замечательную идею переночевать на холмах в палатках!

— Сегодня случилось необыкновенное! — голос ее был лучистым и очень счастливым. — Я видела удивительный сон! Невероятно, но я действительно его видела! Все было так, как если бы это случилось на самом деле! Вы представляете? Хотя я точно знаю: этого не случилось со мной никогда.

— Большинство снов никогда и не случалось в реальности. К счастью, надо полагать. Иногда такое привидится...

— Но у меня другое! У меня сон был очень радостным! Я хочу, чтобы он воплотился в жизни! Сначала я, как и всегда, видела отрывки из детства, видела родителей... а потом сцены из прошлого закончились! Вдруг все поменялось, и я оказалась у своего друга в гостях. И мы разговаривали! Просто... просто давно уже мы не разговаривали, как раньше. А тут — он меня внимательно слушал и лишь иногда задавал вопросы. А рассказывала я о нашем путешествии. О том, что мы пережили! О том, как Джулия без усталости рисовала и выдумывала, о том, как Роберт ее критиковал... А еще ему не терпелось посмотреть наш мультфильм! И когда я как раз вручала ему пленку, я вдруг проснулась! Ну надо же! Я не успела увидеть его реакцию! Обидно... А все же — это был удивительный сон! Наверно, ничего особенного с вашей точки зрения, но для меня... что-то меняется, что-то становится по-другому, я чувствую! И это прекрасно!

— Шерри, я так за тебя рада! — улыбнулась Джулия. — Это же счастье — видеть такие сны! Когда просыпаешься, и на душе тепло! Я вот однажды ходила под впечатлением от сна почти неделю!

Они немного помолчали. Всем сейчас было очень хорошо и уютно — наяву. Настолько хорошо, что можно было уже начинать сомневаться: а не сон ли это и впрямь?

Они были полны надежд и веры в лучшее. Путешествие их заканчивалось, но не жизнь! Жизнь обещала еще множество удивительных впечатлений и событий! Что-то кончается, но что-то в тот же самый момент должно начаться...

Послезавтра, например, их ждет важный показ. Никто из них еще не был на показах подобного уровня. Все это сулило новые впечатления... Но и сейчас уже можно не сомневаться: их мультфильм обязательно заметят!

Потом, правда, Шерри придется на какое-то время уехать к себе. Это казалось какой-то глупой, неудачной шуткой! Не верилось, что такая близкая Шерри, Шерри, которая всегда рядом, к которой всегда можно обратиться, должна будет уехать... Это неизбежное обстоятельство несколько омрачало их мысли о будущем, но отъезд ее был необходим, и осознание этой необходимости заставляло их смириться с предстоящей разлукой.

¹⁰⁹ Эта мысль приносила Роберту истинные страдания. Но чего не сделаешь ради Джулии? Не явишься же на показ в сапогах и плаще?

И вообще, им больше нравилось думать о том, что будет, когда Шерри вернется опять.

Шерри так и не раскрыла им принципов работы «проявителя». Она ограничилась лишь малым, но они больше ничего и не требовали:

— Знаете, этот отрывок мне удалось проявить самой. Но он небольшой. А вот чтобы перенести на пленку весь мультфильм, потребуется помощь всего нашего центра. Мне правда очень жаль, но вам туда пока никак нельзя... у отца же секретная лаборатория... — тут она становилась немного неуверенной. — Вы же не обижаетесь? Правда? Мы постараемся справиться как можно скорее! Я уверена, у нас все получится! Может даже, я найду какой-нибудь способ передать вам мультфильм пораньше, пока сама еще буду там... да, обязательно! Вы без него не останетесь!

— Но сама-то ты вернешься? — обеспокоено спрашивали они в один голос.

— Ну разумеется вернусь! После всего, что мы пережили вместе, разве можно так просто разойтись и больше никогда не встретиться снова? Нет, конечно! Это просто невозможно!.. Сейчас я вижу лучше, чем когда-либо: мне страшно повезло! Потому что у меня есть такие друзья, как вы! Честное слово! Я так дорожу нашей дружбой! По правде говоря, мне совсем не хочется улетать к себе... И я буду очень скучать! Но я должна и... и мне просто необходимо вас предупредить: если вдруг какое-то время от меня не будет вестей, это все только из-за внешних преград... А мне ведь так хочется верить, что все пройдет без проволочек! Нет, я просто обязана буду вернуться, куда там!

— Возвращайся в любое время! — говорил ей тогда Роберт. — Мы с Джулией всегда тебя ждем!

— Непременно! Как только появится возможность! Но даже если у меня вдруг никак не будет получаться, вы знаете, я все равно никогда вас не забуду! Не забуду все эти дни и все, что мы пережили!

Роберту казалось даже странным, что она говорила это с таким волнением. Конечно, разлука — это тяжело, но что уж такого ужасного может встать у нее на пути и лишит возможности вернуться? Тем более ей в свое время разрешили совершить целое кругосветное путешествие, неужели теперь кто-нибудь не позволит ей просто выехать? И разве люди, занятые перенесением на пленку мультфильма, могут быть такими жестокими?

Нет, он ничего такого придумать не мог, а потому считал, что Шерри, скорее всего, лишь «страхуется», и был уверен в ее скором возвращении. По крайней мере, ему хотелось верить, равно как и Джулии.

Сейчас они сидели у костра. Поговорили еще о всяких пустяках, но мыслями опять были в том недавнем разговоре, а также в ожидании показа. Этот показ пока очень удачно заставлял отвлечься от неминуемой разлуки.

— Знаете, ребята, пойду-ка я, пожалуй, в палатку, еще порисую! Эта последняя сцена — никак не выходит из головы! Я изобразила уже несколько вариантов. Сначала кажется, что хорошо, а потом посмотрю свежим взглядом — нет, не то, все совсем не то! Меня все не покидает ощущение, что там... ну... слишком много слов... Но после Шерриного рассказа о сне мне вдруг захотелось попробовать еще раз! В общем... пойду я, если вы меня отпускаете.

Она улыбнулась и отправилась к себе.

Шерри с Робертом остались вдвоем.

Он взял свою гитару и принялся импровизировать.

— У нее все получится, я не сомневаюсь. Просто ей, наверно, жаль расставаться со своим творением и отрываться от него. Ведь когда все это перенесется на пленку, она будет иметь уже куда как меньше возможностей что-то там исправить, чем сейчас, когда все у нее в голове. Вот поэтому, наверно, и недовольна так этой своей последней сценой — не хочет отпускать... это и понятно... — Роберт помолчал немного. Ему сейчас очень хотелось, на самом деле, чтобы Джулия подольше сочиняла свою сцену — тогда и Шерри бы дольше оставалась с ними. — А ведь знаешь? У меня для тебя подарок!

— Правда?! — искренне удивилась Шерри. Похоже, известие застало ее врасплох.

— Конечно! Не могу же я отпустить тебя без подарка!

— Ох, Роберт! Спасибо!!!... Но... что бы это могло быть?

— А ты попробуй угадать! Представь-ка! — он улыбнулся.

— Роберт... — Шерри вздохнула. — Неужели ты еще не заметил? Я не люблю акцентировать на этом внимание и признаваться, но я думала, что и без этого видно даже невооруженным глазом: у меня плохо получается... и всегда плохо получалось...

— Вот уж неправда! Только тебе такое и говорить! Ты каждый день что-то выдумываешь, вот сколько я тебя знаю!

— Ничего я не выдумываю! — Шерри, казалось, досадовала. — Я действую... на основе фактов.

— Ничего себе «на основе фактов»! — рассмеялся Роберт. — А твоя выдумка насчет китайских палочек — помнишь, в ресторане, когда ты спросила, почему нам подали столько дирижерских палочек на стол, если мы не дирижеры — это тоже на основе фактов было?

— Хорошо еще я не додумалась подойти с ними к музыкантам... ну так да, вот тебе факты: ведь недалеко от нас была сцена! Я подумала, может, они забыли... или нам предлагается открыть в себе новый музыкальный талант.

— Да ладно тебе, Шерри! Не оправдывайся только, пожалуйста! По-моему, очевидно, что ты все это сама выдумала, а теперь лишь защищаешься своими фактами.

— Как это?

— Да просто, вот как есть. Выдумываешь смешные вещи, а потом боишься признаться в выдумках и кое-как присовокупляешь к ним причины и ищешь объяснения. Вот и все, великая выдумщица!

— Но ведь... — она запнулась и не нашла что сказать.

— Я только думаю: как же тебе каждый раз все эти факты-объяснялки находить удастся? Столько работы... вот если бы ты не сдерживала себя подобной ерундой, ты бы сочиняла гораздо больше! Чего ты боишься? Что без объяснений они будут глупо выглядеть? Так они и с объяснениями все равно глупо выглядят... и нелепо... Но вот честно, мне нравятся! Все твои выдумки — чудесные совершенно! Я потому и прошу тебя, пока ты тут, придумай-ка, пожалуйста, каких-нибудь забавных, оригинальных вещей! И не объясняй мне ничего — откуда ты их выдумала, как они у тебя в голове появились... я, с твоего позволения, запишу их к себе в тетрадь и к твоему возвращению попытаюсь воссоздать по мере сил. Может, заодно и Шнобелевским лауреатом стану, почему бы и нет?

Шерри даже не поняла, шутит он или серьезно. Она никогда раньше о подобном не думала.

— Так ты хочешь, чтобы я представила то, что ты мне хочешь подарить?

— Очень хочу!

— Ну, наверно... — Шерри вспомнила, что обычно дарили в виденных ею фильмах и что покупали в сувенирных магазинах, которые они посетили в немалом количестве во время путешествия, — может, таких больших мягких мишек?

— С чего ты взяла?

— Дарят их обычно, по моим наблюдениям, или я ошибаюсь?

— Дарят, конечно, но, по-моему, это скучно.

— И мне, по правде сказать, они тоже не особенно нравятся. Хорошо, что у тебя что-то другое!

— Ну а зачем ты тогда о них спросила?

— Не знаю... принято же, кажется... А еще правда в том, что я бы обрадовалась совершенно любому подарку от тебя — и медведю этому в том числе.

— Но у меня, пожалуй, кое-что получше. Сложно сказать, намного ли, но...

Она припомнила их далекий разговор в первый день путешествия и спросила неуверенно:

— Неужели словарь идиом?

— Не угадала! К тому же, ты и так стала разбираться в них гораздо лучше! Но в целом это действительно связано с общением... Еще попытка?

— А может... Кстати! Знаешь, я тут подумала, а что было бы, если б кто-нибудь еще понимал идиомы в буквальном смысле, совсем как я раньше? Хорошо еще, мне попадались всякие безобидные экземпляры, и потом, у меня все-таки есть какой-то жизненный опыт, но ты подумай, а что, если бы это услышал кто-нибудь... например, ребенок, которому еще ничего не успели объяснить? И понял бы все неправильно и насвершал бы ошибок... Допустим, маленький мальчик вдруг услышал от какого-нибудь человека, что у того на душе кошки скребут. Представляешь, если у этого человека как раз дома будет кошка? Мальчик же начнет ее бояться! А потом наберется храбрости и попробует подрезать ей коготки! Это будет ужасно, ведь кошка ни в чем не виновата! Хорошо еще, если в последний момент тот занятой человек — может, его отец, — успеет эту кошку спасти! Мальчика тогда, может быть, накажут, а он даже не поймет за что. А потом придет мама и все ему объяснит... И к чему я все это? Я же должна была придумать какое-нибудь изобретение... я не могу, Роберт, не могу ничего придумать.

— Зато ты только что сочинила маленькую историю...

— Маленькую историю? — переспросила Шерри. — Нет-нет, ты что? Я... я скорее смоделировала возможную ситуацию...

— Да называй как угодно! Суть от этого не изменится! Не существовало никогда этого мальчика, его отца и кошки, а теперь существуют — благодаря тебе! Видно, тебя собственная ситуация действительно взволновала, раз ты придумала нечто подобное... но не переживай, обычно в таких случаях все действительно хорошо оканчивается. И родители все-таки уделяют детям больше внимания. Да и не только родители, ими все не ограничивается — а сверстники, учителя... книги, в конце концов, где встречается много подобных выражений?.. Но я сейчас не об этом. Я еще кое-что хочу тебе сказать о воображении. Кроме всего прочего, ты раньше вечно видела и

представляла все эти идиомы — все то, чего на самом деле нет... Я тут подумал, на это ведь тоже требуется фантазия. У взрослых такое нечасто встретишь. И вот опять... Ты будто бы ищешь все возможные пути, где можно хоть что-нибудь выдумать, но так, чтобы при этом найти своим выдумкам разумное объяснение. Зачем? Возвращаясь к тем же идиомам: хотя, конечно, временами получаются недоразумения, и я не утверждаю, что всегда нужно брать с тебя пример... но временами выходит смешно. Я с тобой это понял. И Джулию ты тоже без конца вдохновляла!

Шерри опять слушала молча. Кажется, она вдруг начала понимать! И это было невероятно! За все время их путешествия она так и не смогла объяснить себе, как же земные люди мечтают и отчего это происходит... А теперь! Стало понятно! Все вдруг стало так просто! Так элементарно!

Действительно, что могло быть проще?!

Она взглянула на ситуацию под другим углом! Как если бы раньше она видела картину вверх ногами, а теперь вдруг, случайно или нет — с подачи Роберта — задела ее и поставила по-другому. Как надо. И все сразу стало на свои места!

Настолько ясно и просто, что захотелось смеяться оттого, что она не додумалась сделать это раньше. Но так ведь всегда бывает.

— Роберт, Роберт, по-моему, я начинаю понимать! Я так рада, что, может, и правда, сейчас угадаю!

— Я не сомневаюсь, ты угадаешь. Там, правда, и представлять-то особо не надо... ты это сделала еще давным-давно...

— Так неужели это... Роберт, мне даже страшно сказать!

— А раньше не боялась, хотя я был куда патлатее! И, кстати, если б боялась, я бы никогда не подарил тебе это сегодня, ведь я бы даже не узнал о нем... теперь-то уж совсем нет смысла бояться!

— Но раньше у меня были доказательства... точнее, псевдодоказательства, как я теперь поняла. И с ними, действительно, вся затея умнее не становилась... Значит, можно обходиться и без них, когда хочется помечтать! Эти доказательства, они лишь подтолкнули меня, да, послужили... смотри, Роберт, сейчас будет образное выражение! — трамплином для моей фантазии. Теперь этих доводов нет, они не соответствуют действительности — ну и что? Выдумка-то осталась!.. Хорошо-хорошо, позволь-ка узнать! Это ведь резиновое?

— Да! И цвета...

— Желтого!

— А еще оно...

— Пищит!

— И названо было тобой...

— Утиным коммуникатором. Хотя все называют ее просто желтой резиновой уточкой для ванной.

— Но только не эту! — и Роберт вручил ей вполне обычную на вид, желтую и резиновую уточку. Но только на первый взгляд.

Шерри восторженно взяла ее в руки и принялась разглядывать.

— Фантастика, Роберт! Какая прелесть! Это же и впрямь самый настоящий коммуникатор!

— Спасибо, я старался¹¹⁰... Конечно, не такой идеальный, как ты представляла... к сожалению, выше моих сил постичь утиный язык и создать вдобавок посредника между людьми и утками — хотя с посредником, конечно, куда как проще, чем с самим языком... это даже и не коммуникатор... но он сможет дать тебе общее представление о настроении уток в пруду. Я немало их кряканья поназаписывал, пока создавал его. У них есть определенные интонации, за которыми следуют определенные действия, — я проследил взаимосвязь — это и заложено в принцип работы, ничего фантастического... И, кстати, если захочешь, ты также сможешь передать им общие представления о твоём собственном настроении — он не только улавливает кряканье, он может издавать — там есть образцы различных кряков... Зачем все это нужно? Я думал, пока создавал, и решил: просто так, потому что хочется, потому что поднимет тебе настроение! Надеюсь... Для меня это было достаточным основанием. Забавная штучка, хотя, возможно, большинство людей сочтет ее апофеозом глупости. Какая разница? Я знаю: ТЕБЕ это важно, и это для меня главное.

— Роберт, он прекрасен! Честное слово! Мне еще никогда не дарили такого замечательного подарка! Спасибо тебе огромное!!!

Шерри переживала восторг, и Роберт вместе с ней. Они больше не говорили ни слова. И все-таки вдруг почувствовали, что молчание стало напряженным. Не в плохом смысле этого слова, но все-таки... Когда это ощущение вдруг пришло? Они и заметить не успели...

Если бы их разговор на этом и завершился, оба, пожалуй, ушли бы с ощущением чего-то недоговоренного.

На самом деле это было не все, что он хотел ей сегодня сказать. Он хотел сделать весьма важное признание...

Кажется, и она тоже. Иначе как еще объяснить то, что они, набравшись решимости, обратились друг к другу? И даже одновременно!

— Знаешь, Шерри!

— Знаешь, Роберт!

— Мне надо сказать тебе кое-что очень важное! — голоса их слились в один. Странно это было. Потом оба замолчали.

Первым начал Роберт:

— Что же ты хотела мне сказать, Шерри? Я тебя слушаю очень внимательно!

А она вдруг растерялась:

— Я... хочу признаться... очень важную вещь должна сказать... но, пожалуй, тебе надо подготовиться... я знаю, мне официально нельзя это говорить, но все-таки я не могу скрывать от тебя, а ты потом Расскажи Джул... постой, а что ты мне хотел сказать? Давай ты сначала скажешь, а потом уж лучше я скажу...

Ее внезапная неуверенность сбила его с толку.

— А я... я... ерунду на самом деле. Совсем ничего особенного! Подумал... может... может, тебе будет интересно узнать о летающем половнике? Нехорошо, что я от тебя скрывал...

Ну конечно, рассказ о летающем половнике — это очень адекватная замена признанию в любви!

¹¹⁰ И очень! — но этого он говорить не стал.

Роберт молотл всякую чушь о половнике¹¹¹ и в то же время разрывался от досады на себя. Откладывать признание в любви. Что может быть глупее? Тем более это Шерри! С ней же проще некуда. А он, видно, переслушал историй Джулии о ее неуверенном Эрле. Когда только он стал на него похож?

«Ну ничего, — решил для себя Роберт. — Лучше, пожалуй, сказать это после показа. Когда она будет очень нарядная, я буду очень нарядным, все вокруг будет праздничным, а Джулия — немой от восторга¹¹², и потому не сможет вдруг случайно меня перебить... так, пожалуй, даже торжественнее получится».

— Так вот все и закончилось! — он рассмеялся. — Глупый эксперимент! Зато самый первый в моей жизни!.. Кстати, а о последнем эксперименте я еще не рассказывал, нет? Недавно доработал свою антенну... она теперь гораздо лучше улавливает частоты! Захотелось ее пока испытать, так, интереса ради... мне пришло в голову на одни сутки, раз уж мы тут, на холмах, город внизу и, значит, ну... — он с чего-то начал путаться, — попробовать засечь различные радиосигналы, проследить их частоту, ну и... там, на самом деле, много характеристик, зачем я только начал об этом, извини! Ведь ты хотела мне что-то сказать! Я слушаю, очень внимательно!

— Я... я хотела поблагодарить тебя за то, что помог мне раскрыть глаза... то есть... за то, что смог помочь мне понять... заметить... ты... и Джулия тоже... спасибо вам!

Она вздохнула:

— Понимаешь... просто место, откуда я... пожалуй...

Шерри все еще не могла решиться... А как Роберт отреагирует? Конечно, она не сомневалась в том, что и после ее признания его отношение к ней не изменится, тем более он всегда хорошо относился к жителям других планет. Но все-таки... если уж открываться, важно выбрать подходящее время... ей очень хотелось признаться в своих чувствах к нему прямо сейчас, но ведь... ведь нельзя же говорить человеку, что ты его любишь, и при этом скрывать от него такую значительную вещь, как свое тыньджианское происхождение.

Раньше ее не слишком смущало данное обстоятельство. Ну и что, собственно, такого? Она такой же точно человек, как и Роберт с Джулией. Однако приходилось молчать, коли уж законы ее планеты не поощряют подобную открытость... Но теперь сама мысль о наличии хоть какой-либо тайны от них, неважно даже, насколько значимо было ее содержание, тяготила ее. Ей больше не хотелось ничего скрывать. Это вообще противоречило ее открытой натуре.

Пожалуй, если бы Роберт сейчас признался, она бы сразу же призналась во всем и ему... но он рассказал ей о половнике. Пожалуй, сегодня не тот день. Может, лучше подождать показа? Торжественность и разнообразные впечатления того дня помогут как-нибудь сгладить все это... Пожалуй...

Так они и расстались, не договорив.

— Холодновато становится... пойду-ка я лучше к себе в палатку...

— Да-да, ты главное — не простудись!.. А я тогда тут еще посижу, посочиняю чего-нибудь...

¹¹¹ А Шерри внимательно, но несколько беспокойно слушала. Видно, ее признание не давало ей покоя и, кажется, тяготило душу.

¹¹² От полученной награды, разумеется.

И он остался, а она ушла.

В палатке Шерри, отложившая все-таки свое важное решение на потом, испытывала смешанные чувства. Неудовлетворенность и одновременно некоторое облегчение в связи со взятой отсрочкой.

Она взглянула на свою уточку-коммуникатор и разом позабыла все плохое. Ей вспомнился разговор с Робертом до того момента...

Еще чуть-чуть — и она бы начала танцевать!¹¹³

Она умеет мечтать! Она УМЕЕТ мечтать! Она умеет!

Пришла, наконец, несколько запоздавшая эйфория от случившегося прозрения.

Она УМЕЕТ мечтать!

Интересно, что будет, когда она расскажет своим о собственном чудесном открытии? Шерри не сомневалась — будет только хорошее! Ей так хорошо сейчас — и если только они послушают ее и поймут, как поняла она, как они обрадуются!.. Каким счастливым местом станет Тыньчж!

Уютно расположившись в своей палатке, Шерри пыталась все это представить... да, она больше не боялась пробовать! И не боялась представлять хорошее — то есть именно мечтать!

Вот она демонстрирует тыньчжианам мультфильм Джулии и сообщает радостную весть о том, что каждый из них сможет создать что-нибудь подобное и при этом свое, если только не побоится развивать в себе способности... вот она добивается разрешения пригласить в гости Роберта с Джулией... она показывает им улицы и дома. Знакомит с бытом. А еще, конечно, рассказывает об устройстве их общества и сравнивает с тем, что есть на Земле... А потом, возможно, Роберт, как истинный исследователь, захочет совершить экспедиции куда-нибудь за пределы городов! Как давно у них никто такие не совершал... А Джулия поможет украсить город и оживить все, что там есть. А еще... еще...

Шерри представила вдруг Элроя. И вспомнила о сегодняшнем сне.

Интересно все-таки, а если бы он увидел их мультфильм, что бы он сказал?

Шерри испытывала такой душевный подъем, что сейчас ей вдруг показалось страшно глупым и ужасно смешным то, что они так давно не разговаривали. Из-за чего? Совершенно и непонятно — из-за чего. Что ей мешало поговорить с ним наяву точно так же, как она говорила во сне? Вдруг он еще не понял, в чем заключалось ее открытие?¹¹⁴

А ведь он был первым из тыньчжиан, с кем Шерри жаждала поделиться радостью от своего внезапного осознания!

Ей больше не хотелось, чтобы Элрой ждал ее прилета. Пусть порадуетя вместе с ней — сейчас!

И ведь это вполне осуществимо.

¹¹³ Впрочем, палатка — не лучшее место для этого...

¹¹⁴ На самом деле Шерри стоило просто озвучить свои мысли — проговорить их в воздух, как бы ни к кому, но до Элроя они бы наверняка дошли, и он бы все узнал... но сейчас, на радостях, она совершенно забыла об этой возможности... В конце концов, ей хотелось увидеть, как он улыбнется, искренне улыбнется, как он уже давным-давно не улыбался — ведь даже по газетным снимкам было видно, что улыбается он теперь не так, как раньше... но это будет возможно только если она позвонит ему, другие варианты даже не пришли в голову.

У нее были его координаты — на всякий случай. В конце концов, он взял ее под свою ответственность, а к тому же Тыньчж не мог так просто отправлять своих граждан на малоизученные планеты и оставлять их без всякой поддержки.

Связаться можно было в любой момент — разумеется, при помощи ее замечательного изобретения, все эти месяцы так верно служившего ей. Мини-Сатурн никогда не покидал отведенного ему места на шее и всегда был под рукой.

Только она ни разу не воспользовалась этой возможностью. Связь могла бы быть — но... что-то мешало...

В данный конкретный момент мешало еще и упоминание Роберта о том, что он именно сегодня решил засекать частоты. Роберт не стал вдаваться в подробности, и у Шерри осталось весьма смутное представление о том, что именно он решил наблюдать.

Но вдруг? Вдруг он засечет и ее частоту... и поймет...

Пожалуй, ничего такого страшного... тем более она уже решила, что расскажет ему все... но не хотелось очень, чтобы он узнавал об этом вот так. Лучше уж от нее, а не от какого-то механического прибора.

Но пока он играет на гитаре... нет, лучше его не беспокоить и не отвлекать. Он же сочиняет!

Пожалуй... лишь один крошечный звонок. На чуть-чуть, пожалуй, можно и отключить этот датчик частот Роберта или что бы это ни было. А потом она, конечно, включит все опять. И ничего не случится.

Шерри была в том настроении, когда все казалось легко осуществимым и все должно было вести только к хорошим последствиям. Что бы это ни было.

А Роберт действительно все это время играл на гитаре. Он тоже представлял — о том, что может ответить ему Шерри, когда он все ей скажет... О том, как она ему улыбнется — ведь наверняка она улыбнется ему — и обрадуется! И только бы она сказала ему в ответ то же, что и он ей!.. Пожалуй, так легче было бы пережить разлуку — когда хотя бы эти сомнения окажутся разрешенными! Когда он будет точно уверен, что она его любит...

Роберт так увлекся этими мыслями и так живо все представил, что ему вдруг расхотелось ждать какого-то там показа... Ему вдруг, равно как и Шерри, все стало казаться простым, ну просто невероятно простым в исполнении, как в сказках.

Что все-таки мешает сделать признание сейчас?

Ответа Роберт не нашел.

Он встал и направился к палатке Шерри.

Было совсем темно, но он заметил, как она вышла, быстро огляделась по сторонам, очевидно, не заметила его и направилась скорым шагом в сторону трейлера.

Роберту страшно хотелось ее окликнуть, но он передумал.

А вдруг она собирается сделать что-нибудь важное, а он ей сейчас помешает? Вдруг она вдохновилась на новый эксперимент? Как знать, как знать?

После того далекого случая с наводнением Роберт понял, что ей можно доверять. И потому некоторое время спустя вручил ей запасные ключи от трейлера — на случай, если она захочет вдруг что-нибудь поизобретать.

Обычно она всегда приглашала его поработать вместе, и он практически никогда не отказывался.

Почему-то в этот раз она отправилась в лабораторию без всяких предупреждений одна. И ведь было уже довольно поздно.

«Вдохновение не знает слова «поздно»!» — успокоил сам себя Роберт.

И все-таки стало немного тревожно.

«Вряд ли Шерри стала бы специально скрывать от меня... нам нечего скрывать друг от друга... просто она не захотела меня отвлекать, и я ее лучше не буду...»

Но посмотреть, чем она там занимается, все равно хотелось.

В темноте ему удалось найти какой-то предмет, который мог послужить подставкой¹¹⁵, так что наконец он смог встать на один уровень с окнами и заглянуть в одно из них.

Картина предстала удивительная. Роберт не знал, что и думать.

Он такого не ожидал.

Шерри могла бы вынуть из ящиков чертежи всех его изобретений и начать их увлеченно разглядывать, или, например, протирать пробирки и колбы, готовясь к собственному эксперименту, или делать пометки в рабочей тетради, или, быть может, шутки ради примерять металлические шапочки. Он бы ничему этому совсем не удивился.

Но он никак не ожидал, что она будет что-то менять в его датчике сигналов и частот!

Шерри стояла к нему спиной, и потому он мог спокойно наблюдать за ней все это время.

Он видел, как в полумраке она склонилась над датчиком и, похоже, очень внимательно вглядывалась в экран¹¹⁶, являвшийся единственным источником света в трейлере. Если бы Шерри делала только это, Роберт был бы очень рад: он же сам сказал ей сегодня о своем эксперименте, вот она и захотела посмотреть.

Но зачем тогда она нажимает на кнопки? Почему, если датчик неправильно работает, она не сказала об этом сначала ему? Почему не посоветовалась с ним? Почему решила заняться им сама?

Роберт никак не мог найти подходящего ответа. И лишь продолжал изумленно теперь уже не наблюдать, а следить¹¹⁷. Он был бы рад закончить эту слежку и все забыть... но не мог.

Шерри завершила свою работу. На все ей потребовалось совсем немного времени — минуты четыре. Видно было, что она торопилась и старалась как можно скорее закончить свое пребывание в трейлере.

Она развернулась, и на какой-то момент, прежде чем спрятаться¹¹⁸, Роберт увидел, что лицо ее было серьезным и выражало решительность и сосредоточенность.

Он продолжал стоять с другой от выхода стороны. Слышно было, как она открыла дверь, прыгнула на землю...

¹¹⁵ Роберту даже некогда было разобраться, что же ему попало... Полено? Табуретка? Какая разница?

¹¹⁶ По крайней мере, она не крутила в любопытстве головой, как обычно.

¹¹⁷ Ибо он перестал сомневаться в том, что она специально хотела утаить от него свое ночное посещение лаборатории.

¹¹⁸ Ему не хотелось, чтобы она узнала о его невольной слежке...

Роберт подождал еще немного и ворвался в собственный трейлер. Несмотря на всю таинственность ее посещения, несмотря на все факты, говорящие против, ему так хотелось верить, что Шерри все-таки старалась ему помочь!

Но нет! Датчик находился в режиме минимальной чувствительности!

Больше никаких сомнений, никаких надежд на оправдания быть не могло! Шерри намеренно хотела, чтобы он упустил основные частоты!

Почему?

Роберт не находил ответа.

Он вдруг почувствовал себя обманутым. Казалось, ничего в нем не осталось, кроме горечи. Он бесконечно доверял Шерри, он собирался меньше 10 минут назад признаться ей в любви... он любит ее! А она... нет, она не могла так поступить, если бы любила его.

Зачем?

Что она скрывает?

Роберт мог бы прямо сейчас постараться найти ее¹¹⁹ и все узнать.

Вместо этого он угрюмо, машинально вернул свой датчик в прежнее, рабочее состояние. Это было просто, потому что Шерри лишь перевела его в другой режим.

Судя по всему, она не собиралась отключать его на долгое время. И, наверно, первые три с половиной минуты из четырех, проведенных в лаборатории, она всего лишь разбиралась в его устройстве и хотела понять, многое ли он может...

Роберт сел у монитора и пустым взглядом уперся в экран. Он ничего от него не ожидал. Он просто не мог прийти в себя.

Он не сомневался, Шерри не могла не знать, ЧТО значат для него собственные эксперименты и изобретения... они много времени проводили вместе за работой, она же видела... Да, это всего лишь рядовой эксперимент с частотами, не самый блестящий, бывали у него эксперименты и поважнее... да и сама она ничего такого страшного сейчас не совершила.

Но здесь важен сам принцип!

Сам факт того, что она втайне попыталась помешать его эксперименту!

Вот что поразило и буквально парализовало его! Он с трудом открывался людям, но коли уж решался довериться им, так доверял всецело и без остатка... по правде говоря, и от них он требовал того же... тем больнее было признать то, что произошло.

Ему казалось, что все разрушено.

Как он теперь может думать о развитии отношений, если она что-то скрывает? Ему не хотелось навязываться к ней с расспросами. Не хочет допускать его, не хочет рассказывать — и не надо. Он уж как-нибудь переживет.

И стало даже смешно от осознания того, каким же он оказался фантазером и додумщиком... смешно, что ему столько времени казалось, что она относится к нему по-другому, что он, быть может даже, ей нравится... С чего он только решил? Туманные догадки? Ему так хотелось верить? Ему казалось? А вот, факт ее истинного отношения к нему налицо... Очень смешно и очень глупо, что он требует от нее большего. Они друзья. Хорошие друзья, да. Но не больше. Даже у хороших друзей могут быть свои тайны друг от друга. И ему остается только посмеяться над собой.

¹¹⁹ Скорее всего, сейчас она вернулась в палатку.

На самом деле все это время было совершенно не смешно. Он сидел и даже не шевелился.

Роберт мог провести в подобной апатии всю ночь, но тут...

Его датчик вдруг неестественно пискнул.

Роберт вздрогнул.

Что такое?

Какая-то умопомрачительная частота!

Роберт взглянул на координаты — явно, точка находится на невероятно далеком расстоянии. Это же сколько требуется мощности, чтобы хотя бы суметь отправить соответствующие такому расстоянию волны!

Постепенно он начал выходить из оцепенения. Неожидаемое появление координат заставило его на время забыть обо всем на свете, в том числе и о недавно произошедшем, — с ним ведь иногда случалось, таков уж был у него характер.

А, может, он забыл, потому что именно этого ему сейчас так хотелось?

В любом случае, Роберт отвлекся от своих грустных мыслей, и они больше не сдерживали шевеление шариков в его голове. Он задавал себе вопросы.

Может, у отправителя мощности как раз и не хватило? Иначе почему волны эти так быстро прекратились?

И при помощи чего их создавали? И куда они должны были прийти?

Пока Роберт размышлял над ответами, Шерри уже направлялась обратно к трейлеру. В последний момент она все-таки передумала звонить Элрою и быстро прекратила начатые было попытки «дозвониться» до него. А вдруг он смутится? А вдруг он сейчас занят? И потом, после недавнего проникновения в трейлер к Роберту, легкомысленности и восторженности у нее заметно поубавилось. Ее стало тяготить то, что она сделала все это втайне. Даже если ей и требовалось несколько минут на разговор и потом все стало бы как прежде.

Метания Шерри завершились вполне здравым решением: она сейчас же возвращает все на свои места, ищет Роберта, находит, признается ему во всем... а потом уже можно будет беспрепятственно звонить Элрою. Пусть не сегодня — но хоть завтра.

Однако она никак не ожидала, что так просто войти в трейлер уже не удастся.

Там теперь был Роберт.

Ну что ж, так, возможно, даже лучше... поделом ей! Хотела все-таки оставить это происшествие втайне... тихонько все замать. Нет уж, если она признается, то признается и в том, что прикасалась к его датчику.

«Кто же только мог отправить сигнал по таким координатам?» — спросил себя Роберт и тут же услышал голос Шерри за дверью:

— Роберт, Роберт! Ты закрыл дверь?.. А... — она запнулась, не зная, что сказать.

— Прости, Шерри, сейчас я занят, — холодно ответили за дверью.

— Но... Извини, что вламываюсь... но проверь свой датчик, пожалуйста! Я хочу тебе кое-что рассказать!

— Проверил, спасибо. Сейчас он снова работает. И я тоже работаю. Может, ты мне скажешь, что ты там хотела, завтра?

— Но ведь... Роберт, ты все видел? Ведь правда?.. Ты обиделся?..

— Нет, я не обиделся, я просто работаю... Да, я видел. Ничего. Страшного. Почему я должен обижаться? Что уж тут такого?.. Не надо мне ничего говорить.

— Но я хочу!..

— А я не хочу! Не хочу, чтобы ты говорила мне только потому, что я обиделся! Не надо мне тут такого. Я не обиделся, понятно тебе?.. Не хочу, чтобы ты делилась со мной своими тайнами. Я не из тех людей, которые лезут в душу. И не из тех, кому обязательно надо, чтобы им доверяли все, что только на сердце имеется. Я ничего такого не требую от тебя. Все хорошо, слышишь?

— Слышу... — вздохнула Шерри.

Вообще-то ему очень хотелось впустить ее к себе. Нужно было только открыть ей дверь — и уж когда он увидел бы ее лицо, он бы точно не смог больше обижаться.¹²⁰

Шерри постояла еще какое-то время, но Роберт молчал.

Пришлось отойти от двери.

Может, Джулия подскажет, что делать?

— Шерри, что такое? Это важно? — рассеянно спросила Джулия, продолжавшая все это время вдохновенно трудиться над своей сценой. — Смотри-ка, может, ему купить для нее подарок? А что бы ему ей подарить?.. Но ведь ты хотела мне что-то сказать? Я тебя слушаю, внимательно слушаю, правда, говори же! Это, наверно, важно?

Шерри взглянула на рисунки Джулии. Не хотелось отрывать ее от творческого занятия. Не хотелось портить ей настроение случившимся. Вряд ли она сможет после ее признания продолжать сегодня рисовать свою сцену...

Разберется и сама. Завтра наверняка все станет по-другому. Завтра наверняка Роберт ее простит... зачем же сейчас отвлекать Джулию?

— Да нет, неважно на самом деле.

— Шерри, ты выглядишь, мне кажется... что-то случилось?

— Нет-нет, ничего... — Шерри покачала головой и вдруг улыбнулась. — Только пусть он не будет дарить ей словарь идиом, хорошо?

— Словарь идиом? А, идиом!.. — на Джулию опять нашло ее вдохновение, и она вернулась к бумаге.

Шерри тихонько вышла из ее палатки.

Внезапная догадка, поразившая ее, заставила вернуться обратно к трейлеру Роберта.

Она постучала в дверь.

И не стала дожидаться, пока ей откроют, хотя в этот раз Роберт уже не мог сдержаться и как раз собирался повернуть замок.

Она спросила очень тихо:

— Роберт, только скажи мне честно... ты уже догадался? Ты ВСЕ понял?

Этот ее вопрос заставил его руку зависнуть в воздухе на полпути к замку.

Как же действительно он мог не понять до сих пор?

— Ты спрашиваешь, все ли я понял? — переспросил он. Ему казалось, голос его сейчас был холоднее льда. Но он ничего не мог с ним поделать. — Да... да, действительно все... Чего же тут непонятного?..

— Значит?..

— ...Что я могу сказать? Мне жаль... и жаль, что ты дала понять мне это только сейчас, когда уже так поздно...

¹²⁰ Ведь на самом деле в глубине души он обижался. Просто не признавался даже себе.

— И... и ничего уже не поделать?

— А что тут можно сделать? Если же ты... значит, ничего не получится.

Шерри больше не знала, что сказать. Он тоже.

Не стоило им говорить за закрытой дверью.

Бывает же такое: кажется, что все понимаешь, тогда как на самом деле ровным счетом ничего не понимаешь. Даже когда смотришь другому человеку в глаза. Что уж тут говорить, когда вы находитесь с разных сторон толстой двери!

Они действительно не поняли друг друга. Шерри вкладывала в это «ВСЕ понял?» одно, а Роберт — совсем другое. Просто ни ей, ни ему не хватило сил назвать все своими словами. И ни ей, ни ему даже не пришло в голову, что понимать это «ВСЕ» можно по-разному. Разве б пришло Шерри в голову, что Роберт ТАК поймет ее вопрос? Разве б догадался Роберт, все еще не отошедший от недавнего происшествия с тайными проникновением в трейлер, что Шерри как-то связана с той необычайной частотой, подвернувшейся, как ему казалось, совершенно случайно?..

Она спрашивала, понял ли он, что она с другой планеты, той самой, координаты которой она пыталась от него скрыть.

Он же думал — этим своим «ВСЕ понял?» она хотела дать понять ему о своих чувствах. Точнее, об их отсутствии. Ведь, когда человека любят, от него не станут ничего укрывать. Значит, она решила, что произошедший случай можно использовать как способ донести до него: ты преступил границы, нет, не надо трогать мою душу. Потому что я тебя не люблю.

В этот вечер они больше не сказали друг другу ни слова.

Элрой как раз закончил полировать свой значок члена Администрации и взялся за внесение очередных поправок к своей речи, которую он должен был произнести на Большом Заседании, когда подал голос его коммуникатор. Но голосил он совсем недолго. Очень скоро прекратил.

«Теперь Роберт Браун узнал мои координаты», — подумал Элрой.

Конечно, он мог бы счесть это еще одной «лишней» мыслью, которые на самом деле совсем нередко посещали его от очков и только мешали сосредоточиться на работе. Да, земной человек по имени Роберт Браун узнал, ну и что? Элрой легко получил эту новость и мог бы с такой же легкостью ее тут же забыть.

Однако он давно уже научился отличать «ядра» от «шелухи».

Кому-нибудь, может, это ни о чем и не говорило, но только не Элрою. Он же знал, что:

1. У Роберта Брауна есть изобретение собственного и вполне примитивного по меркам Тыньча изготовления, однако же способное при надобности «достучаться» до их приемников.

2. Теперь Браун знает их координаты.

3. Одна из книг Брауна называется «Установление контакта с инопланетянами». Можно процитировать несколько отрывков, где Браун открыто и недвусмысленно дает понять, что при первой же возможности он попробует установить связь. Кроме того, он давно подготовил и регулярно обновляет те данные, которые следует, по его мнению, отправить инопланетянам при первом обращении к ним. Приводит примеры.

4. Все сигналы, которые приходят от передатчиков, выполненных не по тыньджианскому стандарту, сначала фиксируются у Бдэчжа — самого близкого к Президенту человека. Даже если Браун наберет координаты Элроя, у Бдэчжа все равно появится отметка об их контакте. И даже в том случае, если Элрой откажется принимать сообщение Брауна.

5. Это делается в целях безопасности и для прозрачности процессов, происходящих в Администрации, но на деле же, как считал Элрой, потому, что Бдэчж жаждет абсолютного контроля над ситуацией. Он уже давно сосредоточил всю власть в своих руках, и мимо него ничего важного пройти просто не могло.

6. Бдэчж высказывался не раз, что не одобряет контактов с землянами.

7. У него большие, чем у Элроя, полномочия.

Вывод: все это может плохо закончиться.¹²¹

Надо было что-то делать.

Если Браун сделает звонок, и если Бдэчж заметит, будет уже слишком поздно. Значит, надо каким-то образом предупредить эту совсем уж нежелательную ситуацию. Не допустить ее ни в коем случае.

Элрою было досадно в данный момент на этого Роберта.

На самом деле никаких причин относиться к нему плохо у Элроя не имелось, поэтому в целом он априори, еще до личного знакомства, относился к нему хорошо.

Элрою вообще не нравилось составлять мнение о людях до личного знакомства с ними, лишь на основе тех бесконечных фактов, которые извлекали очки.

Это было одним из главных очочных недостатков — они ничего не скрывали. И у Элроя возникало временами ощущение, будто он представляет собой жутчайшего сплетника, бесцеремонно вторгающегося в частную жизнь и личные тайны окружающих, о которых ему не следовало бы знать. Он старался как мог не пускать в голову мысли подобного плана, но это было тяжело. Так что обязательно при встрече с человеком ему ударял в голову пример какой-нибудь прошлой его ошибки, хотя Элрою было бы приятнее узнать о каком-нибудь прошлом достижении.

И то, и другое, на самом деле, как вскоре убедился Элрой, не вело ни к какой объективности и, наоборот, только мешало понять, что же за человек перед ним. Они лишь превращали самого Элроя в невольного судью, раз за разом оценивающего чужие жизни — и все это на основе холодных фактов, ведь мотивы очки никогда не называли. Они лишь констатировали действительность. И лишали людей тем самым хоть какой-либо возможности объяснить, почему же они поступали так, а не иначе. Ведь временами результаты оказываются прямо противоположны намерениям. Это Элрой знал как никогда на собственном опыте.

Поэтому иногда он не мог удержаться от искушения оправдать то или иное действие человека, раз уж сам человек не говорил ему...

Все это было неприятно и тяжело. Подобные знания порядочно отравляли ему жизнь.

¹²¹ Если вам кажется, что обо всем этом Элрой думал несколько минут, то вы глубоко заблуждаетесь. Он давно уже научился работать с большими массивами информации. Лучшим способом, как ему казалось, являлось именно выделение весомых пунктов по каждой части. Он каким-то ему одному известным способом умудрялся рассматривать все пункты практически одновременно и весьма быстро делать нужные выводы. А вот принимать решения было уже сложнее... тут одного анализа информации было недостаточно.

Именно поэтому он предпочитал думать больше о собственной работе, а не о характерах людей, ведь если он будет размышлять только о работе и ни о чем другом, для всех будет гораздо больше толка!

Но о какой работе можно было думать сейчас!

Элрой невольно все-таки принялся оценивать Роберта.

В общем-то, он вполне ничего. Не только потому, что он землянин и не только потому, что весьма неплохо разбирается в своем деле и добросовестно выполняет возложенные на себя обязательства.

Он, похоже, и как человек достоин уважения. Он трепетно относится к своей двоюродной сестре¹²². Он столько раз доверял Шерри весьма важные вещи. Он спас ее тогда... с другой стороны, он чересчур импульсивен. Пожалуй, если бы он не разразился тогда своим гневным монологом, Шерри и не пришлось бы спасать... Он, конечно, много говорит о расчетах и аккуратности, но временами что-то, наверно, ударяет ему в голову... И, основываясь на прошлом опыте, можно вполне уверенно предсказать, что в случае с полученными координатами он определенно долго ждать не сможет. Тем более если еще учесть тот разговор, который прямо сейчас у них произошел... смысл Элрой уловил не до конца, но зато результат он понял яснее ясного... и этот результат свидетельствовал наверняка о том, что Браун должен сейчас испытывать нежелательные эмоции, которые, похоже, сильнее всего тормозят его здравый смысл... Так, что он сначала совершает — нередко глупости — а потом уже обдумывает и понимает, что понаделал... а если вспомнить, что его представления и предположения об инопланетянах, высказанные в собственных книгах, никак не коррелируют с образом Шерри, он вряд ли догадается у нее спросить, причастна ли она к ним... откуда ему на самом деле знать? И откуда Шерри знать, как может быть опасно это неполное знание, что Браун смог добыть? Он знает лишь о координатах и не знает остального. Он ведь не знает Бдэджа...

Нет, он точно попытается связаться.

И Элрой должен быть на страже!

Ждать ему пришлось не так уж много.

Роберт уже начинал доставать из своего небольшого архива проекты сообщений. Сомнений не осталось: он ТОЧНО решил испробовать те координаты, что получил.

Значит, пора действовать!

Как действовать?

Вопреки обыкновению, в данном случае план действий Элроя был примитивен. Для себя он решил действовать по ситуации.

Главной целью было проникнуть к Бдэджу в кабинет¹²³ и, как только Браун отправит свое сообщение, быстро удалить отметку об «оприходовании», которая должна будет высветиться у Бдэджа. Вот, в общем-то, и все. Не так уж и сложно на самом деле.

Элрой понял только сейчас, что слишком много думал о характере Брауна и слишком мало о деле.

Сам ведь тоже хорош! Времени оставалось уже мало!

Браун мог в любую минуту...

¹²² Это можно было понять по их разговорам.

¹²³ Предварительно следовало его оттуда каким-нибудь образом «депортировать».

Надо было придумать поскорее, как же выгнать Бдэжжа из кабинета.

В голову ничего подходящего не приходило, как вдруг...

«Прекрасно! Вот опять Ойкльви с десятого-двенадцатого завел у себя в кабинете свой излюбленный монолог — о нелюбви к начальству!¹²⁴.. Идти к нему не так уж мало... да плюс сам разговор... времени должно хватить. Ну вот и все! Решено!»

Элрой постучал в дверь соседнего кабинета.

Бдэжж был очень занят — разгадыванием кроссворда.

Он, наверно, не ожидал, что его может кто-то навестить в это время дня.¹²⁵
Вздвогнув, он повернул голову к двери:

— А, это ты... вовремя как раз! Я никак вспомнить не могу, как же звали изобретателя синтропазатора... ты не знаешь?.. впрочем, молчи, я еще подумаю...

— Конечно, сэр! При первом же вашем желании вы сможете получить ответ!.. Но простите, сэр, я пришел не просто так.

— Правда? — Бдэжж опять оторвался от кроссворда и насупил брови. — И почему же?

— Мистер Ойкльви очень хочет с вами поговорить, сэр.

— С чего бы?.. Ну, пусть приходит.

— К сожалению, он не может. Он хочет вам кое-что показать.¹²⁶ У себя в кабинете.

— И где его кабинет?

— Десять-двенадцать-корпус-три-пятнадцать, сэр.

— Это далеко. Сходи-ка лучше ты к нему и сам поговори, я разрешаю. Потом доложишь о беседе. Если она окажется стоящей.

— К сожалению, не представляется возможным. Я бы так и сделал, сэр, но он хочет поговорить именно с вами!

— Да на что я ему дался! — начал раздражаться Бдэжж.

— Он очень просил меня не открывать вам подробностей. И он прав, это сюрприз, и я не хочу вам его испортить!

— Да? — Бдэжж наконец поднялся из-за стола. — Коли так... коли уж даже ты счел это сюрпризом, который не стоит оглашать... я заинтригован... Пожалуй, навещу-ка сейчас нашего изобретательного подчиненного и скажу ему все, что думаю... Странно-странно... Много лет на моей памяти никто до подобных глупостей не додумывался... Ну что за блажь?! И ты, Элрой, ее поддерживаешь, я тебе поражаюсь! Поотгадывал бы уж лучше мой кроссворд, это всяко приемлемее, чем поощрять всякую чушь от Ойкл... как-его-там... но сначала побеседуем с зачинщиком...

Элрой вежливо придержал ему дверь, и, когда тот наконец вышел, отправился обратно к себе в кабинет.

Но ненадолго.

¹²⁴ Ничего-то они не понимают, загрузили выше крыши, при этом ни во что его не ставят... и пр. и пр.

¹²⁵ День, кстати сказать, близился к обеду.

¹²⁶ В этот самый момент Ойкльви как раз со всей решительностью и непоколебимостью уверял сам себя: «Когда-нибудь я покажу этому Бдэжжу!» Так что... прежде чем что-то желать, хорошенько подумайте и будьте осторожнее! Особенно когда являетесь подчиненным Элроя.

Как только Бдэчж скрылся в конце коридора, Элрой, воровато оглянувшись¹²⁷, вернулся в кабинет начальника. Это было возможно, потому что Бдэчж, которому он придержал дверь, слишком увлекся собственными ворчаниями, связанными с сюрпризом, и совершенно позабыл о том, что кабинет стоит закрывать. Элрой этим воспользовался.

Теперь он находился в кабинете Бдэчжа и ждал, когда же Браун отправит свое сообщение.

А он все не отправлял. Наверно, сомневался в последний момент, хотя, как знал Элрой, все уже приготовил. Ну что же, кто не сомневается?

Элрой его прекрасно понимал. Он бы тоже, наверно, засомневался, если бы ему вдруг выпала возможность совершить что-нибудь такое, о чем он мечтал всю жизнь. Если бы, конечно, он умел мечтать... — Элрой вздрогнул. — А вдруг?¹²⁸

Время шло!

Бдэчж уже почти добрался до кабинета Ойкльви, а ничего не происходило.

Элрою стало немного неловко за то, что он натравил Бдэчжа на своего глуповатого подчиненного. С другой стороны, он знал, что Ойкльви каждый день почти как по расписанию жалуется, что его никто не слушает и что этот Бдэчж никогда не удостоивает его своим вниманием и вечно присылает только мелкого ушастого четырехглазого задавалу¹²⁹, а ведь он, Ойкльви, не кто-то там, он все-таки один из работников Администрации! И весьма способных работников. Просто его никто не замечает и не дает ему шансов проявить себя...

Может, то, что сделал для него сегодня Элрой, — ведь он не предупредил его заранее — и было несколько пакостно, но Ойкльви на самом деле уже надоел ему со своим извечным нытьем. Вот, он предоставил ему наконец возможность!

Если же у него действительно столько стоящих проектов¹³⁰, пусть воспользуется своим шансом.

Заодно и ему поможет. Побольше времени у Бдэчжа заберет. Долго-долго растягивать одну единственную мысль Ойкльви умеет как никто другой! Элрой надеялся, мыслей у него все же побольше будет, чем одна...

Если бы только можно было отключить это устройство у Бдэчжа, фиксирующее сообщения! К сожалению, на него была наложена вполне неплохая защита, которую Элрой не успел бы взломать за такое короткое время... а вот стереть лишь одну отметку — это, пожалуй, в его силах. Там было проще. И он знал, что надо делать.

Но ничего не мог, до тех пор, пока Браун не отправит свое послание.

Вдруг Элрою в голову пришла новая мысль. Он совсем не подумал об этом раньше. И почему только?

Сидеть тут, в кабинете начальника, отправив его в другое крыло Администрации, — это, конечно, многого стоит, но не лучше ли вернуться к себе и просто позвонить Шерри? Убедить ее все-таки поговорить с Брауном еще раз и объяснить ему, почему

¹²⁷ Это был бессмысленный жест, ведь он знал, что все расселись по своим кабинетам и коридор пуст. Но есть же такие жесты, от которых трудно отказаться. Даже если понимаешь, насколько они бессмысленны, и, более того, знаешь, сколько энергии они забирают впустую.

¹²⁸ Вдруг он действительно мечтал?.. Вдруг он... Элрой резко пресек очередные лишние мысли.

¹²⁹ Ойкльви вообще каждый день изобретал для Элроя новые звания и имена. Но Элрой не обижался. Может, что-то в них и было похоже на правду. Совсем только капельку.

¹³⁰ Элрой, правда, ни один из них стоящим назвать не мог...

так нежелательно посылать хоть что-то на эти частоты? Они ведь так заняты своими проблемами, что совсем не думают... Ах, он опять забыл¹³¹ — как они могут думать, если они даже не знают, что тут за порядки...

Просто поговорить с Шерри, просто позвонить ей... Вполне разумная мысль.

Элрой заколебался. Не хотелось ему, устроив такое уникальное — до Элроя на Тыньчже подобного никто не вытворял — тайное проникновение в кабинет к Первому заместителю, так просто бросать все на полпути. А вдруг Шерри опоздает? И Браун тогда все-таки отправит свое сообщение прежде, чем она успеет с ним поговорить...

Нет, лучше уж положиться на собственные силы.

«И все-таки это не очень разумно, — одернул мысленно сам себя Элрой. — Браун, быть может, решится отправить свое сообщение через час... в таком случае Шерри точно успеет с ним поговорить... а, может, отправит через полминуты — тогда мне стоит остаться здесь. Оба варианта равнозначны, а решать что-то надо...»

Он предпочел остаться. И не думать о том, что сидеть в кабинете Бдэчжа ему оказалось проще, чем связаться с Шерри.

Минуты тянулись.

Ойкльви разочаровал. Он ничего, ровным счетом ничего Бдэчжу не сказал. Так, пару скукоженных бессмыслиц... все свои многочисленные великие проекты он так и оставил пылиться в ящиках стола, хотя в самый раз было воспользоваться дарованным ему, пусть и неожиданно, шансом!

Есть такие люди — количество производимого ими шума за глазами начальника обратно пропорционально количеству производимого шума в его присутствии. В присутствии начальника они почему-то теряют свою способность к красноречию, так ярко проявляющуюся в остальное время.

Бдэчж спешно принялся возвращаться назад.

Элрой опять остался собой недоволен. Опять слишком много колебаний и лишних мыслей, успеет Браун отправить или не успеет, достанется ли Ойкльви или не достанется... Давно уже думать о другом надо было!

Давно уже следовало начать искать новый способ выгнать Бдэчжа из собственного кабинета. Почему он подумал об этом лишь сейчас?

К счастью, скоро уже обед...

Может, он не станет возвращаться к себе, а последует сразу в столовую?

Элрой очень на это надеялся!.. но нет. Бдэчж миновал столовую.

Находиться в кабинете и дальше уже не представлялось возможным. Элрой выбрался в коридор и, пока никто не видел, попытался отправить в замочную скважину одну из скрепок, нашедшихся в кармане.¹³² Движения его становились все более нервными и неуверенными, а потому скрепка никак не закреплялась там, где требовалось. В последний момент она вообще выпала у него из рук.

И поднимать было некогда.

Бдэчж был уже у входа в коридор.

Элрой успел-таки юркнуть к себе в кабинет. Пусть Бдэчж думает, что он все это время находился у себя. Как ни в чем не бывало.

¹³¹ Временами он забывал, что не все вокруг получают знания из воздуха.

¹³² Вот так Элрой превратился в вандала, пытающегося без всякого зазрения совести испортить замок и запереть дверь. Главным для него сейчас было оттянуть время.

Когда Бдэчж был уже недалеко от злополучной двери злополучного кабинета, Элрой невозмутимо открыл свою.

Его появление заставило Бдэчжа остановиться в коридоре и разразиться гневной тирадой.

— Наш замечательный мистер Макинтош всегда вовремя высовывает нос из кабинета!.. Сюрприз, да? Сюрприз... думаешь, очень смешно?! Направить меня невесть куда, чтобы... чтобы я прочувствовал на себе, какие у нас служат тупицы, да? Спасибо, благодарствую! Я это и раньше знал! Тупицы есть везде!

— Я как раз хотел попросить прощения, сэр. Никак не ожидал подобного от Ойкльви!.. Не решиться представить вам собственный проект, о котором он совсем недавно так блестяще доложил мне!.. Не ожидал, сэр. Такого больше не повторится!

— Хотелось бы верить! — сказал уже спокойнее Бдэчж. Подобное смирение подчиненных всегда действовало на него не хуже успокоительной ванны. Подчиненным положено быть смирными. Он взглянул на Элроя — воплощенное смирение. — Надеюсь, Элрой, надеюсь... Как хорошо все же, что у меня есть ты, чтобы общаться с такими отборными болванами! Как ты только с ними справляешься?

— Может, сэр, они и тушуются временами, но они не болваны, сэр.

— Тебе лучше знать. Но меня от подобных удовольствий впредь прошу избавить, — Бдэчж уже готов был протянуть руку к двери.

Элрой, все это время тихонько придвигавшийся к ней, сделал весьма заметный скачок и постарался закрыть ее телом.

— Простите, сэр. И об этом я тоже хотел сказать. Когда вы ушли, вы забыли закрыть дверь. И... и ведь у вас открыто окно... сквозняк, сэр. Дверь захлопнулась. Ее теперь так просто не откроешь.

Лицо Бдэчжа опять начало наливаться недовольством. Действительно, чему ж тут радоваться?

— Я сразу же, как узнал, отправился в диспетчерскую, заказал сюда служебного робота. Он скоро все исправит, сэр. Но требуется подождать какое-то время, как вы понимаете...

Бдэчж фыркнул.

— Позвольте заметить, сэр, все могло бы быть намного хуже, если бы не обеденное время. Не желаете ли пока пообедать в столовой? Как раз к окончанию обеда они все и закончат...

— А ты их тут подождешь, да?

— Как вам будет угодно.

— Спасибо, Элрой, но нет, столовая подождет, — Бдэчж отказался вполне решительно.

Это было ему совсем несвойственно — решительный отказ от обеденного перерыва в столовой. У каждого же имеются свои слабости. И Бдэчж никогда не отказывался от сытного вкусного обеда, который, конечно, всегда радостно встречал его в столовой, когда он туда являлся. Элрой никак не ожидал такого предательски подлого, как ему показалось, отказа и растерялся на мгновение. Такого не должно было быть! Так неправильно! Он на такое не рассчитывал!

— Но сэр... я же ЗНАЮ, что говорю.

— Ладно-ладно, Элрой, я тебе верю... а что там на полу?

— Скрепка, сэр.

— И что она там делает?

— Выпала у меня случайно из кармана... спасибо, сэр, что напомнили, я как раз собирался ее поднять.

— Выпала из кармана... случайно... — повторил Бдэчж задумчиво.

Он никак не отходил от двери, хотя Элрой мысленно умолял его об этом.

Бдэчж действовал наперекор всем его негласным мольбам:

— А, знаешь, что я подумал? Ты попробуй сам ее открыть! Что ты все о своем роботе?.. А, Элрой? Твоя помощь сейчас была бы очень кстати. Конечно, пытаться открыть своему начальнику сломанную дверь не входит в твои прямые служебные обязанности, но... хотя, если не хочешь, я сам сейчас попробую.

— Нет-нет, сэр. Разумеется, я с радостью постараюсь помочь!

Элрой сделал вид, что навалился на дверь со всей силы. Ему показалось, получилось весьма естественно.

Но Бдэчж остался недоволен.

— Ты плохо стараешься! Дай покажу, как надо! Ну чего ты тут встал? Отходи в сторону... дай я сам попробую.

Элрой понял, что сопротивляться не имеет смысла. Лучше не доводить Бдэчжа. Почему-то пока все идет не так, как хотелось бы, совсем не так, как он запланировал, но это вовсе не значит, что он не сможет сейчас все исправить.

Хотелось в это верить.

Бдэчж открыл дверь легким нажатием руки. И совсем не удивился этому. Элрой был уверен, он все уже понял...

— Смотри-ка, Элрой! Самое время дать тебе наставление от старшего: при должном обращении любая вещь сразу же становится послушной, и тогда ею очень просто управлять... — улыбнулся ему Бдэчж своей самой сахарной из улыбок. — Проходи же, не стесняйся!

Элрой невозмутимо принял его приглашение.

Бдэчж некоторое время стоял к нему спиной и разглядывал что-то в окне, Элрой все так же невозмутимо ожидал.

— А теперь скажи-ка мне, — Бдэчж перестал сдерживать ярость, — скажи-ка мне честно, пока я еще в добром расположении духа... — тут он наконец развернулся к Элрою и сделал несколько шагов по направлению к нему. — Скажи, я похож на идиота?

Элрой промолчал.

— Я что, действительно, похож на идиота?! Не отводи взгляд, когда с тобой разговаривают! Я кажусь тебе идиотом?! Отвечай же, быстро!

— Не понимаю, сэр, о чем вы, — холодно сказал Элрой.

— Думаешь, я такой болван?! Думаешь, ты тут самый умный?! Решил, что можешь делать все, что пожелается?! А?! Отсылать меня к дураку набитому в другой конец здания, не пускать в собственный кабинет — думаешь, все с рук сойдет?! Думаешь, безнаказанно пробираться ко мне — тут он сделал особый акцент,¹³³ — это все хиханьки-хаханьки?! Так ты думаешь, а?!

Элрой стойко сносил этот поразительной силы шквал яростных эмоций. Он даже не дрогнул за все время.

¹³³ «Смотри, Элрой! Я догадался, что ты натворил!».

— Так вот — надо же! — я куда как проницательнее оказался!... — Бдэчж сделал паузу. — Что тебе тут надо было? — спокойнее, но жестче и неумолимее спросил он. — Признавайся!

— Сэр...

— Никаких сэров! Что ты тут делал?!

После того далекого заседания, когда Элрой дал свое согласие Шерри, они с Бдэчжем ни разу не говорили больше ни о ней, ни о Земле.¹³⁴

Элрой это прекрасно понимал.

Он не догадается о настоящей причине, надо только придумать что-нибудь еще, другое, и постараться хоть как-нибудь вернуть потерянное доверие... чем быстрее он скажет — тем лучше. По крайней мере, у Бдэчжа тогда возникнет меньше подозрений в правдивости сказанного, и уже это имеет значение.

— Не буду скрывать, сэр, вы обо всем правильно догадались. Да, я действительно пытался проникнуть к вам в кабинет. Мне очень жаль.

— Ну вот, уже лучше... сознался, голубчик! Сознавайся же и в причине!

Элрой понимал, что в выдумывании совсем не силен. И дело было бы совсем плохо, если бы... не очки.

У него же были очки! Последний его шанс! Обратиться к земным рассказам и вспомнить какую-нибудь подобную ситуацию. Использовать причину оттуда.

Времени на обдумывания не было совсем, и Элрой выпалил первое, что пришло ему в голову, настолько скоро, что сам понял смысл уже в процессе проговаривания:

— Понимаете, сэр, сегодня утром, когда я заносил служебную почту и записки, я случайным образом перепутал конверты. И оставил вам письмо, предназначавшееся моей тайной возлюбленной, где пламенно признавался ей в любви...

Элрой запнулся.

Какой кошмар он наговорил!

Бдэчж, кажется, и тот забыл о собственном гневе и лишь недоуменно таращился на него.

Что-что-что он оставил?

Любовное письмо?! Влюбленный Элрой?! Это еще что за парадокс?! Разве что влюбленный в свою работу да канцелярские принадлежности... но уж никак не в человека! Да скорее мир перевернется, чем Элрой в кого-то влюбится! Он, конечно, мастер одаривать окружающих девиц безразличными улыбками и стандартными комплиментами, но и все на этом.

Пожалуй, в данном случае Элрой придерживался того же мнения, что и Бдэчж, а потому понимал, насколько неубедительно прозвучала его версия... но что теперь оставалось делать?

— Ну и... — Элрой раскраснелся от неловкости. — Вы понимаете, я боялся, что оно попадет к вам в руки... это же личное... очень... и хотел незаметно вернуть его обрат...

Он не успел договорить.

— Как всегда, прерывают на самом интересном месте, — неожиданно спокойно¹³⁵ сказал Бдэчж. — Может, зря я решил установить это устройство? Опять, слышишь ли,

¹³⁴ Возможно, оба намеренно избегали этой темы.

¹³⁵ Спокойствие Бдэчжа — верный признак надвигающейся грозы. Перед ней еще обязательно должно было случиться марево злорадства.

пикает... Будь добр, подожди-ка чуть-чуть, хочу посмотреть, кто там якшается с людьми с других планет без всякого на то разрешения... сдается мне, сейчас именно тот случай, который я описал... — Бдэжж был уже за столом. Он краем глаза глянул на пришедшую отметку в своем устройстве и перевел взгляд на Элроя. — Поправишь меня, Элрой, если вдруг я ошибся только что в своих предположениях?

Элрой молчал. Он знал, это был сигнал от Роберта. Он все-таки отправил свое сообщение — и в самое неподходящее время!

— И ты не поверишь, Элрой, — продолжал Бдэжж, — но этот кто-то, так опрометчиво раздающий свои координаты направо и налево, кажется, помимо всего прочего еще и рыскал по моему кабинету... не подскажешь ли мне имя?

Это было открытое издевательство с его стороны. Элрой пытался сохранить достоинство и лишь холодно отвечал:

— Прочтите лучше сами в вашей отметке. Там указаны координаты того, кого вызывали.

— Замечательно. Вижу. Перед собой тоже... А теперь хватит нам в игры играть. Поиграли и довольно... Приглажай свой хохолок, а то он опять у тебя выскочил. Чего доброго, Шеррилья сейчас заметит... — тоном, полным отеческой заботы, посоветовал ему Бдэжж.

— Не вижу надобности ей звонить, сэр.

— Не видишь?

— Не вижу.

— И пункт 8, параграфа, кажется, 11-го закона «О неразвитых планетах» тебе ни о чем не говорит? А твое обещание, данное мне тогда на заседании? Испугался? Или память слишком коротка?

— Нет, сэр, я прекрасно о нем помню.

— Так почему же ты не рвешься тут же подписать приказ об ее аресте?

— Потому что не вижу достаточных на то оснований.

— По ее милости совершенно посторонний земной человек узнал координаты одной из наших точек и даже посмел отправить нам сообщение — для тебя это недостаточное основание?!

— В законе четко прописано: «... в случае, если действия могут привести к опасным последствиям для Тыньча, как-то...». Небольшое сообщение с, заметьте, только мирными целями — для меня это не основание.

— Ну что ж... — Бдэжж помолчал. — Признаюсь честно и откровенно: я в тебе глубоко разочарован, дорогой мой Элрой. Не стану скрывать. Ты не оправдываешь моих ожиданий... правда, тебе еще можно помочь.

— В этом нет надобности, сэр.

— Нет есть, Элрой. Согласись — людям, которые тайно забираются в кабинеты к начальникам, помощь более чем требуется. И уж тем более если речь идет о заместителях Президента, которые должны служить образцом для подражания — примером для всех и для каждого... Совсем нехорошо ты поступаешь. Обидно констатировать, что ты свернул на узкую дорожку. Соккрытие фактов, попытка обмануть вышестоящего... Нехорошо. Нехорошо тем более, что 10 лет тебе старательно повторяли: честность — лучшая политика. 10 лет я пытался тебе это объяснить! Все тайное когда-нибудь станет явным. Для тебя уже давным-давно не осталось ничего тайного.

Так скажи мне, почему мой пример ничего тебе не дал?! Мы договорились не держать никаких секретов друг от друга, и я-то как раз от тебя никогда ничего не скрывал! Ты знаешь обо всех моих делах как никто другой! Скажи, я когда-нибудь совершал что-либо втайне от остальных, втайне от общества? Что-нибудь из собственных корыстных побуждений, что могло бы вступить в противоречие с моими обязанностями, с моей главной целью — обеспечивать общественное развитие? Нет, нет, нет и нет! Ведь так?... Можешь не отвечать. Я и сам знаю, что это так... Не спорю, мне приятна власть, которой я теперь обладаю. Но я потратил всю жизнь, чтобы стать тем, кем стал.

Ты же и сам прекрасно понимаешь и отлично видишь, работая в Администрации, что Президент — всего лишь шут для публики... формальная должность, оставшаяся нам по традиции с незапамятных времен. Давай говорить обо всем своими словами. От Президента давно уже ничего не зависит. Зависит от заместителей. От нас с тобой. Мне некуда больше подниматься, мне не нужна дурацкая приписка перед именем «Президент» — она ничего мне не даст. Меня волнует только возможность оказывать воздействие на экономику, на социальную сферу, на общественные институты — одним словом, на жизнь нашего общества. И это мне прекрасно удастся с той должностью, что есть у меня сейчас.

Общественное процветание — вот тот идеал, к которому я стремлюсь... и которого мы, строго говоря, уже давно достигли, но которого мало достичь — его следует поддерживать... И я готов жизнь посвятить этому достойнейшему из дел! Конечно, из своего высокого положения я извлекаю выгоды и для себя, не стану скрывать, но я никогда не поставлю свои цели выше целей общества, и ты это знаешь!

Когда я встретил тебя, я уверился в том, что твои очки — лучший инструмент для поддержания в порядке все усложняющихся процессов, имеющих место в нашем обществе. Информация — это же великая сила! Это то, без чего невозможно осуществлять хорошее управление... Я сразу понял: с помощью этих очков, с помощью их информации ты мог бы совершить столько добродетельных поступков! Если бы только тебя направили в нужном направлении. Думаю, тебе стоит благодарить судьбу за то, что ты повстречал на своем пути именно меня. Потому как ничего не стоит использовать все эти знания во зло, и если бы только кто-нибудь другой... Но не стоит об этом. Я же никогда не жалел на тебя времени. Я помог тебе реализовать их потенциал. И сам ты, что делает тебе честь, старался, как мог. И — посмотри — где ты сейчас?

Ты заслуженно достиг своей должности.

Ты прекрасно справлялся со своими обязанностями. Мне не на что было жаловаться. Ты был идеальным подчиненным...

До последнего времени. До того момента, как появилась эта Шеррилья со своим бредом о Земле... с тех пор ты заметно испортился. И продолжаешь дальше.

Смотри-ка, что ты начал вытворять? Безумие!

Твоя порочная страсть к Земле тебя погубит, помани мое слово.

У меня имеются все основания отстранить тебя от должности после того, что ты сегодня совершил. Один неверный шаг в сторону обмана — и ты уже в вечном страхе, что кто-нибудь когда-нибудь раскроет его. А тебе ведь совсем не хочется терять то, что ты достиг. Не хочется.

Никому не хочется.

Я тоже ни за что не соглашусь покинуть свою должность, я знаю, я тут нужен, я на своем месте — и знаешь, что будет мне лучшей защитой? Моя репутация. Моя кристально чистая совесть. У меня нет никаких тайн за душой, и потому я совершенно независим и не боюсь никого и ничего.

Ты же добровольно лишил себя всего этого. Сегодня. Не жалко? И ради чего? Чего ради?..

Но, так и быть, я готов тебя простить. Если только ты дашь мне возможность. Если ты снова ступишь на честный путь. И честно будешь выполнять мои приказания, честно следовать данному слову. Как всегда следовал я по отношению к обществу и по отношению к тебе в частности.

Он с торжеством взглянул на притихшего Элроя. Наверно, он ожидал, что тот начнет просить прощения.

— Неправда, — тихо, но твердо сказал Элрой. Откровенный тон Бдэчжа требовал того же и от него, — не всегда. Вы обманули меня тогда... вы сказали, что пересмотрели свои взгляды по отношению к Земле... что будете оказывать поддержку Шеррилье... что будете способствовать изучению Земли и ее порядков, а также пытаться перенять то хорошее, что есть у них... а я вам поверил...

— Но Элрой! У них нет ничего хорошего, что стоило бы перенимать...

— Откуда вам знать! Вы даже не пытаетесь узнать! Вы совсем не слушали Шеррилью тогда!

— Мне достаточно твоих очков. Не всегда же ты их носил! Откуда они появились? С Земли... ты просто глуп, Элрой, вот и все. Тебе не хватает объективности и опыта.

Да, очки эти замечательно работали все это время. Да, действительно, это просто великолепное изобретение, и без них мир бы многое потерял.

Но это как посмотреть.

Мир мог бы многое потерять и с ними, если бы только они оказались на ком-нибудь другом.

То, что они попали именно к тебе и работали пока, как требовалось, — случайность! Вовсе не правило! С Землей и всем, что с ней связано, всегда так. Неоднозначно...

Я тебя обожаю, мой милый Элрой! Мы с тобой кое-в-чем похожи, и не надо морщиться, когда я это говорю. Мы оба думаем о высоких целях.

Только я способен говорить правду в глаза, а у тебя никогда не хватало духу. Я прямо говорю тебе сейчас: если бы все были такими же, как ты, только без свойственного тебе преклонения перед Землей — оно же все портит и искажает все твои устремления — я бы прямо сейчас снял с тебя твои очки и надел их на первого встречного. И ничего бы не изменилось.

Элрою стало противно. Бдэчж говорил о нем словно о механизме, который следовало заменить после того, как в нем обнаружился брак.

— Да что там... ты никогда не спрашивал себя, почему я не попрошу тебя сконструировать подобные очки для остальных? Нет? Да потому что во мне достаточно разума, чтобы понять, насколько тяжким окажется для людей это бремя. И во что превратится наш мир с ними... это будет прямо противоположно тому, к чему нам стоит стремиться. Поэтому-то я решительно против Земли и выдумок оттуда! Лишь один пример их выдумки — и никаких больше доводов не требуется! Если у нас

до сих пор не было подобного, значит, оно нам и не нужно. И даже твои очки, которые вдруг начали давать сбои...

Что может тогда случиться? Да вот не будем далеко ходить.

Все эти знания, которые ты получаешь от очков, — это же постоянное искушение использовать их в корыстных целях. Сегодня ты уже попытался — и, твое счастье, не успел еще пристраститься...

Да-да-да, конечно, ты делал это не из-за себя, ты делал этот из-за Шеррильи, как я мог забыть?

Мало найдется таких восторженных идеалистов, как ты, ой как мало... и таких инфантильных разнеженных нюнь. Но раз уж даже такие, как ты, вдруг решаются преступить правила, как случилось сегодня, то что же большинство?

Большинство бы на твоём месте не церемонилось и давно бы уже сместило меня с должности. Большинство бы уже давным-давно стало править планетой, а не заваривать кофе своему начальнику и бегать по коридорам.

Ты давно уже мог бы, если б пожелал, обнародовать дело моего отца — ты ведь прекрасно знаешь о нём. И знаешь, где найти доказательства... и эти идиоты точно перенесли бы его грехи и на меня и не пожелали бы держать у себя человека из «такой» семьи. Пожалуй, единственное пятно, которого мне стоит опасаться... Меня бы даже, вполне возможно, отправили в тюрьму. А кто бы занял моё место? Ты разумеется!

Ты мог бы сделать это ещё в детстве, ты мог бы сделать это сейчас. Тем более если тебе так не нравится моё отношение к Земле и ты решительно не согласен с моим приказом об аресте... В любое время можешь ты это сделать! Но не делаешь...

Не сделал ради себя. И не сделаешь ради Шеррильи. Можешь угрожать мне, если захочешь, можешь даже начать шантажировать... я все равно останусь уверен: угрозы твои ничего не будут стоить! Я не знаю о тебе столько, сколько тебе известно о моих делах, но, будь уверен, мне этого и не требуется. Потому что я знаю твой характер — и это куда важнее.

Ты не станешь этого делать. Потому что это... — Бдэж выжидающе замолчал.

— Подло, — процедил Элрой. — Воспользоваться промахами вашего отца... вашей вины там не было...

— Да, это действительно так. И это действительно подло. Подло, Элрой, использовать свои знания против другого человека в корыстных целях... вот ведь как грустно получается: ты вроде бы имеешь шанс отвратить свою Шеррилью от неминуемого наказания, и при этом не вправе им воспользоваться. По личным моральным установкам... не хотел бы я оказаться на твоём месте... на её тоже. Несправедливо, наверно, мир устроен, Элрой: я, человек вспыльчивый, злорадный и, пожалуй даже, противный — ведь я угадал твоё отношение к собственной персоне, правда? — остаюсь на свободе, а вся такая замечательная Шеррилья, которая ни в чем не повинна точно так же, в твоём понимании, как и я, отправляется в тюрьму, хотя все могло бы быть наоборот. Стоило бы только тебе захотеть. И, может, так было бы правильнее? Справедливее? — Бдэж опять злорадно заулыбался. Казалось, он всеми силами провоцировал Элроя.

— Не мне решать, что справедливее... Вы правы, я не стану обнародовать информацию о вашем отце, тем более это уже ни на кого, кроме вас, не повлияет, но если вы думаете, что вам сойдет с рук то, что вы собираетесь совершить сейчас, то вы

сильно заблуждаетесь. Я вас предупреждаю: на Большом Заседании послезавтра я открыто сообщу о том, что вы вынесли приказ без достаточных на то оснований. Этого, заметьте, может оказаться достаточным для снятия вас с должности за превышение служебных полномочий.

— Ах, Большое Заседание... Главное заседание этого пятилетия! Кого взволнует история какой-то там Шеррильи с какой-то там далекой Землей? Нет, что ты! Они пропустят все мимо ушей... они только сплетни никогда не пропускают... но можешь попробовать, коли тебе так хочется! — самоуверенно улыбнулся ему Бдэчж. — Мешать тебе, так и быть, не стану. Твое полное право выступить там.

Но только перед этим я советую тебе хорошенько подумать.

Бдэчж помолчал.

— Знаешь, Элрой, тогда давно я действительно решил не говорить тебе свое настоящее мнение об этой Шеррилье. Ты был расстроен, и мне не хотелось расстраивать тебя еще больше... Затем ты забыл о ней. Ты был счастлив на своей работе, где тебе самое место, и я думал, ты все понял... Ты, вроде, не дурак. Но, выходит, я ошибался. И придется мне самому все тебе разъяснить.

Пойми же, Элрой, я вовсе не из личной неприязни настаиваю на аресте Шеррильи. Во все нет, это противоречило бы всему тому, что я сказал ранее.

Я действительно стою на том, что действия ее ОПАСНЫ для всего нашего общества. Она опасна, пойми же наконец, и не способна принести ничего, кроме несчастий, равно как и все ее изобретения!

Тебе принесли счастье ее очки? Разве? Забыл, каким тогда был?.. Вот именно... счастье тебе принесла работа. Но вовсе не очки... смотри, ты был счастлив все это время. Ты был счастлив в своем упорном труде, и не было у тебя никогда поводов прорываться ко мне в кабинет и обманывать меня. У тебя была прекрасная жизнь, замечательная жизнь, лишенная всяких сомнений и всяких внутренних конфликтов. Ведь так? А потом опять откуда-то выскочила она — и во второй раз все испортила. Сейчас ты стоишь тут, с таким несчастным выражением лица — обожаю, когда ты пытаешься скрыть свои чувства, а они все равно проступают... лицо твоё для меня давным-давно почти что книга, Элрой! — из-за кого? Из-за Шеррильи! Она внесла разлад в твоё существование, у тебя мозги никогда не были устойчивы к ее влиянию... манипулирует тобой, как пожелает!

А теперь — только подумай! — что будет, если она сможет донести свои бредовые идеи до нашего общества! Нет-нет, мало найдется таких вот неустойчивых типов, как ты... Но они есть. Все эти идиоты из обществ анонимных сновидцев — лучшее тому подтверждение! Чего доброго, подхватят заразу... а если за ними и остальные... что же это тогда получится? Под угрозой окажется все наше общественное устройство! Все то, что на протяжении стольких веков старательно создавали наши предки, все то, что так старательно охраняли наши деды, отцы, а теперь охраняем мы, — все может разрушиться!

Так же точно разрушиться, как разрушилась твоя жизнь.

Они перестанут быть довольны тем, что имеется у них сейчас. И будут требовать чего-то, сами не зная чего.

Ты для меня наглядный пример. У тебя уже все, что требуется, имеется. И ты еще чем-то недоволен. Сам-то понимаешь, что тебе надо? Вряд ли...

Я вовсе не утверждаю, что она делает это намеренно. Она, наверно, не злодейка, по крайней мере, совсем не желает ею становиться. Она просто наивна, глупа и недальновидна. И не может объективно предсказать результаты собственных действий. Но ты-то, от которого зависит жизнь огромного количества людей, себе такого удовольствия позволить не можешь. Надо трезво оценивать ситуацию. И все свои эмоции оставлять при себе.

Для тебя должны быть важны лишь факты. Только сухие факты помогают сделать правильные выводы и принять нужное решение.

У нас прекрасная демографическая ситуация. У нас пустые тюрьмы. О чем это говорит? О том, что в обществе все в порядке. О том, что люди довольны. Довольны — значит счастливы.

Что делает их счастливыми? Семья, конечно же, а еще любимая работа, зарплата от этой работы и вещи, которые на эту зарплату можно купить, чтобы порадовать себя и семью. Члены семьи ценят друг друга именно за это — за то, сколько материальных благ один другому способен предоставить.

Если вдруг человеку хочется получить радостные ощущения, ему ничего не стоит пойти в магазин и приобрести для себя или родных какую-нибудь очередную новинку. Он знает, что всегда может воспользоваться этой возможностью, и, главное, он уверен, что это единственный способ стать счастливым или сделать счастливым другого. И других не бывает.

Счастье продается и покупается, Элрой.

Он получает свою вещь, и больше ему ничего не надо. Остальным его родным и друзьям положено порадоваться за него и похвалить его работу. Именно она предоставила ему возможность купить.

И никто его не осудит. Ведь, разумеется, он купит не просто какую-то там вещь, а именно ту, что положено иметь. Положено по мнению модных журналов и передач, которое уже давно расценивается как непреложный закон. У нас вообще все регламентировано. И именно поэтому никто никогда не почувствует себя обделенным — он сделает все по правилам, а остальным положено будет поощрить этот акт.

Это язык вещей и цифр. Он универсален и понятен каждому. Никаких разногласий никогда не возникает. Мы буквально с полуслова понимаем друг друга. А понимание — это очень важно.

И потому он отправится на работу, чтобы принести еще денег. И купить еще больше вещей. И получить еще больше похвал и одобрения. И стать еще более счастливым. И все благодаря работе!

Видишь, ничего больше и не требуется для счастья! Все показатели говорят о том, что я прав. Наше общество процветает!

Шеррилья использовала слово «мечтать». Объясняет она, что и говорить, никудышно... Насколько я понял, это значит — хотеть чего-то, желать чего-то.

Тогда получается, что счастливые, у которых все есть, не мечтают. Мечтают только лишенные чего-нибудь.

Так вот, люди у нас, выражаясь ее словами, и так уже умеют мечтать. И мечтают! На какое-то незначительное время они ощущают себя несчастными. Когда лишены возможности потреблять желанное... У них все есть, а они покупают еще и продолжают мечтать все о новых услугах и вещах, которые помогут им в очередной

раз продемонстрировать себе и остальным собственную значимость. Разве я не прав? Демонстрация не пройдет даром, окружающие оценят. Это ли не счастье?

И все, что требуется, чтобы его получить, — это купить лучшую вещь.

А это возможно, если ты будешь лучше работать. И они работают лучше, Элрой! И не остаются обманутыми в своих ожиданиях. Все очень просто!

Это замкнутый круг. И не надо его рушить.

А это именно то, что предлагает Шеррилья.

То, что говорит она, — слишком расплывчато, слишком туманно. Она сама не в состоянии сформулировать, что же такое в ее понимании мечтать... Что-то там было еще о каких-то несуществующих вещах и несуществующих людях... зачем вообще это нужно? Зачем нужны все эти истории, зачем тратить время на то, чего никогда не было? Что они могут дать? Ничего! В этом нет никакого смысла, Элрой! Напрасная, решительно напрасная трата времени! Результат будет нулевым!

Чем она там занимается? Помогает этим землянам создать очередную историю, да? Это ведь она собиралась сделать... историю о никогда не существовавших людях...

Скажи мне, кому она нужна?

Мне, например, совершенно все равно до того, чего никогда не случилось. И не случится.

Большинству людей так же все равно. Их заботят только собственные проблемы. И, может быть, интересуют сплетни о других. Но, тем не менее, их волнуют только настоящие люди. НАСТОЯЩЕЕ, Элрой! Настоящим определяется наша жизнь, а не вымышленным.

Что будет, когда она вернется?

Вспомни, как далеко она зашла! Ей мало просто потратить несколько месяцев на создание невесты чего! Ей хочется, чтобы остальные тоже начали всем этим заниматься! Ей хочется, чтобы остальные тратили свои жизни на что-то, чего даже потрогать нельзя!

Где ж она найдет таких дураков?... Но все же...

Вдруг все-таки найдется несколько таких, как ты? Вдруг они возомнят, что воображать — это именно их стезя?

Это плохо кончится как для них самих, так и для их слушателей. Все, что они получают, — лишь обманутые ожидания. Потраченные впустую силы. Не оправдавшиеся надежды.

Как ты определишь качество их мечтаний? Хорошо ли у них получается мечтать — плохо ли? Никаких технических показателей. Ничего такого, что может быть у вещей... ничего такого, при помощи чего можно было бы оценить работу. Никакой конкретики.

Вдруг результат окажется вовсе не тем, что они ожидали?

Когда ты трудишься на работе, ты можешь проследить результаты собственной деятельности и ты точно знаешь, сколько денег тебе положено, что ты можешь на них купить и как к этому отнесутся другие. Другие точно знают, как относиться к твоим покупкам.

Цена покупки определяет отношение к тебе.

Тут все по-другому. Откуда другим знать, как относиться к твоим фантазиям, а? Или ты сам попробуешь взять на себя функцию модного журнала и перед тем, как

представить им очередную выдумку, дашь наставление: «Относиться к ней следует только так и так!» Но если качество вещи видно сразу, то что делать в этом случае, где все так туманно? А вдруг твои выдумки недостойны того внимания и высокой оценки, на которую ты претендуешь? А кто скажет точно?

Если все же ты прикажешь им относиться к твоим выдумкам только определенным образом, возможно, они и послушаются в итоге, но проблема-то не в этом, в другом... ведь, кажется, выдумки — это такие вещи, которые приказы исключают, так или нет? Выдумки подразумевают свободу, да? Иначе они ничем не отличаются от того, что есть у нас сейчас — от той же навязанной всем моды на вещи...

Строго говоря, у нас уже имеются некоторые подобия выдумок, в основном практического характера. Все они связаны с настоящим и приносят толк — именно в таком виде они и нужны... выдумки у нас есть, просто есть у нас еще и регламентированное к ним отношение, которое, в свою очередь, устанавливается при помощи наставлений, выраженных различными способами. Большинство их даже не замечает, но они есть — эти наставления, и в них основа...

Довольствуйся же уже имеющимися выдумками и щедро предлагаемыми тебе мечтами о вещах! Что не так? Что не нравится? Без приказов жить хочешь?..

Без приказов... им придется думать самим — и это ведь не о качестве вещей думать, а о чем-то менее наглядном и очевидном — вряд ли они захотят... не думаю, проще, когда указывают. Куда как проще.

А сам ты? Откуда тебе тогда знать, так ли они к твоим фантазиям отнеслись, как тебе хотелось? Без приказов-то... Так ли они поняли то, что ты хотел своими выдумками сказать?

Непонятно.

А, значит, появятся сомнения. Это уже та область, где ни в чем нельзя быть полностью уверенным.

Сомнения лишают нас уверенности.

Неуверенный человек не может чувствовать себя счастливым.

И ни им, ни тебе — никому лучше от этого не станет.

И, знаешь ли, очень маловероятно, что многие их послушают... но если только вдруг... и это увлечение станет повальным... наступит катастрофа! Страшно подумать, в какой разлад придет общество! Ничего нельзя будет трактовать однозначно! Нельзя будет объективно оценить вклады тех или иных людей.

Если только вдруг все эти фантазии действительно начнут приносить известность тем, кто их сочиняет! И остальные еще будут тратить свое время и выслушивать их!

Кто-то станет известным, разбогатеет, кто-то — если предоставить ему свободу — будет считать, что незаслуженно. Начнется зависть, начнется недовольство...

Чтобы считаться хорошим работником, достаточно четко выполнять должностные инструкции. Чтобы считаться хорошим — как там? мечтателем — что нужно сделать?.. Не знаешь?.. Неужели не знаешь?! А я тем более...

Да о чем я говорю! Обратись к своим знаниям о Земле и подумай сам, как они живут!

Думаешь, разнородным обществом легко управлять? Не дурак ты, понимаешь все...

И тебе всего этого хочется? И для чего, скажи мне?

Для чего доносить до широкой общественности все эти совершенно очумелые идеи?

Если б еще хотя бы какие-нибудь из попыток воображать таким образом, как тебе хочется, были полезны и несли хоть какой-то толк... Тогда еще можно было бы попробовать... но они ВСЕ бессмысленны. Те, что могут что-то дать, у нас уже имеются. А остальные? Ровным счетом ничего и никому дать не могут.

Вот такая она, твоя Шеррилья...

Но, возвращаясь к тебе... Твое дело не допустить всего этого безобразия! Твое дело думать не об одном каком-то, тебе симпатичном человеке, а о большинстве! Твое дело давать им возможность проявить себя на работе. А работа у них будет только при стабильной экономике. Посему — тебе надо думать только о ней, ее поддержании и развитии. А вовсе не о фантазиях земных людей, ставящих как раз под сомнение господство наших материальных ценностей, а, значит, и необходимость экономического развития, благодаря которому эти ценности создаются...

Все понятно?

Элрой молчал.

— Я рад, что все понятно.

Поэтому, мой мальчик, сейчас ты подпишешь приказ об аресте. Что делать? Придется... ты у нас лицо важное, у тебя есть достаточные полномочия, чтобы вынести арест. Почему же ими не воспользоваться? — Бдэчж оскалился в очередной раз. — В порядке исключения я даже сам предоставляю тебе нужный бланк и собственную ручку. Тебе только вставить несколько слов и цифр, да подписать.

— Я не собираюсь это подписывать, — твердо ответил Элрой. — Я понял вашу точку зрения и ваше отношение к проблеме, но придерживаюсь иного мнения.

— Молодец! Придерживайся дальше! Когда окажешься за порогом Администрации! Все-таки ты дурак... Давай-давай, демонстрируй тут свою возвышенность! У тебя, видно, появилось новое пагубное хобби: поддерживать всякие бессмысленные занятия... Мне ничего не стоит, повторюсь, прямо сейчас отстранить тебя от должности. И подписать приказ об аресте самому. Так что твой выпендрег ровным счетом ничего не будет стоить. А, может, мне к тому же ненароком намекнуть кому-нибудь совершенно случайно и непреднамеренно разбить твои очки? Куда ты тогда пойдешь?... Не жалко тебе, через два дня уже Большое Заседание — великое событие, которое ты, наверно, с восторгом ожидал все эти пять лет... в этот раз, в отличие от прошлого, тебе даже доверено произнести речь, да не одну. Обидно будет, если тебя вдруг сместят — в самый последний момент! И это только начало... Да кому ты нужен без очков, без них ты никто! Был никем и снова станешь!.. Жаль, конечно, что придется их лишиться, но ничего, справлялись же мы раньше и без них. Очки не стоят того, чтобы терпеть эту Шеррилью на свободе. Она может принести куда как больше несчастий, чем твои очки — пользы. Коли уж выпала такая замечательная возможность, коли уж она совершила промах, который может послужить теперь формальным основанием к ее заключению, грех им не воспользоваться... Все тебе ясно?!

Бдэчж уже достал бланк.

Элрой его принял.

— Ну вот, так-то лучше... давно пора тебе понять: твое дело исполнять мои приказы. Пора тебе привыкнуть к этому и перестать считать тут себя самым умным.

Рано тебе пока... Хотя я не лишаю тебя возможности раздавать собственные приказы, если только они не вступают в противоречие с моими принципами. Вот были бы у тебя самого разумные принципы... появятся еще, не переживай. А пока тебе стоит положиться на меня. И я как раз даю тебе замечательный шанс совершить первый шаг на пути к ним. Первый шаг всегда самый важный. Одной возможностью ты не воспользовался, но еще есть время исправиться. Я даю тебе вторую.

Почему ты не благодаришь меня? Я же не такой жестокий, как ты думаешь. Вовсе нет. Просто я принципиален. И хочу научить тебя кое-чему. В первый раз я намеренно дал тебе свободу... думаешь, я действительно мог забыть имя этой Шеррильи?! Думаешь, я мог забыть о том, что когда-то ты поддерживал с ней дружеские отношения?! Если желаешь, мне хотелось тебя испытать, и я был почти уверен, ты сделаешь все, как требуется. Но ты не оправдал моих ожиданий. Ты отпустил Шеррилью на Землю, хотя не должен был. Но я простил тебя. Мне пришло даже в голову, что ты составил простой, но действенный план, рассчитанный как раз на то, чтобы навсегда удалить ее из нашего общества, в случае если она совершит оплошность. Видишь, я не жестокий, я — даже не побоюсь этого признать — временами до безобразия наивен. Как мог я столько времени быть уверен в том, что ты все понял? Понял всю опасность, которую она несет... Ты ничего не понимаешь... И продолжаешь не понимать. Ну ничего. Значит, придется тебя заставить. Заставлю раз, заставлю два — в третий раз заставлять уже не придется... Заполняй!

— Тогда я прошу вас дать мне другой бланк. Позвольте мне подписать предварительный указ об ее изгнании и оставлении на Земле. Через три дня на суде я смогу убедить их в том, что...

— Нет-нет, Элрой. Нельзя оставлять ее на Земле!

— Но если лишить ее права пользования всеми ее изобретениями и кораблем... она не сможет сюда вернуться и не сможет поделиться своими идеями... ведь именно они так вам не нравятся... почему нельзя оставить ее на Земле рядом с друзьями? Какие вы можете привести основания для отказа? Она же никому не причинит ни тут, ни там вреда!

— Но правила есть правила, Элрой. Правила должно соблюдать. Если уж ей положено тюремное заключение, значит, так тому и быть.

— Но сэр! — Элрой уже потерял свою былую невозмутимость. Он даже раскраснелся от волнения. — Подумайте! Это же слишком жестоко по отношению к ней! Она же... вы же сами знаете, в каком состоянии наши тюрьмы!

— Да, в прекрасном состоянии... как и все, что у нас есть. С гордостью тебе это сообщаю. Они полностью автоматизированы — там же первоклассное обслуживание!

— И в них нет ни одного человека! Ни одного работника, ни одного заключенного!

— И тебя это расстраивает?

— Но ей совершенно не с кем будет поговорить! Она же будет совершенно одна — среди всех этих автоматов... это же невыносимая мука!

— Пусть обращается к своему воображению, — улыбнулся Бдэж.

— В вас нет ни капли сострадания!

— И потом, Элрой, не понимаю, как можешь ты забывать соответствующее постановление, где говорится о том, что каждые два дня заключенного можно навещать? Кто ж запретит тебе навещать ее?.. — казалось, он сейчас расхохочется.

Элрой больше ничего не говорил.

Он дописал все, что требуется.

И поставил свою подпись.

— Ну вот и замечательно. Как ощущения?.. Наверно, пока еще не те, что могли бы быть... Ты знаешь, по кодексу еще три дня до того, как можно будет направить ее в тюрьму окончательно... Но уже сейчас можно посылать за ней людей. Конечно, они могут нагрянуть неожиданно и сами рассказать ей все сразу на месте... но, если вдруг ты захочешь, можно позвонить ей сейчас. В конце концов, правила это не запрещают.

Так зачем доверять радостную новость им? Скажи сам! Я, с твоего позволения, послушаю с удовольствием.

Посидел в моем кабинете — я хочу посидеть в твоём.

Элрой не прекословя отправился с Бдэчжем к своему коммуникатору. Что уже могло измениться? Приказ подписан. И вступил в силу.

Он увидел отметку о пришедшем сообщении от Роберта.

Теперь уже поздно.

Сейчас ему показалось безумным то, что он не стал звонить ей, чтобы предупредить... Что ему стоило!

Гораздо проще было позвонить тогда еще... чем сейчас...

И всего можно было бы избежать.

Но теперь уже поздно.

Шерри уныло сидела у себя палатке и безучастно крутила в руке свой кулон. Он был, как обычно, немного теплым, и это тепло согревало ладонь, но в этот раз оно не могло добраться до души, продолжавшей находиться в холодном оцепенении.

Она никак не могла поверить... неужели только из-за того, что... не может быть! Не может!

Происшедшее просто не укладывалось в голове!

Так не бывает! Невозможно за несколько минут полностью поменять свое отношение к человеку! По крайней мере, не из-за такой причины, какая была у нее.

Она родилась на Тыньче, и разве в ее силах что-нибудь тут поделаться? Со стороны Роберта просто нечестно отвергать ее лишь из-за этого! Нечестно и несправедливо!

Пожалуй, у нее было достаточное основание обидеться на него.

Но она не могла. Никакие основания, даже если бы ей принесли целый список, уже не могли заставить ее обидеться на него!

Она любит его.

И даже если он ее — нет, она все равно теперь уже ничего не сможет с собой поделаться...

И, наверно, никогда больше не сумеет поведать ему о своих чувствах...

Уже поздно.

Лучше бы она сразу во всем призналась сегодня вечером! Может, если бы Роберт услышал все от нее, а не догадался бы сам, он отнесся бы к этому по-другому... Может, хотя бы холода в его голосе было меньше...

Завибрировавший вдруг с силой шарик заставил ее вздрогнуть.

Такого еще не случалось. Никто не вызывал ее за все время пребывания на Земле...

Она посмотрела на координаты.
 Сам Элрой!
 Как неожиданно!
 Но неожиданность, определенно, из разряда самых приятных!
 Элрой же никогда раньше ей не звонил! Может, теперь что-нибудь изменится?
 Может, он решил все-таки возобновить хоть какой-то контакт¹³⁶?
 На душе у нее потеплело.
 Она, недолго думая, приняла его вызов.
 Ей очень не хотелось, чтобы их первый разговор после такого длительного перерыва прошел в негативном свете — и таким им и запомнился. И хотя ей было сейчас тяжело, она постаралась взять себя в руки и на время не думать о грустном. На грустное и потом всегда время найдется...
 Сейчас же ей очень хотелось порадоваться именно его звонку!
 Быть может, она перестаралась, потому что, едва приняв вызов, тут же принялась тараторить без умолку. Наверно, надеялась, что это поможет ей скорее повеселеть... все-таки то, о чем она говорила, и впрямь могло только радовать.
 — Элрой, неужели это правда ты?! Вот так сюрприз! Как я рада тебя видеть! Ты, наверно, заметил, как я пыталась тебя вызвать, и решил перезвонить? Спасибо, мне так приятно! Так приятно!
 Я ведь о многом хотела тебе рассказать! Ну да ты, наверно, все уже знаешь! Но я все равно скажу: послезавтра мы идем на показ! На конкурсный показ! Наша работа уже прошла отборочный тур! Это же так здорово! Представляешь, в самом центре Голливуда, вечером, прямо как в кино! Но... — она наконец внимательно посмотрела на его лицо¹³⁷, — но что с тобой? Ты как будто совсем не рад? Но ты же все это знал!.. Что-то случилось? Ты позвонил не просто так?.. Ну пожалуйста, не молчи! Говори скорее!..
 — Здравствуйте, мисс Дчжонс! — наконец начал Элрой. Он старался не смотреть на нее. Не видеть ни в коем случае изменений, произошедших в выражении ее лица, когда она услышала, что он назвал ее по фамилии. Он мог вынести огромный поток информации, лавину работы и даже шквал самых негативных эмоций Бдэджа, приправленных злорадством. Все это показалось ему сейчас полнейшей ерундой... только это изменение в выражении Шерриного лица — вот это он уже еле выдерживал, и, если бы он смотрел на нее внимательно, наверно, у него подкосились бы ноги. — Это официальный звонок, поэтому отнеситесь к нему, пожалуйста, со всем подобающим вниманием.
 С вами разговаривает представитель Администрации Президента, Второй его заместитель, Элрой Макинтош.
 С сожалением вынужден сообщить вам о подписании приказа о вашем аресте. Арест производится по следующему основанию: преступная халатность, способствующая созданию опасных для вашей родной планеты Тыньчж условий, влекущих тяжелые последствия для ее государств и их общественного устройства.

¹³⁶ Пусть только и телефонный. Телефоны (точнее, видеофоны — все-таки с картинкой проще: не надо лишний раз пытаться по голосу угадывать и представлять выражение лица собеседника) на Тыньчже не жаловали. И Шерри в том числе.

¹³⁷ Проекция, созданная шариком, по правде говоря, была совсем небольшой... наверно, поэтому она сразу и не разглядела... сейчас он был очень бледным.

Сегодня не более часа назад в Администрацию пришло сообщение от земного человека по имени Роберт Браун, с которым вы поддерживаете отношения и который, предположительно, получил эти координаты от вас.

Доводим до вашего сведения, что подобное происшествие недопустимо, равно как и ваше дальнейшее пребывание на планете Земля. Вы будете депортированы сегодня, через несколько часов, настолько скоро, насколько это возможно. Должностные лица, обладающие полномочиями забрать вас собой, уже отправлены к вам.

Вы вправе попросить их предоставить вам подробный отчет и список документов, касающихся вашего ареста.

Как представитель Администрации заявляю вам со всей ответственностью: приказ об аресте подготовлен в соответствии с действующими нормами процессуального кодекса и вступил в юридическую силу с момента подписания его Вторым заместителем Президента.

В соответствии с процессуальным законодательством, вы проведете под арестом три дня, после чего состоится судебное заседание, где решится ваша дальнейшая судьба.

Я обязан предупредить вас, что по закону, если только ваша вина будет доказана, наказание, грозящее за подобное преступление, — пожизненное заключение. Это единственный возможный исход в вашем случае.

Если у вас есть какие-либо вопросы, можете задать их прямо сейчас и получить ответы от меня. Либо затем — вышеозначенным должностным лицам, направленным к вам.

Кроме того, вы лишаетесь права пользования космическим кораблем. Не пытайтесь скрыться — у нас есть ваши координаты, вас быстро обнаружат.

Не пытайтесь сопротивляться. Это ни к чему не приведет.

Вы прослушали всю положенную вам информацию.

Благодарю вас за внимание... мне жаль...



Шерри пропала.

Роберт обнаружил это на следующее утро.

Какая ужасная ему предшествовала ночь!

После их с Шерри разговора он уже не понимал, что происходит и что он делает.

Все было как во сне.

Хотелось не думать. Отвлечься работой.

Хотелось зацепиться за любую малейшую возможность! Хотелось забыться!

Роберт заставил себя вернуться к полученным координатам. Теперь он был уже не в состоянии размышлять, откуда они появились и что могло послужить им источником... Все равно ведь одних только размышлений сейчас было недостаточно! Они ему не помогли бы...

Он решил сразу действовать. Попробовать отправить свое сообщение куда-то туда... а вдруг получится? Не так же просто эти координаты вдруг взялись! Не будет же кто-то баловаться! Да тут особое оборудование требуется — для таких волн.

Тогда, пожалуй, если только ему удастся установить контакт — ну а вдруг?! — работа потребует от него всех сил и внимания. И можно будет не думать о... ну вот, опять он думает о ней!!

Когда Роберт все уже подготовил, он еще долго сомневался и никак не мог решиться... а вдруг действительно сможет?

Это же будет настоящей вехой в истории всей планеты! Поворотным пунктом! Весь мир, может быть, скоро изменится!

И послужит этому лишь маленький шажок, тот самый, что он собирается совершить сейчас...

Сейчас, возможно, произойдет историческое событие планетарной важности! Быть может, именно сегодня случится то, о чем он мог столько времени лишь страстно мечтать!..

А вдруг?

И все-таки... не так он себе все это представлял. Совсем не так.

Не было торжественности. Не было радости.

Ничего не было.

Была только тупо сверлящая голову мысль: «Отправляй же скорее!»

Роберт пытался настроиться на соответствующий лад. Возможно, это тот самый момент, о котором он потом с удовольствием — так ему, по крайней мере, всегда раньше хотелось в собственных мечтах — будет вспоминать до конца жизни! Напишет о нем в мемуарах, расскажет в интервью...

Если только окажется, что это верные координаты... а то, быть может, никаких мемуаров ему и не придется писать.

Он никогда не узнает, если не попробует сейчас!

Может быть, стоит подождать до завтра? Он ждал уже 22 года¹³⁸ — что изменит одна ночь?

Но вдруг все-таки... вдруг завтра все поменяется — и действительно станет торжественнее? Он отправит свое сообщение, находясь не один в темном трейлере, как сейчас, а в присутствии Джулии и...

А что это изменит?

Ну неужели, даже если он чего-нибудь добьется, даже если вдруг он получит ответ, это поможет что-нибудь изменить в ее к нему отношении?

Нет.

Не было уже никакого смысла надеяться.

И никакого смысла ждать.

Какая теперь разница?

Сегодня отправит, завтра...

Роберт пришел вдруг в раздражение и, не думая, ткнул в несколько требующихся клавиш...

Сообщение было отправлено.

Оставалось теперь только ждать.

Ожидание было томительным.

Ничего не происходило.

Решительно ничего.

Когда это ожидание — тупое бодрствование без всяких мыслей — успело перейти в бессвязный бредовый сон?

Роберт и сам не заметил.

Все там было мутным и противоречивым. Он задавал себе нескончаемые десятки вопросов и ни на один не мог найти ответа...

Он очнулся на рассвете.

Еще раз оглядел свой трейлер, внутри которого через окна уже начал заливаться солнечный свет.

Было тихо.

¹³⁸ Столько ему было лет. И сейчас он искренне считал, что с самого рождения только об этом установлении контакта и мечтал...

И воздух был прозрачен.
Невозможно было не ощутить удивительную свежесть, свойственную только осени. И чистоту.
Эта прохлада подействовала на него отрезвляюще.
Посмотрел на датчик. Никакого ответа...
Вдруг!..
Он вдруг действительно ВСЕ понял!
Это осознание пришло к нему, казалось, вместе со вдохом осеннего воздуха, — так же просто и естественно!
Само собой!
И он совсем не удивился тому, ЧТО вдруг понял.
Он удивлялся только, КАК он так долго мог этого не замечать...
Господи, ну как только он мог не понять раньше?!
Ну как только?
Все те несовместимые осколки воспоминаний, которые мелькали в его сне всю эту ночь и больно резали ему сердце, он без труда склеил сейчас снова в единую картину.
Все стало понятно. Просто. Логично. Как никогда.
Как никогда за все эти месяцы.
Ему стало понятно ее странное поведение, странный диалект, странные ее изобретения, странная реакция его детектора на нее и ее кулон¹³⁹, рассказы о странных порядках в странном месте, откуда она родом, странные полученные координаты, странный вчерашний вопрос, который она ему задала... Все это больше не казалось ему странным.
Невероятным — о да! Но не странным.
Оно стало объяснимо!
Роберт испытал неимоверную радость от своего открытия, соизмеримую лишь с той, что испытала Шерри вчера от своего.
Ему хотелось смеяться, бегать, вопить и всеми другими возможными и невозможными способами сходить с ума!
Сходить с ума от счастья!
Совсем о другом она вчера его спрашивала, а он, дурачок...
Дурачок! Столько времени мечтать о контакте с инопланетянами и даже не заметить, что мечта его уже давно осуществилась!
Но какая ему сейчас разница?
Он радовался вовсе не тому, что Шерри оказалась инопланетянкой!
Подумаешь!
Он радовался, что все его вчерашние сомнения оказались напрасны... что все-таки она любит его!
Он наслаждался таким редким и оттого таким сладостным ощущением предвкушения! Предвкушением счастья, которое было теперь возможно, как никогда!
Что может стоять теперь на пути?
Сейчас еще рано, она, наверно, пока спит... как он ей расскажет? Как она отнесется к его открытию?..

¹³⁹ А ведь он так и не нашел в нем ошибки... вот, оказывается, почему! Ее просто не существовало!

Роберт, которого за слишком короткое время бросало то во всепоглощающее отчаяние, то в безудержную радость, остановился в этом своем плохо контролируемом балансировании и припомнил вчерашний разговор.

Она же вчера спросила его... и именно с этим смыслом. А что он ей ответил?

Роберт уже не мог точно вспомнить. Он помнил лишь тот смысл, что вкладывал в собственном понимании.

Она же, задав вопрос совсем о другом, могла и понять по-другому.

Она ушла.

Почему?

Что она вчера услышала в его ответе?

Сомнения, охватившие Роберта, не позволяли ему больше ждать.

Это недопонимание...

А вдруг оно и ей принесло не меньше страданий, чем ему?!

Какой ужас!

Ему надо сейчас же ее увидеть!¹⁴⁰

Все рассказать!

Скорее же! Скорее! Почему он еще тут?

Роберт выскочил из трейлера и помчался к ее палатке.

Позвал ее несколько раз, но она не отозвалась.

Неужели он так ее обидел?!

Или что?

Он решился заглянуть внутрь.

Тогда-то он и обнаружил, что Шерри пропала.

...

Внутри было совершенно пусто. Не было даже чемоданчика, который она прихватила с собой сюда вчера вечером.

Может быть, она все-таки решила погулять по окрестностям? Сегодня такое замечательное утро...

Это была глупая мысль. Зачем ей брать свой чемодан на прогулку?

И все-таки Роберт решил проверить — вдруг сможет по следам... Он посмотрел на траву перед входом в палатку.

Нет, это же Голливудские холмы! Они исхожены вдоль и поперек! Определить, где тут следы Шерри, возможным не представляется...

Пришлось опять вернуться в палатку.

Пожалуй, обследование самой палатки сможет дать ему даже больше.

Хотя что тут обследовать? Она пуста...

И все же Роберт внимательно оглядел каждый клочок травы.

И не напрасно. В углу он кое-что обнаружил...

И эта находка повергла его в отчаяние!

Сомнений больше быть не могло! Что-то случилось!

Что-то очень нехорошее...

Роберт попытался собраться и абстрагироваться от эмоций.

В руках у него был тот самый Шеррин, как она когда-то ему сказала, «талисман». Тот самый, с которым она никогда не расставалась!

¹⁴⁰ Он уже не помнил о времени и о том, что еще слишком рано.

Роберту уже довелось однажды держать его в руках. Это было давно, но он хорошо запомнил те удивительные ощущения.

Теперь было совсем по-другому. Он был теперь холодным и безжизненным.

Шарик раскололся на две половинки.

Роберту в тот раз показалось, будто внутри что-то есть, что-то теплое и... как бы это сказать?... хорошее.

Теперь внутри была пустота. Через эту пустоту он мог разглядеть, как выглядят стенки изнутри.

Осталась одна безжизненная оболочка.

Роберт попытался сложить его створки обратно, но они не закреплялись и снова раскрывались... зияющая пустота, несколько раз разверзшаяся вместе с ними, выглядела безобразно. И будто бы служила немой, но самым действенным упреком. Роберту хотелось убрать ее с глаз долой, но он не мог и продолжал смотреть в самый центр...

Почему шарик тут, и где же она?! Почему без него?!

Что все-таки произошло сегодня ночью?

И вдруг Роберт вспомнил. Ему не хотелось, но воспоминание не спрашивало и медленно и неумолимо накатывало на него, и он так же медленно осознавал весь ужас ситуации. Еще чуть-чуть, и он задохнулся бы — потому что вина, собственная вина, которую он вдруг осознал, все в нем переполнила и не оставила места ни для чего остального.

Он больше уже не вспоминал о вчерашнем — об отправленном сообщении — какое ему этим утром было до него дело?!

Но сейчас... он, наконец, связал два этих факта — отправку сообщения и исчезновение Шерри.

Почему он вчера ни разу не спросил себя, зачем же она попыталась ее скрыть?! Да откуда же... вчера он еще и не подозревал, что Шерри намеренно собиралась скрыть именно ЭТУ частоту... что он вчера решил? Что она просто зачем-то хочет помешать всему эксперименту?

Но это же такая нелогичная глупость! Он просто выбрал тот вариант, что показался ему самому удобнее всего. Но не тот, что был бы разумнее.

Он не подумал. Не подумал, как следует. Да что там — вообще не думал ни о чем!

А ведь она несколько раз порывалась ему что-то сказать!

Он не придал этому должного значения.

Он сам не дал ей сказать.

Он так погрузился в себя, что ничего не заметил.

Он просто идиот!

Наверно, он нарушил какой-то запрет... наверно, прикоснулся к тому, к чему рано ему пока было прикасаться.

Думал там еще о каких-то мемуарах и интервью... идиот!

А наказали ее.

Это все... все то, что произошло... это все из-за него!

— Шерри, ты уже не спишь? — послышался снаружи голос Джулии. — Доброе утро, Шерри! Извини, если я тебя разбудила. Наверно, сегодня стоит встать пораньше,

если... ну... надо подготовиться к завтрашнему... Шерри?.. Ты же всегда раньше меня просыпаешься!.. Все в порядке?.. Я загляну?..

Не дождавшись ответа, она просунула голову внутрь и, заметив вовсе не Шерри, а Роберта, тихонько вскрикнула от удивления.

— Роберт! Ты-то что тут делаешь?! А Шерри где?

Он молчал. Он действительно не знал.

— Отправилась погулять?

Роберт продолжал молчать.

— В такую погоду грех не погулять... день обещает быть чудесным! И она правильно делает, что рано встает... я вот у себя тоже всегда очень рано просыпалась, а тут с вами стала... а ты, наверно, плохо спал? Выглядишь как-то... — Джулия помолчала. — Она не сказала, когда придет?

Роберт покачал головой.

— Никогда она не предупреждает!.. Но она вернется, конечно, в самое вовремя... странная у нее привычка никогда не говорить, когда вернется... а потом появляться всегда в самое время... помнишь, как она делась куда-то в Исландии, а потом, как раз когда ты начал...

— В этот раз вряд ли, — перебил ее Роберт.

— Она же знает, что сегодня у нас важный день, что надо подготовиться! Не будет она уходить далеко!.. — ее вдруг посетила новая мысль. — Слушай, а ты-то тут почему сидишь? На улице так хорошо! И палатки еще надо собрать... я не понимаю... Зачем ты сидишь в Шерриной палатке?

Роберт не знал, как ей сказать.

— А в руках у тебя там что?

Роберт разжал кулак.

Он ожидал, что Джулия сейчас вскрикнет, начнет задавать кучу дурацких вопросов, а уж когда поймет, ЧТО произошло...

Она как-то резко вздохнула, но ничего не сказала. Только и так большие ее глаза, казалось, расширились еще больше от ужаса, и она в недоумении ждала хоть каких-нибудь объяснений от Роберта.

А Роберт ничего не мог ей сказать. Слова из него сейчас просто не шли.

— Она, наверно, не скоро... вернется теперь... Это... все... это все из-за меня.

...

Прекрасная погода была в этот день!

Неправильная до невозможности погода! Ясное солнце, голубое без единого облачка небо, прохлада и умиротворение, в которое, казалось, все вокруг погрузилось.

Так было неправильно!

Все было неправильно!

Роберту хотелось, чтобы был дождь, чтобы свистела буря, чтобы бушевала непогода, чтобы небо было затянуто темными тучами...

Чтобы не было этого кошмарного контраста между тем, что он видел вокруг, и тем, что он ощущал!

Честное слово, с бурей стало бы, может, хоть как-нибудь полегче!

Он весь день не выпускал ее кулончик из рук. Целый день он провел в лаборатории, изучая его и пытаясь починить.

Ничего не получалось.

Он не знал, как. Он не мог понять.

Оказалось, никогда это и не было простым кулоном! Самое настоящее, очень сложное устройство!

И это только послужило последним железным доказательством его предположения о том, что Шерри родилась не на Земле.

Он упорно бился над ним, потому что видел в нем единственный ключ к разрешению случившегося. Единственный ключ к тому, чтобы вернуть Шерри. Последняя зацепка, оставшаяся у него в руках.

Джулия ходила весь день в шоковом состоянии. И не стала даже упрекать его ни в чем.

Она отказывалась верить, что все может так закончиться.

— Нет-нет, так не бывает! — качала она головой. — Так просто не бывает! Чтобы все шло так хорошо и вдруг... нет, так только в фильмах может быть! И в трагедиях каких-нибудь... но не в жизни... Ты в чем-то там ошибся, Роберт! Скорее, ее только на время вызвали... Она конечно придет. И сама все починит!.. она придет!

Как Роберту хотелось в это верить!

Вечером Джулия показала ему то, что купила в магазинах.

— Вот, костюм для тебя... ты бы хоть примерил... а то вдруг еще не подойдет... менять придется. Уже ведь завтра вечером... времени мало осталось.

Роберт безучастно кивнул.

— Мое ты уже видел... это я купила для... вдруг она придет, и обнаружится, что у нас нет для нее платья?.. Вот, надо быть готовыми, а то очень плохо получится... я думаю, она все-таки придет!

Роберт во второй раз безучастно кивнул.

И взглянул на третий пригласительный билет.

Может быть... и правда придет...

Элрой крутился у зеркала.

Большое Заседание уже сегодня! Оставалось не больше получаса до его начала.

Он должен быть сегодня безупречен.

Он должен. Каждая мелочь имеет значение. Каждая!

Даже галстук. Это вовсе и не мелочь. Если же это мелочь, то он не стал бы тратить на нее целых два часа.

Вот уже два часа он пытался подобрать тот, который идеально подошел бы к его лучшему костюму. Потому что все сегодня должно быть идеально.

А галстуков было много. Выбор был велик. И очень труден. Даже для такого искушенного в галстуках лица, как Элрой.

Они все, вроде, были коричневыми, но при этом разной степени коричневости. Поэтому Элрой уже два часа завязывал и развязывал то один, то другой... к тому же, он знал множество способов, как их завязать, — что только подбавляло дополнительных вариантов...

Впрочем, он благодарил свой гардероб и галстуки за возможность потратить на них столько времени. Он все уже подготовил к сегодняшнему дню — и если б не они, то просто не знал бы, чем себя занять и не находил бы от волнения места.

Ничего нет важнее, чем его выступление сегодня!

Все решится сегодня.
Если Бдэчж решил, что он сдался, то он глубоко заблуждается.
Элрой не из тех, кто сдается, не испробовав все возможные варианты. И он умеет выжидать. Выжидать до тех пор, пока не представится действительно подходящей возможности!
Такая именно сегодня!
И больше такой не будет... по крайней мере в ближайшие пять лет.
Именно сегодня — и все зависит только от него теперь! И ни от кого другого!
Элрой сотни раз уже повторил свою речь в голове. То, что он собирался сказать, сильно отличалось от того, что он писал два дня назад. Он не стал менять записанное... зачем оно ему? И лучше он скажет все без бумажки, своими словами.
Не нужна ему никакая бумажка.
Он сможет. Да, он сможет.
В подобных размышлениях и самоуверениях он завязывал очередной галстук.
И вдруг узнал такое, что его всего просто затрясло от негодования!¹⁴¹
Негодования!
Не то слово!
Ярости?
Элрой не знал, как назвать то, что он почувствовал.
Это был какой-то смешанный поток чувств и эмоций, совершенно не расчленимый ни на какие составные части.
Как бесчеловечно! Как низко! Как подло!
Как отвратительно!
Как отвратительно то, что приказал Бдэчж только что своим людям!
Такое в голове не укладывается!
Как можно было?!
Элрой постарался хоть как-то сдержать себя. Он думал почти четверть часа¹⁴², прежде чем принять решение.
Это был его новый рекорд. Обычно у него уходило около 10 секунд; максимум, для самых запутанных случаев — не многим более пяти минут.
Но сейчас вовсе не тот случай.
Совсем не тот!
Такого с ним еще не случалось!
У него в этот раз не было права на ошибку.
Элрой оценивал все возможные варианты. И пытался найти самый оптимальный.
А выбрал в итоге самый безумный. Но, как он уверился, единственно возможный.
Нельзя было больше выбирать тот вариант, что ему самому казался бы полегче... слишком рискованно. И непростительно будет ошибиться! Тогда уже точно будет слишком поздно для исправлений.
Он абы как дозавязал тот галстук, что был у него на шее, и бросился вниз, к телепортаторной будке.

¹⁴¹ И вообще-то это могло плохо кончиться... ведь он завязывал галстук — как бы он не завязал его чуть сильнее, чем требовалось.

¹⁴² Заседание уже почти началось, а он был вовсе не там. Он все еще стоял у зеркала с недозавязанным галстуком и думал.

Элрой редко пользовался будками, но сейчас он искренне порадовался их существованию.

Нельзя было больше терять времени! Ни секунды! Он и так решался слишком долго!

А будка как раз работает так скоро и замечательно!

Он указал ремонтный цех космических кораблей.

Через несколько секунд он был уже у его дверей.

Чтобы пройти внутрь, не требовалось ничего, кроме как набить несколько примитивных шестнадцатеричных секретных кодов.

На это тоже ушло мало времени.

Никто не обратил на его появление внимания. Да и кому было?

Во-первых, сегодня официальный праздник¹⁴³, и все следят за торжественным открытием Заседания, а, во-вторых, в самом цехе давно уже работают одни только роботы. Вот сводки об их работе составляют люди в офисах... и чаще всего в течение жизни они наблюдают за самим процессом работы этих роботов раза два-три. Так лишь, когда только поступают на службу и когда у них еще не пропадает окончательно интерес к тому, над чем, собственно, они будут работать всю жизнь.

Вот и сейчас — никого там не было.

Элрой забежал в зал отремонтированных, но еще не полностью настроенных кораблей.

Их защиту он вполне был в состоянии взломать. Ему и исправные корабли с автопилотом были нипочем, но там принцип защиты куда как сложнее, а времени у него не так уж много.

Ничего, полетит без автопилота. Что он, не знает, как долететь до Земли, что ли?

Он еще раз подумал, какой из имеющихся тут кораблей стоит взять.

Вот корабль двухместный скорый. Вот корабль трехместный, помедленнее.

Вот большой четырехместный. Здоровый, медленный, зато крепкий.

Пожалуй... учитывая все возможные варианты развития событий...

Элрой быстро проник в трехместный.

Он весьма виртуозно побегал пальцами по кнопкам — последняя защита взломлена.

После этого он еще полминуты подумал. И собрался.

Дороги назад уже не было.

Он все решил.

Элрой засел за штурвал.

Подав команду открыть двери в специальный коридор для вылетов.

Вышел на взлетную полосу.

Перед взлетом он еще раз взглянул на родную планету: на коричневую землю, на коричневые здания, а потом и на коричневое небо...

Начал взлетать. И на какие-то несколько секунд, пока корабль не развил достаточной скорости, он вдруг впервые с высоты заметил горы, луга и заброшенные шоссе где-то там, за мегаполисом...

А уже через минуту он любовался совсем другим: бесконечным числом звезд, щедро рассыпанных по всей Вселенной.

¹⁴³ Причем, главный праздник пятилетия!

...

Полет до Земли на корабле подобной модели требовал два часа, 5 минут и еще около 35 секунд.

Времени на размышления было достаточно.

Но не на то, чтобы прийти в себя!

Элрой никак не мог осознать все, что произошло! Все, что он сам совершил так стремительно!

Ему не верилось.

Ни во что не верилось! Ни в то, что это он сейчас за штурвалом космического корабля. Ни в то, что он держит курс на Землю. Ни в то, что где-то сейчас может проходить какое-то Заседание... ни в то, что он так его ждал и так о нем мечтал...

Мечтать о Заседании, коричневом, обычном заседании, когда во Вселенной есть столько необыкновенных цветов, столько необыкновенных мест и случается столько необыкновенных вещей!

Звездные взрывы, метеоритные дожди, черные дыры...

А он думает о заседаниях! Что значит Большое Заседание в масштабах Вселенной?..

Не верилось, что Вселенная бесконечна и так многообразна! Не верилось, что на свете возможна такая красота! Не верилось, что бесконечно много галактик, существующих на свете, образуют бесконечно много прекрасных рисунков. И не верилось, что увидеть их можно, только если бороздить просторы Вселенной на космическом корабле... и что ты никогда не сможешь увидеть их все, даже если потратишь на полет всю жизнь, потому что они никогда не закончатся и всегда будут еще...

Элрой, даже отягощенный полученными недавно знаниями и напряжением, всегда сопровождающим человека, принявшего ответственное решение, не мог не замечать красоты вокруг...

И ведь скоро он окажется на Земле. Через какие-то один час и 28 минут он ступит на Землю!

Он увидит земных людей! Настоящих земных людей! Они, конечно, ничем не отличаются от него... Но Боже! Настоящие земные люди! Вдуматься только!

И важнее всего то, что он познакомится с друзьями Шерри! Он уже столько всего о них знает, а они лишь догадываются о его существовании... только из случайных упоминаний Шерри... Но они еще не знают его, а он по-настоящему не знает их.

Что принесет ему это знакомство?

Несомненно, хорошее. Не может быть иначе!

Они замечательные, эти брат и сестра!

Они столько всего пережили вместе с Шерри! А он лишь получал какие-то отголоски их впечатлений, какие-то пустые знания... одни только цифры — сколько стран они посетили и сколько километров преодолели, да беседы, над которыми он не успел пока как следует подумать.

А что будет, когда он не только узнает о содержании их бесед, но и примет в них участие?

Предполагал ли он когда-нибудь, что это все окажется возможным? Смел ли надеяться еще вчера? Еще несколько часов назад?

Еще несколько часов назад он был уверен, что проведет настоящие минуты в окружении коллег из Администрации...

И все-таки заботы не оставляли его.

Причина, вынудившая его сделать такой радикальный шаг, несомненно этого шага стоила.

Он мучился мыслями, которые никак не мог отпустить от себя, даже глядя на такую красоту...

Бдэчж приказал двум порядочным верзилам у себя на службе — Элрой не мог поверить в то, что подобная мысль вообще могла прийти кому-то в голову, — избавиться от Браунов, брата и сестры!

В буквальном смысле избавиться!

От ни в чем не повинных земных людей! От беззащитных и не подозревающих еще, что впали в немилость, людей!

Для чего?! Зачем?! Почему?!

Вот этого Элрой не знал.

Он не мог знать мысли Бдэчжа.

Он не понимал...

Он и не хотел понимать! Но не думать об этом все равно не мог, ибо приказ Бдэчжа потряс его до глубины души и все в нем перевернул! Это стало последней каплей!

Если арест Шерри был еще хоть как-то оправдан с точки зрения Бдэчжа — и тот нашел подходящие аргументы — то Брауны уж точно были безобидны и не могли принести никакого вреда! Даже в глазах Бдэчжа!

Единственное объяснение, которое Элрой смог найти¹⁴⁴, — это то, что Бдэчж сделал это из желания проучить Элроя, окончательно сломить его волю — чтобы ему не за кого больше было ухватиться — и разрушить все, начатое Шерри, с концами.

«Надо было ему думать, когда он ее отпускал, вот и все, — сказал сам себе Бдэчж. — Тогда не пришлось бы избавляться от задействованных... это все на его совести, не на моей... они с ней не познакомились бы никогда, если б не он... надо было ему думать».

Вот примерно это пришло Элрою в голову, хотя ему совсем не хотелось знать то, что бормочет там Бдэчж себе под нос...

Только сейчас Элрой осознал, что в законе «О неразвитых планетах» отсутствует всякая конкретика по части прав этих планет и в частности людей, их населяющих. Законом запрещалось только трогать планету как таковую — в планетарном масштабе.

В отличие от тыньджиан у тех людей ничего не было, никакой правовой защиты, и, фактически, правила не запрещали... того, что приказал Бдэчж. Никакого наказания не было предусмотрено! Только сейчас Элрой понял, насколько отвратительно был проработан этот закон... Почему он не думал об этом раньше? Почему не подумал внести поправки?

Те, кто его разработал, явно пеклись о тыньджианах, но никогда серьезно не задумывались о второй стороне, никому и никогда не было раньше дела до далеких людей с неразвитых планет. Да и зачем было писать об их правах, если тыньджиане не вмешивались в их дела? Им просто не приходило в голову. Ведь Тыньчж не

¹⁴⁴ Основываясь еще и на пророненных неосторожно Бдэчжем реплик самому себе.

поддерживает контакт ни с одной из таких планет... закон был создан скорее для галочки.

И только Бдэчж воспользовался этим промахом!

Как это низко!

Он ни во что не ставит людские жизни! Он смеет распоряжаться ими, как ему пожелается, в собственных целях! И еще при этом смеет говорить о службе обществу... тынчжиане, земляне — ну какая разница?! Разница существует только по установленным законам и правилам!

И ведь он понимал, что Элрой обязательно узнает о его приказе. Поэтому дотянул до последнего! До самого Заседания!

И был уверен, что Элрой предпочтет присутствие на ничтожном Заседании их жизням. Что Элрой опустит руки...

Не станет бороться, не решится ему противостоять.

Не верил, что Элрой предпочтет бесконечно безрассудный план, единственно возможный в данной ситуации. Думал, что он испугается предпринять эту безумную попытку...

И был уверен, что после этого случая, когда Элрой осознает во всей мере свое бессилие, он уже никогда не решится перечить ему снова.

— Я так просто не сдамся! — кричало все в Элрое. — Ни за что! И вопрос не во мне! Пусть думает обо мне и моем характере что хочет, мне все равно... Но я не позволю ему так легкомысленно и бессовестно играть чужими жизнями!

Они приземлились раньше, хотя вылетели позже.

Их двухместный корабль был быстрее.

И они с легкостью обнаружили местоположение Джулии и Роберта — все из-за того же кулона, который Браун прихватил с собой. Он с ним не расставался с тех пор, как нашел.

Они, наверно, были страшно недовольны тем, как их отчитал Бдэчж. Два дня назад они были тут уже, на Земле, когда арестовывали Шерри, и позволили ей запудрить им мозги и оставить свою поломанную вещицу на траве, хотя поднять ее тогда ничего не стоило. А они не сочли нужным.

Оказывается, зря. Оказывается, Бдэчж собирался использовать ее как главную улику против нее. А они так легкомысленно позволили ей оставить ее у землян.

Он, со свойственным ему темпераментом, высказал все, что думает об их профессионализме...

Так что в этот раз они были настроены весьма недружелюбно. Особенно если вспомнить, что им не дали отпраздновать Заседание как следует и отправили невесть в какую «дыру»...

Вечер¹⁴⁵ выдался теплым и звездным.

Элрой приземлился как можно ближе к той точке, где находились они. И побежал к концертному залу-кинотеатру, где должен был проходить показ — ведь надо же, какое совпадение! У них сегодня тоже очень важное мероприятие! — со всех ног. Ноги

¹⁴⁵ А на Земле уже был вечер.

у него работали быстро, потому как он привык устраивать спортивные забеги по зданию Администрации и в день определенно наматывал несколько километров.¹⁴⁶

Джулия и Роберт уже находились в фойе кинотеатра. И люди Бдэджа тоже. Они были все-таки не дураки и, обнаружив, что требуются пригласительные билеты, быстро сделали их по образцу.

Пока Элрой какое-то время разбирался на входе — он застрял в толпе у дверей, которую пропускали довольно медленно, — они уже разыскали Браунов и жестами недвусмысленно предложили отойти с ними в более укромное место.

Таким им показалось местечко за кулисами концертного зала, как раз отгороженное декорациями.

Элрой знал, что он успеет.

Существует определенная этика. Они никогда не приступят к исполнению приказа, не проговорив его сначала, не представившись, не предоставив собственных документов. Потому что все должно быть сделано по правилам. Законно. Даже если само действие... Элрою, по крайней мере, оно казалось противозаконным и безобразным.

Хотя, конечно, в данном случае этикет не имел никакого значения. Потому что они все равно не знали английского и говорили все на тыньчжианском.

Но положено говорить — значит только одно: положено.

— Роберт! Кто эти люди? Что им от нас надо? Я не понимаю! — тревожно теребила его Джулия. — Может, это какие-то иностранные дистрибьюторы? Не рановато ли пока говорить о... тем более мультфильма у нас больше нет!

— Джу, не знаю... нет, это вообще не похоже на те языки, что я слышал... не мешай мне только сейчас! Они, почти уверен, с планеты Шерри! Видишь, у них для нас что-то важное! Но, тысяча неисправных транзисторов, я ничего не понимаю! Стоять тут с ними и не иметь возможности получить хоть сколько-то вразумительный ответ!

Люди не обращали на них внимания и твердили свое, как заученное. Главным для них сейчас было отрапортовать все, что требуется, и скорее перейти к делу.

— По-моему, они уже заканчивают! Они что, не видят что ли, мы ничего не понимаем! — в отчаянии воскликнул Роберт. — Их нельзя отпускать! Зачем они тогда вообще тут оказались?! Тупо протараторить что-то в нашем присутствии?! Ну нет! Это уже издевательство какое-то!

Он был сбит с толку и пребывал в отчаянии: такая возможность узнать о судьбе Шерри, может даже, попросить этих людей помочь ей, а он не может ничего поделать! Они его не слушают, не понимают!

И отчаяние свое он прятал за возмущением. Еще долго и праведно мог он выказывать все признаки недовольства, и, если подумать, имел все на то основания.

Но его перебили.

В проеме, служившем дверью к декорациям, внутри которых они стояли, стремительно возникла новая — и весьма одиозная, на взгляд Роберта, — фигура.

Она заставила его миглом замолчать и замереть. И вызвала несомненный интерес тех двух пришельцев, не способных изъясняться человеческим земным языком.

Он не успел еще толком разглядеть появившегося паренька, но с первых же секунд почувствовал, что от него прямо-таки разило чванливым самодовольством, и

¹⁴⁶ А если еще вспомнить, что там были лестницы... Часто для Элроя пробежать этаж по лестнице оказывалось даже быстрее, чем проехать на лифте.

то, каким самоуверенным тоном он говорил¹⁴⁷, это только подтверждало. Во всех его действиях сквозили бесцеремонные управленческие замашки, удивительным образом мешавшиеся с показной официальностью, — все это Роберт на дух не переносил.

Джулия, казалось, была о появившемся совсем иного мнения. Она тараторила на него с открытым ртом и даже не моргала. Удивительно просто!

— Так-так-так! — недовольно бросил Элрой тем двум, прямо с порога. — И как это понимать?! Мистер Нойтчш и мистер Дчкартс! — за это время он решительным шагом подошел к ним и сейчас стоял уже совсем рядом. — Я к вам обращаюсь! Объяснитесь!

Они немного смутились. Не ожидали никак они тут увидеть своего соотечественника. И ворвался он совершенно неожиданно. Да еще и обращался к ним как начальник.

Может, это и был новый начальник? Просто их не предупредили...

Они не помнили имени, но точно видели его в Администрации, и не раз.

Тем более он знал их имена.

— Мы при исполнении служебных обязанностей, сэр. Действуем строго по правилам. Только что закончили официальную часть и готовы приступить к выполнению основного приказа!

— Прекрасно! Замечательно! Основное приказание!.. А в курсе ли вы, что мистер Бдэчж передумал и поручил мне лично с ними разобраться? Надо еще кое-что от них узнать, а я как раз владею их языком. И было бы очень печально, если бы я, потратив свое драгоценное время, сейчас опоздал и обнаружил бы, что вы уже успели выполнить свое поручение... я потерял бы столько времени впустую! Непозволительно! Вы так не находите?!

— Простите, сэр. Нас не предупредили.

— Из-за вашей безалаберности, господа!

Он знал, что один уже успел тихонько ткнуть другого¹⁴⁸ — что должно было демонстрировать его озадаченность происходящим. У того, кто ткнул, на лице так и читался лишь один вопрос: «Это кто передо мной?».

— Не могли бы вы, пожалуйста, представиться и показать ваш ОПНИП¹⁴⁹?

Элрой предвидел этот вопрос, а потому вовремя развернулся к Джулии с Робертом и сделал вид, что не расслышал его.

Пусть пока разберутся между собой, кто он. Раз уж им так хочется¹⁵⁰.

¹⁴⁷ А обращался он сейчас к тем двум на их языке, так что Роберт не мог судить о содержании — но тон ему не нравился решительно.

¹⁴⁸ Они все-таки дылды... дылды любят использовать в неформальном общении очень странные знаковые системы.

¹⁴⁹ Ордерный приказ на исполнение поручения.

¹⁵⁰ Было несколько обидно, хотя особой причины не имелось... и все же, он думал, его имя у людей на слуху... Сколько же времени он закрывал на это глаза! В Администрации чуть ли не все сотрудники успели хотя бы раз в жизни лично пообщаться с ним или, на худой конец, перекинуться парой слов, исключение могли составлять совсем уж рядовые служащие низшего звена, которым он за все время их службы так и не нашел, что сказать, — ни хорошего, ни плохого... и при этом имя его помнил далеко не каждый из работников — взять хотя бы этих двоих! И это было странно... какое удивительное безразличие! Если уж работники Администрации перестали быть в курсе того, кто ими руководит, то что уж говорить о простом народе? Хотя, разумеется, им незачем задумываться и волноваться обо всем этом, пока все в

А ему самое время обратиться к Шерриным друзьям.

Все это время он смотрел только на Нойтчша и Дчкартса, и правильно делал. Потому что стоило ему увидеть Джулию, как голова у него начала кружиться... несколько секунд он просто стоял и смотрел — и не делал больше ничего! Он совершенно выпал из жизни и всей той ее извечной суеты, практически никогда его не отпускавшей.

Стоял и смотрел. Ну не дурак ли? Он мог сейчас сам же все испортить... каждая секунда была на счету...

Наконец он взял себя в руки.

Отвел их немного в сторону и тихо заговорил по-английски. Совсем другим тоном:

— Мистер Браун, мисс Браун, прошу прощения за возникшее недоразумение. Я сейчас все разрешу. А вы пока уходите отсюда. Только не очень далеко, времени мало... Отправляйтесь в фойе. Затеряйтесь в числе приглашенных, им сложнее будет добраться, если вдруг... Нет, «вдруг» не будет! Я вас скоро найду, как только все улажу, не переживайте. Идите же!

За это время дылды тоже успели побеседовать:

— Эй, Джерри, ты что-нибудь понимаешь?

— Решительно ничего. Но, предчувствую, нам опять достанется... лучше нам ему хотя бы уж сейчас не перечить...

— Но кто это? Я его видел сотню раз... в Администрации!

— Да конечно ты его видел! Крутится вечно, все глаза уж намозолил. Куда ни сунешься — везде он! Сюда даже добрался... Вспомнил я! Бдэчжев первый помощник — вот он кто.

— Важная шишка! Нам точно достанется...

Элрой вернулся к ним.

— Ну и, господа, долго мы тут стоять еще будем?! Может быть, коли уж я беру на себя всю работу, окажете любезность — предоставите мне условия, чтобы скорее ее выполнить? Я вас отпускаю. Идите! Ваше поручение окончено.

Они уже готовы были посторониться. Кажется, он их убедил. Они даже забыли об ОПНИПе. Но была еще одна проблема.

Проблема заключалась в том, что прямо сейчас на Заседании устроили перерыв. Предполагалось, что примерно в это время Элрой будет читать свой первый доклад. Элроя не было. Поэтому устроили перерыв.

И Бдэчж мог им воспользоваться, чтобы вызвать своих дылд и узнать, как все прошло.

Обычно он никогда не спрашивал непосредственных исполнителей¹⁵¹ — он всегда обращался к беспристрастному Элрою за сводками о ходе выполнения его поручений. Элрой служил ему вечным справочником и корреспондентом.

Но сейчас-то Элроя рядом не было. Впервые за столько лет!

Не было.

И все.

их жизнях благополучно... с одной стороны, конечно, это неплохо — люди спокойны, с другой стороны... ох, да сейчас совсем не время вдаваться в подобные рассуждения!

¹⁵¹ Они могли быть необъективны в своих докладах, причем всегда почему-то переоценивая собственные заслуги.

Никаких от него предупреждений, никаких сообщений, никаких заявлений, никаких объяснительных.

Он его подводил. Из-за него устроили перерыв — какой позор для руководителя!

А если еще вспомнить, что он пропускал самым бесстыдным образом не что-то, а Большое Заседание... и Бдэж, конечно, не забыл о собственном поручении и о том, что его помощник о нем тоже имеет представление...

Все это определенно должно было насторожить Бдэжа.

Он обязательно потратит этот перерыв на то, чтобы сделать звонок.

И надо торопиться, пока обман Элроя не раскрылся!

Поэтому ему необходимо было лишить их коммуникаторов. Главное — это протянуть время.

— Пока вы еще тут. И раз уж я сегодня добрый и прощаю на первый раз...
Бесплатный вам совет. Подобные недоразумения не повторятся, если вы будете держать свои коммуникаторы в исправном состоянии. До вас не дозвониться! Вы выбиты из информационной среды... В следующий раз не прощу.

Им стало обидно.

— Позвольте заметить, сэр, наши коммуникаторы в полном порядке. И у меня, и у Нойтчша.

— Вот, значит, как?! И когда я пытался до вас дозвониться все то время, что летел сюда, и не мог, — это полный порядок? Я вас правильно понял?

— Но, сэр. Не видим в них неисправностей.

— Ах, замечательно, мне вам их еще и демонстрировать. Мне вас еще уму-разуму учить!.. Давайте быстро, показывайте, что там у вас. Готов поспорить, я моментально найду ошибку!

Они нехотя достали устройства и протянули к нему в руки.

— Ага, все ясно! Я так и знал! Поразительная безалаберность! Вы не поменяли настройку частотного резонанса! Да даже детям известно... с вашего позволения... — он принялся менять что-то в одном из коммуникаторов.

Они изменились в лице.

— Сэр... вы уверены?

— Разумеется, я уверен!

— Но ведь... настройки меняются автоматически. Как бы вы...

Элрой не дал ему договорить:

— Вы ставите под сомнение мою компетентность?! Я вас правильно понял?.. Я, Второй заместитель Президента, наверно, совсем дурачок и ничего не понимаю в устройстве такой простой вещи, как коммуникатор! Пожалуй! Как же только мне доверили такую высокую должность? Вы это хотели сказать?

— Нет-нет-нет, что вы, сэр.

Элрой оставалось только поработать со вторым коммуникатором...

Он не успел.

Раздался звонок Бдэжа.

— Видите, сэр! Работает! — торжествующе вставил Дчкартс.

Элрой растерялся. Он не знал, что теперь делать.

Он не успел... Бдэж уже вызывает Нойтчша.

Роберт с Джулией не последовали его совету и остались стоять на месте, созерцая в недоумении разворачивающиеся события.

Роберт очнулся раньше Джулии. От внезапного звонка. И изменившегося в лице Элроя.

— Чего мы тут с тобой таращимся?! По-моему, что-то у него пошло не по плану... Давай, Джу, быстро! Уходи! Может быть опасно!

— Роберт, кто это? — только и спросила полупшепотом совершенно замороженная Джулия, которую он будто бы в транс ввел одним своим появлением.

— Какая тебе сейчас разница?! Да сколько ж раз тебе повторять! Давай, незаметно, двигайся к выходу, вон туда! Иди!

— А ты?

— А я попробую его подстраховать!

Его отношение к пареньку успело поменяться на прямо противоположное... все-таки первое впечатление обманчиво. Он сначала было подумал, что тот хочет им помешать... но немного времени понадобилось, чтобы понять, что он перед теми дылдами лишь актерствовал и рисовался. И опасаться надо скорее дылд.

Он же с ними один не справится!

Роберт быстро перелез через декорацию и куда-то скрылся.

Джулия никак не могла сделать первый шаг. Ей не хотелось оставлять его один на один с ними. Хотя какой от нее в данной ситуации мог быть толк?

Элрой все-таки принял вызов. Куда ж теперь было деться?

— Нойтчш, что такое?! А Дчкартс куда задевался? Почему не принимал?.. — Бдэчж наконец поглядел, с кем разговаривает. — ТЫ??? — он чуть не задохнулся от переполнившего его разом возмущения. — ТЫ???

Казалось, он готов был его задушить, да только дотянуться не мог.

И ведь Бдэчж был в состоянии прийти к логическому умозаключению, куда же задевался Элрой. Но отказывался верить до последнего. Пока не увидел собственными глазами...

— Ты чего там забыл?!

— Вам прекрасно известно, мистер Бдэчж, — холодно ответил Элрой.

— А эти где?!

— Сэр, — выхватил Нойтчш свой коммуникатор у Элроя из рук. — Он утверждает, что выполняет ваше поручение!

— Чушь! — яростно закричал Бдэчж. — Нет у него никакого поручения!

— Но, сэр...

— Идиоты, и вы поверили?! Разобраться быстро с тем, что я вам сказал, если только вы не разобрались до сих пор! И этого ко мне — живым, разумеется... суд с ним еще поговорит... Приятного вам вечера, мистер Макинтош!

Наверно, Бдэчж хотел вставить что-нибудь злорадно-остроумное в конце, но получилось, откровенно говоря, слабо.

Элрой об этом сейчас не думал. У него были другие заботы.

Куда как более серьезные.

И опасные.

Расстановка сил поменялась на прямо противоположную. Элрой лишился так нагло врученного им самим себе же права отдавать приказы.

Они не обязаны были подчиняться ему. И их было двое. И они были крупнее. Из чего следовало, что теперь они почувствовали свою силу.

И, надо добавить, осознали тот факт, что дурачил их все это время какой-то очкастый задохлик.¹⁵²

— Шон, ну так как будем действовать? С чего начнем?

— Предлагаю с нашего Второго заместителя... если только он сейчас начнет упорствовать и мешать.

— Поддерживаю с нескрываемым удовольствием!

Они говорили все это громко, чтобы Элрой слышал.¹⁵³

Затем Нойтчш обратился к нему с показной официальнойностью:

— Вы слышали приказ мистера Бдэчжа?

— Да. И я прошу прощения за проявленное к вам отношение с моей стороны, но дайте мне только объяснить!

— Вы слышали приказ?

— Слышал. Но вы не знаете обстоятельств! Эти люди ни в чем не виноваты! Они не сделали ничего противозаконного! Да, они земляне, и наши законы не запрещают совершать в их отношении противоправные действия, в том числе и то, что приказал мистер Бдэчж... но обратитесь к здравому смыслу! Обратитесь к своей совести! Подумайте, правильно ли вы поступаете! Вы сейчас собираетесь совершить непростительное злодеяние! И даже не осознаете этого, не пытаетесь осознать!

— Еще раз спрашиваем, вы слышали приказ?

— А меня вы слышите?! Что вам этот приказ?! Несколько минут назад вы безоговорочно готовы были выполнять мои приказания, лишь потому, что поверили, будто бы я ваш начальник! Мне действительно никто не давал права приказывать вам сейчас... И теперь вы исполняете приказание мистера Бдэчжа. Но кто ему дал право отдавать подобные приказания? Кто дал ему право распоряжаться человеческими жизнями?! Никто ему не давал права решать, кому стоит и кому не стоит жить. Откажитесь же, пока еще не поздно, выполнять безумный этот приказ! Возьмите на себя ответственность в конце концов! Хоть раз!

— Приказ есть приказ. Приказы, как вам известно, не обсуждаются. Их положено исполнять. Отходите, не мешайтесь!

— Я не отойду! — твердо сказал Элрой.

— Тогда мы вынуждены будем применить к вам силу.

— Прекрасно. Применяйте!

— Последнее вам предупреждение!

— Да-да. Соблюдение правила двух предупреждений! Великолепно! Можете собой гордиться! Образцовые служащие!

— Ну значит, — с улыбкой проговорил Дчкартс, — мы правильно с Нойтчшем предсказали. Вы пожелали мешать... Придется выбить из вас всю спесь. Вы нас потом еще поблагодарите.

— Я не отойду, я вам уже...

Элрой не договорил, потому что получил увесистый удар кулаком в нос. Потом еще один. И еще.

Кажется, это было только начало.

¹⁵² Хотя они и не догадывались, что эта штука зовется очками! Элрой опять забыл! Но вот с задохликом он попал в самое яблочко — так они и считали.

¹⁵³ Можно подумать, он бы и так не узнал...

Он отлетал раза два на несколько шагов назад, но с завидным упорством возвращался обратно.

Главным для него сейчас было не дать им возможности достать свои бластеры. Пусть уж лучше используют его как боксерскую грушу. Главное было их отвлечь и протянуть время.

Джулия была все еще тут. Почти прямо за ним. Она не успела выбежать. Могла бы давно уже, но с момента первого удара, казалось, она окаменела. И никак не уходила, продолжая растерянно наблюдать за происходящим. Хотя зрелище было не из самых приятных.

Лупили его от души.

Спесь выбивалась только так.

От его былой невозмутимости и самоуверенности не осталось и следа. Он весь растрепался, раскраснелся... и его попытки хоть как-то им помешать выглядели довольно жалко. Не то, чтобы у него были слабые руки¹⁵⁴ и он не мог дать им хорошей затрещины, но их было все-таки двое и от природы они были сильнее.

И потом, он никак не мог нанести им ни одного достойного по силе удара. Просто потому, что... не мог и все.

Он только мешался и кое-как оборонялся.

Им начало все это надоедать. Один из них, к ужасу Элроя, уже стал доставать бластер.

Бластер предназначался определенно не для него, а для Джулии.

Но на их счастье, Роберт был уже наверху. За все то время, что Элроя бутузили¹⁵⁵, он успел подняться наверх и добраться до подвесной платформы с кучей лампочек, которую можно было весьма удачно скинуть на тех двух¹⁵⁶.

Роберт уверился в том, что она окажется в самый раз, чтобы оставить их в живых, но на какое-то время без сознания. Не слишком тяжелая, не слишком большая — Джулию точно не заденет — и на подходящей высоте... тем более если он оставит вот эту веревку — то платформа их не придавит, а лишь... грубо говоря, погладит по головке.

Элрой как раз очень удачно подвел их под то место, которое Роберт мог бы обозначить крестиком. Место, куда эта штуkenция могла бы по его расчетам упасть.¹⁵⁷

Но там ведь был и Элрой.

И Роберту совсем не хотелось, чтобы его новый знакомый оказался в том же незавидном положении, что готовилось этим двоим...

Он все уже проверил, но медлил — не мог решить, как же его предупредить. Не хотелось, чтобы те двое, повернув головы на его выкрик, увидели, куда он забрался.

Но ему и не пришлось кричать.

Элрой сам вдруг ему крикнул¹⁵⁸: «Отпускайте, Роберт! Я увернусь!»

¹⁵⁴ Ведь он столько всего переносил в течение обычного рабочего дня, поднимал и опускал столько папок и бумаг, что в спортивный зал ходить не требовалось.

¹⁵⁵ Вообще-то длилось все это не очень долго. По крайней мере, не так долго, как казалось Джулии.

¹⁵⁶ Вот они, изыски современных дизайнеров! Любят они все-таки использовать такие жутко неустойчивые и совершенно неопиcуемые вещи, нависающие над головой, в своих работах!

¹⁵⁷ Как хорошо знать механику!

¹⁵⁸ По-английски, разумеется. С ним он говорил по-английски.

Роберту некогда было думать, откуда он узнал.

Невольно вздрогнув от неожиданности, он отпустил эту жуткую штуку...

Те двое не успели ничего понять. Но один из них, уже доставший бластер, дернулся, видно, от неожиданного выкрика Элроя и успел нажать на курок прежде, чем падающая платформа огрела его по голове... и отправить в сторону Джулии не самый слабый залп.

Элрой именно этого опасался больше всего! Но у него была хорошая реакция, тем более он был готов к подобному и уворачиваться собирался только таким образом, чтобы заодно прикрыть Джулию, — а потому этот залп он успел принять на себя, выпрыгнув в долю секунды прямо перед ней.

Шарахнуло его порядочно! Он еще и в самый угол отлетел... Да плюс грохот от тех двух, свалившихся...

Она, наверно, очень испугалась! Так шумно все это вышло...

И он еще к тому же выглядит — Элрой, развалившийся в углу, глянул на свой костюм — несколько опаленным... как выдуманные герои после небольшого удара током в земных мультфильмах.

Джулия уже была рядом и даже склонилась над ним.

Элрой поднял взгляд и увидел ее полные сочувствия прекрасные голубые глаза.

¹⁵⁹ Она беспокоилась. Она! Беспокоилась. И о ком? О нем!

— Вы... в порядке? — спросил ее Элрой. Ему сейчас было тяжело говорить, да и смысла не было спрашивать никакого — он ведь знал, что она в порядке. Очки, к счастью, совсем не пострадали... он знал, они выдержат.

Но он все равно спросил. Потому что ему хотелось. Это тоже достаточное основание.

Хотелось услышать ее голос, услышать ответ не от очков. От нее.

— Я-то... да... в порядке... но вы! Вы... как вы только... вы сами-то в порядке?

— Разумеется, — попытался улыбнуться Элрой. Голова у него шла кругом, но, вообще-то, это началось еще до драки... Он попытался подняться, но чуть не упал. — ...разумеется сейчас буду, — поправил он сам себя. И достал из кармана какую-то капсулу. — Вот это мне поможет, мисс Браун, — Элрой проглотил ее. Смог даже без воды. — ...И подействует уже через пару минут... так что...

— И вам не больно?

— Да ерунда, мисс Браун... уж что там! — Элрой махнул рукой. — Очень неразумно с его стороны... не дал бластеру зарядиться... выстрелил раньше времени... подумашь!¹⁶⁰

— Но они же... ну... они устроили драку! Нечестную! Вдвоем, а вы один!

— Мисс, неважно... у меня же есть эта капсула... Рассказать вам?... Ее открытие принадлежит тчельпьюрийскому — это такая область у нас — ученому... жившему около тысячи лет назад... Тысячи лет и два года, если быть точным... ну, и еще 135 дней — это если считать с момента открытия... Никто уже не помнит его имени, зато все пользуются его изобретением... капсула, снимающая всякую физическую боль и

¹⁵⁹ Вообще-то это были первые голубые глаза, которые он увидел за свою жизнь, но он знал откуда-то — на сей раз не от очков — что именно они самые прекрасные из всех голубых глаз на свете.

¹⁶⁰ Он решил умолчать, что, выстрелил он еще секунд через десять, когда бластер бы полностью зарядился, и от Элроя осталась бы горстка пепла... зачем ей знать о таких вещах?

практически сразу же возвращающая бодрость и силу. Вот видите, я больше уже не запинаюсь... Чуть-чуть еще если только... Она дорогая... Но те, у кого есть деньги, не так уж редко ею пользуются. И никогда при этом не вспоминают имени изобретателя. Они забыли. Это обидно... Я знаю его имя. И хочу, чтобы вы тоже знали. Его звали Тмойлинс. Поблагодарим же Бенджамина Тмойлинса за его чудесное изобретение, которое так помогло мне сейчас!

Элрой улыбнулся Джулии. Непонятно было, зачем он это все ей сейчас наговорил. Ему никогда не представлялось возможным поделиться с кем-нибудь подобными знаниями. Кому было интересно имя этого изобретателя?

Но Джулии он почему-то решился все это рассказать. И, что удивительно, она ловила каждое его слово!

Теперь у них было общее знание, о котором мало кто имел представление. Почему-то Элрою нравилось это осознавать...

Роберт пока еще спускался.

— Почему вы не ушли, как я вас просил? — спросил Элрой. Но было непонятно даже, осуждает он ее или нет. — Вам же грозила опасность!

— Но я подумала... а вдруг вам потребовалась бы какая-нибудь... ну... моя помощь?¹⁶¹ — смутилась Джулия. — Вдруг ведь... вы все взяли на себя...

— Да ничего мне от них не было бы!.. мне они ничего страшного сделать не могут, не вправе... а вот вы перед ними были совершенно беззащитны!

Он вдруг пережил удивительные, доселе ему не известные ощущения! Вдруг захотелось добавить что-нибудь пафосное, что-нибудь вроде: «Поэтому есть я и я вас защищу!» Элрой ощутил в себе это необыкновенно сильное стремление — защищать ее! Всегда быть рядом, чтобы всегда защитить, если вдруг потребуется!

И он смог, когда потребовалось, — только что! — и сможет еще! Обязательно! Он сделает все возможное и невозможное, но только защитит ее! И, наверно, именно от этой мысли у него начинала кружиться голова!

Он ведь никогда не думал раньше, что может совершить что-то такое, что не будет связано с обыкновенными бумажками и цифрами. Что-то особенное. Когда от тебя и твоих действий зависит не появление новой формы бланка, а здоровье и даже жизнь другого человека.

Может, капсула подействовала, а, может, и не в ней было дело, но Элрой ощутил удивительную бодрость и решительность!

Пусть сейчас ворвутся новые люди с новыми бластерами — он готов прикрыть ее опять и шарахнуть во второй раз! И еще раз. И еще. И еще столько, сколько потребуется, чтобы только она была в порядке! Такая хрупкая и беззащитная! И чтобы ни один ее прекрасный золотой волосок не пострадал...

Но никто больше не врывался. И вообще-то это было хорошо.

Элрой поднялся.

— Вот видите! Я в полном порядке! — сказал он специально погромче, чтобы не только Джулия его услышала, но и подбегавший уже Роберт.

Он действительно больше нисколько не чувствовал себя усталым, утомленным или больным. Он был здоров и готов к дальнейшим действиям.

¹⁶¹ Это было абсурдно на самом деле. Скорее уж ей от него помощь могла требоваться.

Паленый вид, правда, никуда не делся.¹⁶²

Ему стало неловко.

Лучший костюм больше не походил на костюм вообще, а галстук выглядел как тряпочка... Элрой порадовался, что не успел выбрать тот, что действительно хорошо сочетался с пиджаком. Почему-то так казалось менее обидно. Хотя какая теперь была разница, если даже самого костюма не осталось в приемлемом виде?

Он с сожалением попытался пригладить несколько прядей волос, но все они теперь торчали вразнобой и никак слушаться не желали. Даже извечный хохолок нельзя было теперь заметить. Он затерялся на фоне всего случившегося разгула...

— Вам... и так очень идет! — сказала ему Джулия.

— Вы... действительно так считаете? Тогда... пусть будут, как есть, — Элрой моментально успокоился на этот счет.

— С ней все в порядке?! — взволнованно спросил вернувшийся Роберт.

— К счастью, да! Все обошлось!

— Да я не о Джулии! Сам вижу, что в порядке! Я о Шерри!

Этот вопрос вывел Элроя из его странного состояния, полного восторженной радости и ничего больше... он вдруг вернулся в реальность.

— Мисс Дчжонс? Разумеется, мисс Дчжонс в полном порядке!

Роберт облегченно выдохнул, но не унимался:

— Но где она тогда?!

— Вам так обязательно это сейчас знать?

— Мне это жизненно необходимо! Где же она?!

— По правде говоря... сейчас она в тюрьме... в отделении для предварительного заключения.

Роберт изменился в лице.

— Но... но... за что?!

Элрой молчал. Он и не знал, что сказать, и вообще сейчас думал о другом. Ему надо было успеть о многом подумать, он и так непростительно долго думал до этого не о том.

— Но почему? Из-за чего?! Неужели, из-за...

— Какая вам теперь разница? — перебил его Элрой. — Она в тюрьме, приказ подписан, и все это уже произошло. Но если вы дадите мне немного времени еще раз все обдумать... мы, может, сможем исправить... мы еще успеваем... и даже с небольшим запасом...

Он опять ушел в размышления.

Роберт с Джулией не стали ему мешать. Он подарил им надежду — и одного этого сейчас было достаточно.

Минуту они стояли в тишине.

— Для начала давайте свяжем им руки, — предложил наконец Элрой.

— Может, стоит связать не только руки, но и тело, ноги... так ведь крепче... — Роберт не успел договорить. Элрой его перебил:

— Нет, мистер Браун, только руки. Все равно они скоро освободятся, это лишь немного им помешает. У них же есть с собой... да вы не знаете, долго объяснять... короче говоря, давайте свяжем им только руки!

¹⁶² Капсула только снимала боль, но не лечила...

Роберту было немного досадно, что ему не захотели объяснять, что же у них имеется.

Элрой связывал руки одному, Роберт — другому.

— Благодарю вас, Роберт, за крайне своевременную помощь! Вы просто молодец! Вряд ли б у меня хоть что-нибудь получилось без вас! Вы нашли потрясающее решение, идеально соответствующее сложившейся ситуации! — сказал Элрой.

— Это я должен... давай-ка уже на «ты»? Я должен тебя поблагодарить! Ты спас Джулию!.. И меня! Ведь я бы ни за что не догадался, что у них на уме может быть подобное!

— Не стоит, Роберт. Что т-т-ты... на моем месте вы бы, вне всяких сомнений, поступили точно так же...

Элрой опять замолчал.

Он уже много лет не называл никого на «ты». Были только «вы»-«вы»-«вы».

Он вдруг понял, что у него все это время было множество подчиненных, коллег, просто знакомых. Великое множество. И ни одного друга.

Только к Шерри мог он обратиться на «ты». И то, лишь в собственных мыслях.

И сейчас он просто не в состоянии оказался выговорить обычное «ты». Хотя что могло быть проще?

Тем более к Роберту ему хотелось обращаться на «ты». Равно как и к Джулии.

Но он не мог. Разучился, наверно. Если такое только вообще возможно...

Молчание Элроя никак не могло устроить Роберта. У него была тысяча вопросов к нему!

Роберт не мог сдержаться!

— Мое имя ты уже, судя по всему, знаешь... Роберт Браун... и моя двоюродная сестра Джулия Браун, — он подождал. Элрой все еще молчал. — Имею честь разговаривать с...

— Вторым заместителем Президента мистером Макинтошем, — машинально отчеканил Элрой.¹⁶³

— И ведь я правильно понял, что Шерри... — Роберт думал, как бы получше составить фразу. — Ну, что ты и Шерри...

— Да, мы с мисс Шеррильей Дчжонс знакомы, — Элрой опять замолчал.

Они закончили свое дело. Те двое пока еще не пришли в себя. Приятный их ожидал сюрприз, когда очнутся!

— Ну так извините, пожалуйста, если навязываюсь, — сказал Роберт каким-то странным тоном, — но, если вам так много известно и вы с ней знакомы, может быть, вам известен и ее друг? Вы с ним не общаетесь? Неужели он никогда не рассказывал вам, как она не любит, когда ее называют по официальному имени? Он-то, если считает себя другом, должен, наверно, знать... И вообще, я об этом друге слышан от нее. Хотелось бы даже познакомиться с ним... Но теперь уже не знаю... признаюсь, я разочарован его поведением. Если уж кому и стоило бы тут сейчас находиться, так только ему... а не посылать официальное лицо. У вас своих дел, наверно, хватает, извините, мистер Макинтош.

¹⁶³ Он даже не подумал о том, что Роберт знать не знает об их Президенте и об их политическом устройстве... вот опять он забыл, что не всем все так очевидно, как ему.

Элрой взглянул на него в этот раз как-то хмуро. Потом вздохнул и, отвернувшись, сказал глухо:

— Называй меня просто Элрой.

Слова Роберта его порядком задели.

Он помолчал еще какое-то время.

И вдруг выдал:

— Берегите то, что у вас... у тебя в кармане! Это крайне важно! И очень хорошо, что оно у вас с собой! Не надо тратить время хоть на это... И еще, вот тот небольшой ключик модели А35786 — это здорово, что вы... ты взял его с собой!¹⁶⁴ Остальное-то у меня есть, а вот этот ключ, самое простое, что только можно придумать, они в ремонтной еще не успели положить, а мне как раз его не хватало...

— Как ты только узнал!.. Этот шарик оказался сложнейшим устройством! Знаешь, он и не мой вовсе, принадлежит Шерри! И я два дня пытаюсь и никак не могу починить! Что же только...

— Знаю! — перебил Элрой.

— Что? — оторопел Роберт. Он не привык, чтобы его перебивали. — Что именно?!

— Что именно? Все! Что требуется. И даже больше... как ты его чинил, как его действительно стоит ремонтировать... прошу же, Роберт, дайте наконец подумать! С этими вопросами я начинаю думать не о том!

И он опять умолк. Ему хотелось еще раз¹⁶⁵ оценить все возможные шансы, варианты и их последствия.

Он же привык думать молча и не делиться своими размышлениями. Весь его опыт говорил о том, что так быстрее и безопаснее.

Но Роберт об этом не знал. И ему не нравилось, на самом деле, занимать такую пассивную позицию, где все решал один только Элрой.

— Ну и что же нам теперь делать? — спросил он. — Какие есть варианты? Что там у вас, почему надо так спешить?

— Потом. Потом узнаете, я думаю...

— Ну а сейчас над чем ты так размышляешь?

— Пытаюсь решить, как быть.

— Ну давай попробуем вместе подумать!

— Нет... вы ничего не... — он решил, что звучит слишком резко. — Тут много обстоятельств, о которых вы не знаете.

— Ну так что мешает... — Роберту стало обидно. Он подумал о том, как Шерри¹⁶⁶, наверно, было не менее обидно на первых порах, когда он не желал ей о чем-нибудь говорить и рассказывать только потому, что, как ему казалось, у нее не хватало знаний и долго было бы восполнять эти пробелы. Как ему тогда виделось, предпочтительнее в такой ситуации не говорить вообще ничего. Теперь он почувствовал, каково это — быть в подобном положении, когда решают все за тебя. Незавидно.

— Долго рассказывать! — опять перебил его Элрой. — И тем более... я сейчас разговаруюсь. Лучше уж мне молчать... Все запутаются, обстоятельств много, будут

¹⁶⁴ Да, и в этом был весь Роберт. Он умудрился даже в карманы парадного костюма запихнуть несколько крошечных инструментов. Так, на всякий случай.

¹⁶⁵ Наверно уже контрольный.

¹⁶⁶ А он без конца возвращался мыслями к ней.

перебивать на полуслове и предлагать свои варианты, я начну объяснять, почему они не применимы, ведь у меня будут еще и другие знания, которые до остальных я еще не успел донести... ведь их так много! На это уйдет еще какое-то время, меня сочтут болтуном и тараторщиком, потому что кому все это будет интересно слушать! А, главное, я потеряю на все это кучу времени!.. И при этом мне ведь хочется все это рассказать! Первый раз в жизни, первый раз в жизни мне предлагают посоветоваться! Первый раз в жизни от меня не ждут прямого решения! Все ведь привыкли, конечно, привыкли, что все решают за них. Привыкли, что я знаю больше, и пользуются. Больше знает — сам решит! А мы тут не при чем, мы так только... посидим, подождем от него готового решения!.. Я уже отвык! Забыл, что по-другому бывает... надо бы, и правда, рассказать! И хотя это уже ничего не поменяет решительно, потому что — да, что мне сейчас это все проговаривать? — не поменяет... и я потрачу время нерационально!.. но это лишь несколько минут, они ни на что толком не повлияют, зато им будет приятно! Они тоже будут в курсе дел. Мне будет приятно! Значит, наверно, есть смысл рассказать! Тем более я уже потратил столько времени на этот глупый монолог! Подумать только, я совершенно обезумел! Куда уж безумнее: размышляю вслух, в присутствии земных людей, еще и на английском! Мне давно уже нервы пора лечить!

К концу он даже раскричался. И вдруг замолчал.

Чего он, правда, так раскричался? Наверно, они испугались.

Джулия смотрела на него все так же замороженно. Ей, кажется, было уже все равно, насколько безумные вещи он будет выкрикивать.

Роберт... выглядел несколько озадаченным.

Было от чего!

То он молчит, то из него прям поток сознания льется... Но это же ШЕРРИН друг! Что еще можно было ожидать от Шерриного друга?

Элрой несколько раз глубоко вздохнул и попытался успокоиться.

— Хорошо. Слушайте. Мисс Дч... Шерри сейчас в камере предварительного заключения. Завтра состоится процесс, где определится ее дальнейшая судьба. Я не хочу дожидаться процесса, который пройдет тихо и незаметно. И где, несомненно, многое будет зависеть от моего непосредственного начальника... Мне бы хотелось обратиться с речью не только к нему, с ним вообще сложно разговаривать... Я хочу обратиться к другим людям. К другим администраторам, менеджерам, управленцам, представителям других планет, Президенту, в конце концов. Давно уже пора было сказать это... прилюдно. Чтобы все слышали. Мне надо сделать важное заявление. И попросить у Президента амнистии для Шерри, у него есть на это полномочия... не знаю, получится ли, смогу ли я хоть кого-нибудь убедить, но попытаться необходимо! Прямо сейчас проходит Большое Заседание — крайне важное мероприятие не только в масштабах нашей планеты, но даже в групповом галактическом. Мне как раз положено было произнести там несколько речей. То, что я тут, — это на самом деле, пожалуй, случайность... просто обстоятельства так сложились... я должен был быть там... и я хочу успеть вернуться до конца заседания! Я хочу сделать такое заявление, чтобы все слышали! Поэтому я так тороплюсь! Мне надо обратно — и как можно скорее!

Джулия явно сникла.

— Я надеялся, — продолжал Элрой, — что с этими двумя разберусь так, что... да какая теперь разница? Не разобрался, как планировал. Они же очнутся скоро, и, значит, я не могу вас тут так просто оставить. Потому что приказ у них остался. Невыполненный... и вам продолжает грозить опасность. Конечно, я мог бы взять их с собой, у меня трехместный корабль, но что делать, если они придут в себя? А у меня не работает автопилот и мне надо сидеть у штурвала... какое сопротивление я смогу им оказать?

— Не подходит, — согласился Роберт. — А если оставить их тут, но отобрать оружие? Они же станут безвредны!

— У них есть еще на корабле, доставившем их сюда.

— А если тебе улететь на нем?

— Не получится. Он прекрасно защищен от несанкционированного доступа посторонних. Запрограммирован на... короче говоря, если я начну взламывать его защиту, на это уйдет непростительно много времени. Я тогда точно опоздаю.

— Не вариант. А если все-таки связать...

— Нет. Говорю же! Не подходит! Единственный возможный вариант, как я уже решил, — это забрать вас с собой.

У них одновременно раскрылись рты. Ни Роберт, ни Джулия не представляли, что такое радикальное решение вообще возможно! Даже Роберт еще не успел подумать о подобном.

— А что мне остается? — продолжал Элрой. — По крайней мере, вы будете рядом со мной, а я все-таки пока еще Второй заместитель, и уже это кое-что значит! Никто не посмеет к вам притронуться. Ведь мистер Бдэж... это человек, отдавший приказ... действовал тайно. Только эти двое знают о нем. И мы оставим их тут. Другие нам не помешают, Заседание ведь возобновилось, и мистер Бдэж сейчас никаких действий предпринять не сможет, у него не получится отдавать новым людям какие-либо поручения... нет, конечно, эти двое все равно выберутся и полетят за нами — они образцовые подчиненные, надо отдать им должное, до последнего будут следовать полученным приказам... и даже, может быть, нагонят нас, ведь их корабль быстрее... Но других более приемлемых вариантов я не вижу. Конечно, небывалый случай, но... так как вы думаете? Вы согласны?

— Боже мой! Да!!! — закричал Роберт. — Да!!! Это определенно лучший вариант! Как только мне сразу в голову не пришло?! И ты еще что-то нам объяснял! Зачем я попросил только? Лучше б ты сразу сказал! Да!!!

Элрой взглянул на Джулию. Та еще не пришла в себя после всего, что так стремительно приключилось в недавнем времени, и лишь невнятно пролепетала:

— Если с тобой... то я... да.

— Кроме того, — добавил Элрой, — этот вариант хорош еще и тем, что я смогу в ходе полета починить так называемый «проявитель мечтаний» Шеррил... Шерри. Если буду действовать быстро... с вашим, Роберт, ключом. Нам это не мешает — на Заседании тогда можно будет сразу же всем продемонстрировать... Думаю, так будет еще лучше... Но только все это осуществится, если вы, Роберт, сядете за штурвал.

— Невероятно! Это правда не сон?! Да я о таком и мечтать не смел! Да с преогромным удовольствием! Честное слово! Только ведь...

— Там довольно простое управление. Вообще-то не совсем, но, учитывая то, как в-ты разбираешься в технике... и потом, я буду твоими действиями руководить. Идет?

— О чем речь!

— Тогда что мы тут стоим?! Давайте заберем у них бластеры, а то, чего доброго, когда очнутся, встанут им на пути земные люди... ну да чего там предполагать, берите уже, Роберт!

Элрой еще раз оглядел Нойтчша и Дчкартса и поваленные декорации.

— Не хочется мне знать, что случится, когда занавес в этом зале раскроется... какое людям зрелище предстанет и что тут будет за скандал... ну так...

«... все равно ведь узнаю», — закончил он про себя и вздохнул.

Роберт был уже у выхода из зала.

Джулия все еще стояла и смотрела на Элроя, выглядевшего по-геройски¹⁶⁷... и в то же время все-таки в некоторой степени коричневатого-обугленного и замусоленного.

Она же была такая яркая, такая нарядная. Просто обворожительная!

Он все равно подошел к ней и, хотя вообще-то в этом не было никакой необходимости и это была очередная трата времени, все же протянул ей руку.

— Давайте я вам... тебе...

Ему хотелось поддержать ее руку в своей. Обязательно! Если только ей захочется...

Несколько наглое желание с его стороны — особенно если учесть, что и руки у него сейчас были немного в саже.

Какое уж он имеет право к ней прикасаться? А все-таки... все-таки он не смог не предложить.

Она, казалось, только этого и ждала! Неужели правда, и ему не показалось?..

Он ощутил мягкое прикосновение и тепло ее руки. Она у нее была небольшая и очень нежная¹⁶⁸.

— Ну что вы там?! — закричал Роберт в своем лучшем энтузиастическом порыве. — Надо спешить, Элрой, ты же сам говорил! Джу, уснула?! О Шерри вы не думаете?!

«Молодцы эти двое, ничего не скажешь! Только кисейной романтики нам сейчас и не хватало! А впрочем... тут время не выбирают, уж как повезет...» — подумал он про себя.

— Бежим! — только и сказал Элрой.

Роберт всю дорогу бежал впереди, немного позади следовали Элрой с Джулией.

— Это напоминает мне один студенческий фильм, который я видела в архиве нашего колледжа! — на бегу говорила Джулия Элрою. — Там была подобная сцена, где вот так же герои бежали в похожих обстоятельствах... я смотрела его раз пятьдесят¹⁶⁹ — он мне так нравится! Жаль только, вынести его из архива и сделать копию не разрешают, обидно! Кому ни говорю — никто не понимает, о чем я... Зря я, пожалуй, вспомнила... Вечно вспоминаю что-то такое, о чем никто и понятия не имеет. Вот и вы... и ты, наверно, думаешь сейчас: о чем она только говорит? О чем я и

¹⁶⁷ По крайней мере, как ему казалось, он сейчас более-менее соответствовал стереотипному образу земного героя — с оружием в руке. Правда, он никогда не посмел бы им воспользоваться, но, к счастью, этого и не требовалось больше. Зато со стороны казалось весьма внушительно... Хотя, конечно, глупости все это: простой бластер в руке героем не сделает.

¹⁶⁸ И, позвольте добавить, не такая уж беленькая — вся в следах от ручки, кажется, даже не одной — верный признак того, что Джулия, как всегда, что-то не так давно рисовала...

¹⁶⁹ «Пятьдесят два, если только мы думаем об одном мультфильме», — поправил ее про себя Элрой.

впрямь говорю?... И даже не подозреваешь о его существовании, а ведь это такой чудный мультфильм! Его нарисовал еще в 88-м году выпускник — звали его Лэйнет... а имя... имя у Лэйнета... нет, ну подумать только, как я могла его забыть?! Имя Лэйнета... — Джулия неловко заулыбалась.

— Джош, — подсказал Элрой. — Джош Лэйнет. Вы ведь говорите о «Малиновом закате»?

— Неужели... неужели ты... вы... я не знаю, как обращаться... «вы» или...

— Лучше на «ты». Если вам... тебе не трудно. Не так трудно, как мне... я... я малость отвык... мне самому даже смешно! И вам, наверно, тоже?... нет?... я рад! Лучше на «ты».

Джулия кивнула и продолжала со все возрастающим удивлением:

— Неужели ты его видел? Неужели ты знаешь?! Ты первый человек, который... ну ты понял. Ведь это же хранится в архиве нашего колледжа, туда же так просто... ну... не пустят!¹⁷⁰ И как ты только... здорово!

— Я знаю о нем, это правда. И сцена, о которой ты говорила, мне тоже известна. Хотел бы я ее увидеть... ведь в-ты же говоришь о той части, где Линк и Мэриам взбирались на холм, чтобы посмотреть на метеоритный дождь?

— Да-да! Именно о ней! Надо же! Да ты весь сюжет знаешь, выходит!.. А я уж думала, если бы тебе стало интересно, рассказать о нем... но раз ты уже знаешь... наверно, лучше о чем-нибудь еще?

— Нет-нет-нет! Я знаю, но не так... как объяснить?... я о нем слышан, и весьма хорошо. Но при этом не видел никогда... И если уж нельзя его достать, чтобы посмотреть, то я бы с превеликим удовольствием послушал о нем от... — он вовремя себя поправил, — тебя!

Джулия улыбнулась.

— Но только, к сожалению, не сейчас... — они уже подбегали к кораблю. — Роберт! Стойте! Мы на месте!

Роберт недоуменно остановился. Они были в какой-то подворотне.

— А... ты уверен?

— Само собой! Подождите тут... Сейчас! — Элрой скрылся куда-то за угол здания.

— Надо же, — пробормотал Роберт. — Я думал, космические корабли должны быть большего размера... он же тут не поместится!

Джулия выглядела не менее растерянной.

— Ну вот! Готово! Сделайте, пожалуйста, два шага влево! — послышался вдруг голос Элроя. Самого Элроя видно не было. И корабля тоже. — Да-да, вот сюда...

Джулия с Робертом вдруг обнаружили, что находятся внутри.

Они растерянно озирались по сторонам.

— Как... так?! — только и смогла произнести Джулия.

— У данного типа кораблей самая примитивная маскировочная система из всех возможных. Но хотя бы и такая... вы же не думали увидеть корабль прямо на улице? — спросил, улыбаясь, Элрой.

— Ну разумеется! — воскликнул Роберт. — Но чтобы уж так... что у него за вход непонятный?

¹⁷⁰ Можно подумать, Элрой успел перед тем, как появиться тут, заскочить в ее колледж... она на какое-то время и забыла, что он даже не землянин.

— Такой уж только, когда включена вышеозначенная маскировочная система. А то что же? Чего доброго, люди бы все ударились об него, если б он был всего лишь невидимым! Да и места сколько требовалось бы, так просто не посадишь его где угодно... дело в том, что он еще как бы пропускает все через себя. Хорошее решение, но плохо только, что вся эта система требует много энергии, и нам надо сейчас подождать. Долго, опять же, объяснять, в общем смысле я говорю о перетекании энергии к двигателю. Но придется ждать, по-другому не получится... А если дать специальную команду, что я как раз и сделал сейчас, то на входе пропустит, то есть через стенки, но так просто сквозь него вы уже не пройдете — окажетесь внутри. Вы и оказались.

— Но я даже не видел, куда зашел, — слегка раздосадовано пробормотал Роберт и огляделся еще раз внимательно по сторонам. Все-таки он был не где-то там... — Настоящий космический корабль! Я не могу в это поверить! Уж извини, что я тебя не благодарю так, как мог бы... наверно, я еще в ступоре... по правде говоря... — Роберт растерялся и не знал, что сказать, —... коричнево тут у вас очень.¹⁷¹

— Что делать, — вздохнул Элрой.

— А мне нравится! — подала голос Джулия. — По крайней мере, тут спокойно. И довольно уютно! Можно мне сесть вот сю... — остаток фразы заглушил ее традиционный грохот. Она, кажется, не умела садиться совсем тихо, без грохота, даже в космическом корабле, где, собственно, и греметь-то особо нечем было.

Для Роберта это явление давно уже превратилось во вполне обыденное, и за самочувствие Джулии он не опасался. Она давно уже научилась греметь без вреда для собственного здоровья.

Но Элрой был иного мнения...

— Осторожно! — он тут же с трепетом бросился к ней. — Все в порядке? Вы не... не ушиблась ты, Джулия? Эта здоровенная махина! А ты ведь такая... хрупкая.¹⁷² Будь только осторожнее, пожалуйста! Особенно сейчас, когда начнем взлетать!

— Да, да, Джу! Рассаживайся уж аккуратнее и скорее! А мне ведь за штурвал, я правильно понял?

— Да, Роберт, разумеется. Я же тебя уже предупредил, и ты, кажется, согласился.

— И... ты доверяешь мне даже взлет?

— Конечно! Вы справитесь! Взлет — не так уж сложно... Вот потом, если только вдруг появятся дополнительные проблемы...тогда уж скорее понадобится моя помощь, чем сейчас. И лучше я сразу возьмусь за ремонт. Мне много всего предстоит выполнить сейчас...

— Огромное спасибо!!!! — не дал ему закончить Роберт. Он уже расселся в кресле пилота и испытывал эйфорию, примеряясь ко всем кнопкам и рычагам.

Он — Роберт! — сидит не где-то там, а за штурвалом настоящего, исправно работающего космического корабля!

¹⁷¹ Роберт ожидал более симпатичного дизайна. Салон казался несколько старомодным. И даже, пожалуй, напоминал немного офисный кабинет... по ощущениям скорее. А так, вроде, выглядел кораблем...

¹⁷² Хотя, скорее, это «махине» следовало опасаться Джулии, а не наоборот. Придется констатировать следующий факт: мистер Макинтош, к сожалению, потерял свою былую объективность.

Он прямо находился в предвкушении неизведанных ощущений, которые ему это место обещало!

Промелькнули вдруг перед глазами его старинные детские фантазии, когда он забирался еще в аттракционы — «космические корабли» — и искренне верил, что полетит...

А теперь ведь и правда полетит! На самом деле!

Невероятно!

Но Элрой не дал ему уйти в себя и просьбой своей быстро привел обратно в реальность:

— Только дайте, пожалуйста, ключ и шарик... да, спасибо!

— Это тебе спасибо! — сказал вдруг на редкость серьезно Роберт и помолчал несколько секунд. Вид шарика и холод его стенок подействовали на него как никогда отрезвляюще. — Я уж начал... испугался, что все уже... пропало. И... не исправить уже никак. Что совершил ошибку — непростительную! И, чего доброго, уже никогда не увижу ее снова... А тут вдруг объявился — извини, не то слово! Мне надо собраться... появляешься ты, и даешь мне шанс... шанс все исправить! Спасибо! Не представляешь даже, как много для меня это значит!

— Я... очень рад. Рад, что в кои-то веки мои действия начали приносить действительно какой-то толк... знаешь, не тебе одному надо провести работу над ошибками.

— Работу над ошибками!.. — Роберт не понял его последнюю фразу. — Да я вел себя как полнейший идиот! В эти два дня я осознал... я должен был доверять ей! Что только на меня нашло?! Не понимаю даже, почему и ты, и Джулия так ко мне... благосклонны что ли... вот от тебя никаких даже упреков на мой счет! Неправильно! Сам я без конца всех упрекаю, когда есть за что! А мне вот с рук сходит...

— По-моему, ты и сам прекрасно справляешься без всяких упреков извне! — Элрой уже разложил по соответствующим отсекам все инструменты, которые могли потребоваться для починки Шерриного изобретения. Он любил порядок во всем.

Роберт хмыкнул и отвернулся к штурвалу и многочисленным кнопкам.

— Невероятно! — пробормотал он в очередной раз, оглядывая их все.

— А все же... — добавил Элрой и не смог сдержать улыбки. — Ведь это получше, чем летающий половник, правда?

В Роберте будто что-то упало. Опять этот половник! Этот мерзкий призрак прошлых ошибок! Если б только он мог забыть и заставить остальных... ну вот прекрасно, а откуда Элрой-то мог помнить? Роберт уже догадывался, но пока боялся спросить. Известие могло сейчас вывести его из равновесия, а при вылете потребуется вся его собранность.

Лучше уж потом.

И что Элрой об этом злосчастном половнике заговорил? Ехидствует. Не верится даже. Роберт бы не подумал, что он может, так, вроде, вел себя вполне ничего... и вдруг пожалуйста.

Когда он попросил его быть с ним жестче, он все-таки не это имел в виду... зачем было личное вспоминать?

Роберт вздохнул, но промолчал.

— Извините, если я ва-тебя задел... — продолжал Элрой. Он уже начал работать над шариком. Разобрал его на две полусферы и принялся за первую из них.

Работал он сосредоточенно — и работа была тонкая. Удивительно, как он так мог одновременно и делать, и говорить:

— Я тут подумал, может, тебе будет интересно узнать... у нас давно уже забыли из-за так называемой ненадобности имена изобретателей... Но есть одно изобретение, считающееся особенным. О нем без конца вспоминают! Объяснение работы его устройства включено в школьную программу абсолютно всех специальностей. И даже в порядке исключения люди помнят и — более того — считают неприличным забыть имя изобретателя. Звали его, кстати, Герман Ктачж... Да каждый третий кроссворд содержит вопрос, где спрашивается его имя. Неслучайно. Его изобретение — называется, кстати, синтропазатор — это целая веха в нашей истории. У нас-то, в отличие от вас, уже мало кто вспоминает колесо или электричество... а вот синтропазатор — его изобрели по-вашему летоисчислению в 1229-м году — как более молодое, так сказать, и знаковое вспоминают все. Оно изменило наш мир... не сразу, конечно. С момента изобретения синтропазатора и до осознания возможностей его применения прошло некоторое время — наверно, мне стоит опустить тут подробности и цифры... Но факт в том, что постепенно стало появляться все больше его модификаций. На данный момент великое множество наших устройств работает на принципах, примененных впервые в синтропазаторе. Вот даже этот космический корабль... еще, конечно, телепортаторы, коммуникаторы и куча всякой более мелкой ерунды...

— Потрясающе! Сколько всего у вас имеется!.. Счастливы те изобретатели, кому удастся изобрести такие вот «первоосновы». Поистине счастливы! А... — Роберт даже запнулся. Настолько наглой ему показалась посетившая его мысль. — А можно будет как-нибудь узнать, на каких принципах и основах этот синтропазатор работает?.. Безумно просто хочется узнать! Ты ведь должен знать, раз все у вас знают?

— Ну разумеется я знаю!¹⁷³... но только сейчас, к сожалению, мне некогда объяснять.

Роберт надулся во второй раз. Хватит уже водить его за нос!

— А кроме того, — спокойно добавил Элрой, — мы сейчас будем взлетать. Он уже зарядился настолько, насколько требовалось... впрочем, все-таки договорю о синтропазаторе, раз уж начал... Вам, Роберт, прекрасно известен принцип его работы... нет-нет-нет, не самого синтропазатора, до него все-таки еще надо было немного дойти... и получить нужные материалы, которых в детстве у вас, разумеется, не было... Но сама идея и даже начало... начало ты положил верное. Даже и не начало. Ты прошел уже больше половины... Еще немного — при наличии нужных технических средств — а у вас на Земле они уже имеются, кстати говоря, — и твой половник и синтропазатор можно было бы назвать тождественными изобретениями.

Роберт поперхнулся.

— Я, наверно, не расслышал... половник... нет, постой, ты не шутишь?! Половник — это тот самый замечательный синтропазатор?!

— Почти. Принципы те же самые. Правда, у Ктачжа он выглядит несколько по-иному...

¹⁷³ Казалось, он это сказал тоном очень обиженным.

— Но... — Роберт выглядел совершенно ошалелым.¹⁷⁴ — Но... но... не может быть!... я всегда думал, что...

— Да-да-да! — невозмутимо перебил его Элрой и пожал плечами. — Я знаю! И Джулия слышала. Позволь-ка, сейчас даже процитирую: «Мой первый эксперимент. Ошибочный. Глупость полнейшая. Нечего его вспоминать».

Роберту стало очень неловко. Это и впрямь были его собственные слова.

— Так ведь, — он смутился. — Так ведь и впрямь выглядело очень глупо! Я был до сегодняшнего дня, до настоящего часа, просто железно в этом уверен.

— И, с сожалением должен заметить, поэтому старались всеми силами скрыть факт проведения эксперимента от других... а жаль. Вы слишком рано от него отказались. Может, если бы ты показал его только... ой, извини, кажется, это уже личное, заговорился...

— Нет-нет, действительно! Если бы я показал его в свое время МакГрегору, моему наставнику, он бы, может быть, заметил в отличие от дурака-меня в нем потенциал и направил бы меня на нужный путь... да откуда ж я знал? Откуда я знал, что глупость может в итоге оказаться... а ведь, может быть, на Земле уже сейчас был бы свой первый, как ты там говоришь, синтропазатор — странное название... если б только я... чувствую себя еще большим дураком! — Роберт покачал головой.

Обидно было!

— Я не этого хотел, — серьезно сказал ему Элрой. — Всему, наверно, свое время... значит, рано еще... Может, потом бы в-ты сам вернулся к своему половнику, я думаю, обязательно бы еще вернулся и все осознал... а, может, время как раз сейчас, раз уж мы встретились и я смог тебе рассказать. Вот этого я не знаю... Но я бы на ваш-твоем месте приободрился тем соображением, что ты все-таки был близок! И не дошел вовсе не потому, что у тебя не хватает таланта... Да, я бы порадовался на твоем месте тому, что самый первый эксперимент был уже таким... я бы сказал, масштабным! Тем более ты все это время просто не знал, что сам себе же позволяешь терять...

«Но поэтому хоть не мучился, — подумал про себя Элрой. Вслух решил не говорить. — Я-то, находясь на технически более развитой планете, осознаю, сколько вас тут, на Земле, таких... провозглашающих собственные, весьма стоящие идеи, глупостями... вот потому никак нас и не догоните».

— Ну и хватит нам болтать, — добавил Элрой, все не отрываясь от Шерриного «сатурна». — Взлететь вот уж минуту назад могли бы! Не дело тут время разбазаривать! Все готовы? — все же управленческий тон временами проступал в нем весьма заметно... — Джулия, ты готова? — а вот это звучало уже гораздо мягче.

— Да-да, готова, Элрой!

— Замечательно! Роберт, слушай меня внимательно! Ты видишь три группы кнопок. Обзначим ту, что слева от первого экрана, — сектором А. Та, что посередине, между первым и вторым экранами, — сектор Б. Сектор В — самая правая группа кнопок.

Они расположены в строгой последовательности. Сначала я называю сектор, затем координаты самой кнопки — сначала строку, потом ряд. В общем, так, как у вас принято. Например, укажи мне Б-три-два — очень хорошо! Вот у этого радара ты

¹⁷⁴ Ох, не стоило Элрою об этом говорить ему перед самым вылетом!

видишь еще несколько рычагов — я буду называть их по порядку слева направо — рычаг один, рычаг два... самым последним, шестым, как ты, наверно, понял, будет правый рычаг.

Иногда надо будет покрутить ручками штурвала и задать направление, но тут, кажется, все и так читается и без меня.

Остальное нам пока не понадобится... Надеюсь, вопросов нет?

— Нет вопросов! К взлету готов!

— Только слушай внимательно! Говорить буду быстро! Временами надо будет нажимать на несколько кнопок одновременно... но не волнуйся, так просто мы не упадем, даже если что... — последнее он сказал скорее Джулии, а не Роберту. Роберт сомнений не знал. — И потом, я всегда рядом. Если что, встану и подкорректирую.

Но пока он так и сидел сбоку у стола, с Шерриным изобретением. Невозмутимо продолжая что-то там вытворять, он при этом затараторил:

— В-пять-два. Б-три-один. Рычаг два. В-один-три. В-один-два. Теперь одновременно А-два-три и Б-два-три. Не отпуская эти кнопки рычаг один. Отпустить Б-два-три. Прижатой А-два-три В-три-два. Отпустить все. Рычаг четыре. Б-два-два.

Они ощутили небольшую вибрацию. Корабль вот-вот должен был взлететь.

— Теперь рычаг пять. И после шестого рычага полетим, так что готовься взяться за штурвал... ага, рычаг шесть.

Они рванули ввысь!

Это было невероятно! Просто умопомрачительно! Дух захватывало! Они стремительно поднимались к звездам! Роберту казалось, он сможет достать до них рукой.

Джулия примкнула к иллюминатору и несколько секунд любовалась видом стремительно удаляющегося и искрящегося в темноте Голливуда. Эти секунды показались ей очень долгими.

Казалось, все происходит точно как в замедленной съемке. Вот уже весь Лос-Анджелес со всеми пригородами сжался до размеров точки, вот и весь материк виден, а вот уже и вся Земля.

— Б-три-два, — невозмутимо продолжал Элрой. — Б-три-один. А-два-один. Одновременно В-два-три и В-три-два. Ну вот и все. Роберт, лучшего исполнителя у меня еще не бывало! Вы справились со всем на высочайшем уровне! Теперь остается только корректировать временами направление... не отпускайте штурвал. Немного направо. Да, вот так. Я буду говорить, когда будет требоваться что-то выполнить. Пока можешь относительно расс — около трех градусов налево! — расслабиться.

— Да вести его — одно удовольствие! Ощущения непередаваемые!

— И впрямь, — улыбнулся Элрой. — Жаль только, у нас если летают, всегда пользуются автопилотом. Так безопаснее. Считается. Слегка направо! И эффективнее по части сбережения энергии и времени. Я бы тоже при других обстоятельствах, думаю, не стал бы намеренно отключать автопилот. Просто на этом корабле он не работает... так бы и не узнал никогда, каково это — сидеть за штурва... Немного вверх! Еще! Все, теперь прямо! В ближайшие 10 минут вряд ли придется еще что-то менять. Курс задан верно.

— И тебе никогда раньше не хотелось попробовать? — удивился Роберт. — Именно самому... не полагаясь на этот корабельный автопилот?

— Признаться... мне в голову такое не приходило. Из соображений эффективности... ну вот, прямо как сейчас — чтобы сидеть за штурвалом, надо не иметь более важных дел. Я во время полетов был занят не менее... — Элрой запнулся. Он хотел сказать «не менее важными делами, чем сейчас», но это было бы враньем. Может проставление печатей сравниться с починкой проявителя мечтаний?

— В общем, не принято это — самим вести корабли, — как-то неуверенно закончил он. — У нас вообще не принято много летать и путешествовать. Лишь в исключительных случаях.

— Но ты при этом прекрасно знаешь, какие клавиши когда следует нажать! — восхитилась Джулия. — Ты ведь даже не смотрел на них! Из головы! Это же... ну... удивительно! Какая у тебя память!

Она еще не догадалась.

— Тут немного... немного... — было неловко ее разочаровывать. Его заслуг тут не было.

— Я бы никогда так не смогла! Ты даешь Роберту указания, в это же время разговариваешь с нами, и при этом еще знаешь, что надо сделать, чтобы починить Шеррин кулон, и чинишь... Так много всего сразу!

— И ведь это же, повторюсь еще раз, — вставил Роберт, — невероятно сложное устройство! Я уж и не думал, что его окажется под силу кому-нибудь починить! Меня собственное бессилие убивало просто! А ты так уверенно действуешь сейчас... извини за прямоту, но ты сам ведь точно знаешь, как? Как правильно это сделать? Я думал, это уникальное тайное изобретение ее отца... или там центра... не знаю, с кем Шерри работала... ты же, вроде, не оттуда? Ты же... ты уверен, что знаешь? Главное ведь — не навредить...

— Ну еще бы я не знал! — Элроя подобный вопрос оскорбил до глубины души. Много лет никто не задавал ему в лицо таких откровенно наглых вопросов — уверен ли он в том, что знает! Много лет никто не сомневался в характере его знаний, в их достоверности! Все принимали это как должное. А тут вдруг такое!

Хотя ведь... он и забыл, что вообще-то людям свойственно иногда забывать. И путать. И ошибаться из-за недостаточного количества знаний по требуемому предмету и, как следствие, возникающих действий наобум — лишь бы только что-то сделать. Не то, чтобы забыл, но к себе не относил. Перед ним давно уже таких проблем не стояло... а ведь со стороны Роберта это был вполне естественный вопрос.

— Конечно, я знаю, — сказал он мягче. — Шерри же все продумала! И очень правильно! Сейчас у нее включена защитная система. Он не сломан... не они его сломали... она сама, как только получила предупреждение об аресте, создала видимость. Если бы сломали они, то все было бы потеряно навсегда! Но как они могли его сломать, если были уверены, что она уже сделала это за них... из-за отчаяния — так она им и сказала... Ах да! Кстати сказать, никакого исследовательского центра у нее нет. Все создала она сама!¹⁷⁵ И в этот раз она тоже, разумеется, знала, что делает... она только очень хорошо все спрятала. В силу особенностей устройства, достать это и вернуть в прежнее состояние требует гораздо больше времени, чем спрятать. Этим я и занимаюсь.

¹⁷⁵ Роберт в этом месте глубоко выдохнул! Получилось красноречивей некуда! Она ОДНА смогла создать ТАКУЮ вещь?! Вот так так! Уму не постижимо!

— Но что это вообще такое? — не унимался Роберт. — Ты назвал его раз проявителем мечтаний. Так это... это действительно и есть все, с помощью чего... а я думал, у нее там где-то огромные установки, а это лишь так, что-то вроде пульта управления... а все, выходит, в нем самом? В таком крохотном? Что он все-таки делает?

— Больше ничего и не нужно. Кроме пленки, конечно, куда переводить... Делает он много всего. В частности, он служил вам своеобразным переводчиком. А вы думали, почему она тогда в скалах стала выкрикивать лишь отдельные фразы? Лишь то, что смогла вспомнить. Право же, мы с ней когда-то пытались выучить английский, но...

— Ты прекрасно на нем говоришь! И у тебя даже акцента нет!

— Благодарю. Честно признаться, в последние дни я... временами говорил по-английски сам с собой. Потому что ваш язык мне... нравится. И говорить на нем проще. Не то, что у нас, — вы вряд ли выговорите много... А у нее акцент был из-за переводчика! Она говорила все это время на своем родном языке, просто вы слышали и понимали — благодаря устройству... Кстати да. Вот как раз пожалуй... пожалуй, если б она вставила туда крошечную модификацию синтропазатора — он бы там как раз поместился... наверно, тогда бы акцент пропал.

— Ну нет! — возмутился Роберт. — Мне нравится ее акцент! Пусть будет.

— Как тебе угодно. Я все равно сейчас под рукой ничего такого не имею. И не стану вмешиваться в ее работу с изменениями. Мне главное — восстановить!.. Вам интересно, что тут еще имеется? Да, Роберт, сейчас на пять градусов вправо — да, вот так! Еще у нее здесь написанные ею же шпаргалки. Хорошо, она ими не пользовалась особо. Они сотрутся сейчас, ну не жалко... все равно большинство с ошибками. Да она и сама уже знает, как правильно. Вы ее научили, — он улыбнулся.

— Как тут все это помещается? — удивилась Джулия.

— Да, я уж боюсь спрашивать, как это работает! — поддержал Роберт.¹⁷⁶

— К сожалению, так просто объяснить я не смогу. Тут все куда как сложнее, чем с синтропазатором. И на объяснение потребуется огромное количество времени... но подождите! Вы же не знаете... точнее, не вспомнили о главной его функции до сих пор! Основная-то его работа, как вам уже известно, — собирать образы, которые вы представляли, и впечатления, которые вы испытывали. И Шерри вместе с вами. Но в первую очередь он был настроен на Джулию. Ведь это же изначально ее... ее мультфильм.

— Но как?! — спросили они в один голос.

— Я и сам не могу точно сказать, как все-таки все то, что там происходит, к подобному ведет. И Шерри, наверно, тоже не сможет... это относится уже к другой области, куда так просто проникать простым людям, пожалуй, не положено... откуда, например, исходит вдохновение? Почему оно вдруг приходит? И откуда берутся чувства?.. Я могу все это свести к науке и биолог... ну да о чем я говорю? Я считаю, биологические реакции, как, например, выделение определенных ферментов, — это непосредственно сопровождающие их явления, но не причина... для нас это слишком сложно — узнать откуда, так зачем я только углубляюсь?.. но она нашла сам способ. Способ чувства и образы захватывать без всякого вреда для испытывающего их

¹⁷⁶ Но ведь уже спросил.

субъекта. Я говорю слишком сложно? нет?... Это, на самом деле, гениальная вещь! Все это время — вы только подумайте — все это время, что она была с вами, ее прибор отмечал все, что вы переживали... ей крайне важным было держать его при себе... поэтому, думаю, в итоге тот отрывок, который вы видели, и получился таким выразительным. Она взяла не сухие образы из головы, но и чувства... чувства, которые и вызвали затем эти образы... думаю, именно так. Хотя, может, это как раз чувства следуют за появившимися сначала образами... на это у меня нет ответа. Скорее, все вместе, неразрывно. Но это, конечно, только мои соображения... Все это — образы и чувства — хранится в одном из отсеков этого шарика. Просто Шерри запрятала их глубоко. И теперь мне надо вернуть их обратно, чтобы там уже, на выступлении, оно было рядом. И чтобы... почему бы и нет? Чтобы он снова заработал и стал ловить наши чувства сейчас! Вам не хочется? Я никогда не имел возможности поддержать его в руках, когда он работал, но предполагаю, что ощущения...

— Это непередаваемо! — закончил за него Роберт.

— Скорее бы уже закончить! — Элрой упорно продолжал заниматься шариком. Он совершенно не ощущал усталости. Он вообще привык много работать.

— Все-таки я безумно рад, что ты знаешь, как с ним работать! И... хочу у тебя спросить... сложно во всем этом разобраться? Мне бы хотелось, если только все обойдется, чтобы Шерри объяснила мне... сомневаюсь теперь, что пойму, но, надеюсь, она все-таки не пожалеет попробовать и потратить на меня какое-то время... тебе она долго объясняла?

— Мне она... ничего не объясняла. Я... сам узнал.

— Так ты тоже догадался — и в это же самое время — соорудить нечто подобное? — в восхищении спросила Джулия. — Какое совпадение! А все-таки... вы бы могли объединиться... по отдельности ведь... ну...

— К сожалению, нет. Начать надо с того, что сконструировала все только она одна. Мне бы в голову не пришло, хотя я знал, что подобные процессы могут... возможны... узнал бы, если б захотел... и, может, и догадался бы, как их применить... откровенно говоря... — Элрой запнулся. Пора было уже открыть всю правду. Но он никак не мог решить, как лучше это сказать. Помог ему сам Роберт:

— Я давно уже хотел у тебя спросить, только неловко было... я же сразу заметил, в отличие от нашей невнимательной, хотя, вроде, все замечающей¹⁷⁷ разини Джулии, что ты говоришь о многом таком, о чем, по идее, не мог бы никогда узнать... только если б следил за нами неусыпно, но это еще менее вероятно, чем то, что я сейчас спрошу... Откуда, например, ты мог знать, что Шерри нам тогда кричала, когда потеряла свое изобретение? И уж тем более о половнике¹⁷⁸... Поэтому... я не могу поверить, что спрашиваю! Но... это... это правда они?

Элрой лишь молча кивнул.

Он не стал смотреть ни на Роберта, ни на Джулию, только на изобретение в руках.

Наконец все-таки собрался и выдавил:

— Так что... моих заслуг тут нет никаких. Сам я не помню последовательность кнопок для взлета. И сам я понятия не имел бы, что делать с проявителем. Я не смог

¹⁷⁷ «И глаз с тебя не спускающей» — хотелось ему добавить.

¹⁷⁸ Тут уж и Джулия наконец приглушенно ахнула. Поняла, о чем речь.

бы ничего сказать о «Малиновом закате». Я вообще не понял бы вас сейчас, потому что я давно уже забросил английский... Я никогда не... ничего не смог бы... это все очки. Благодарите их.

Они не послушались, не благодарили — притихли.

Элрой все же не смог удержаться и хоть краем глаза не глянуть на Джулию.

Она молча смотрела на него с очень странным выражением. Может ему и показалось, но никакого ожидаемого им разочарования, которое так его пугало, не было и в помине.

— Да-да... вещь, достойная самого горячего восхищения и вашего внимания! Сколько их ношу, никогда не перестаю им удивляться! Бесподобная вещь, кто станет спорить!

— При чем... ну при чем тут они?! — чистосердечно удивилась Джулия. — Тот, кто их носит... Не могу поверить, что... Господи, как ты только их выдерживаешь? Да ты просто герой!

Элрой покраснел. Великий герой, ничего не скажешь... и ведь ему это говорит не кто-то там! Это Джулия говорит!

— Я, — продолжала она, — все эти месяцы... ну, пока работала над мультфильмом... да я только и думала, каково же было моему герою... ой, да ты же знаешь! Эрлу с такими очками. Я же все это время пыталась понять, что он чувствовал... не знаю, смогу ли я когда-нибудь... но по крайней мере я попыталась понять! Это же так тяжело! Это же требует огромной силы воли! Я... поверить не могу! Да ведь... ведь мало кто смог бы, честное слово! А ты так здорово справляешься! И в отличие от Эрла... ведь ты совсем не зазнался!¹⁷⁹ И не рисуешься тут перед нами! Нет! Ты... ты... и ты ведь знаешь об Эрле, правильно?

Элрой еще раз кивнул. От слов Джулии ему стало очень тепло на душе. И так хорошо!

— Значит, я прямо так сейчас и скажу, что... я с первой же секунды, как тебя увидела, поняла, что ты на него необыкновенно похож! Просто я не могла решиться сказать никак... а тут вдруг выясняется, что у тебя даже очки такие же! Невероятно! Даже очки! Это удивительно! Даже очки... — повторила она еще раз. — И ведь я-то была уверена, что все это только у меня в мечтах, что я все выдумала и что... ну... что никогда не случится такого, чтобы в жизни я встретила с... а как ты, кстати, относишься к тому, что я сняла мультфильм о человеке, оказавшемся в твоей ситуации, да еще и... и внешне похожем? Я просто ведь не знала... но если б и знала... все равно оставила бы его таким, я думаю...

— Признаться, мне до сих пор не верится... — откровенно ответил Элрой. — Для меня это слишком большая честь... я бы никогда не подумал, что про такого, как я, кто-то сочинит историю! Кто-то уделит время, силы... кому-то это будет интересно! Я вроде бы знаю, но никак не могу в это поверить!.. Спасибо вам огромное! Тем более у вас получилась более чем замечательная история, захватывающая и очень трогательная, на мой взгляд... а не какая-нибудь надуманная ерунда, заполненная лишь стереотипами, — их засилье я с детства не вынош... — тут он прервался. — И все-таки... это не про меня... Эрл не такой, как я.

¹⁷⁹ «Почти!» - отметил Роберт про себя.

— Ты даже лучше! — согласилась с ним Джулия. — Даже лучше, чем я представила Эрла... эй, подумала, у вас и имена похожи!.. Но ведь ты же не стал бы желать, чтобы всем достались такие очки? Иначе... ты бы, наверно, уже этого добился?

— Нет, конечно. Ни за что. Мне в голову подобного, к счастью, не приходило... Но вы, Джулия, просто... не знаете... всех обстоятельств.

— Ну конечно, я знаю куда как меньше, чем ты! Но мне совершенно ясно, что ты не станешь использовать свои знания во зло... вот смотри, как они помогли нам сейчас! И помогли, и помогают — ты ремонтируешь Шеррин проявитель и указываешь Роберту, куда лететь. А без тебя мы бы никуда...

— Она права! — вставил Роберт. — Может, нас бы уже на свете не было...

Элрой пробормотал что-то невнятное в ответ.

— И ведь как хорошо тебе удается делать столько дел сразу! — продолжала Джулия. — Ты же, наверно, очень быстро вынужден анализировать всю получаемую информацию... и уметь выбрать главное! Это же многое говорит о... да у тебя такой вид, будто я тебя перехвалила! Ты что, не веришь мне? Неужели... неужели одни очки смогли бы... да тут дело в тебе, а не в них! Даже то, как ты говоришь... ты же очень быстро говоришь! Я читала, что чем быстрее думаешь, тем быстрее говоришь... ну и... Нет, я бы точно так не смогла!

— Признаться... я сейчас заикаюсь много. Обычно раза в 3,8 быстрее получается. Это несложно — говорить быстро. Главное — знать, что следует сказать.

— И для этого надо еще все обдумать! Обдумать, что сказать... я бы уже утонула, наверно... в море... информационном.

— Действительно! Джулия права! Хотя это зависит от того, насколько подробная информация приходит. Насколько?

— Да настолько, насколько возможно... если долго думать о предмете. Я уж наловчился... Эрл все-таки не умел отсекал ненужное. Мне кажется, у меня это получается лучше. Иногда только высказывают лишние цифры или термины... но вообще-то цифры я люблю... Одним словом, все не так уж сложно. Просто надо уметь выделять нужное и по возможности управлять мыслями. Роберт, внимание! Сейчас на три градуса вниз! И еще лучше, если умеешь держать сразу несколько вещей в голове в одно время. Большинство людей думает последовательно и иногда что-то упускает или отвлекается, забывает... Я тоже раньше так думал. Это потом пришло, с опытом... ну вот, в качестве примера, даже в данный конкретный момент меня посетило сразу несколько мыслей: о том, где мы сейчас пролетаем, о том, что все-таки стоило бы роботам побольше смазать пятый из рычагов, и о том, что Нойтчш уже две минуты пытается выбраться... Я все эти мысли не запоминаю, естественно. Но делаю акценты, когда требуется. Иначе... ведь в мире каждую секунду столько всего случается! Мне, конечно, приходит не все... только то, что может мне понадобиться. Или то, о чем я сам захочу узнать.

— Но как?! Как это определяется?! Как определяется то, что тебе может понадобиться? — перебил Роберт.

— А вот этого я не могу рассказать.

— Неужели ты не знаешь?

— Знаю, почему же. Это как раз относится к области очочной работы... ну и моей головы тоже. Но в первую очередь уже к очкам... Это я знаю. Принципы работы. Но я предпочел бы о них не распространяться. По... думаю, понятным вам причинам.

— И все-таки это просто поразительно! Невероятно! Так научиться...

— Вы преувеличиваете. Я не хотел хвалиться... волей-неволей получилось. Тут уж я вынужден был: или они, или я, — улыбнулся Элрой. — Привык уже. Давно.

— И сколько же ты их носишь?

— Прилично. Около десяти лет. Если вам кажется, что я недостаточно конкретен, вы уж поправьте... Могу сказать с точностью вплоть до минут — секунды-то пройдут, пока я их выговорю, — но вам вряд ли это нужно...

— Но откуда?! — Роберт опрашивал его, точно прокурор на судебном заседании. Он пришел в небывалое возбуждение. Все события этого вечера и все открытия — одно невероятнее другого! — очень на него подействовали. — Откуда они?! Вот что мне интересно! Ты ведь знаешь? Ты должен знать!

— Они достались мне от... Роберт, может, мне вам потом сказать? Кажется, в-ты переволновался...

— Да нет же! Пожалуйста! Кто же это только... кто?!

Элрой вздохнул:

— Шерри.

Поистине, полет открытий!

Роберт выпучил глаза и совершенно опешил. Он несколько раз открывал и закрывал рот. Напоминал забавную заводную игрушку.

— Шерри?! Как Шерри? Наверно, ей от отца они достались?

— Да, от родителей.

— Я уж было подумал...

— Но они привезли ей обычные очки. Она сама их... доработала.

— То есть... так это все-таки ее рук дело?!

— Да.

— А отец?..

— Да при чем тут отец? Отец у нее был необыкновенным человеком и многому ее научил, но того отца, которого вы знаете, с секретной лабораторией, с центром — выдумала она его! Чтобы у вас не возникло подозрений! Очки, проявитель — это все она сама сумела создать!

— Сумела... Выдумала... — только и смог пробормотать Роберт.

— Выдумала... и даже этого факта не заметила...

— Но, — Роберта осенила новая мысль, — если ты их уже десять лет носишь, это же... это же сколько ей было... лет? — чуть слышно договорил он.

— Только-только тогда исполнилось десять.

— В десять лет изобрести такое! — сдавленно пробормотал Роберт. Он ощутил себя совсем мальчишкой. — И... и все, что я там ей говорил... о Боже мой!..

Он еще несколько раз пробормотал: «В десять лет! В десять!»

— Но... но почему именно тебе? Нет, ты, судя по всему, прекрасно справляешься с ними, но... Неужели она... ведь тебе же с ними, должно быть, было тяжело, особенно в первое время... Неужели она не понимала?

— Она действительно не смогла оценить тогда... это был ее подарок, она хотела... сделать мне приятное... Шерри... — Элрой искал нужные слова. — Шерри

тогда сама не поняла, что создала... и я не понял... мы просто не смогли представить, к чему это может привести...

Он не стал продолжать. Не смог сейчас.

— Я только сейчас поняла! — воскликнула вдруг Джулия. — Ведь... ведь ни я, ни Роберт ни разу не подумали узнать у Шерри, когда у нее День Рождения! Это же... это же ужасно просто! Как мы могли?!.. Тем более мы довольно долго готовились к моему... почему же она не напомнила о своем?! Почему не сказала сама?! Ей все еще девятнадцать?

— Нет. В июле, а по-вашему в июне, исполнилось уже двадцать.

— И мы... мы даже ее не поздравили! — Джулия вздохнула с ужасом. — Мы так были увлечены мультфильмом... что я только делала?! И ты, Роберт! Ну как же так?!

— Но, по крайней мере, — Элрой попытался ее утешить, — это не последний ее День Рождения... она, наверно, слишком увлеклась с вами и сама забыла... хотя когда-то мы с ней мечтали справлять именно Дни Рождения. Мы и пробовали даже... давно это все было... но раз уж она так увлеклась, что даже не вспомнила, значит, ей действительно было интересно! Я вообще считаю, что лучший праздник — это когда проводишь его за интересной работой! И да, ведь я опять не сказал: у нас — так вообще не празднуют Дни Рождения. Многие даже не помнят точной даты, когда родились, и проверяют по документам, если вдруг потребуется.

— Но... как это?! — казалось, Джулия пережила культурный шок. — А что тогда празднуют? У вас же есть праздники?

— Разумеется. Только они все... не такие, как у вас. У вас, на мой взгляд, многое интереснее, разнообразнее... а у нас один похож на другой. Хотя, может быть, вас бы и заинтересовал День сдачи балансовых ведомостей, например. Правда, он похож на День сдачи налоговых... А они в свою очередь похожи на День начала разработки учетной политики... Мой любимый все-таки именно балансовой. Есть в нем что-то особенное, в отличие от учетной — вот это, по-моему, весьма надуманная вещь... Но это мое личное мнение. Имеются еще и менее масштабные — корпоративные — праздники, относящиеся к отдельным организациям. А что касается персональных праздников, то, пожалуй, если попробовать выделить аналог Дня Рождения, то это будет определенно День Вступления в Должность.

— Что-что?

— День Вступления в Должность, само собой, — невозмутимо повторил Элрой. — У вас ведь тоже не так уж давно был День Вступления в Должность, Роберт? Имеется в виду ваша основная должность... у ва- — ну вот опять! — у тебя это, если ты не помнишь — хотя как такое можно забывать! — 16 сентября... Если говорить общо, то это дата, соответствующая дню, когда в Трудовой книжке появилась первая отметка о вступлении в должность. Мне, например, осталось подождать всего месяц и восемнадцать дней до очередного ДВВД! Ну, это аббревиатура, как вы понимаете... Этот день мог бы случиться для меня и раньше, но они просто довольно долго заводи́ли мне книжку, ведь я раньше начал, чем остальные... ну неважно... Опять заболтался. Возвращаясь к началу разговора. ДВВД — не то же самое, что День Рождения, конечно... о таком и мечтать нельзя... но тоже как вариант. День Вступления в Должность, называемый еще Первым Рабочим Днем, я очень люблю! Хотя и считаю, что Первый Рабочий День наступает даже раньше, чем День Вступления в Должность. Трудовую заводят потом. Поразительно, почему они терпят и

даже поддерживают такую неточность! Стоило бы лучше разделять эти два понятия! — тон Элроя ничем не отличался от тона обиженного профессора, знатока своей области, с мнением которого никто почему-то не считается.

— По-моему, ты живешь в очень странном месте, — только и смог сказать ему Роберт в ответ.

И только сейчас понял, что не задал основные вопросы. Вечно так получается! О главном вспоминается только потом.

Он непоследователен. Позор называть себя ученым после такого!

Если с чего и стоило начать образцовый разговор, который он нередко разыгрывал в голове, так это с вопроса:

— Как ваша планета называется?

— Я предвидел этот вопрос, — при этом Элрой сказал это как-то неуверенно. Казалось, ему было немного неловко. — Боюсь, вам это название покажется странным... или еще каким...

— Почему ты так решил? Раз уж планета Биба зовется Семь-Би-Эликон, то ваша может называться как угодно! После Семь-Би-Эликона я уже ко всему готов! А если только вдруг это сложный...

— Нет, это не шифр, — разочаровал его Элрой. — Шифры мы действительно раздаем — но только если вдруг случайно открывается какая-нибудь новая планета, жители которой при этом еще не в состоянии назвать ее как следует.

— А как это определяется? Как вы понимаете, что планета названа не как следует?

— Ну например, когда ее жители еще не научились говорить... — Элрой улыбнулся своей шутке.¹⁸⁰ — Есть такие... и их много. Или язык у них слишком простой, и название планеты составляет один лишь звук. Или несколько. Есть такие народы — считают, что живут на планете Икс.

— А я думала, это только такой мультяшный стереотип — планета Икс, где все предметы в форме крестиков!

— То, что там все в форме крестиков, — это уже ваши земные додумки... да нет, имя не влияет на сущность. На планете Икс, как они ее зовут, живут, например, вполне серьезные люди... Правда, так и не удалось объяснить им, что использовать букву в качестве названия, никуда не годится... Мы им тогда сами предложили качественный шифр. Мне лично обидно, что они отказались принять его... хотя... сами мы все равно называем их по шифру... да мы с ними редко имеем дело, так что и не жалко... А бывает и так, что аборигенное название слишком сложное. Сложнее даже наших шифровальных систем — эдак символов под полсотни в одном слове. Не стану уж приводить примеры — долго выговаривать... Если же ничего такого нет, подобных трудностей, я хочу сказать, то мы предпочитаем называть планету так, как называет ее местное население. Выбираем тот из языков, которому они сами присвоили статус «международного». Если такого нет, то все еще проще — мы сами выбираем то название из имеющихся в их языках, которое нам будет удобнее всего. Иногда, правда, когда они узнают об этом, — я имею в виду тех, кто говорит на других языках, — то выражают недовольство подобным самоуправством с нашей стороны, но тут уж мы ничего поделать не можем. Пусть разберутся сначала между собой — какое название

¹⁸⁰ Джулия сочла ее очень остроумной.

им предпочтительнее. Если они составят официальный запрос, соответствующий всем стандартам, мы станем называть их так, как им самим захочется.

— Весьма правильный подход, наверно. Демократично, я бы сказал. Вы им не навязываете свою волю...

— Многие даже не догадываются о нашем существовании. Мы вообще мало коммуницируем с большинством из открытых нами планет. Зачем нам? Они не похожи на нас и расположены далеко.

— Как Земля?

— Ну нет... еще дальше. И Земля, к тому же, — это все-таки другое. Земля поистине уникальна. По крайней мере, для меня.

— А Землю вы называете Землей?

— Конечно.

— Приятно знать! Но так как же все-таки зовется ваша?

— Тыньж, — единственное, что успел сказать Элрой, потому что его тут же перебили:

— Что?! Что такое?! Что-то случилось? — Джулия, кажется, не на шутку испугалась.

— Ничего не случилось, спокойно, Джу! — ответил немного растерянно Роберт.

— Но ведь тынч! Ничего хорошего еще ни разу не следовало, после того как тынчкало...

— Джу, — произнес Роберт несколько укоризненно.¹⁸¹ — Не тынч! Тыньж! — Роберт произнес второе слово почти по буквам и повернулся к Элрою. — Ведь правильно?

— Именно так... ну вот, я вижу по лицу, вам, Роберт, не нравится...

— Немного не то... не то, что я ожидал... но вообще-то, — ему не хотелось показаться невежливым. В конце концов, не ему критиковать, — если привыкнуть, то, наверно, ничего так... Просто... неожиданно... понятно теперь, почему ей так не понравилось. Слишком уж созвучно с...

Элрой кивнул.

— Если бы вдруг я сейчас, не знаю, уронил бы вот эту отвертку и крикнул бы тут же очень раздосадованно: «Земл!», вряд ли бы ва... тебе понравилось...

— Сложно не согласиться.

— А как зовутся жители вашей планеты? — подала голос Джулия. — Тыньжи, получается?

— Нет-нет, — рассмеялся Элрой.¹⁸² — Тыньжиане.

— И ты, получается, тыньжианин? Да? Как это мило звучит! Тыньжианин!

— Не то слово, — тихо пробормотал Роберт. Он не рассчитывал, что его ответ услышат.

— Если вам не нравится, — как ни в чем не бывало ответил ему Элрой, — придумайте свое!.. Ваш язык мелодичнее, по крайней мере... существует практика «вторых имен», когда первое остается для внутреннего пользования, а для остальных... хотя, конечно, нет, что я только говорю? Предлагать поменять название

¹⁸¹ Почему Джулия растеряла всю свою догадливость и сообразительность в последние часы?

¹⁸² Он вообще, казалось, готов был радоваться любой, даже самой глупой реплике Джулии. Роберт ему удивлялся!

собственной планеты — это верх безобразия просто! Любить и преклоняться во всем — вещи разные...

— И долго нам еще лететь? — решил сменить тему Роберт. — И... наверно, бессмысленно спрашивать, куда именно? Вот уже пошли места, до которых наши, земные, корабли еще не добирались... я уже давно не понимаю, где мы... вроде бы, мы раза два даже попадали в дыры...

— Да, конечно, так получается большую часть пути срезать... Сколько еще лететь ты спрашиваешь? Не очень много. Час двадцать две минуты. Сейчас завернем в коридор, попадем... ну неважно, тебе лучше потом будет посмотреть на карту. Со слуха сложно понять.

— Всего полтора часа?! Ничего себе!.. И нет, я не стану спрашивать, как только вы научились преодолевать дыры...

— Не спрашивай, — спокойно согласился Элрой.

— Да уж... — Роберт ожидал другого ответа. Пришлось довольствоваться тем, что пожелал. — Такие необыкновенные картины за окном! Красота просто!.. Мне не терпится увидеть, что там у вас! Уж и не знаю, что ожидать! Судя по тому, что я успел узнать, впечатление совершенно неоднозначное... тем интереснее! Ты мне только не рассказывай ничего о вашей природе, о флоре, фауне, ландшафтах и остальном! Я хочу увидеть своими глазами! Без всякой подготовки!

Элрой оторвал взгляд от изобретения Шерри и посмотрел на него. Воплощение восторженного энтузиазма.

Так жаль было его расстраивать:

— Роберт, признаться... впрочем, ладно, сами увидите... если только... если только у нас получится и вам разрешат остаться еще. Мы же сейчас летим по делу, считаю необходимым вам напомнить.

Роберт смутился:

— Точно. Я определенно восторженный дурак. Совершенно мыслить разучился. Столько всего за один день! Вот просто напрочь вылетело из головы все, что произошло... и, наверно, многое еще предстоит? Стоит полагать, вы нас с Джулией не ждете с распростертыми объятиями? Что-то я... размечтался о другом... Ну конечно, чего еще было ожидать, если нас чуть не убили!.. Значит, нас не ждут... — повторил он еще раз разочарованно.

— Они еще не знают, как к вам отнестись. Большинство. Они не знают о Земле. Пожалуй... говоря по правде, все-таки скорее не ждут.

Роберт сник. Осознание реальной ситуации очень его расстроило. Он не так представлял себе... наивный...

— Наверно, стоит тогда узнать, к чему быть готовым. Не мог бы ты все-таки объяснить, в чем же дело? Этот мистер — как там ты его назвал? — Бдэчж, от него что, много зависит?

— К сожалению, — в голосе Элроя он почувствовал холодок. — Но не все, к счастью.

— И это он приказал тем двум, правильно я понял?

— Да.

— И они его послушались... наверно, он обладает значительной властью. Прав я?

— Первый заместитель Президента — разумеется, у него больше возможностей, чем у кого бы то ни было! Президент уже давно не в курсе совершающихся дел...

— Ну а остальных государств? — не дал договорить ему Роберт. — Как к этому относятся стоящие у власти в остальных государствах? Кто там только есть — какие-нибудь монархи, президенты, не важно...

— Остальных государств? — переспросил Элрой неуверенно.

— Ну не может же быть, чтобы у вас на планете было только одно государство! Я, конечно, не гуманитарий, но это даже мне понятно... А то я провозглашу всех ваятелей мультяшных стереотипов пророками! У них там всегда на чужих планетах по одному государству.

— Нет, государства у нас, конечно, есть. 37 государств.

— Всего-то?! И вы с Шерри, наверно, живете в одном из самых развитых? Судя по тому, какие изобретения вам удается...

— Формально, — Элрой выделил это слово, — 37 государств. То, что осталось нам по традиции. На самом деле границ уже давным-давно не существует. И все эти государства находятся под ведением одного — да, единственного на всю планету, — Президента. Дальше там уже идет очень сложное разделение на местах, чиновников и управленцев у нас с избытком... но фактически...

— Но как это только возможно! — Роберт не верил своим ушам. — А как эти ваши государства друг друга понимают?!

— У нас единый язык. По всему Тыньчу.

— Невероятно! Как вы только смогли?! Ну ладно еще язык... А как же культурные различия?!... нет, в голове не укладывается, как вы там только уживаетесь под началом одного государства?! Целая планета! Да у нас такое просто невозможно!

— Это у вас, — резонно ответил Элрой. — У нас так же невозможно кажется то, что у вас в порядке вещей... Но да, у нас когда-то действительно были отдельные государства. Свои культуры, свои языки... жаль только, сейчас все пропало. Давно уже пропало. И, кажется, безвозвратно... хорошо вам, у вас столько разных трактовок одного и того же, столько культур!

— Ты прав! За это Землю стоит любить! — гордо сказал Роберт. В конце концов, в данном случае, наконец, и он точно ЗНАЛ, что говорил. Испытал на собственном опыте, собственных приключениях, собственном общении с местными жителями — все они были очень разными.

— А у нас... у нас не так. У нас все единообразно... посетите любой город в Тчельпьюрри — туда, кстати, мы и держим курс, там у нас столица, — и любой город в Штринтранджии — и вы не заметите никакой существенной разницы. Только в мелочах, вроде названий улиц... да возьмите любые два города на карте — где угодно! Любые три, хоть десять — все будут одинаковыми!

Роберт с Джулией даже не смогли его перебить.¹⁸³

— Как так получилось, спросите вы? Вам кажется это невозможным... а, впрочем, мне не надо изобретать даже термин, он и у вас уже появился и, кстати сказать, активно используется... глобализация, — Элрой помолчал. Казалось, он стал мрачнее. — Лучше бы я не знал, как раньше было! Почти ведь... как у вас! Куда как замечательнее, чем сейчас! Настоящие языки, на которых говорили настоящие

¹⁸³ Верный знак того, что он их действительно поразил!

народы, населяющие настоящие страны, а не те формальности, что остались сейчас... У нас и народ давно смешался — единая тыньчианская сверхнация. А что вы хотите?... С чего началось? — казалось, Элрой спрашивал сам себя. — Я раньше и не думал особенно на эту тему. Началось все с незапамятного и совершенно естественного, ну и, позвольте добавить собственную оценку, — похвального — стремления наладить экономические и политические отношения между странами... право же, как подобный процесс мог обойтись без конфликтов? Без недопонимания? Ну а дальше... гораздо проще было бы, если бы все говорили на одном, общем для всех, языке. Все дела совершались бы куда быстрее, если бы не тратилось время на перевод. Сделки в частности — договаривающимся сторонам тогда достаточно было думать только об условиях соглашений, о смысле, а не о том, как суметь передать свои требования и как правильно декодировать знаки другой стороны. Да много всего подобного. Одним словом, экономичнее и эффективнее. Выбрали тот язык, что попроще. В него, правда, все-таки вошли разнообразные диалекты, но постепенно и они исчезли.

— Один вопрос, — вставил Роберт, — ваш тыньчианский — это что, самый простой из языков? Невероятно! Я слышал, как ты разговаривал, — да это же... не знаю, как это все можно выговаривать!

— Вы просто не знаете, например, как звучал тшедчжтреочшерский... не удивляюсь, почему его упразднили... Люди забыли собственные языки, с ними стала уходить и собственная культура. Зато появились новые транспортные средства: увеличилась мобильность. Ну и... стало то, что стало, — резко оборвал свою речь Элрой. — Мне ли вам рассказывать о глобализации?

— Но я бы никогда не подумала, что... ну... что до такой степени! — воскликнула Джулия.

— Я искренне надеюсь, на Земле до подобного не дойдет... хотя у нас никто не считает глобализацию чем-то ужасным. Признаться, есть у нее ряд преимуществ. Кое-что я уже успел упомянуть. Однородность, единообразие — вот что ценится в нашем обществе. Понимание. Как раз то, что дала нам глобализация. И не только она... Кроме того, она ускорила преодоление не только культурных, но и экономических различий между тыньчианскими областями — на это она изначально и была направлена. У нас решительно никто не беспокоится о том, в какой из областей живет. Потому что везде условия жизни одинаковы и находятся на высшем уровне. Нет у нас никаких стран «третьего мира», что имеются у вас. Уж полторы тысячи лет, пожалуй, как пропало это понятие... спросите моего начальника — он не поймет, о чем вы.

— Условия условиями, — возразил Роберт. — Но ведь есть еще климат, ландшафты, природа. Это все должно у вас разниться. И никакая глобализация не в силах тут помешать!

— Мы живем в городах. В мегаполисах. В огромных мегаполисах. Мы их так называем, но правильнее по-вашему будет назвать их уже мегалополисами. У вас таких в чистом виде еще не существует, хотя что-то начинает появляться. До нас... до нас вам еще далеко. Ну как оно было? Сначала появлялись отдельные города и все рвались туда. Потом эти города разрослись и стали весьма тяжелыми для жизни именно по экологическим параметрам — и все стали рваться из городов.

— Ну да, у нас также, — согласился Роберт, — появились пригороды у шоссе. Но вряд ли многим из нас хотелось бы, чтобы их тихие уютные пригороды опять слились вплотную с городами.

— Но они уже начинают! И спрашивает их кто-нибудь? Тем более у нас потом разработали лучшую звукоизоляцию. И производство стало экологичнее. Город, из которого они выезжали именно из-за этого, потерял потом свои недостатки, и они не прочь стали вернуться и снова жить в нем, как жили когда-то. К тому же там располагались основные рабочие места. А вот с транспортом, правда, были еще кое-какие проблемы, отставали изобретатели в этой области, так что людям было неудобно добираться до работы. Вот поэтому они и принялись строить новые здания и заводы прямо рядом с домом — они же больше не мешали им по экологическим параметрам, зато добираться было гораздо быстрее. Налицо такое соседство эффективнее. Затем уже эти новые фабрики и заводы привлекли внимание тех людей, которым стало тесно в более старых частях города, и благодаря этим людям пригороды стали разрастаться вширь. Так постепенно и стерлось отличие между основными крупными городами и пригородами. Теперь уже никто не вспомнит, где именно проходило первое шоссе, вдоль которого пошла застройка. Только если смотреть по названию... и то, много раз они менялись. Впрочем, я знаю. Но вам вряд ли это интересно.

— Но это все равно никак не объясняет того, что я спрашивал о природе и климатических условиях.

— Изволь, — согласился Элрой. — Города строились по одним и тем же стандартам. Поэтому они так похожи. Одни и те же стандарты. Везде. И, надо сказать, в основе лежали соображения вовсе не красоты или сохранения уникальных природных ландшафтов, а удобства.

— Это абсурд! — поразился Роберт. — Кто это все только позволил совершить! Что за глупость?! Неимоверная глупость!

— Не спорю. Но все это произошло задолго до наших появлений на свет, и при всем желании мы ничего уже поделать не можем. Это на совести тех людей, что жили когда-то. Пожалуй, они сами не понимали, что творили. Их лозунгом было «Удобная жизнь для каждого!». И если что-то мешало этой удобной жизни, им не жалко было избавиться от него — вырубить лес или сад, осушить озеро — почему нет, если от них больше не было никакого толку? Это их мнение... Их же теперь не сдерживали экологические соображения, как раньше. И к тому же я вам не успел сказать, что медицина как раз шагнула вперед и научилась успешно лечить многие заболевания... Что касается климата, то им тоже довольно просто управлять. Чаще всего у нас над городами светит солнце. Ну и еще различные защитные установки... зимой, конечно, как сейчас, похолоднее, но не особо. Одним словом, климат роли не играет.

— Но я все равно не понимаю! — не могла успокоиться Джулия. — Ну как это никакого толку! Но это же... красиво! Уникально! Вдохновляет!

— Но неэффективно. Вот основной параметр, по которому у нас оценивают любое явление или объект: эффективно или неэффективно.

— Кто это сказал?! — возмутилась Джулия. — Как вы это определили?!

— Посредством денег, разумеется, — ответил Элрой. — Количество денег определяет все. Например, яблоневая роща, которая стояла две тысячи лет назад там,

где сейчас мой дом. Мой дом приносит... да вам все равно ничего не даст точная цифра... огромный доход. А яблонева роща ничего не приносила.

— Но в ней же можно отдыхать. На нее можно смотреть. Любоваться!

— Правда в том, что никто в ней не отдыхал. Не успевали. Зачем им, если быстрее выпить нескольких соответствующих лекарственных препаратов или энергетиков? И никто на нее не смотрел никогда. По крайней мере, с тех самых пор, как можно было продолжать увеличивать производство.

— Почему?!

— Потому что это не принесло бы им никакого дохода.

— Что за бред?! — возмутился Роберт.

— Вы еще не знаете нашу культуру, наш менталитет. Наши люди живут ради прибылей. Ради их увеличения. Ради денег... Хотя им, может быть, кажется, что ради собственной семьи. Но... но каждая семья ценит своих членов в первую очередь именно за то, сколько дохода каждый из них приносит в дом. Примерно так семьи и создаются — договариваются о том, кто сколько средств будет вносить в семейный бюджет.

— Абсурд!

— Они считают ваши установки абсурдными. Они... они просто не знают, что можно по-другому. То далекое открытие свело всех с ума, потому как обещало неограниченные возможности увеличения производства и прибылей... и все бросились за ними. И сформировали для себя новые ценности. И отсекали ненужные. А следующие поколения, которым уже не прививались прежние ценности, которые у вас на Земле пока еще в почете, не знали даже, что можно жить по-другому.

— Ничего кошмарнее я в жизни не слышала! — пролепетала Джулия.

— Но все же наши города растянулись не по всей планете. И те, кто выступал за строительство новых заводов, всегда указывали: вот, есть еще много природных нетронутых ландшафтов. И они, к моему огромному счастью, остались. Только... только их забросили. Никто о них не вспоминает и никто их не посещает... мы с Шерри только когда-то... давным-давно...

— Но ведь вы же перебираетесь временами из одного своего города в другой?

— Разумеется. И когда-то там были проложены шоссе. И железные дороги тоже. И люди хоть на какое-то время оказывались среди настоящих природных объектов. И, может быть, задумывались... Но автомобили становились все быстрее, пейзажи за окном проносились все скорее... а потом изобрели совершенно другие транспортные средства, последним из которых стал телепортатор... и необходимость в шоссе пропала. В городах-то автомобили по традиции остались, но никто не думает использовать их для длительных путешествий. Неэффективно опять же. Тратится слишком много времени.

— Да на что же они тратят свое драгоценное время?!

— На работу, — просто сказал Элрой.

— Что, всю жизнь? Всю жизнь на одну работу?

— Разумеется.

— А что им в ней так нравится?

— Они ощущают себя нужными. Они себя уважают за достигнутые успехи, которые у них измеряются в заработной плате и тех вещах, что они на нее покупают.

— Но это же не все... неужели они ценят друг друга лишь за это?

— Пожалуй, — пожал плечами Элрой. — Они же больше ничего другого и не делают — за что их можно было бы еще ценить.

— И они до сих пор трудятся на производстве? — поразился Роберт. — Вы изобрели телепортаторы и космические корабли, а производство все еще требует людей?

— Нет, разумеется. У нас уже давно все автоматизировано. Но трудиться все равно они обязаны. Без этого же никуда. Никакого личностного развития. Теперь — и уже очень давно — все работают в офисах. Или у пультов управления, но таких мало.

— И что они делают? Наверно, все сплошь бумажная работа?

— Разумеется. У большинства. Например, сортировка данных, проверка и перепроверка...

— А у вас есть роботы?

— Само собой.

— Почему они этим не занимаются?

Элрой очень удивился. Почти возмутился:

— Ну еще бы им заниматься такими важными делами! Это определенно работа не для них! Они не справятся!

— Почему?

— Почему?! Потому что... так не положено! Это работа для людей, так нас научили еще со школы!

— Но, говоря вашим же языком и понятиями, это неэффективно.

— Но есть правила и положения. Правила стоят даже выше соображений эффективности. Не положено роботам заниматься — значит, не положено!

— Но почему? В этом же так мало творчества! Они бы справились...

— Это зависит от того, как посмотреть, — не согласился Элрой. — Я, например, заявляю, что очень люблю придумывать новые виды классификации и сортировки ведомостей и особенно служебных записок. Это действительно весьма увлекательно!

— Не знаю, может быть, — Роберт не мог согласиться, но спорить не стал. Каждому свое, наверно. — А важные решения принимаются? Стратегии? Что-нибудь действительно стоящее?

— Не понимаю, как в-ты можешь считать сортировку служебных записок занятием нестоящим! — воскликнул Элрой в праведном удивлении. — Я в состоянии согласиться с тем, что заполнение бланков формы А56834592847664 — занятие скучноватое и, как я недавно осознал, не слишком необходимое, а еще мои разработки по части форм Эль453... ладно, вам-то это все равно ничего не говорит, а я вижу, как ужасно заблуждался... Но сортировка служебкок! Это же совсем другое!.. Однако, возвращаясь к твоему вопросу, конечно, принимаются. Правда, по мне, разработка стратегии одной единственной организации — куда как менее творческое занятие, чем все та же сортировка, за которую я выступаю и все-таки буду выступать. Это одна формальность.

— Почему же? Здесь многое нужно, в том числе и, как мне кажется, помимо всего прочего интуиция...

— Нет, не нужна. И риски, к тому же, минимальны. Все давно известно, все можно просчитать — им и думать особо не надо, когда они работают над планированием. Известно же, что люди купят.

— Почему?

— Они всегда покупают, когда им дают соответствующие установки. Они для того и трудятся, чтобы покупать.

— А ты? Ты тоже тем же самым занят? И тебе нравится?

— Нет, — возразил Элрой. — Точнее... не совсем. Этим и не только. Многим. Очень многим. У меня просто море работы. Ведь именно на Администрацию и ложится вся нагрузка и все риски. Я занят все-таки более ответственными вещами, чем разработка стратегии всего одной организации. От нас зависит судьба их всех, то, как сложится их производство. Мы заключаем с ними договоры, а также договоры со СМИ, рекламирующими их продукцию, выдаем им планы, осуществляем инспекции... все мы. И еще вводим для них новые формы и разрабатываем новые стандарты... Поддерживаем все производство и порядок в обществе. И еще я контактирую с огромным количеством людей ежедневно — сам бы я не справился, вне всяких сомнений! Отдаю им указания, а уж они выполняют. Ну и я тоже, конечно. Бумаг у нас много. Всем хватит.

— Наверно, много важных звонков приходится совершать.

— Каких звонков? — не понял Элрой. — Нет, вы не представляете, насколько большое у нас здание Администрации, обычно все нужные люди находятся рядом. Мне не приходится им звонить.

— Ты к ним ко всем заходишь?!

— Не вижу в этом ничего удивительного.

— У вас нет телефонов?! Но я... сам... видел сегодня! Как этот твой Бдэж позвонил...

— Вне всякого сомнения, у нас есть телефоны. Но мне всегда казалось диким то, что вы так к ним прирастаете. Особенно к мобильным. Это никогда ни в какие рамки моего понимания не входило! Чем они вам так нравятся?

— Удобно! И уж тем более, если у тебя такая сложная служба, зачем бегать по коридорам без конца?

— У нас к телефонам иное отношение. Я их, признаться... как и все, впрочем... очень не люблю. Личный контакт — вот еще одна из основополагающих ценностей в нашем обществе. Без него, наверно, наша цивилизация уже разрушилась бы. Нет, нам очень важен именно личный контакт. Это знак уважения и внимания. И всегда, когда он возможен, мы предпочитаем его. И это просто некрасиво, звонить по видеофону человеку, который находится всего тремя этажами ниже тебя.

— Но зато эффективнее — ведь вы так это цените! Я вас не понимаю! Ваш мир полон противоречий, не объяснимых с точки зрения здравого смысла!

— В вашем мире их тоже хватает, — парировал Элрой. — Эффективность действительно отстывает на фоне этикета, традиций! Так я уже говорил. Жаль только, эти традиции сформировались гораздо позже... может быть, если бы в наши ценности входила природа в момент роста городов и культура в период глобализации, многие ландшафты были бы сохранены, как и многие культуры... Но традиции и правила пришли позже. Мы очень консервативны на самом деле. И становимся все более консервативными... Но именно это правило и ценность, которую оно несет, — ценность личного контакта, — кажется мне более чем обоснованным. Вы почему-то не всегда это цените и все больше удаляетесь друг от друга... Кроме того, оно хоть как-то сдерживает течение и так все ускоряющегося потока дел. На что бы мы тратили сэкономленное, как ты говоришь, на хождение время? На выполнение поручений,

которые сразу были бы отданы по телефону. И тогда бы мы раньше заканчивали, и надо было бы звонить и сообщать об этом. И придумывать новые поручения. Мне лично и так большого труда стоит выдумывать им без конца новые формы...

— Ну а зачем ты это делаешь?

— Но надо же их занимать работой!

— Но это абсурдно! Работа ради работы!

— Если у них не будет работы, чем им заниматься?

— Ну хотя бы подумать о жизни, которую они ведут.

— Пожалуй... если только они захотят задуматься о ней...

— А что им помешает?

Элрой помолчал.

— Что так долго мешало мне?..

И он снова замолчал.

— И Шерри тоже всем этим занята? — прервал молчание Роберт. — Ни за что не поверю!

— Она... нет. Она сама по себе. И она не выполняет ничьих поручений.

— И много у вас таких, как она?

— Она исключение.

— И остальные ее осуждают?

— Не то, чтобы... они о ней не думают. Они заняты своей работой. Она редко когда предпринимала попытки навязать им свой образ жизни. Да они и не послушают. Зачем им слушать, когда принято совсем иное? Когда им, кажется, и так вполне неплохо живется... еще бы им не жилось.

— Бесконечная работа — это хорошо?

— Она не бесконечная. У них есть вечерние приемы, да и просто вечера, у них есть выходные. И работа помогает им, как я уже говорил, занять свое положение в обществе. Они покупают вещи. И радуются этим покупкам. Честно потрудились — есть повод порадоваться. Именно вещи, в конце концов, определяют отношение окружающих к человеку. У Шерри, кстати, на первый взгляд достаточно состоятельное положение, поэтому и отношение к ней со стороны большинства нейтральное. Они просто не уделяют ей больше внимания — и не затрагивают в общении с ней те темы, что ей интересны. Они не видят саму Шерри за теми вещами, которыми она обладает.

— Это как?

— Весьма просто. Раньше, когда люди активно читали книги, например, свою уникальность можно было проявить при помощи знаний, которыми обладал человек. По правде говоря, я всегда этим пользовался... А ведь когда-то мы тоже выдумывали и рассказывали весьма интересные истории — и все это формировало внутренний мир человека. У каждого он был своим. Но в нашем стремлении к единообразию, к единообразному мировоззрению... И к тому же эта наша ценность под названием эффективность... еще одна разработка перевернула мир — инъекции знаний. Мы перестали читать книги — зачем же тратить столько сил, если все знания теперь можно получить при помощи простой инъекции? При этом все знания из нее точно усвоятся, чего еще не гарантируют книги...

Кстати сказать, кроме книг, раньше, еще задолго до инъекций, у нас снимались, прямо как у вас, фильмы, мультфильмы, даже комиксы были! Среди большого множества можно было найти просто восхитительные вещи, сделанные с душой, и

очень своеобразные! Были, правда, и посредственные, созданные по расчету и лишь со стремлением прославиться и получить какую-то прибыль. Постепенно вторые возобладали... появились определенные стандарты и лекала, по которым можно было создавать такие вещи, — да, лекала для произведений искусства! Парадоксально, но факт! С ними ведь проще было — проще создавать, проще предсказывать, будут ли созданные вещи успешны. Да и зрителям их было проще воспринимать, ведь времени искать и думать над тем глубоким, что хотел сказать автор, у них оставалось все меньше. Раньше, возможно, они и ощущали сожаление, если не успевали поразмыслить над увиденным или прочитанным, а когда появились стандартные вещи, им стало спокойнее и уютнее, хотя бы потому, что понимать уже было попросту нечего, или все лежало на поверхности... Эта штамповка — нет, вы не представляете, как же все-таки я не люблю штамповку и извечно повторяющиеся стереотипы! — пользовалась успехом... Но со временем работы становились все прямолинейнее и все одинаковее, так что постепенно надоели всем: фильмы попросту нельзя было отличить один от другого, и не было никакого смысла их смотреть, потому что они были пусты и ничего больше не давали... То же и с книгами... Опять же — неэффективно. Глупое расточительство времени! Постепенно от них стали отходить и забывать... Но, возвращаясь к истинно уникальным авторским вещам. Люди настолько разочаровались, что перестали вообще обращаться к книгам и к фильмам, к классике... забыли лучшие образцы, забыли, что возможно по-настоящему творить...

Но все же я отвлекся... я ведь собирался сказать несколько слов об инъекциях. С моей точки зрения, именно благодаря инъекциям у нас и поддерживаются все общепринятые правила, составляющие основу нашего мировоззрения. От нас самих уже ничего не зависит — нам все прививают. Наш личный опыт очень схож. Каждый сначала получает определенную дозу инъекций — то есть образование, затем находит работу. Сначала ему дают менее важные задания. Затем его ожидает карьерный рост. К концу жизни, если он будет примерно трудиться, может быть, добьется какого-нибудь ведущего поста. Вот, пожалуй, и все. Это тоже непреложное правило. И, пожалуй... только я один — исключение. Мне... думаю, повезло, хотя теперь уже и не знаю, повезло ли, иметь такие очки. Мне только двадцать лет, а я уже Второй заместитель Президента. То, о чем мечтает любой... Наверно, именно поэтому на мою голову нередко сыплется большое количество упреков¹⁸⁴, несмотря даже на то, что я всегда всеми силами старался честно выполнять свои обязанности... люди просто не могут понять, такое отступление от правил не укладывается в их головах.

Но стремление выделиться у них осталось. Легче всего и проще всего — продемонстрировать свою уникальность при помощи вещей. Вещи — это же очень просто. Они сразу на виду. И сразу понятно, как человек трудился, успешен ли он. Вот они и стараются. Вот и мы в Администрации стараемся — и создаем условия для производства, которое обеспечит их все новыми вещами. Чтобы им было чем гордиться. Было что показать. Было чем выделиться.

— Но это неправильно! — возмутилась Джулия. — Подумаешь — вещи!.. Ну хорошо, хорошо! Я не спорю, вещи — это важно! И моя комната, наполненная до отказа всякими дорогими мне вещами, тому подтверждение... Но я же не думаю только о них и ни о чем больше! И уж тем более не сужу о человеке только по вещам!

¹⁸⁴ Элроя захлестнула целая волна прозвищ, которыми его успел наградить Ойкльви.

А... а внутренний мир? А мечты? Ведь у каждого они должны быть свои... а чувства?.. Все то, что составляет внутренний мир — ну как же так?!

— А на внутренний мир у них не остается времени. Надо работать, чтобы купить больше вещей. О чем они мечтают? Только об этом... все мечтают об одном — купить новую лучшую вещь, о которой только-только написали в последнем журнале.

— И ты тоже?

— Я?.. Нет, признаюсь, меня это никогда особо не интересовало, мне радостнее от самого процесса работы... правда, было когда-то, теперь уже нет... но, в любом случае, я не волонтер, мои доходы весьма высоки, и мне по статусу положено, так что приходится — приходится всегда идти в ногу со временем и знать все о модных тенденциях. Впрочем, мне это, как вы понимаете, особого труда не составляет.

— И ты сейчас одет по последней моде? — Роберт постарался не выглядеть придирчивым, но никак не получалось. Ему не верилось, что такая старомодная одежда, в которой предстал перед ним Элрой, годов, эдак, 40-х, может быть последним писком на технически продвинутой планете. Никак она не вязалась со стереотипными образами — какими-нибудь гладкими и блестящими комбинезонами на молниях и прочим.

— Ну разумеется! Я Второй заместитель Президента, я просто обязан! Что подумают остальные? Они же перестанут меня уважать! Да вот даже подтяжки — купил последние два с половиной дня назад. Хотя вряд ли хоть кто-нибудь увидел бы их сегодня — за моим пиджаком... положено, чтобы у первых лиц все было безупречно... Ну, теперь-то, — Элрой меланхолично оглядел себя в очередной раз, — конечно, если учесть, как я вообще сейчас выгляжу, кому будет дело до подтяжек?

— И часто ты покупаешь новые подтяжки?

— Настолько часто, насколько требуется. Как только выпускают новую модель.

— Но ведь они тебе не нужны?

— Ну да... у меня же не успевают сноситься старые... Но у нас везде так. Даже если новинка — совершенно бесполезная штука и у нас давно уже есть похожая вещь, выполняющая те же функции, но более старой модели, мы все равно купим новинку... иначе зачем ее вообще выпустили?

— Неэффективное расточительство! — вставил Роберт неумолимо.

— Не для них. Для них... нас... для нас вещи имеют огромное значение. Люди покупают отношение к себе, люди покупают собственную уникальность. Да, они не замечают, что все покупают одно и то же, одни и те же вещи, какие им указывают журналы, которым, в свою очередь, даем указания мы, работники Администрации, ну и что?

И потом ведь... они не знают, что можно по-другому. Что есть что-то еще... им... наверно, им нужен пример. Просто все давно уже забылось.

А у вас на Земле осталось.

Именно поэтому так важно рассказать им. Пример для вдохновения! И, может быть, они бы поняли!

Именно это и было целью Шерри.

Ведь поняла же она! Поняли же ее родители!

— Как же так получилось, что они вдруг задумались?

— Совершенно случайно! Совершенно случайно они узнали о Земле... совершенно случайная ошибка, когда они летели по делам в... вы все равно не

знаете... ведь они были очень занятыми людьми. И, надо сказать, очень успешными. Банкирами. Я уже упоминал, что у Шерри еще осталась какая-то часть от бывшего состояния, правда, совсем крошечная... ее семья вообще была очень предприимчивой. И сама она... вы видели, очень активна — это, видно, наследственное. И я рад, что она обратилась не к работе в офисе, а к Земле... и разглядела ее красоту. Как разглядели ее родители. Просто ведь все ваши многочисленные проблемы — они пугают и отбивают желание знакомиться с вашей планетой ближе.

Но родители Шерри разглядели ваши сильные стороны. Им стало интересно, и они резко пересмотрели свои взгляды. Что за удивительные люди! Потратили большую часть собранного в течение долгих веков семейного состояния на полеты к Земле! Перестали даже работать... потеряли былой почет и престиж. Но для них это уже не было главной ценностью. И для Шерри, кстати, тоже. Мои родители никогда не одобряли мою дружбу с Шерри... и мои увлечения... они у меня когда-то были другими... а вот ее родители — совсем другое дело. Они всей семьей меня поддерживали. А я... я в какой-то момент времени решил, что все это слишком хорошо и... не знаю. Что это глупо, мое увлечение. Не нужно никому. И не стоит мне больше...

— Чем же ты занимался? — спросила не без волнения Джулия. Ей никак не верилось, что все хобби Элроя касаются лишь бумаги и сортировки служебных записок.

— Я... признаться, — Элрой посмотрел ей в глаза и тут же опустил взгляд вниз. — Смешное увлечение. Особенно для меня... Вы же, Джулия, не будете... — он не договорил и вдруг разозлился. — Вы! Вы! Вы! Вы! Мне уже надоело, честное слово, говорить «вы» без конца! Надоело поправлять себя! Надоело! Почему я не могу сразу говорить «ты», как вы с Робертом?! Как умеет Шерри?! Я ведь умел раньше! Что со мной творится?! По-моему, это все даже смешнее, чем то, чем я занимался в детстве! Подобно твоему деду, Джулия, я изучал бабочек! Я их фотографировал, а потом складывал фотографии в альбом и любовался. И пытался провести классификацию, как пытаюсь теперь классифицировать служебные записки! Жалкое подобие — да разве ж сравнятся записки с бабочками?! Я-то знаю теперь, что этим на моей планете занимались еще несколько людей в незапамятные времена и что потом их труды потерялись, так как никакой пользы они не приносили. Никакой пользы экономике! Никакой пользы социальной сфере! Но все-таки... может быть, мы зря о них забыли?! Может быть, что-нибудь бы они и дали людям?! Может быть, понятие о красоте?!

— Мой дедушка говорил то же самое! — горячо поддержала его Джулия. — Он еще обожал цитировать заголовок статьи в одном журнале: «Под их заурядной внешностью проступает хрупкая красота». Никогда не понимала, почему же у них заурядная внешность. Хотя, конечно, так сразу и не разглядишь все нюансы... надо приложить усилия — ведь их сложно удержать, они летают — и надо еще суметь их рассмотреть! И заметить все то, что скрыто при первом беглом взгляде...

Элрой тепло улыбнулся ей. Она помнила слова своего деда. Значит, они так же сильно врезались ей в душу.

— Наши люди стали слишком поверхностны, пожалуй. И судят обо всем слишком примитивно, беглым взглядом, как их научили. Но не все же на свете однозначно. Бабочек сложно поймать и разглядеть, но это еще не значит, что этого не имеет смысла делать...

— Я одного не понимаю, — продолжала Джулия, — как только вы вообще не замечаете красоту окружающего мира? Ну ладно, бабочки! Они порхают, прилетают и улетают, их можно не заметить... но ведь небо, ведь цветы... они такие яркие! И они не убегают от взгляда. Все, что требуется, — лишь остановить его на них! Неужели вам так это сложно?

— Вашим людям тоже не всегда это удастся. И даже вам самим Шерри несколько раз напомнила. К тому же, нам даже сложнее... Признаться, — вздохнул Элрой, — у нас нет ничего яркого.

— То есть?

— У нас все... относительно блеклое. Как этот корабль, как мой костюм... точнее, каким он был, когда я его надевал... как мои волосы и глаза... коричневое.

— Не понял! Что у вас коричневое?

— Все.

— Как все?! Не может быть, чтобы все!

— У нас действительно практически все... нет, есть, конечно, оттенки, которые мы зовем цветами. Красный цвет, желтый цвет, синий... но все они какие-то... с налетом коричневого... увидите.

— И даже небо коричневое?

Элрой кивнул:

— В некоторой степени... Нам повезло меньше, чем вам. У нас, пожалуй, все выглядит скучнее. Может, поэтому мы и предпочитаем любоваться новыми запонками, а не природой.

— Но... не верю своим ушам! Это же в принципе невозможно! Чем это объяснить? Вы... вы ведь такие же, как мы? Чем вы дышите? Вдруг нам понадобятся скафандры?

— Ну что в-ты! — Элрой не смог сдержать улыбки. — Разумеется, у нас все в порядке с атмосферным составом! И мы от вас ничем решительно не отличаемся.

— Но почему же оно коричневое? Оно всегда таким было? — пробормотала Джулия.

Элрой первый раз подумал об этом. Почему небо у них коричневое. Удивительно, сколько важных и интересных вопросов мог он задавать очкам, и не менее удивительно то, что он никогда их не задавал.

Он вечно думал о другом. И задавал только вопросы, касающиеся работы и чего-нибудь бытового.

Некогда было задуматься...

Только сегодня спросил он себя, почему у них один язык. Только сегодня подумал узнать, с каких пор у них в обществе столько единообразия и столько правил.

Ему всегда эти вещи казались самими собой разумеющимися. Данностью. Которую надо принимать.

Так, казалось, было всегда.

Вот и тут.

Все у них коричневое. Всему положено быть коричневым. И именно поэтому небо такое.

Зачем еще задавать какие-то вопросы? Как есть, так есть.

Но Джулия спросила. И он получил ответ.

Который заставил его измениться в лице. Настолько он его поразил!

— Нет, не всегда... не всегда так было. Когда-то... когда-то было так же, как у вас. Пока однажды человек по имени Жерар Тчельпьер не открыл, что фильтр из джетчельнитина универсален и способен перерабатывать все вредные вещества, возникающие в процессе производства... его можно было использовать для эффективной переработки любых отходов. Джетчельнитин — то самое вещество, которое защитило экологическую ситуацию! Это было то самое ключевое открытие, после которого и последовал стремительный рост фабрик и городов! Единственным недостатком джетчельнитина было то, что он, при неконтролируемом использовании, оставлял пигменты, способные окрашивать предметы... и попадать в состав атмосферы, никак на него не влияя тем не менее... разве что при преломлении света... небо казалось коричневым... Тчельпьеру, скорее всего, и в голову не могло прийти, что люди окажутся настолько алчными, что пожертвуют естественной красотой природы. Требовалось действительно масштабное увеличение производства, чтобы только этот коричневый сам стал экологической угрозой... впрочем, он не влиял на здоровье, только на внешний вид. Сам Тчельпьер не застал момент массового развития производства... Немногим донесли о «побочном эффекте» фильтра Тчельпьера. Властям тогда было невыгодно. Предпочли скрыть ради увеличения доходов — да тогда и ситуация того требовала, были еще серьезные экономические проблемы, а тут такое замечательное решение... затем это знание утратилось... И, кроме того, коричневело все постепенно и не очень заметно... а в какой-то момент все решили, что так всегда и было... Никто сейчас не вспомнит имени изобретателя. Но мы часто повторяем название области, названной в его честь. Той самой, куда мы держим путь... И даже не догадываемся об этом. Но... когда-то оно было голубым! Прямо как у вас! Оно было!

Наступила тишина.

Через какое-то время Элрой начал снова.

— Я подумал только что... почему же мы не можем видеть сны? Такие же, как вы видите... ведь мы точно такие же люди, как и вы... и понял, что дело в...

— Стой! Стой! Стой! Вы не видите сны?!

— Только некоторые видят. Я имею в виду взрослое население. Около пяти процентов от общества. И то — это лишь отрывки из прошлого...

— Так вот почему она так обрадовалась, когда увидела свой первый сон! Джу, ты слышишь?! А я и не придавал особого значения!

— Шерри связывала сны с деятельностью воображения, — продолжал Элрой. — Но, как мне кажется, она ошибалась. Одно с другим прямо не связано, хотя, конечно, общее у них имеется. Вот что сбilo ее с толку! Она думала, что, раз мы не видим снов, значит, мы не умеем мечтать. Мы же не видим снов совершенно по другой причине. Хотя, возможно, по ней же мы и не мечтаем. Но если она действительно сказывается на сновидениях, удаляя их из памяти, и тут уже мы ничего не можем поделать, то не мечтаем мы по собственной воле... по собственному нежеланию... Одним словом, это все из-за инъекций знаний, которые мы получаем в детстве. Некоторые их вещества... — Элрой взглянул на Джулию, — давайте я обойдусь без подробной химии и биологии, да? Они имеют свойство оставаться в организме и препятствовать именно сновидениям. И немного притупляют определенные эмоции. В остальном же на здоровье они никак не сказываются. В общем-то, это совсем не считается страшным, да и опять же, все давно уже делают эти инъекции, не

задумываясь ни о чем, и не подозревают об их влиянии на сны. У нас вообще о снах предпочитают много не говорить. И не думать о них. Считается, что видеть сны — это позорно. Что это признак инфантильности. Ведь в детстве мы видим сны... а со взрослостью они как бы уходят... И никто, у кого они остались, не признается в этом. Существуют даже общества анонимных сновидцев, где люди пытаются отучиться... но правда в том, что у них уже не получится. Шерри первая из тыньчжиан, кто за долгие годы и даже века смог увидеть настоящий, полностью выдуманный сон! Пока же большинство членов тех обществ — куда она, кстати, никогда не входила, потому как не считала нужным от снов избавляться! — видят только отрывки из прошлого. Почему? Те вещества могут находиться в организме всю жизнь в том же количестве, что и изначально, когда попали вместе с инъекциями. Но они могут и разрушаться... если... как бы лучше и понятнее сформулировать?... если человек будет испытывать вполне определенные чувства... Роберт, у вас очень скептическое выражение лица... ну, если желаете, я могу потом расписать все реакции, происходящие в организме... определенные чувства вызывают определенные гормоны, разрушающие те вещества. Я не могу сейчас точно сказать, какие же чувства способны их вызвать, каким словом их лучше охарактеризовать... это не так важно. Важно, в конце концов, не название, а сами чувства, которые надо ощутить... Правда в том, что мы редко когда их испытываем. Нет, некоторые из нас весьма темпераментны¹⁸⁵... но у них нет того, что можно было бы назвать... пожалуй, я все-таки назову это так — нечаянной радостью. Они, конечно, радуются, совершая покупки, но... они, в общем-то, уже знают, что будет. А вот радости неожиданной, спонтанной, которая именно поэтому оказывается сильнее всего и вызывает, если все-таки идти к биологии, большее количество гормонов... может быть, радости от собственных мечтаний, радости от неожиданных открытий... одним словом, если человек испытает такое чувство хоть раз в жизни, он станет видеть сны, потому что часть тех веществ разрушится. Необратимо. И что бы они ни делали в своих обществах, какие бы рецепты ни выдумывали, они будут видеть сны. Долгое время только отрывки из прошлого. Но чем чаще они будут испытывать радостные сильные эмоции, чем больше они раскрепостятся, тем скорее смогут избавиться от всех веществ, так что в конечном счете, на примере Шерри мы это и увидели, человек сможет видеть самые настоящие, выдуманные сны!

— А ты видишь сны? — спросила Джулия.

— Только... отрывки из прошлого, — смущенно пробормотал Элрой.

— Значит, у тебя было мало... такой нечаянной радости? — погрузилась она.

— Скорее... я их вижу, потому что мне просто не доделали все инъекции и у меня не накопилось достаточного количества веществ... мне они были ни к чему. Ведь с очками я все уже знал и успешно сдал все экзамены.

— Но почему же ты не объяснил Шерри, в чем дело? — удивился Роберт. — Если ты знал...

— Узнал только сегодня...

— И раньше ты никогда не думал о снах? — удивление Роберта все возрастало.

— Я думал только о том, как от них избавиться, — тяжело вздохнул Элрой.

Снова наступила тишина.

— А расскажи, пожалуйста, побольше об этих инъекциях! Что это?

¹⁸⁵ Элрой припомнил взрывающегося периодически Бдэджа.

— Извольте. Инъекции начинают делать достаточно рано — это зависит от индивидуального развития. Обычно с четырех или пяти лет. Сначала редко и очень малыми дозами, но постепенно все больше и чаще. В 15 лет, когда человек получает все положенные ему инъекции, его образование считается завершенным, и он отправляется искать работу. Конечно, у нас остались библиотеки, но, признаюсь, их никто и не думает посещать. Ведь там написано либо то, что они уже узнали при помощи инъекций, либо то, что им по специальности не понадобится. Это логично. Если б понадобилось — оно бы уже было в инъекции. Так что тратить время на остальное им в голову не приходит... им гораздо больше хочется попробовать получить собственный опыт. Так что они уходят в работу с головой.

— И все у вас проходят одно и то же?

— Конечно нет! У нас заранее заложено разделение по специальностям. Каждый изучает только то, что может потребоваться ему... правда, сначала программы очень схожи. Затем уже идет большая специализация...

— И вы сами решаете, что выбрать?

— Эээ... пожалуй, нет.

— То есть как?!

— Решают скорее... наши родители. И государство. Оно всегда предоставляет выбор семьям... Не каждый может определиться в пять лет с собственной специальностью. Такой, которая была бы полезна обществу. Большое влияние оказывает именно мнение родителей и родственников... чаще это они решают за ребенка. Но вдруг обществу пока не требуются те специальности, что они выберут? Вот поэтому государство и предлагает каждой семье на выбор лишь несколько требуемых специальностей. Семьи решают, что им больше подойдет, уже из ограниченного набора того, что есть в наличии. Получается своеобразный компромисс с государством.

— Все равно мне непонятно! А как государство определяет?

— Составляет планы, разумеется. У нас в Администрации есть целый отдел прогнозирования.

— Но... но если человеку ничего не нравится из предложенных вариантов?

— Такого еще не случилось.

— Но ведь!..

— Им нравится. Почему бы им не нравилось? Во-первых, за них уже все решили, и им не надо брать на себя ответственность. Во-вторых, у нас нет плохих и непрестижных специальностей. Остались только хорошие. И у всех есть равные возможности, и каждый имеет право построить карьеру, если будет примерно трудиться. В-третьих, они обязательно найдут рабочее место. Это гарантировано государством. В-четвертых, они ощущают себя нужными на своем месте. Для всех нас куда как большим ужасом является перспектива остаться без работы. С инъекциями же, сделанными по предварительным планам, этого не произойдет.

— Да ваша жизнь вся состоит из одной работы, вот так если послушать!

— От этого зависит их дальнейшая жизнь!

— Ну а если все-таки то, чему их хотят научить, им не нравится? Если у них есть другие способности, которые выбранная специальность не дает реализовать в полной мере? Что им тогда делать?

— Что делать? — переспросил Элрой, хотя в этом не было надобности. Просто не хотелось говорить ответ. Ведь он звучал неумолимо и страшно даже для него самого. — А что они могут сделать?.. Ничего не делать. Пересмотреть свое отношение. Забыть. И полюбить то, чем им заниматься положено. Это... на самом деле... удастся... Удастся забыть.

— Но так нельзя! — возмутилась Джулия. — Так нельзя делать! А на что нам тогда наши природные способности даны?! Если они есть — значит, для чего-то нам их дали! И надо их развивать!.. А вы все добровольно зарываете их в землю! У вас, честное слово, какое-то совершенно безумное общество! У вас все вверх ногами!

— Пожалуй, что так, — согласился Элрой. — Может быть, судя по тому, что никто из нас снов не видит, по-настоящему счастливых у нас нет... зато... зато нет и несчастных... И даже у вас, у вас на Земле, где вроде бы существует полная свобода выбора собственной специальности... нередко ту, что выбираете вы сами, не принимают, потому что в данный момент она обществу, как это кажется со стороны, не нужна. Все равно вы добровольно идете — а на деле вас все-таки вынуждают идти — работать там, где это требуется, где нужны рабочие руки... Мне тяжело это говорить, Джулия, но если бы только Шерри не нашла вас и ва-твой проект... ведь тебе пришлось бы от него отказаться, его же... они его не приняли... Вряд ли вы бы отказались от него сразу. Но со временем, если бы ничего не менялось, обстоятельства вынудили бы вас рано или поздно... в итоге вы бы расстроились еще больше, чем если бы только сразу стали заниматься чем-то другим, что — да даже и по статистике ваших аналитических земных агентств — оказалось бы более востребованным на данный момент. У вас же много таких людей... отчаявшихся и отказавшихся... у нас, по крайней мере, предпочитают ни о чем не мечтать — или скорее забывать детские мечты — чтобы потом спокойно принять свою специальность.

— И это все равно неправильно! Тем более Шерри все-таки нашла меня! Это же невероятно, правда? Что человек с другой планеты... Кажется совсем невероятным! Но тем не менее это так... а вот теперь наш отрывок даже продемонстрируют на показе! Значит, работа, которая тогда показалась той конкурсной комиссии ненужной, оказалась все-таки... ну... нужнее, чем они думали... а они просто не знали об этом сначала.

— Проблема в том, что никогда так просто не узнаешь, что окажется нужнее. Мы можем предполагать, но с тем же успехом мы можем ошибаться...

— А вот в том-то и дело! — вставил Роберт. — Нечего гадать, надо пробовать! Если ты сам уверен в собственных силах, то надо пробовать!

— Ну а если ты все же заблуждался, — Элрой помолчал. И опять вдруг повысил голос. — Да что я только говорю все это время! Я ведь знаю! Я знаю, что надо пробовать! Почему я не пробовал?! Почему столько времени всю эту ерунду поддерживал?! Мне все кажется, это я управляю и составляю планы, а на самом деле мной управляют! Общепринятые правила, позорные трусливые правила, которые я зачем-то поддерживаю и которым подчиняюсь! Эти инъекции отучают их принимать собственные решения и не дают видеть сны! Их вообще надо запретить! И пусть учиться без них будет сложнее, и пусть они потратят больше сил и энергии — ничего им не будет! Переживут! Учились же когда-то по книгам наши предки! Учитесь же вы! — зато они и получить кое-что смогут! То, что, кстати, не мешает им потом и в работе,

— твердость, решительность, ответственность! А то ходят все такие расхлябанные и ждут, пока за них все решат! Пока все им укажут! Безобразие какое-то!

Он глубоко вздохнул.

— И, представляете, я столько лет не давал себе обо всем этом подумать. А теперь позволяю себе кричать, еще и перед вами... очень плохо, что я кричу и не могу контролировать свои чувства. Извините... Шерри никогда не воспринимала свои инъекции всерьез. Она их прогуливала без всяких зазрений совести. Поэтому фактически показала плохие результаты на выпускных экзаменах.

— Но она так прекрасно изобретает! Быть того не может! — в очередной раз удивился Роберт.

— Вы, Роберт, наверно решили, что ей досталась должность изобретателя?

— Ну разумеется! Кто же еще может быть?.. Хотя по твоему вопросу я уже прекрасно понял, что кто-то другой... неужели?! Кто?!

— К сожалению, на тот момент свободных инъекций на должность изобретателя не было... Ей досталась должность менеджера по закупкам. Она должна была... работать на складе. Но она не пошла на склад, как вы понимаете. Предпочла остаться без работы... впрочем, у нее есть стипендия на научные исследования. И это хорошо. Это все равно, что заработная плата... была, точнее, стипендия, теперь-то...

— Что-что-что?! — Роберт уже не слушал его. Он никак не верил собственным ушам. — Где работать? На складе?!

Элрой кивнул:

— Но ее не привлекала эта должность... так что она занималась самообразованием. На самом деле она прочитала очень много книг в центральной библиотеке. Именно по части физики, химии... конечно, та база знаний, что дается всем в первые годы инъектирования, превосходит все ваши земные знания в этих областях, но многое ей пришлось углубить и узнать самой. Хотя, по идее, все это она могла бы получить при помощи инъекций, как другие изобретатели.

— А они, хотелось бы мне знать, чем занимаются? — не удержался Роберт. — Они тоже смогли изобрести проявитель мечтаний?

— Они, — Элрой запнулся. Неловко даже сказать! — Они... ну, и они тоже чем-то заняты... дело в том, что у них нет больше конкретных идей. Потому что, кажется, дальше изобретать уже некуда — все и так готово. Впрочем... может, им не хватает воображения?.. Ручку для подписей они модифицировали вполне ничего... мне понравилось. Или вот еще бумага, которая больше не режется. А то бывало достаточно неудобно...

— Ясно, — сказал Роберт задумчиво.

— А тебе что предназначалось? — спросила Джулия. — Наверно, работа в Администрации?

— Мне да, повезло, — согласился Элрой. — Правда, не совсем то, чем я занимаюсь сейчас. Как раз по плану я должен был быть одним из распределителей инъекций. Они ведь дорогие, и их нельзя так просто проливать или что-то еще... потом, может быть, если бы я усердно трудился, мне бы доверили составлять планы... точнее, сверять все цифры еще раз. Может даже, доверили бы и контрольную сверку. Возможно, это было бы вершиной моей карьеры, хотя... кто знает?

— А сейчас ты этим совсем не занимаешься?

— Признаться... — ему стало крайне неловко, — ...занимаюсь. Этим и не только... очень многим... я... да, именно я даю указания, рекомендации... решаю на основе получаемых данных, сколько каких инъекций может потребоваться... вообще-то дальше уже разбираются сотрудники... но вряд ли они бы без меня... в общем, я этим действительно занят.

Он помолчал.

— Но, пожалуй... скоро уже не буду, — как-то неуверенно пробормотал Элрой. — Я больше уже... не хочу.

— Может, конечно, я и ошибаюсь, но мне кажется, это правильное решение, — поддержала Джулия.

— Жаль только, что так долго...

— Но лучше уж поздно, чем никогда.

Они помолчали еще немного.

— И, значит, Шерри арестовали за это? — спросил Роберт. — За то, что она не соглашалась с вашими устоями и поставила их правильность под сомнение?

— Да, именно так. Вынесли, конечно, по формальным причинам...

— Мое сообщение! — перебил его Роберт.

— Неважно! Не оно, так что-нибудь еще! Повод для подписания приказа об аресте всегда найдется...

— Это отвратительно! Я вообще готов свариться от негодования! Кто только мог... как рука поднялась?! Кто-то ведь составил приказ об аресте! Ты ведь даже знаешь, кто, да, Элрой?.. Нет, я бы вряд ли смог такое вытерпеть... хотя бы просто знать, кто это сделал! Судя по тому, что ты мне рассказал о вашей планете... Наверно, это какой-нибудь бесчувственный, лишенный всякого сострадания и совести и подчиняющийся лишь вашим дурацким правилам, не имеющий собственного мнения...

— Роберт! Ну прекрати уже! — перебила его Джулия, заметившая внезапные перемены в лице Элроя¹⁸⁶. — Ну что тебе так обязательно говорить о плохом?! Ну даже если и так, зачем все это сейчас представлять?!

— Пожалуй, — согласился Роберт. — Действительно, занесло... Лучше уж о хорошем... Хорошо, что у вас остались еще такие славные люди, как ты, Элрой.

Элрой предпочел промолчать.

— Ведь надо попробовать их убедить? — продолжал Роберт. — Нельзя не попробовать! Думаю, они смогут понять и пересмотреть свои взгляды, ведь смог же ты! Они отпустят Шерри! Она же не сделала ничего плохого! Наоборот! Я считаю, она действовала правильнее всего! Они поймут!

— Мне бы очень хотелось в это верить! — согласился Элрой. — Конечно, я мог бы попробовать взломать тюремную защиту, освободить Шерри и спрятать ее где-нибудь... найти укромное место, где бы ее никто не нашел, знаю я несколько... но это было бы неправильно. Мне надоело молчать. Надоело действовать тайно. Нет, я в состоянии сказать правду в глаза. По крайней мере, то, что я сам искренне считаю правдой. То, что я искренне принимаю за правильное... Может, я себя и переоцениваю... и их тоже... хотя, скорее, нет. С вами... с вами мне стало понятно, что мы все на Тыньчке себя недооцениваем. И я попробую! — решительно закончил он.

— Вот и замечательно! — радостно улыбнулась ему Джулия.

¹⁸⁶ Хотя он старался как мог не подавать виду.

— И мы как раз успеваем! Это очень хорошо!
— А куда мы летим, можешь еще раз напомнить?
— На Большое Заседание. Сейчас уже начинается заключительная часть на улице с выступлением на сцене перед большим количеством слушателей. Тем лучше! Мы как раз успеваем! И, кстати, тюрьма, в которой сейчас находится Шерри, расположена совсем недалеко.

— А сколько времени вообще ваше заседание длится? Кажется, ты о нем уже давно говорил...

— Шесть с половиной часов.

— Шесть с половиной часов?! Это же с ума сойти!

— Говорю же: вы не знаете Тыньчжа! Но, должен заметить, в случае с Большим Заседанием вы все же ошибаетесь — все эти часы там очень интересно. Ведь присутствует множество послов с других планет, читаются доклады... до этого еще около часа соблюдаются все обычаи и традиции — Церемония открытия Заседания! Я помню ее еще с подростковых лет! Пока я присутствовал только на одной, ведь Заседание проходит всего лишь раз в пятилетие! А в десять меня тогда не пустили... Так вот, Церемония открытия непередаваемо интересная! Хотя... не знаю, вам, может, и не очень... она очень формальная. Но я помню, было здорово!

— Но разве интересно тебе тогда было слушать все эти шесть часов доклады?! Ты же должен был их все знать!

— Одно дело знать, другое дело видеть людей, их читающих. Это, действительно, совсем другое! Хотя, конечно, я понял сегодня, что Заседание — ерунда по сравнению с управлением космическим кораблем и полетом к Земле... А теперь позвольте радостно объявить вам о том, что изобретение Шерри прямо сейчас будет введено в, — он еще что-то подкрутил и сложил створки, — рабочее состояние! Вот и все!

Видите?

Они в восхищении прильнули к нему. Роберт даже забыл ненадолго об управлении.¹⁸⁷

Шарик вновь стал излучать тепло. Элрою хотелось рассмеяться во весь голос, потому что он давно уже не ощущал подобного тепла в руках, исходящего от вещи. Может, только в детстве, когда он брал в руки земные артефакты... Это тепло было, если можно так выразиться, живым и очень похожим на то, что он ощутил, когда взял руку Джулии в свою...

Шарик легко парил у него в руках, он повесил его на цепочку.

— Мы его потом обязательно передадим Шерри, — сказал он счастливо. — И пусть именно она поможет перевести все на пленку... Лететь уже недолго. Совсем еще немного!

— Элрой, а можно тебя попросить... — Роберт замялся. Но ему этого давно уже хотелось. — Можно попросить тебя дать мне ненадолго твои очки... мне, признаться, очень интересно! Пожалуйста, прошу! Теперь, когда ты закончил, можно их разглядеть? Мне, как изобретателю, хотя бы просто подержать... нет-нет, Джу, не смотри так! Я и не думаю их надевать! Мне только рассмотреть.

¹⁸⁷ Кстати сказать, автор просит прощения за то, что стал с какого-то момента времени пропускать ремарки Элроя по части управления кораблем, которые он, конечно, продолжал отпускать по ходу их беседы. Главное, что Роберт их слышал!

— Конечно, разумеется, — Элрой был совсем не против. — Пожалуйста, держит... держи!

Роберт в восхищении взял их в руки и принялся внимательно разглядывать.

— И ведь... ничего не видно! Выглядят как самые обычные, самые посредственные, скучные, ну совершенно обыкновенные...

— Я бы так не сказал, — успел вставить Элрой. — Они очень красивые сами по себе.

— Извини, опять заговорился! Как обычные очки... а ведь это совсем не так! Ну Шерри, ну ты просто поразила меня! Уж куда дальше было! Но ты умеешь! Умеешь поражать и с одной стороны, и с другой...

Роберт поднес их почти к самому лицу.

— А можно мне их надеть? — спросил он Элроя.

— Пожалуйста, если тебе так хочется, — согласился он.

Джулия бросила на него раздосадованный взгляд. Зачем он разрешает Роберту! Ведь в мультфильме они пришли к выводу, что подобные очки — это все-таки плохо. И сам Элрой, кажется, с этим соглашался.

— Но... нет, не буду лучше. Не хочу. Зачем мне? Я сам смогу со всем разобраться и без них.

Роберт, казалось, сказал все это в первую очередь для себя и уже готов был отдать очки владельцу.

— Пожалуй, — как бы согласился с ним Элрой, — но я буду не против, если ты еще немного поддержишь их сейчас у лица, да, вот так, прямо перед глазами. Мне, честно признаюсь, всегда хотелось увидеть именно земного человека в этих земных — ведь они же с Земли на самом деле! — очках. Вы, Роберт, признаюсь, выглядите весьма...

Он не договорил. Потому что корабль вдруг затрясло. В первую секунду очки все-таки свалились Роберту на его большой нос, еще через несколько — не удержались и упали на пол.

— Скорее! Давайте мне их! — Элрой не на шутку разволновался.

Роберт обнаружил, что произошло ужасное!

Они разбились!

Надо же! Бластер их не брал, а вот от падения стеклышки немного, но треснули.

Он даже не нашел слов, чтобы предупредить и так уже порядочно взволновавшегося Элроя, лишь молча протянул ему очки.

Элрой надел их как ни в чем не бывало и затараторил ему целый ряд команд.

— Ну вот, позади, — вздохнул он с удовлетворением. — Я уж испугался, эти двое нас настигли... хотя когда я передавал вам очки, я знал, они не успеют за то время, что вы будете их мерить. И что я только не учел другого? Мы сейчас немного протаранили астероид. На самом деле это не так уж страшно, но и замечательного ничего нет. Корабль стал менее маневренным. Теперь лететь придется медленнее. Эти двое нас скорее догонят. И... и мы прилетим только к самому концу Заседания. Но нет, мы все равно успеем!

А все из-за... не стоило мне, правда, отвлекаться. Нельзя мне пока еще отвлекаться. Без очков все-таки... да, — грустно и очень неопределенно закончил он. — Надо помнить об ответственности...

Роберта с Джулией волновало еще кое-что.

— Они все еще работают?

— Ну конечно! — Элрой сказал об этом как о чем-то само собой разумеющемся.
— Только если их совсем разбить — тогда перестанут. Шерри и на них наложила хорошую защиту... их вообще сложно разбить, просто казался недавний удар бластера.

Сразу видно, это именно Шерри над ними работала. Самый наглядный пример того, что она всегда очень тщательно относилась к своим изобретениям... в отличие от ваших инопланетян с планеты Биба. Эрлу меньше с ними повезло, — он улыбнулся.

— Но ведь они теперь... неудобно же смотреть! — расстроилась Джулия.

— Так ведь... ничего, мне это не мешает уже, — махнул рукой Элрой. — Не вечно же мне в них ходить!

Для себя он уже решил. Если Эрла насильно лишили очков, то он... он сам от них откажется по собственной воле. И это будет правильно.

Они определенно поняли, что он собирался сделать.

— Вот и хорошо! — улыбнулась Джулия.

— И все же я рад, что успел увидеть их на лице человека именно в качестве обыкновенных очков. И не просто человека — на землянине. Все-таки сбылась моя маленькая глуповатая мечта.

— Вот об этом я и хотел сказать! — вставил Роберт. — Почему-то когда они попали мне на нос, я подумал, они не сработали! Я не смог не задать им несколько вопросов, успел... ну, о Стоунхендже, о Бермудском треугольнике... а они промолчали! Или они работали, но именно на эти вопросы ответов не знают, может, так? Обидно...

— Нет-нет, они работают. Только на меня. А для остальных людей это и впрямь обыкновенные очки. Одним словом, совсем не так, как в вашей истории, где они подходили всем, кто их мерил.

— Ааааа, — несколько разочарованно протянул Роберт. Ему все-таки было обидно, что так близко, казалось бы, была возможность узнать о...

— Но это же не загадки, это тайны, — сказал Элрой. — Тайны не всегда требуют разгадок, в этом их сила и притягательность... и романтика тоже. Поверь мне, знающему, что там творилось и творится... Впрочем, если уж тебе так сильно хочется... нет все-таки, только потом! Они нас настигают! Пожалуй, пора попросить тебя передать мне управление.

Теперь дело серьезно, надо выполнить много команд... еще и астероид... ты не обижаешься?

— Ну еще бы... главное сейчас — наша безопасность! Рули!

Элрой уселся за штурвал.

— Видите эту звезду? — он указал им на одну из тысяч, — Мы уже в родной... ну, для меня конечно... галактике. Вы сейчас видите наше собственное солнце. Скоро пойдем на посадку...

Больше он говорить не стал, принялся только активно щелкать по кнопкам и хвататься за рычаги. Раза два даже менял проводки.

Но одну руку он все время держал на штурвале и не уставал крутить им в разные стороны.

За окном временами происходили какие-то вспышки. Казалось, будто кто-то, живущий прямо тут, в космосе, радуется их прилету и им салютует.

На деле же их обстреливали сумевшие подтянуться наконец Дчкартс и Нойтчш.

Однако Элрой очень вовремя предупреждал их удары, так что те вполне заслужили называться мазилами.

— Ох, а вот это уже никуда не годится! — выкрикнул он вдруг. — Сейчас, ну же!..

Они почувствовали удар.

— Справимся! — утешил Элрой и их, и себя. — Вон, видите! Тыньчж! Еще немного!

Оставалось действительно совсем чуть-чуть!

Они почувствовали второй удар...

— А что, мы им сдачи дать никак не можем? — спросил Роберт. — Они же так весь корабль разнесут!

— Не успеют! Поздно уже! — с вызовом возвестил Элрой.

Впрочем, видно было, что сейчас он находился в состоянии возбуждения. Все-таки нервничал.

От него сейчас зависела посадка.

— Единственное — они задели амор... короче говоря, посадка не будет самой мягкой! Держитесь!

Что творилось дальше, описать достаточно сложно.

Корабль трясло так, что даже Роберту мало не показалось. В иллюминаторах вокруг была одна лишь коричневая пылица, и было совершенно непонятно, приземлились они уже или еще нет.

Но вот все остановилось. И воцарилась тишина.

— Фуууух! — облегченно выдохнул Элрой. — Это было непросто... впрочем, чего я? Хорошо, что никто не пострадал! Поздравляю, Джулия, поздравляю, Роберт! Добро пожаловать в Тчельпьюрю! Добро пожаловать на Тыньчж! Лучше нам не засиживаться! Те двое все еще на хвосте! Но ничего... Да-да, сюда, к двери! Ох, ее придавило!.. Роберт, помогите? Спасибо! Пришлось сесть не там, где планировал... но ничего! Тут же прямо можно запрыгнуть на монорельс, идущий как раз к нужной нам точке! Заодно по дороге покажу вам собственный дом, Администрацию — да, я недалеко от нее живу, здание суда, Зал заседаний... и тюрьму... если вы все это только успеете разглядеть, скорость движения будет большая... ну вот, наконец она открылась!.. Весь путь займет минуты две! Держитесь!



Бдэчж с неудовлетворением, и, может даже, зачатками сожаления смотрел не на последнего выступающего с трибуны докладчика, а на пустое место рядом с собой, которое предполагалось для Элроя.

Все-таки он предпочел превратиться в дурака. Повел себя именно так.

Весьма печально.

Впрочем, его полное право, и Бдэчж вовсе не запрещает ему дурачиться. Но только не с такими полномочиями, что есть у него сейчас.

Придется все-таки его сместить.

Жаль.

Все же место это, что бы там ни случилось в последний год, прекрасно ему подходило!

А кого теперь посадят? Эймчли? Кренджа? Пусть уж кого угодно, но только не Ойкльви!

Бдэчжа аж передернуло при мысли о таком соседстве.

Нет, они все — не то. Даже заключительную — самую любопытную по определению — часть доклада прочитать интересно не могут — вон, его отвлекают мысли о каком-то очкастом мальчишке.

В этот самый момент все вдруг отвлеклись подобными мыслями — о мальчишке! Даже сам Президент, собиравшийся уже уходить.

И было почему!

Зрелище небывалое и совершенно шокирующее!

Через толпу к сцене пытался протиснуться молодой человек совершенно несолидной на данный момент наружности — совсем обтрепанный и даже нечесаный! — но мало того! С ним были еще два совсем уж невообразимых существа! Не в пример ему нарядные, аккуратные и какие-то совершенно другие! Чересчур... яркие! Да, пожалуй! До безобразия яркие! Неужели они тоже люди?

— Стойте! Стойте! — взволнованно кричал оборванный. — Есть еще одно выступление! Подождите, пожалуйста! Пропустите же!

Былое сожаление Бдэджа давно уже испарилось, подогретое очередной вспышкой ярости.

Да как он посмел! Явиться в таком виде! И с этими двумя!..

Какой позор!

— Кто это? — спросил его тихо и довольно добродушно, что никак не подобало сложившейся ситуации, Президент, расположившийся рядом с ним.

Казалось, в нем не было ни капли возмущения, парень вызвал в нем живой интерес и любопытство.

Ну а что еще ждать от седого мягкого старичка, давно уже отошедшего от дел и насытившегося властью, каким был Президент?¹⁸⁸

— Это кто? Лучше бы вы спросили что, сэр! Это ходячее недоразумение! Понятия не имею, кто только допустил, чтобы оно вообще тут оказалось... позвольте отдать приказ схватить его — и тех двух тоже — у входа на сцену?

— Зачем? Не надо, он же хочет что-то сказать...

— Господин Президент, у нас нет времени на всех и каждого, вылазящих из толпы!

— По-моему, я его уже видел... сейчас вспомню... ну конечно! Что вы говорите, мистер Бдэдж? Может, вы еще не разглядели, что у него на носу? Нехорошо, мистер Бдэдж. Это же ваш непосредственный подчиненный! Это же мой Второй заместитель!

«Бывший», — отметил про себя с упором Бдэдж.

— У него сегодня очень странный вид, — задумчиво продолжал Президент. — Я вспоминаю нашу встречу в прошлом году, он тогда произвел на меня очень благоприятное впечатление... я бы его и не узнал, если б не его любимая штука на носу. Мистер Бдэдж, пока он бежит, мне следует задать вам вопрос: может, вы знаете, что же это такое? Мне всегда было неловко у него спросить...

— Куда как правильнее будет его этой штуки лишить, сэр, — рявкнул Бдэдж. — Правилами этикета, считаю должным вам напомнить, запрещается опаздывать на любые приемы. Тем более на Заседание высшего уровня.

— Но должностной инструкцией предполагается, что Второй заместитель Президента обязан произнести на Большом Заседании хотя бы одну речь. И, честно говоря, я не против предоставить ему эту возможность.

Бдэдж был очень зол. Старый дурак! Надеется, наверно, услышать что-нибудь забавное! Скучно ему, должно быть, — чем он целыми днями занимается?

— Как вам угодно, — пророкотал он сквозь зубы.

¹⁸⁸ Бдэдж вообще был о нем не самого высокого мнения. Он еще и на посту Первого заместителя ничем ответственным не занимался. Все перекладывал дела на других.

Элрой уже успел забраться на сцену, а также помочь подняться Джулии, и, пока поднимался Роберт, вежливо кивнуть¹⁸⁹ сидящим неподалеку от трибуны Президенту, Первому заместителю и остальным, не менее важным и высокопоставленным лицам.

Каждое из лиц этих лиц встречало его со своим выражением. Большей частью недоумения. Нескольким было интересно — в конце концов, таким они своего коллегу еще не видели! Только одно выражало ярость, но Элрой предпочел на него не смотреть.

— Элрой Макинтош, Второй заместитель Президента. Добрый вечер! И позвольте мне выразить благодарность за предоставленное мне право выйти на сцену и выступить со своей речью! — так начал он свое выступление. — Позвольте поблагодарить вас за внимание, которое вы согласились мне оказать!

С сожалением говорю я о собственном отсутствии на Заседании, а также об опоздании и своем совершенно не подобающем торжественному случаю внешнем виде. Прошу вашего прощения и искренне надеюсь, что это не помешает вам выслушать меня!

«Где же он был?» — спросите вы, и вопрос этот будет абсолютно естественен. Действительно, как можно было пропускать Большое Заседание?! Второй заместитель Президента обязан находиться на Заседании, так говорит нам должностная инструкция. И кто же в здравом уме захочет пропускать главное мероприятие пятилетия?

Я пропустил. Почему?

Считаю необходимым пояснить.

У меня нашлись дела важнее.

«Какая дерзость!» — наверно подумали вы сейчас.

Узнайте же обстоятельства!

Я летал на Землю. Земля — далекая планета Солнечной системы, о которой, к сожалению, почти никто из нас не знает.

Эти люди, находящиеся рядом со мной, — земляне. Я взял их с собой. Почему же они оказались тут?

Им угрожала опасность. Их хотели убить!

В очередной раз спрошу: почему?

И вот тут у меня уже не будет точного ответа.

Я могу лишь предполагать, что жизни их должны были послужить средством для достижения целей одного из наших должностных лиц, которых вы видите перед собой.

Послышался некоторый рокот. Людям не понравилось то, что они услышали. Президент покачал головой и что-то шепнул Бдэчжу.

Несомненно, если бы я попробовал сейчас посмотреть на происходящее с позиций этого человека, то цель его не показалась бы корыстной. Он, скорее всего, думал о том, что действия его приведут к лучшему подчинению со стороны сотрудников, а, значит, к улучшению порядка и в конечном итоге эффективности нашей работы. Работы Администрации, которая оказывает огромное влияние на все наше общество.

Но — взгляните на этих людей рядом со мной — разве стоят их жизни поставленной цели?

¹⁸⁹ Подобная официальность казалась сейчас очень забавной, так как была совершенно ни к месту и никак не соответствовала его внешнему виду.

Потому я посчитал своим долгом постараться их спасти.

Я собирался говорить сегодня о процентных ставках, о межпланетном курсе валют, о ситуации на рынке ценных бумаг, о будущих планах инъецирования, о возросшей доле прибыли в... одним словом, о том, о чем мы говорим всегда.

Но сложившиеся обстоятельства заставили меня изменить свои планы и именно потому, что мы всегда говорим об одном и том же и только об этом, я счел необходимым взять на себя ответственность и попробовать рассказать вам о другом. О том, о чем нам надо помнить в первую очередь, а мы забываем.

Почему?

И на этот вопрос у меня нет ответа.

Может быть, потому, что у нас не хватает времени. Мы вечно заняты невероятно важными делами. По крайней мере, такими они нам кажутся. Нам очень важно увидеть конкретный результат нашей деятельности.

Те же понятия и ценности, о которых мне хотелось бы сказать сегодня, нельзя так просто разглядеть. Нельзя так просто взять в руки. Нельзя измерить.

Нельзя измерить уровень сострадания. Нельзя определить процент доброты. Нельзя посчитать общее количество радости.

Но это вовсе не означает, что, если мы не можем их увидеть или облечь в количественный показатель, мы не сможем их испытать и ощутить.

Это не так!

Мы просто не хотим! Мы отвыкли!

Нам проще спокойно говорить о чем-нибудь конкретном и простом. Но обязательно сложными словами. Тогда нам будет казаться, что мы говорим о чем-то важном и существенном.

Полжизни я провел за этим.

Сегодня же мне хочется хотя бы попробовать рассказать о сложном — о внутреннем мире, об эмоциях, о мечтах, о том, что сложно засечь какими бы то ни было датчиками и приборами и перевести в количественные показатели, вроде штук или литров, — по возможности простыми словами. Иначе точно мы ничего не сможем понять.

Что такое мечты? Это то, чего нельзя потрогать... это наши мысли, желания, это то, к чему мы стремимся.

Именно об этом, о мечтах и эмоциях, об этих эфемерных понятиях говорила мисс Шеррилья Джонс, которой удалось тем не менее поймать чувства и мечты двух людей, стоящих рядом со мной, — вот в это самое изобретение, которое находится у меня в руке. И сейчас я собираюсь наглядно продемонстрировать вам их существование. Ведь мы разучились верить в то, что не видим, и это печально.

Элрой раскрыл шарик, точно так же, как когда-то раскрывала перед ним Шерри на выступлении.

Заточенные в шарике образы, казалось, все это время только и ждали, когда им позволят вырваться на свободу.

Роберт и Джулия не могли оторвать глаз от всех тех идей, которые раньше гуляли только по их головам, а теперь предстали перед ними прямо в воздухе. Они были совершенно очарованы. И не они одни.

— Позвольте посмотреть поближе, что там у вас! — попросил Президент.

— С удовольствием! — улыбнулся Элрой.

— Ну и что? Что такого? — рявкнул Бдэчж, сидевший рядом. — Подумаешь! Какой от этого толк? Эти ваши мечты и идеи никак на наши жизни не влияют. Они сейчас крутятся в воздухе — и ничего больше! Ну мечтали вы или не мечтали — все равно там же все и осталось...

— А вот это? — указал, казалось, совсем не слушавший Бдэчжа Президент. — Это вы? Он на вас похож. И штука у него на глазах такая же.

— Да, сэр. Он действительно похож на меня. Но, заметьте, таким его увидела вот эта прекрасная девушка. Она не была со мной знакома. И, тем не менее, получилось весьма похоже.

— Ну вот вам, мистер Бдэчж, вполне наглядное доказательство. Они все-таки могут иметь отношение к нашей жизни. Она угадала! Видите, как они похожи!

— Вас это так забавляет, господин Президент? Простое совпадение! — недовольно мотнул головой Бдэчж. — От того, что он похож вот на этого, ничего не изменится...

Элрой вернулся к трибуне.

— Один из героев мультфильма действительно получился похожим на меня, а значит имеет отношение к реальности, хотя создан был человеком, не знавшим тогда еще о моем существовании. И мистер Бдэчж действительно прав — это лишь случайное совпадение. Совпадение, заметное невооруженным взглядом.

Но неслучайно другое. То, что, правда, так сразу не всегда получается возможным заметить, при беглом поверхностном осмотре.

Неслучайно то, что произведения искусства имеют отношение к нашим жизням и являются отражением наших впечатлений от них, от внешнего мира.

Каждое настоящее произведение искусства, каждая мечта имеет свои идеи, которые многому могут нас научить. Направить нас, заставить о чем-то задуматься. Надо только их заметить. Даже то, что было создано давно, может не утратить своей значимости и сегодня. Потому что люди размышляют, мечтают и сочиняют истории о том, что их волновало. Люди вкладывают свою душу, свои чувства. И через свои фантазии делятся своими чувствами с нами.

Неправда, что людям сейчас нужны только деньги и вещи. Нам нужны впечатления, гораздо больше разнообразных впечатлений, чувств и переживаний, чем те, что может дать нам покупка вещей. И еще нам важно делиться собственными впечатлениями и переживаниями и принимать переживания других людей! Нам важно почувствовать, что кто-то, сочинивший вот этот рассказ или этот мультфильм, ощущал нечто подобное. Вещи же не умеют сопереживать и ничего такого нам никогда не дадут.

Таким образом, мы сможем лучше раскрывать себя и лучше понимать других, если только будем делиться мечтами. Лучше понимать чувства других, а не оставаться в собственной скорлупе. Иметь возможность взглянуть на мир другими глазами — глазами автора. Иметь возможность сравнить его видение с собственным.

Мы разучились понимать друг друга. Разучились сочувствовать. Разучились сострадать. Любить. Нашими действиями правят должностные инструкции, соображения эффективности, правила этикета и представления о приемлемых в каждой конкретной ситуации моделях поведения, разумные холодные основания. Я не говорю, что все это неправильно! Не говорю, что все это надо взять и отбросить! Но нельзя ограничиваться лишь этим.

Мистер Гектор Бдэчж — а это он приказал избавиться от авторов тех образов, что я вам только что продемонстрировал, — вот они, стоят рядом со мной! — наглядный пример и доказательство того, как плохо то, что мы не мечтаем и не уделяем внимание мечтам и выдумкам других. Как плохо, что в нашем обществе нет понятия об общечеловеческих ценностях, в первую очередь, о ценности человеческой жизни! Мистер Бдэчж не в состоянии поставить себя на место других, а потому не в состоянии сострадать. Он искренне стремится к общественному благу, но при этом не понимает, что же из себя само это понятие представляет, не понимает, к чему стоит стремиться, чтобы этого состояния достичь.

Он фанатично следует лишь одной абсолютной формуле, господствующей в нашем обществе: увеличить количественные показатели. И не остановится ни перед чем. Даже если придется заставить людей идти на жертвы. Или самому решить за них — даже не спросив — пожертвовать их жизнями. Но так нельзя! Нельзя руководствоваться одними лишь правилами и стандартами! Правила не всегда совершенны, и нелегко исходить в своих действиях только из них! Над правилами должны выше стоять человеческие чувства: любовь, милосердие, сострадание! Вот какие ценности должны определять наши действия, наше отношение к правилам и рекомендациям! Нельзя пренебрегать жизнями людей, пусть и других, непохожих на нас. Не может общественное благо достигаться подобными средствами! Может быть, если бы мистер Бдэчж уделял больше внимания художественной литературе, кино, искусству, он бы это понял. Может быть, они заложили бы в него эти понятия и научили лучше понимать других. Когда ты можешь поставить себя на место другого, ты вряд ли сможешь совершить зло по отношению к нему.

В данном случае сама установка кажется мне ошибочной. В моем понимании, количество полученной прибыли и приобретенных вещей и услуг — это еще не все, далеко не все, что нужно для счастья. Истинного счастья! Не этим должно оно измеряться! Настоящее счастье вообще вряд ли возможно измерить!

Правила абсолютны и каждому явлению дают определенную оценку, но многое в нашей жизни — очень многое — можно оценить только через наше отношение — так говорила Шеррилья. В том числе и понятие счастья — оно относительно и необязательно достигается лишь наличием определенных вещей!

Печально, когда материальный мир, вещи, определяют наши жизни и наше мироощущение — мы затерялись за вещами. Мы все очень похожи, имеем сходные убеждения и представления — такие, какие нам заложили еще в детстве, уверив, что они единственно правильные. Мы рассуждаем сходным образом о самых различных явлениях, одинаково на них реагируем, испытываем одни и те же эмоции в определенных ситуациях... даже на планете у нас практически все, что есть, одного и того же цвета! И только названия должностей, да вещи, которыми мы обладаем на данный момент времени, позволяют нам отличаться друг от друга! Так нам внушили!

Мы все заняты работой, думаем только о новых покупках и не умеем довольствоваться тем, что имеем. Ведь у нас, фактически, уже все, что нужно, для счастья, есть! Но мы этого не замечаем и мы уверены, что только растущий доход и все новые услуги и вещи помогут нам обрести счастье. Мы могли бы гораздо меньше времени работать — наши технологии это позволяют! — и гораздо больше времени уделять нашему духовному развитию, нашим увлечениям, нашим внутренним переживаниям.

Вы скажете, работа учит нас упорству и трудолюбию! Возможно, это так. Но кроме того, она учит нас выполнять бесполезный труд — ведь фактически, все эти постоянно появляющиеся нормы и стандарты, подправленные бланки, требования очередной сверки и контрольной перепроверки, — это все бесполезно и призвано только отвлечь нас от чего-то более важного. Подобное исполнение готовых инструкций отучает нас думать. Составлять собственное мнение. Мы начинаем придерживаться единых стандартов. Мы все принимаем на веру, мы даже не допускаем мысли, что все может быть как-нибудь иначе. У нас на это просто нет времени. Нам легче поверить и действовать так, как действуют все вокруг.

Нам говорят: потребление вещей и услуг делает нас счастливыми — и мы верим! Мы счастливы — по-настоящему или так нам только кажется, не знаю, — и это хорошо. Но это не единственный способ! У нас просто нет свободы выбора, ведь нам никто не сказал, что творческая реализация и мечты также могут принести счастье, возможно, даже большее! — и мы просто не знаем, что у нас есть выбор, мы добровольно от него отказываемся.

Вещи-вещи-вещи!

Может быть, мне не стоило бы сейчас переводить все на себя, но все-таки, как я думаю, я могу служить лучшим примером того, как сильно вещи управляют нашими жизнями.

Возможно, вам интересно будет узнать, что же за вещь расположена у меня на носу? Называется она очки, и сделали ее еще на Земле. Подправлены на Тынычже, все той же замечательной изобретательницей Шеррильей. Почти никто не знает о том, что именно благодаря этим очкам я получаю все свои знания, которые так необходимы мне в работе и жизни.

Мой начальник — мистер Бдэчж — всегда ценил меня в первую очередь именно за очки. Скорее, я был для него лишь приложением к ним, тем, кто позволял им во всей мере осуществлять собственные функции. Печальная правда заключается в том, что и сам я никогда не замечал себя за очками. Без них, как мне казалось, я обязательно стал бы посредственным и совершенно обыкновенным. И, к тому же, не смог бы сделать ничего полезного.

Наше отношение друг к другу — потребительское, утилитарное. Мы не испытываем никаких человеческих чувств при общении и оцениваем окружающих лишь с позиций того, насколько большую выгоду они смогут принести. Вот и весь наш подход. Все наши взаимоотношения.

Я сказал раньше, и вы все согласились с тем, что лишь вещи помогают нам заявить о собственной уникальности. Так вот, это неправда!

И без вещей мы остаемся уникальными!

Мы просто не хотим или не можем сразу заметить эти различия. В себе и в других. Потому что это требует времени, размышлений. И, кроме того, мы сами не даем ни себе, ни другим их увидеть, мы стараемся спрятать их за единообразным поведением, осуществляемым всегда по привитым нам моделям.

Сегодня, поговорив с земными людьми, я понял, что уникальным меня делают совсем не очки! Очки — лишь вещь и ничего больше. Земные люди, стоящие тут, перед вами, разглядели сами и помогли мне разглядеть собственные внутренние качества, позволяющие мне считать себя особенным. У меня есть определенный неповторимый набор этих качеств. И я действовал сегодня в ситуации, вышедшей за

рамки тех, на которые мы успели наложить правила. Я мог бы поступить как-нибудь иначе, но поступил именно так, как поступил. И мое поведение определили мои личные качества, мое мировоззрение, мои установки. Мои собственные качества. Другой бы, может быть, поступил несколько иначе. Или совсем по-иному. Это зависело бы именно от его личностных качеств.

И у каждого из нас есть такие качества! Просто мы не проявляем их никогда, потому что в наших жизнях не случается соответствующих ситуаций, выходящих за рамки привычного. Мы могли бы попробовать оспорить навязанные нам стандарты поведения и в привычных ситуациях, но мы никогда не решимся, даже если считаем правила бесполезными и мешающими нам раскрывать собственный потенциал.

Мы говорим заученную формулу: положено — значит только одно: положено.

Мы всеми силами пытаемся отказаться от того, что «выбьет» нас из стандарта. Ведь у нас это считается предосудительным. Плохо иметь собственное мнение, не соответствующее общепринятым представлениям! Плохо думать иначе. Плохо.

Так нам говорят!

Но вы когда-нибудь задумывались, почему?

Разве хорошо, что мы так относимся друг к другу, не замечая никакой разницы между одним человеком и другим? Разве хорошо, что мы стараемся все одновременно прийти к единому стандарту, но при этом отстоять собственную уникальность, и мучительно разрываемся между этими желаниями?

Нет, я так не думаю.

Нам говорят: мечты и выдумки ни к чему не ведут. И мы верим! Несколько минутами раньше я попытался доказать обратное, и ваше полное право согласиться со мной или не согласиться. Повторю же еще раз: произведения искусства, художественная литература, мультфильмы, кино — все, что сделано с душой, — заставляет нас задуматься о мире. Предлагает нам альтернативные точки зрения. Позволяет лучше понять себя и окружающих. И, наконец, вызывает наши собственные чувства. Мы переживаем различные эмоции, и жизни наши становятся полнее!

И это прекрасно!

Наши эмоции и переживания, формирующие отношение к жизни, — они делают нас уникальными!

Именно об этом говорила Шеррилья. Шерри! Почему всегда обязательно называть всех полными именами, даже если им это не нравится? Кто это сказал? Ведь я знаю, что она любит, когда ее называют Шерри. И я буду называть ее именно так!

И сейчас она находится в тюрьме.

За что?

Лишь за то, что попробовала поставить под сомнение общепринятые правила.

Разве это справедливо?! Она никому не насаждала собственную точку зрения! Она лишь выражала собственное мнение!

На мой взгляд, это весьма похвальное стремление! Она не побоялась!

В конце концов, кто все эти правила установил? У кого есть право указывать, что в жизни важно, а что нет?

Кто дал право ставить во главу угла именно эффективность? Кто сказал, что польза от дела определяется лишь количественными и измеримыми показателями, лишь тем, что дают нам результаты?

Мы ведь одержимы результатами и забываем о самом процессе!

На Земле помнят. Многие люди.

У них даже есть замечательный принцип: «Главное — не победа. Главное — участие». Порой мы получаем гораздо больше именно от участия, даже не добившись в итоге желанного. Может быть, иногда само участие может дать нам больше, чем поставленная, но не достигнутая цель? Вероятно, со временем мы смогли бы это осознать, если бы задумались еще раз о том, что произошло и что мы тогда предприняли.

Но мы считаем по-другому и руководствуемся более простыми критериями. Если мы не добились поставленной цели — значит, все произошедшее оценивается однозначно отрицательно и признается бесполезной тратой времени и сил. Так кто-то — мы даже не сможем сказать кто — установил.

Но вдруг он ошибся?

Я вовсе не утверждаю, что все наши правила бессмысленны, что все наши традиции, ценности, установки — все стоит отбросить! Ни в коем случае! Ценность личного контакта, например, кажется мне крайне важной составляющей наших жизней.

Но мы должны уметь относиться к правилам критически.

Каждый должен сам решать для себя, с чем он может согласиться, а с чем — нет.

В данном случае я никак не могу согласиться с утверждением о том, что мечтать — это лишь тратить время впустую. И даже если мы не сможем сразу добиться желанного, и все так и останется нереализованной мечтой. Все равно, мечтать, сочинять, переживать — вовсе не тратить время и силы напрасно! Все это помогает нам расти внутренне, углублять мир нашей души!

Если я смог вас убедить, если вас затронула моя речь, если вам небезразлична судьба окружающих людей, то смею просить вашего разрешения освободить Шерри!

Элрой остановился и перевел дух.

Люди молчали. Президент молчал.

Затем Элрой стали поступать в голову людские украдкой брошенные реплики. Часть из них представляла гневные слова в его адрес, кто-то не смог сказать ничего определенного... но были и такие... которые его поддерживали! Маловато... но они были!

— Мистер Макинтош, — подозвал его наконец к себе Президент, — в какой из тюрем находится Шерри? Если в ближайшей от нас, то, может быть, она успеет подойти к концу вашей речи?

Элрой не смог сдержать широкой искренней улыбки¹⁹⁰.

— Огромное вам человеческое спасибо, господин Президент!

Президент кивнул:

— Наши сотрудники быстро ее освободят.

— Смею ли я попросить о том, чтобы вы разрешили освободить ее вот этому человеку по имени Роберт Браун? Поверьте, он только об этом и мечтает!

— Раз уж мечтает, — добродушно улыбнулся Президент, — то я буду только рад, если поспособствую осуществлению мечты. Это весьма приятное ощущение.

— Благодарю, сэр!

Элрой быстро объяснил что-то Роберту по-английски, и тот бросился вниз, прямо в толпу, послушно расступавшуюся по мере его движения.

¹⁹⁰ Хотя этикетом положено было, чтобы улыбка была раза в два меньше имеющейся сейчас.

Рядом с Элроем осталась теперь только Джулия.

— Если вы согласны с моим утверждением о необходимости мечтаний, о том, что и они приносят огромную пользу, — продолжал Элрой, — то, пожалуй, имеет смысл спросить, как же нам научиться мечтать.

Это было главным вопросом, ответ на который искала Шерри. Ей казалось, что мы не умеем мечтать.

И это было ее ошибкой! Она неправильно поставила вопрос.

Она себя и всех нас недооценила.

Мы умеем мечтать. Всегда умели. Мы люди. Людям свойственно мечтать и представлять — так уж устроена наша голова.

Но мы не хотим.

И вопрос заключается именно в этом: почему мы не хотим мечтать?

На свете существует множество вещей, которые мы могли бы совершить, но не совершаем.

Мы могли бы задуматься о том, к чему ведет прожигание жизни на работе в стопках бумаги, но не задумываемся.

Мы могли бы попробовать развивать собственные таланты, но не пробуем.

Мы могли бы поразмыслить над существующими порядками, но не размышляем.

Мы могли бы мечтать, но не мечтаем.

Почему?

Почему же мы лишаем себя этого удовольствия — удовольствия мечтать? Удовольствия создавать, творить... по тем же самым причинам, по которым мы пытаемся избавиться от чувств, от эмоций, личных переживаний... почему?

Потому что правила ничего о них не говорят и не дают никаких установок.

И мы не можем решить, как же быть.

Потому что мечты не требуют никаких рациональных доводов, к которым мы так привыкли и без которых не мыслим своего существования... Хотя мечты тоже не берутся из ниоткуда, просто так! Они идут от наших личных переживаний, от того, что может нас волновать. Все наши чувства тогда мы хотим облачить в образы. Образами легче будет поделиться с остальными. Образы и становятся основой произведений искусства.

Но мы привыкли всеми силами держаться за правила и делать все по пунктам и инструкциям. Мы всеми силами пытаемся найти оправдания и объяснения нашим чувствам, нашим желаниям, идеям — хотя все это совершенно не нужно. Все это только мешает нам, создает лишние рамки для воображения. Наверно, поэтому мы начинаем ощущать себя загнанными и подавленными.

И в итоге предпочитаем избавляться от всех чувств вообще и просто не думать. Спасения мы ищем в работе и правилах — там думают за нас. И то, что сейчас можно назвать нашими «мечтами» — например, мечты о новых вещах, — навязывается нам извне, однако мы начинаем верить, что всегда этого желали.

Я же говорю о настоящих мечтах! О мечтах, появляющихся после глубокой внутренней переработки полученных разнообразных впечатлений из мира. Не только из рекламных сообщений и правил, изобилующих примитивными эмоциями, а именно из мира — полного противоречивых, непростых, но тем даже более интересных явлений и ситуаций!

Правда заключается в том, что все мы трусы. Мы боимся. Мы боимся мечтать, мы боимся переживать, чувствовать! Жить по-настоящему!

Мы боимся выразить свои настоящие — сложные и противоречивые — чувства, мы боимся, что над ними посмеются, нас не поймут. Мы боимся разочарования. Мы боимся, что мечты наши так и останутся мечтами, а потому ничего не принесут и в них не будет никакого толка. Боимся, что мы вложим в них себя без остатка, а затем они потеряются или наши чувства окажутся никому не нужны. Мы ощущаем себя очень неустойчиво и просто не желаем пробовать.

Мы боимся совершить ошибку.

И это неправильно!

Мы люди! Не автоматы, действующие лишь по составленным для них инструкциям и не знающие потому ни страхов, ни сомнений. Людям свойственно переживать, свойственно бояться. Людям свойственно, к сожалению, и ошибаться. Но все это делает нас живыми, все это и отличает нас от механизмов! И нельзя нам, людям, уподобляться автоматам!

У земных людей есть прекрасная привычка — мечтать! Мы тоже люди! И зачем же мы только отвыкаем от этой врожденной привычки?

Мало кто из вас помнит, что в детстве все мы мечтали о будущем, о том, чем будем заниматься и как сложится наша жизнь. Многие наши способности проявлялись еще в детстве. Но затем приходили правила, нам указывали, что мечты наши вовсе не нужны обществу, что все это было ошибкой, что мы были наивны и пора взрослеть, что мы должны выполнять то-то и то-то — и только это будет правильным. Почему же мы верим? Мы верим и отказываемся от прежних наших желаний. Мы принимаем те, что нам предлагают. И больше уже не хотим пробовать мечтать о чем-нибудь своем. Мы насильственно отучаем себя от нашей привычки. Мы просто уже не верим в собственные мечты.

Но это неправильно!

Наши мечты вовсе не бесполезны, если они приносят — хотя бы только нам, но все-таки приносят — радость! Если они приносят радость кому-то еще!

Непростительно жертвовать самым сокровенным, мечтами, в угоду установленным кем-то порядкам! А вдруг этот кто-то понятия не имеет, как много потом смогли бы принести миру наши прежние, истинные мечты, в которые нам всегда хотелось верить?

Шерри правильно тогда сказала: «Им не надо, но ведь тебе надо! И мне надо! А потом мы сами удивимся, когда узнаем, скольким еще это надо! Они и сами удивятся! Они просто пока еще не догадываются!»

Мы сами еще не догадываемся!

Светлые и добрые мечты не бывают бесполезны! Просто нам требуется это понять! Требуется время. Не сразу, возможно, удастся нам встретить людей, которым наши мечты окажутся действительно жизненно важны и необходимы, которые смогут разделить наши чувства и понять нас. Но всегда надо верить в такие встречи! Никогда не терять надежды!

Если мы не будем делиться впечатлениями и идеями, если мы будем продолжать прогонять их от себя, боясь, что никто нас не поймет, мы никогда не сможем узнать, а понял бы нас действительно хоть кто-нибудь! Никогда не сможем узнать, а принесли бы наши мечты пользу! Их ведь попросту не будет...

Мы можем мечтать и не должны бояться это делать!

Нам просто не хватает поддержки со стороны окружающих.

На самом деле не стоит бояться непонимания — и мы не будем, если только правильно к нему отнесемся! Это, как я думаю, будет лишь означать, что люди, нас не понимающие, другие. И это хорошо, что мы разные! Люди все не должны быть одинаковыми! Мы разные от природы! И не надо себя ломать и подстраиваться во всем под общепринятые правила! Не будет ничего страшного, если появятся разнообразные точки зрения! Мы люди! Мы сможем всегда договориться при необходимости! Мы сможем научиться уважать разнообразные взгляды, даже не совпадающие с нашими. Если только мы будем исходить из общечеловеческих ценностей, которые, как я считаю, должны быть привиты каждому из нас! Каждый из нас должен руководствоваться ими при составлении собственного мнения. Это то общее, что всегда будет у нас! А разнообразие деталей, частных случаев и конкретных ситуаций — это то, что сделает наши жизни интереснее.

И обязательно найдется кто-нибудь, похожий на нас, кто-нибудь, кто сможет разделить наше собственное мнение! И этот кто-то сможет стать нам другом, сможет нас понять! Надо верить в существование таких людей, и они обязательно придут!

Именно поэтому я говорю все это сейчас! Я верю, что найдутся люди, которые откликнутся на мои слова! Которые согласятся со мной!

Как верила эта прекрасная девушка с Земли по имени Джулия, стоящая рядом со мной, в то, что встретит людей, которым окажутся безразличны ее мечты. Я уверен, мультфильм, который она старательно придумывала несколько месяцев, окажется полезен всем нам! Она справилась! Ей осталась последняя сцена — и, не сомневаюсь, она справится и с ней. А я постараюсь поддержать ее, как смогу! — Элрой радостно взял ее руку в свою. Хотелось передать ей свое тепло.

Он давно уже поборол свой страх, который присутствовал в нем в начале выступления.

Джулия была рядом. Он держал ее руку в своей. Значит, на свете ничего нет страшного и невозможного!

— Все, что нам требуется, — это лишь понимание, человеческое участие и вера в собственные силы! Вера в собственные мечты и в их осуществление!

Еще кое-что, о чем мне хотелось бы сказать.

Не стоит бояться совершать ошибки! Если только мы действительно начнем подвергать сомнению некоторые из установок и инструкций поведения, показавшиеся нам бессмысленными или неправильными, то в нас неизбежно возникнет чувство неуверенности, вызванное необходимостью принимать решение. Собственное. Которое в итоге может оказаться ошибочным. Мистер Бдэчж утверждает, что подобная неуверенность и, возможно, возросшее после этого количество ошибок сделают нас несчастными.

И опять я не могу с этим согласиться! Если только мы научимся правильно относиться к ошибкам, извлекать из них уроки...

Ошибки неизбежны в нашей жизни, как бы печально это ни звучало! Главное их коварство состоит в том, что, совершая ошибку, мы никогда об этом не догадываемся. Мы понимаем, что ошибались, только потом! И даже знания не всегда помогают избежать ошибок! Далеко не всегда!

На свете есть такие ошибки, которые нельзя исправить. Например, никогда не получится вернуть к жизни погибшего. Поэтому, вне всяких сомнений, мы должны серьезно оценивать собственные действия и думать о последствиях, прежде чем что-то делать. Но нередко мы впадаем в другую крайность — и не делаем ничего. Нам кажется, что если мы ничего не будем делать, мы не ошибемся. Но это не так! Не является ли в таком случае наша пассивность и бездействие ошибкой? А как узнать, что получилось бы, если бы мы все-таки поступили по-другому?

Все это очень сложно, жизнь предлагает нам всегда множество вариантов, огромный выбор, как же узнать, как поступить, что следует сделать?

Я не знаю, что сказать, кроме как: надо верить в собственные силы, надо верить в себя! Надо пробовать и не бояться! Надо помнить, что в наших силах суметь исправить большинство ошибок! Потому что, действительно, большинство из них, к счастью, исправимо! И, если мы искренне раскаиваемся и желаем исправить случившееся, нам обязательно будут даны для этого возможности!

И нас обязательно простят! Мир давно бы уже не существовал, если бы люди не умели прощать друг друга!

Но как же только понять, что мы совершили ошибку?

Нередко мы всеми силами стараемся не замечать прошлые ошибки и тем самым продолжаем поддерживать то, что следовало бы исправить.

«Просто так сложилось», — говорим мы.

И боимся пробовать что-то менять! Нам кажется, что время прошло, что уже слишком поздно, что мы не справимся. И это будет лишь очередной ошибкой!

Исправлять ошибки никогда не поздно, пока мы живы! Никогда не поздно попросить прощения, пока еще есть время! Никогда не поздно попробовать исправить неправильное, даже если проще покажется подстроиться... уже за сам факт этих искренних попыток — пусть даже они и окажутся безрезультатными — можно будет испытать гордость!

Кроме того, нам обязательно будут даны шансы исправиться! Надо только не пропустить их! Заметить!

Исправленные ошибки многому могут нас научить в конечном итоге. Многому смогут научить и других. В первую очередь умению прощать.

И хотя, вне всяких сомнений, гораздо лучше будет, если ошибок удастся избежать, придется признать, что не всегда это оказывается возможным... нельзя же всегда все знать — дело тут не только в знаниях — и уметь предугадать — жизнь порой куда как сложнее наших прогнозов.

Элрой вздохнул.

— И, наконец, в завершение своего выступления мне хочется сделать важное заявление, касающееся собственно меня. Правда в том, что я почти десять с половиной лет жизни поддерживал ошибку и всеми силами не хотел ее замечать.

Мои очки — это ошибка. Не избавившись от них сразу, я только усугубил ситуацию и успел насвершать еще больше глупостей.

Хотя все это время я пытался убедить себя посредством логических умозаключений, что действую правильно!

Только недавно я наконец смог понять...

Я впал в заблуждение и пожертвовал нашей с Шерри дружбой — ведь мы были лучшими друзьями в детстве, — и собственными мечтами — ради достижения, как мне

казалось, более важных целей. Я сделал все возможное, чтобы прекратить всякий с ней контакт. При этом я разуверился в собственных силах, в возможностях, мои мечты показались мне ненужными... но все это время я был нужен ей! Как друг! Как тот, кто ее поддержит! Она часто вспоминала обо мне, а я предпочитал об этом не думать... мне всегда казалось, что Шерри сможет со всем справиться и сама, но, как я сейчас понимаю, каждому человеку нужна поддержка, нужно участие, общение, и даже если это все, что ты можешь дать, это на самом деле очень много и окажется гораздо ценнее, чем деньги, вещи, все материальное... Я же сделал выбор в пользу этого, в пользу неверных, как я сейчас понимаю, ценностей. Да, я смог добиться в итоге поставленных еще в детстве целей — создать ей условия для пребывания на Земле, ведь она оказалась там только из-за меня, по правде сказать, — но какой ценой!

И я никогда не узнаю теперь, а что было бы, если бы я попросил прощения еще тогда. Я мог бы все исправить, но не стал. Я, скажу это с горечью еще раз, разуверился в собственных силах. В собственных мечтах.

Хотя, может быть, мы смогли бы полететь на Землю и без этой жертвы... может быть, мы смогли бы справиться и без финансирования государства. Возможно, обстоятельства сложились бы иначе и мы сумели бы сказать обществу еще несколько лет назад то, что я говорю сейчас. Возможно, мистер Бдэж не пришел бы к власти — ведь это я помог ему... может быть, все было бы совершенно по-другому!.. может, и нет... кто знает, как все сложилось бы тогда?

Теперь я никогда этого не узнаю. Зато я точно знаю, что и тогда смог бы оказать поддержку Шерри. И, может быть, она оказалась бы для нее важнее, чем то, что я сделал в реально сложившейся ситуации...

Но ужаснее всего то, что я использовал эти очки неправильно. Все это время! Мне казалось, что я служу на благо общества, помогаю людям, и это приносило мне радость! На деле же — и сейчас я наконец будто прозрел! — я лишь создавал все условия для того, чтобы его члены так и продолжали пребывать в вечной суете и не имели бы времени задуматься о чем-то по-настоящему важном. Я сам служил насаждению неверных ценностей, исковеркавших мою жизнь! С этими очками я успевал гораздо больше — создавать гораздо больше новой работы и новых проблем! И ничего больше!

При этом мне казалось, что труд мой приносит всем пользу! Сейчас я вижу, насколько бесполезен он был.

Сегодня я задумался о многом том, о чем раньше забывал подумать. Поразительно, как только, обладая такими удивительными очками, мог я тратить все свое время на всякую ерунду! Они дают гораздо больше знаний, чем мне требуется... эти знания лишь отвлекают, но гораздо хуже то, что они не уберегают от всех ошибок! Наоборот, их количество может даже увеличиться! Правда заключается в том, что знания можно даже помимо собственной воли использовать во зло и этого даже не осознавать.

Это слишком рискованная вещь! И, главное, не нужная!

Я верю, что смогу справиться и без них! Пусть даже мне потребуется больше времени и усилий... Не страшно! Главное — то, что теперь я понял, к чему стоит стремиться! И даже без очков я смогу сделать что-то нужное, что-то важное! Собственными силами!

Они сыграли свою положительную роль сегодня и очень помогли мне за последние часы! И пусть так и закончится их существование, пока только они не попробовали ввести меня в очередное заблуждение...

Мне давно стоило это сделать. И я сделаю это сегодня!

Один человек не сможет изменить мир! Даже такой, как Шерри! Все зависит от всех нас, от каждого! Мир изменится в лучшую сторону, только если мы все не побоимся сначала хотя бы просто заметить, а затем попробовать исправить что-нибудь, что нам не нравится! Значительные исправления и даже совсем крошечные — все имеет значение!

Очень важно двигаться дальше! Не имеет смысла думать о том, кто виноват в тех ошибках, что присутствуют в наших жизнях сейчас, и почему все сложилось так, как сложилось. Не стоит без конца вспоминать о событиях прошлого и задавать лишь бессмысленный вопрос: «А если бы только я тогда..?»

Гораздо важнее понять, кто виноват в том, что ошибки прошлого до сих пор остались неисправленными.

В первую очередь мы сами.

Как будет дальше — зависит уже не от них, не от призраков прошлого, а от нас!

Если мы видим ошибки, мы должны пытаться их исправить! Мы можем и должны! Только так сможем мы сделать мир лучше!

В детстве я любил фотографировать бабочек, любил живую природу... Я мог бы стать исследователем, но не стал. Я боялся, что мое занятие окажется никому не нужно. Поэтому я стал тем, кем стал, надеясь, что это принесет всем больше проку. Теперь я вижу бесполезность совершенного труда. Я выбрал не тот путь... ошибся... И я уже никогда не смогу узнать, а что получилось бы, если бы я все-таки стал исследователем, как было бы тогда... а вдруг все-таки мое занятие оказалось бы полезнее, чем я когда-то про себя решил?... Очки не знают этого... И я никогда не узнаю... пока не попробую!

Элрой вдруг резко размахнулся и ударил очки со всей силы о трибуну! Треснувшие еще до этого стекла разлетелись теперь со звоном на множество кусочков. Но он не испытывал ни капли сожаления — лишь сладостное облегчение, будто с души его упал камень.

Сколько времени они тяготили его! И вот он наконец свободен!

Последнее, что он узнал от очков до того, как разбил, — это то, что Роберт с Шерри уже за углом. И он знал теперь наверняка, даже без очков, что наконец, уже совсем скоро, он сможет сделать то, что не мог сделать уже много лет. Дружески обнять ее и попросить прощения.

Эрл закончил свою речь перед собранием инвесторов и, оставив их в полном недоумении, выскочил на улицу.

Ему было некогда.

Необходимо было увидеть Джуди прямо сейчас! До ее отъезда! И как он только мог тогда отказаться провести несколько деньков на море вместе с ней?!

Безумец!

Необходимо попросить у нее прощения! До отъезда! Он успеет! И, если только будет возможность, купить билеты прямо на кассе — ну пусть только там останутся

еще билеты! Хотя бы один! Жаль все-таки, он теперь не может узнать... ну ничего, разберется на месте! — и отправиться вместе с ней.

Кроме того, хотелось сделать что-нибудь такое, что он давно уже не совершал. Что-нибудь бессмысленное, но милое и ярче выражающее его чувства!

Джуди живет в замечательном домике, полном цветов. Ее сестра — флорист. Конечно, сама она любит цветы не меньше...

Эрл засунул руки в карманы и обнаружил, что растерял после случившихся событий все свои сбережения. Карманы были пусты.

Зато прямо сейчас он пробежал мимо ромашкового поля.

Раньше ромашки казались ему слишком простыми. Но сегодня они вдруг показались ему куда как милее и интереснее, чем прежде.

В конце концов, за время путешествия он научился ценить любой источник красоты. Даже самый скромный. Ромашки несомненно красивее, чем ему когда-то казалось!

«Конечно, не самый дорогой подарок, — подумал Эрл, срывая несколько цветков, — зато от души! Джуди, вне всякого сомнения, разглядит, как они красивы! Она всегда это умела! Видеть хорошее! И даже во мне, хотя в последнее время я вел себя ужаснее некуда!..»

Его, правда, не покидало ощущение, что он что-то забыл, что-то упустил... уже у самой калитки ее дома он вдруг вспомнил.

«*Matricaria*! — вскрикнул он растерянно. — У нее же аллергия на *Matricaria*! Я сам так говорил... но, Господи, я не знаю, что это такое! Что это только такое?! Почему мне тогда нельзя было сказать простыми человеческими словами?..»

Вряд ли такое красивое название дали бы простой ромашке... наверно, у Джуди аллергия на что-нибудь посложнее.

Он в нерешительности мялся у калитки. Проверять в справочнике название времени уже не было — Джуди вот-вот уедет!

Бросать цветы на дороге тоже совсем не хотелось. Ему стало их жалко.

Пожалуй, ему все-таки стоит не побояться подарить их ей. Стоит попробовать!

Даже если вдруг у нее аллергия на ромашки, она ведь поймет, что он это не специально... ничего страшного один букетик не принесет... обидно, конечно, получится...

Эрл все еще неуверенно рассматривал цветы и не сразу заметил, что Джуди уже вышла на крыльцо.

Он замер на какое-то мгновение. А затем без всяких слов с глуповатой, но очень искренней улыбкой протянул ей свой букетик.

Джуди моментально отреагировала на него тихим скромным чихом.

Впрочем, весь ее вид выражал радость и удивление.

Давно уже Эрл не приходил к ней с цветами! Какая радость! Как она соскучилась по нему! Как переживала, когда он пустился один в экспедицию, не посоветовавшись толком ни с кем, даже с ней... Где же он только пропадал?

Сейчас он выглядит гораздо счастливее, чем перед отъездом. Гораздо взволнованнее, правда, тоже.

И ведь подумать только, раньше он ни разу не ошибался, что всегда казалось ей удивительным.

Сегодня он забыл, ошибся... ну и что?

Он и сам уже понял. И теперь точно запомнит и больше уже не станет дарить ей ромашки.

Главное — он рядом! Главное — он был искренен и делал этот подарок из лучших побуждений. Он попытался! Это лучше, чем если бы он ничего не попробовал! Он попытался сделать ей приятное!

А ошибки? Кто же их не совершает!

Джуди даже заметить не успела, когда же она его простила. Да и за что тут было обижаться? Эрл ведь действительно не мог помнить и знать все на свете...

КОНЕЦ

Эпилог



Не поверите, но Элрой продолжает, как ни в чем не бывало, работать в Администрации Президента, хотя прошло уже чуть больше года с того знаменательного Большого Заседания. Единственное — теперь должность его называется «Первый заместитель Президента».

И он до сих пор временами поправляет очки на носу. До сих пор временами сортирует служебные записки. До сих пор бегают по коридорам с папками, хотя, может быть, ему, как Первому заместителю, и стоило бы остепениться и посылать бегать Второго заместителя... он, тем не менее, время от времени бегают, как и прежде, сам.

Неужели ничего не изменилось?

Вот и ошиблись!

Хотя, конечно, не каждый согласится это признать, ведь не каждый захочет заметить... Элрой-то, являясь теперь ко всему прочему еще и Президентом восстановленного Клуба любителей Земли, точно знает: мир меняется. Только постепенно. Но определенно в лучшую сторону!

Откровенно сказать, все получилось неожиданно. И он даже не думал, что его оставят на посту.

Однако... никогда не угадаешь!

Сначала, конечно, многие не согласные с ним люди, ревностные блюстители абсолютно всех на свете правил и закоренелые консерваторы, к числу которых, к счастью, Президент Тыньжа не относился, потребовали отставки Элроя и, кроме того, в качестве бесплатного бонуса вынесли ему титул худшего Второго заместителя Президента за всю историю планеты. Президенту пришлось с ними считаться — тем более и сам Элрой, казалось, был вовсе не против.

Первые две с половиной недели, правда, он провел в больнице... все-таки он тогда порядочно обуглился и даже тыньжианским, казалось бы, всеильным, медикам

потребовалось время, чтобы его вылечить. Впрочем, выздоровел он гораздо быстрее, чем они предполагали.¹⁹¹

Получив отставку, а, значит, невероятное количество свободного времени, которого у него никогда раньше не бывало, он решил, что просто обязан отдохнуть — непозволительное ранее для него удовольствие — и, разумеется, лучшим отдыхом для него стал полет вместе с Джулией к Земле! За время службы, как вдруг выяснилось, он успел накопить достаточно средств для осуществления этой поездки.

Шерри, которой все же вынесли амнистию и которую оставили в покое, как раз перед самым его отлетом успела закончить второй переводчик — так что Элрой без труда смог понимать теперь Джулию.

Хотя, пожалуй, не так.

Джулию он понимал всегда. Теперь же он мог понять любого землянина. И, кстати, к делу также подключился Роберт и помог сконструировать для этой модели мини-синтропазатор, так что Элрой говорит с Джулией без всякого акцента. И очень быстро, конечно, ничто ему больше не мешает...

Элрой давно уже научился говорить «ты» и с удовольствием обращается к своим друзьям только так, как им самим нравится! Временами, правда, он все-таки смущается, если вдруг не знает ответа на вполне обычные вопросы, связанные с простыми фактическими знаниями, которые задают ему окружающие...

На Земле он познакомился с родителями Джулии и произвел на них самое благоприятное впечатление, так что в итоге они, кажется, были совсем не против отпустить Джулию на какое-то время погостить на Тыньчж (правда, они с Джулией медленно и аккуратно подводили их к подобному известию в течение недели...). Что же касается семьи Роберта, то они восприняли известие о пребывании его на далекой планете с олимпийским спокойствием.

«Неужели все его исследования могли закончиться как-то иначе? Все к тому и шло», — кажется, они им гордились.

Вернувшись через некоторое время домой, Элрой привез с собой много интересного! В том числе семена различных растений и даже несколько видов земных животных!

Найти свободное место за пределами города не составляло труда — поэтому очень скоро Элрой устроил там маленький «уголок Земли». Который он, кстати, просто обожает! И без усталости трудится, как может, над его улучшением.

Шерри с Робертом, которому Президент все-таки разрешил остаться на Тыньчже, как раз успели к возвращению Джулии и Элроя разработать первую модель очень важного прибора — удалителя джетчельнитина из атмосферы. Правда, прибор даже сейчас работает лишь на ограниченных пространственных участках, но Шерри с Робертом, все еще занятые в разработках, уверены: когда-нибудь они смогут создать прибор достаточной мощности, который позволит решить проблему и вернуть Тыньчжу все краски радуги.

Сами исследования приносят им небывалое удовольствие — они вот уже год ходят увлеченные и временами начинают делиться возникающими идеями даже за послеобеденным десертом!

¹⁹¹ Видно, он во всем был скор... хотя, возможно, дело скорее в том, что друзья навещали его каждый день все то время.

Конечно, это было бы легче сделать, если бы джетчельнитина в атмосферу стало поступать меньше. Пока, правда, этого вряд ли возможно добиться: многие фабрики продолжают работать так же, как работали раньше. И многие люди продолжают потреблять выпускаемую ими продукцию так же, как потребляли раньше.

Но!

Той версии удалителя, что имеется сейчас, вполне хватает на то, чтобы поддерживать «уголок Земли» Элроя. Поэтому в его уголке небо голубое! В его уголке растут пестрые земные цветы и летают разноцветные бабочки. И не только! Есть даже божьи коровки и черепахи. Не поверите, но почему-то на Тыньче никогда раньше не существовало черепах!

Элрой на досуге любит заниматься исследованиями. Он очень аккуратен. И пока еще не решился отправить земных животных и растения из искусственно воссозданной им среды обитания в естественную, тыньчианскую. Надо обязательно продумать, как их появление может отразиться на экологической ситуации.

Однако те экспериментальные данные, которые он уже смог получить, говорят о том, что интеграция должна пройти успешно.

Пока же все вокруг еще коричневое и достаточно блеклое.

Но ему и его друзьям хочется верить, что ненадолго!

Нашлись люди, которым оказалась небезразлична судьба Элроя после отставки. Узнав о его «земном уголке», они не побоялись потратить сил и приехать к нему! И, честно говоря, оно того стоило! Никто из посетителей пока не ушел разочарованным! Более того, голубое небо настолько поразило их воображение, что они стали настоятельно рекомендовать посетить Элроя всем своим коллегам и друзьям.

И любой, кто только пожелает, может навестить этот уголок! Все, что требуется, — лишь ненадолго покинуть город и отложить на чуть-чуть собственную работу.

Многие из таких людей стали приезжать регулярно и все больше интересоваться Землей.

И в один прекрасный день Шерри пришла к Элрою с предложением восстановить замечательный Клуб любителей Земли и занять почетную должность Президента.

С тех самых пор, как Клуб возродился, все пошло еще замечательнее. Сначала членов было немного... в первые два месяца их было четверо, в следующие полтора количество удвоилось, а теперь их уже почти в 50 раз больше, чем было когда-то в те далекие времена первого рождения Клуба, которые читатели этой книги смогли застать. За последнюю неделю, например, в Клуб вступило сразу 16 человек! Это очень много! И это не может не радовать как Президента, так и всех членов!

Где-то через два месяца после восстановления Клуба к его Президенту вдруг пришло неожиданное предложение вернуться в Администрацию. Причем, сразу в качестве Первого заместителя.

Впрочем, вряд ли это можно было считать неожиданностью.

Дело в том, что после отставки сразу двух самых видных членов Администрации — а именно, заместителей Президента¹⁹² — деятельность Администрации пришла в полнейший беспорядок. А все потому, что Бдэж и Макинтош на протяжении многих лет контролировали все процессы, происходящие в Администрации, и брали все важные решения на себя, приведя тем самым остальных ее членов в состояние

¹⁹² Ведь, разумеется, Бдэжа постигла та же участь, что и Элроя.

крайней апатии и лени. От них столько времени ничего не зависело! Им нужно было лишь выполнять указания, щедро сыплющиеся от заместителей Президента.

Многие из них на словах обещали со всем разобраться, но, стоило их посадить в кресла заместителей, демонстрировали полнейшую некомпетентность и неумение брать на себя ответственность, что для должностей такого уровня было непозволительно.

Так что, перепробовав кандидатуры всех желающих и убедившись в их полной несостоятельности, даже самые отъявленные консерваторы не могли больше противиться требованиям немногочисленных, но достаточно пламенных сторонников Элроя.

Элрой был доволен тем положением, в котором находился, но, вне всякого сомнения, в глубине души он все-таки скучал по ставшим за десять долгих лет родными коридорам и кабинетам. И даже по лестницам! По печатям... по картотекам... по ручкам...

И, подумав хорошенько и заручившись поддержкой друзей, он — не без радости — принял это предложение.

Вот поэтому мы снова можем видеть его в Администрации.

Но теперь он работает по-другому.

Во-первых, он не проводит на работе столько времени, сколько проводил когда-то. У него находится время и на другие, не менее важные для него занятия. Как так получается? Кое-какую бумажную работу и впрямь было решено перепоручить роботам. Так что появилось много больше свободного времени.

Во-вторых, он теперь не суетится и работает вдумчиво и основательно. Он знает, что все успеет, несмотря на то, что проектов у него действительно много! Дело в том — и тут стоит сказать «в-третьих» — что теперь он не взваливает всю работу на себя, а старается равномерно распределить ее между подчиненными. Правда в том, что, при должном человеческом отношении и при постепенном увеличении нагрузки и ответственности, они довольно быстро к ним привыкают и показывают весьма неплохие результаты. Им можно доверять. С ними можно советоваться. Самым разительным примером может служить Второй заместитель Президента! Ни за что не поверите, кто же это теперь! Может быть, вы уже успели угадать? Если вы сейчас подумали об Ойкльви, то оказались совершенно правы! Внезапно — и с чего бы только? Пожалуй, именно благодаря внимательному и доверительному отношению со стороны Элроя — в нем раскрылись совершенно потрясающие качества! Надежнее человека в Администрации теперь вряд ли сыскать!

То же и с остальными. С большинством, по крайней мере, — они становятся ответственные.

Такие временами творятся невероятные метаморфозы!

Жаль только, о судьбе Бдэджа сейчас почти ничего не известно. До Элроя, правда, доходили некоторые слухи о том, что тот устроился менеджером на фабрике кондитерских изделий и, возможно, получает даже какое-то удовольствие от собственной работы... хотя автор подозревает, что Бдэдж так и остался Бдэжем — только теперь срывает свое недовольство на фабричных автоматах. Право же, стоит порадоваться, что у них нет чувств.

Если вдруг вам покажется, что жизнь сложилась для него слишком хорошо после всех тех злобных приказов, что он успел отдать, и что ее остаток ему следовало бы

провести в тюрьме, то позвольте с вами не согласиться. Во-первых, он все-таки не совершил ничего противного тыньджианским законам, так что никаких формальных оснований для заключения не имелось, а, во-вторых, в тюрьме он бы ничего не узнал о тех изменениях, что стали намечаться. И никогда не смог бы понять... Или, по крайней мере, увидеть, что мир не разрушился с приходом нового.

Элрой продолжает раздавать указания по части производства, финансов и всего того, чем он занимался раньше. Но вдобавок он поручил нескольким отделам разработку новых законодательных проектов, а также реформ. И они занимают его сильнее всего.

Во-первых, он рассматривает просьбы некоторых производителей уменьшить количество выпускаемой продукции, ранее утвержденной по плану. Это как раз просьбы посетителей его «земного уголка». Элрой их удовлетворяет. Действительно, столько вещей и не требовалось Тыньджу никогда!

Во-вторых, это проект, обеспечивающий правовую защиту живых существ, населяющих неразвитые планеты. Чтобы никогда больше не случилось никаких недоразумений.

В-третьих, Элрой думает о том, как можно оказать этим неразвитым планетам материальную помощь и при этом не повлиять значительно на их развитие и не ввергнуть все в еще больший хаос. В частности, его очень волнует проблема голода на Земле.

В-четвертых, наконец, он уже успел ввести реформу инъектирования. Теперь семьи при желании имеют право от него отказаться. И послать детей обучаться у учителей — в первую очередь при помощи книг. Да-да, теперь в библиотеках гораздо больше посетителей, чем прежде, а книгопечатание снова набирает обороты!

Не так уж много родителей соглашались на книжное обучение для своих детей. Но перед инъектированием теперь обязательно предупреждают о последствиях. И снова автор забыл упомянуть о том, что отношение некоторых слоев населения к снам стало меняться и теперь они уже не считаются только лишь предосудительными!

В основном именно благодаря деятельности Клуба любителей Земли. А вы знали, что одним из первых его членов стал Президент Тыньджа? Это, несомненно, позволило привлечь к Клубу внимание большего количества людей. Но, разумеется, каждый вступал только по собственной воле.

Да и как можно было не вступить, если в Клубе очень интересно!

В частности, Роберт с Джулией всегда очень внимательно слушают о быте тыньджиан и с удовольствием рассказывают о земной жизни и традициях. И даже проводят мастер-классы!

Джулия обожает рассказывать о земных произведениях искусства, с удовольствием делится своими собственными идеями¹⁹³ и с не меньшим удовольствием слушает идеи остальных членов. Многие из них она находит просто очаровательными!

¹⁹³ А она теперь набирается впечатлений для совершенно нового мультфильма с совершенно другими героями. И очень решительно отказывается снимать продолжение существующей истории, которая, кстати, стала относительно популярной на Тыньже. По крайней мере, многие впервые приходят в Клуб именно после просмотра ее мультфильма. «Это законченная история, понимаете? Я хотела кое-что в ней сказать - и сказала», - не устает повторять она.

Шерри достала из архивов все свои комиксы, книги и фильмы, коих у нее оказалось совсем немало, так что регулярно все желающие могут приходить на демонстрации и показы. А кинозал у них ничуть не хуже тех, что есть на Земле!

Роберт учит нескольких ребят игре на гитаре.

И даже обещает взять еще нескольких желающих с собой на Землю во время следующей их с Шерри экспедиции, которую Элрой уже успел заложить в бюджет. Кроме того, к этой экспедиции он сам планирует взять отпуск — коллеги уже предупреждены и готовы — и отправиться всем вместе. Это будет непередаваемо здорово!

А пока они совершают в погожие выходные дни походы и изучают тыньчианскую природу. Она, может, и коричнева, но, если приглядеться, все равно очень интересна.

Ах да! Есть еще кое-что!

Элрой раз в две недели делится со всеми желающими мастерством оригами.

Жизнь его стала теперь необыкновенно насыщенной и разнообразной!

Тем не менее, он, как и раньше, испытывает особый восторг в присутствии Джулии. Для Роберта остается загадкой, как же ему не надоедает каждый день находить и заботливо вручать ей все нужные вещи в том творческом беспорядке, который она воссоздает снова и снова! Жаль, но у нее это получается всегда само собой, как бы ни старалась она достичь аккуратности.

Куда там! Создается ощущение, что раскладывание разбросанных ею вещей на положенные им места доставляет Элрою неземное удовольствие! А уж когда он слышит грохот, то начинает улыбаться заранее, в ожидании встречи с ней. И очень расстраивается, когда оказывается, что это только сквозняк, а вовсе не она... для него, кажется, это грохотание подобно музыке!

Чудной!

Да и она чудная!

Взяла и подарила ему вдруг очки! Зачем они ему?

Однако ей, видно, лучше знать... если припомнить, то он действительно несколько раз жаловался, что без тяжелых дужек у него стали болеть уши... наверно, это было достаточным для Джулии основанием. А, может, она заметила, как часто он в растерянности подносил руки к лицу — по привычке — и не находил там больше очков? Как бы там ни было, она подарила ему очки еще на День Рождения¹⁹⁴ во время их первой поездки на Землю. И не просто очки — ей удалось найти почти такие же, какие были у него раньше! И как ей это удалось?! Ведь его прежние были самыми что ни на есть старомодными! Очки, но без диоптрий — ведь у Элроя всегда было прекрасное зрение! — и это очень забавно, когда он их надевает... ведь в них нет смысла... а он все равно надевает их периодически, и если спросить, почему, говорит об ушах... но это его дело... ей, кажется, он нравится в равной степени в любом виде! Тем более теперь у него есть «поэтически растрепанная челка», в которой его хохолок чувствует себя очень комфортно.

Все-таки чудные эти двое!

Впрочем, Роберт с Шерри ничуть не лучше! Временами они занимаются полнейшей ерундой. Вот даже их шуточные соревнования, когда они специально проводят глупенькие, примитивные, но очень эффектные для простачков со стороны

¹⁹⁴ О котором она, разумеется, не забыла узнать заранее!

эксперименты! Такими простачками очень часто оказываются Элрой с Джулией, да и другие члены Клуба — у них же теперь много новых друзей!

Чей эксперимент или забавное изобретение, вроде утиног коммуникатора, поразит воображение зрителей сильнее? Или кто справится с одной и той же задачей быстрее? Или еще что-нибудь подобное. Шуточные, веселые вещи!

Не всегда же быть серьезными! Даже серьезным ученым... временами можно и поиграть.

Кстати сказать, не так давно Клуб праздновал еще один День Первого Выдуманного Сна, увиденного одним из его членов.

Это же очень важное событие в жизни каждого тынычжианина! И его обязательно надо отпраздновать как следует! И не забывать праздновать каждый год — как День Рождения или День Вступления в Должность.

Элрой с нетерпением ждет наступления первой годовщины своего собственного Дня Первого Выдуманного Сна!

Он уже почти год, как видит яркие цветные сны.

Это могло бы послужить одной из причин, чтобы он мог считать себя... да нет! Ему не нужно больше никаких причин! Он и без них знает, как он счастлив.